

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький

Последние
Пьеса в четырёх действиях
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Коломийцев.

Яков – его брат.

Софья – жена Ивана.

Александр – 26 лет.

Надежда – 23 года.

Любовь – 20 лет.

Пётр – 18 лет.

Вера – 16 лет.

Г-жа Соколова.

Лещ – муж Надежды.

Якорев – околоточный надзиратель.

Федосья – няня, очень старая, полуглухая.

Горничная.

Действие первое

Уютная комната; в левой стене – камин. У задней стены – ширмы, за ними видна односпальная кровать, покрытая красным одеялом, и узкая белая дверь. Большой книжный шкаф делит комнату на две части, правая больше левой. Шкаф обращён дверьми направо, спинка его завешена ковром, к ней прислонилось пианино; напротив – широкий тёмный диван и маленькое окно; в глубине этой комнаты дверь в столовую. Там светло. Если к пианино поставить стул – он закроет проход в столовую. У камина в глубоком кресле сидит Яков – седой, кудрявый, бритый, лицо мягкое, читает книгу. Сзади кресла на письменном столе высокая лампа под абажуром из зелёной бумаги. У стола, тоже в кресле, сидит Федосья, в руках у неё длинное серое вязанье, на коленях большой клубок шерсти, она всё время что-то бормочет. В столовой бесшумно ходит, накрывая стол к обеду, Горничная; там же Софья – она моложава, лицо бледное, глаза малоподвижны, всегда смотрят вдаль, пристально и тревожно. Яков мешает угли в камине, она прислушивается к шуму, медленно идёт в комнату Якова, за шкафом нерешительно останавливается.

Софья. Я не помешаю?

Яков. Конечно, нет! (Встречает её улыбкой.)

Софья. Мне казалось – ты занят...

Яков (снимая пенснэ). Чем?

Софья. Я хочу спросить тебя, – госпожа Соколова, мать того, который стрелял в Ивана, просит принять её, – как ты думаешь, принять?

Яков (нерешительно). Не знаю.. Как мать, она имеет право на твоё внимание.. хотя – зачем ей обращаться именно к тебе, а не к Ивану?

Федосья (тихо и не поднимая головы, бормочет). Ждём-пождём да опять пойдём..

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Софья. Ты веришь, что стрелял этот?

Яков. Видишь ли – я думаю, террористы не лгут, заявляя, что он не принадлежит к их партии...

Софья. Мне тоже кажется...

Яков. Ты что не сядешь?

Софья (опуская голову). Не хочется...

Яков. У тебя утомлённое лицо.

Софья (негромко). Когда я сажусь – меня одолевает слабость. (Тише.) Извини, но я снова принуждена просить у тебя денег.

Яков (торопливо, сконфуженный). В левом ящике стола – пожалуйста! Верхний ящик, не заперто...

Софья. Как это тяжело – обирать тебя...

Яков. Э, полно, Соня...

Федосья (бормочет). Бери, бери у него деньги-то! Умрёт скоро... куда ему!

(Из столовой идёт Любовь. Она горбата и – чтобы скрыть своё уродство – всегда носит на плечах шаль или плед. Теперь на ней большая жёлтая шаль. Остановилась у пианино.)

Софья (задумчиво). Переехали мы в твой дом, а тебя, больного, загнали куда-то в угол...

Яков (смущённо). Полно, Соня...

Софья. Я взяла сто...

(Любовь ставит к пианино стул и тихо играет.)

Яков. Послушай, я хочу предложить тебе...

Софья. Мне нужно идти, после обеда скажешь – хорошо? (Идёт.)

Яков (берёт книгу). Когда хочешь...

Федосья (тихо напевает на мотив колыбельной песни). Эх, Яшенька, Яша. Горька судьба наша... (Дальше слова непонятны, но всё время старуха бормочет, точно баюкая ребёнка.)

Софья (останавливается перед дочерью, не замечающей её, ждёт несколько секунд). Пусти меня, Люба.

Любовь. Я уже мешаю?

Софья. Но как же пройти?

Любовь. Мама, где я могла бы не мешать никому?

Софья (ставит ногу на диван и так обходит стул дочери). Ну, не злись...

Любовь (вскакивая). Ты прыгаешь, чтобы потом получить право упрекнуть меня за свой прыжок?

Софья (уходя, тихо). В чём, когда я упрекаю тебя...

(Любовь встаёт и входит в комнату Якова.)

Яков (тихо). Как ты легко раздражаешься...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Любовь (спокойно). Это все говорят. Все жалуются на меня, точно я зимний холод или осенний дождь...

Федосья (поёт). А вот пришла Люба... А чего ей надо...

Любовь (громко). Перестань, няня!

Федосья. Чего? (Чешет спицей голову и улыбается, глядя на Любовь.)

Яков. Ты преувеличиваешь, Люба...

Любовь. Холод и слякоть осени тоже нечто преувеличенное, ненужное, враждебное людям... Скажи, сколько мама взяла денег?

Яков. Сто рублей... А что тебе?

Любовь. Почему ты не хочешь дать сразу много, чтобы ей не просить часто? Ведь это унижительно – просить, разве ты не понимаешь?

Яков (смущён). Ах, боже мой! Конечно, понимаю. Я и хотел сейчас предложить ей...

Любовь (как бы напоминая). Ведь ты богат...

Яков (улыбаясь). Был. Алюминий разорил меня...

Любовь. Зачем тебе понадобился этот алюминий?

Яков (виновато). Я думал, видишь ли, что было бы хорошо, если бы люди получили красивый металл. Железо – тяжело и мрачно, медь – такая жирная всегда...

Любовь (вздыхнув). Какой ты смешной!

Федосья. О, господи, господи... помилуй нас, грешников...

Любовь. Ты часто ошибался?

Яков (усмехаясь). Необходимо, должно быть, чтобы иные люди делали ошибки...

Любовь (заглядывая ему в лицо). Я знаю одну твою ошибку.

Яков (беспокойно). Да?

Любовь. Ты должен был жениться на маме...

Яков (испуган). Люба!.. Это слишком сложно для тебя, пожалуй! Я не решился бы так говорить об этом на твоём месте.

Любовь. А где оно – моё место?

Яков (опуская голову). Странно ты говоришь, право...

Любовь (настойчиво). Почему я никогда не могу рассердить тебя? Я всех могу вывести из себя, а тебя – нет! Почему?

Яков. Бог мой, я не знаю...

Любовь. Маме было бы лучше с тобой, чем с отцом, который пьёт, играет...

Яков. Милая Люба, зачем ты так говоришь?

Любовь. Народил больных и глупых детей и вот оставил их теперь нищими на шею мамы...

Федосья (уловив слово «нищие», поёт). Нищая братия, богова забавушка...

Яков. Так нельзя говорить об отце! няня, молчи, пожалуйста!

Федосья. Ась?

Любовь. Почему? Мне не нравится быть дочерью человека, который приказывает убивать людей...

Яков (тоскливо). Как резко, Люба...

Любовь. И бегают, как трусы, когда в него стреляют за это...

Яков. Он старый, нездоровый человек, уставший...

Любовь. Разве болезнь оправдывает? Ведь он болен оттого, что много кутил.

Яков (неприятно поражённый). Откуда ты знаешь?

Любовь. Это говорит доктор Лещ. Он тебе нравится?

Яков (возится в кресле). Твои слова могут услышать...

Любовь. Доктор Лещ... Тюремный врач... Какая честь быть в родстве с таким... Ты что – хочешь в столовую?

Яков. Я не могу больше слушать...

Любовь (пожимая плечами). Сиди... Куда тебе с твоим сердцем! А-а, вот пришли любимчики... твои, мамыны, всего света.

Яков. Но ведь и твои...

Любовь (задумчиво). Любовь к жалкому – это, я думаю, нездоровая любовь...

Яков. Ты даже себе самой говоришь колкости!

Вера (из столовой, за нею Пётр). Дядя!

Федосья (громко). А вот мои последние... детки мои последние... (Перестаёт вязать и смотрит на всех с улыбкою на тёмном лице.)

Вера. С каким интересным человеком мы познакомились!

Яков. Это ты всё время катался на коньках, Пётр? Смотри, тебе вредно!

Пётр (задумчиво). Пустяки!

Вера. Понимаешь, к нам на улице привязались какие-то трое – наверное, из чёрных сотен...

Пётр. Три пьяных идиота – идут за нами и говорят гнусные вещи...

Вера. Я им крикнула: мы дети Коломийцева...

Любовь. На колени! Шапки долой...

(Пётр исподлобья смотрит на Любовь.)

Вера (Любови). Мы испугались, нужно же было сказать им, кто мы!..

Любовь (с улыбкой). А они, узнав это, начали ругаться ещё сильнее, да?

Пётр (подозрительно). Почему ты знаешь?

Вера. Да, Люба, это верно! Я не понимаю – как же? Ведь они должны уважать властей? Это революционеры обязаны не уважать, а они – почему?

Яков (поучительно, но мягко). В России никто никого не уважает...

Любовь. Что же дальше?

Вера. Вдруг навстречу нам идёт молодой человек, уже хотела ударить одного из них

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
коньками, того, который был ближе, но этот человек...

Пётр (усмехаясь). Верка действительно хотела драться...

Вера. Этот господин крикнул им – прочь! (Федосья чему-то беззвучно смеётся) Они зарычали и – на него! Вот было страшно! Тут он вынул револьвер... (Смеётся.) Как они побежали!

Федосья (вслушивается, смеётся). Ах вы, мои милые, ах, весёлые...

Пётр. Ломаными линиями, чтобы не попала пуля.

Любовь (негромко). Вот так же бежал отец, когда в него стреляли...

Вера. Что?

Любовь. Наверное, так же...

Пётр (строго). Зачем ты это сказала?

Любовь. Просто так...

Вера. Что такое она сказала?

Пётр. Ничего... Продолжай!

Вера. Он очень красивый...

Пётр (задумчиво). Хороший голос и такая простая речь...

Вера. Брюнет, с острой бородкой, – мечтательные глаза... Я думаю – он пишет стихи...

Любовь. А твой револьвер, Пётр?

Пётр (хмурясь). Не буду я таскать его с собой... Я не люблю таких вещей...

Вера. Он – трусишка!

Яков. Вот что, дети, давайте скроем от мамы этот случай, чтобы не волновать её...

Вера (разочарованно). Да? Я бы хотела рассказать и ей!

Яков. Потом, после – хорошо?

Вера. Да...

Пётр (задумчиво). Мы с ним долго гуляли... Мне хотелось пригласить его к нам...

Вера. Вот хорошо, Петька!

Любовь. Ты думаешь, он пришёл бы?

Пётр. А почему нет?

Надежда (входит). Зачем это все набились сюда? Они тебе мешают, дядя?

Яков. Нисколько! Ведь каждый день перед обедом все сходятся ко мне...

Надежда. Знаете, этот мерзавец, который стрелял в папу, заболел.

(Все смотрят на неё, становится тихо.)

Надежда. Муж говорит, что он не притворяется.

Пётр (беспокойно). Почему его так долго не судят?

Надежда. Он всё ещё не сознаётся...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Пётр. Мне кажется, что он где-то близко...

Вера. Что такое?

Любовь. Где же?

Пётр. Тут... за дверьми...

Надежда. Какой вздор!

Пётр. Стоит и ждёт, чтобы его простили...

Надежда. Не глуп, однако...

Софья (входит. Тревожно). Кто ждёт прощения?

Надежда. А этот, который стрелял в отца...

Софья (оглядывая всех). Кто это знает?

Яков (успокаивая). Это Пётр сказал, Соня! Ему кажется, что этот человек где-то около нас и ждёт, чтобы мы ему простили.

Софья (странным тоном). Революционеры считают себя правыми...

Любовь. Как все властолюбцы...

(Пётр незаметно уходит. Вере скучно, она стоит сзади кресла няньки, прикрепляя ей на голову бумажные цветы с абажура лампы. Любовь смотрит на всех из угла неподвижным взглядом. Надежда всё время охорашивается, тихонько напевая.)

Любовь (серьёзно, Вере). Цветы ей не идут.

Вера. Разве?

Софья. А где Александр? И Павел Дмитриевич?

Надежда. Муж только что пришёл, переодевается. Это он сказал, что убийца заболел...

Софья (тревожно). Заболел? Чем?

Надежда. Сходит с ума, кажется. (С иронией.) Тебе его жалко, мама?

Софья. Я не сказала этого...

Любовь (усмехаясь). Потому что боишься?

Надежда. Эта мама становится какой-то чудачкой!

Вера. Не обижайте её, а то она не купит мне новые коньки.

Любовь (матери). Скажи, ведь тебе его жалко?

Софья. Мне надоело всё это злое. Тюрьмы, суды, казни – противны.

Яков (вздыхая). С каждым днём их всё больше...

Надежда. Это необходимо, чтобы люди могли жить спокойно.

Любовь. Даже индусы перестают верить, что покой есть счастье...

Софья (неожиданно для всех). Террористы заявили, что он не участвовал в покушении.

(Все смотрят на неё. Любовь стоит, закрыв глаза книгой, и через неё смотрит на всех подстерегающими глазами.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Надежда (не сразу). Разве можно верить революционерам? Как это наивно, мама!

(Виновато улыбнувшись, Софья садится на стул и как бы вдруг стареет, мякнет, опускает голову.)

Александр (в столовой, кричит). Послушайте, эй! Почта была?

Надежда. На этажерке в гостиной лежит письмо тебе... Вера, иди причешись, ты ужасно растрёпана.

Вера. Ой, мне не хочется!

Надежда. Ну, не кривляйся. (ведёт её за собой.) Ты становишься небрежной; имей в виду, что мужчины терпеть этого не могут...

Вера. Господи! Опять мужчины! Маленькую меня пугали чертями, выросла – пугают мужчинами...

Яков (тихо). Что с тобой, Соня?

Софья (вздрагнув). А? Я задумалась...

Александр. Обед скоро?

Софьяда...сейчас...

Александр (идёт, насвистывая). Маленький митинг? Повопросу о финансах, или – внутренняя политика, а?

Любовь. Как это остроумно!

Александр. Как ты горбата!

Софья (укоряя). Александр!

Александр (не глядя на мать). Моп cher oncle [1], как здоровье ваших ножек?

Любовь (уходя в дверь за ширмой). Выгони его, мама!

Александр (прищуриваясь). Э? Что я слышал? Оскорбила и спряталась, точно жидёнок-революционер.

Софья (просит). В самом деле, Александр, иди в столовую.

Александр. Да, татап? Вы – командуете?

Софья (печально). На тебя неприятно смотреть...

Александр. Нет, что я слышу? Вы, татап, кажется, наконец, хотите заняться моим воспитанием?

Яков. Довольно, Александр! Как ты можешь?

Александр. Віен... [2] Я имею маленькое дело к тебе, дядя.

Софья. Он не даст денег.

Александр. Вы это знаете наверное?

Софья. Я просила его не давать.

Александр. Да, дядя? Она просила?

Яков. Конечно, если она говорит.

Александр (злится). Вот рыцарский ответ! «Конечно, если она говорит!» Я это запомню. Но – что же вы, дядя? Как вы отнеслись к её просьбе?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Яков (смущённо). Я? Я дал слово, что исполню её просьбу.

Александр. Весьма похвально!

Яков (мягко). Ты извини меня, Саша, но такая жизнь, как твоя... эти ночные кутежи...

Александр. Кто же устраивает кутежи днём?

Софья. Ты посмотри, какое у тебя лицо. И ты уже лысеешь...

Александр. Лицо энергичного человека, а лысина придаёт ему солидность. Я бледен, потому что утомлён ежедневными поисками куска хлеба... Мои родители произвели меня на свет, но не позаботились обеспечить средствами для приличной жизни...

Софья (тихо). Я прошу тебя перестать...

Александр. Почтенный папаша много брал взяток в городе, но мало в клубе за карточным столом...

Яков (тоскливо). Какой цинизм, Саша...

Софья (спокойно и убито). Ты понимаешь, что говоришь?

Александр. Вполне. И вот, благодаря неудачной игре отца, я оказался в полном проигрыше.

Яков. Ужасно, Александр, ужасно! Будь милосерден, уйди. За что ты мучаешь мать?

Александр. Сher one, двадцать пять рублей, и – я уйду!

Яков. Возьми, пожалуйста... на столе под прессом. Но – я спрашиваю – неужели тебе не жалко мать?

Александр (искренно). А кто пожалеет распутного молодого человека – кандидата в помощники полицейского пристава? Мне предстоит бить морды человеческие, брать взятки понемногу и – получить в живот пулю революционера... Как вам нравится эта блестящая карьера? (Насильственно смеясь, уходит.)

Яков (не сразу). Как он похож на своего отца!

Софья. Я не знаю, как надо говорить с ним, что сказать ему! Зачем ты дал ему денег? Он снова будет пить всю ночь.

Яков. Но что же делать? Надо же было, чтобы он ушёл!

Софья. Мы тебя ограбим, Яков... Зачем ты с нами?

Яков. Оставь, дорогая Соня. Я хочу быть полезен тебе и сумею, ты увидишь! Вот приедет Иван...

Софья. Твоих денег ненадолго хватит...

Яков. Но разве только деньги, Соня...

Софья. Нам ничего не нужно, кроме денег...

Федосья. Сонюшка, Андрюша-то Рязанов – жив ли?

Софья (громко). Умер, няня. Я тебе говорила.

Федосья (качая головой). Да, да... Застрелили его... да...

Софья (равнодушно). Это Бородулина застрелили...

Федосья. Да, помню, помню... Андрюша-то... тоже мой выкормок... Много их...

Софья (взглянув на старуху). Ты знаешь, что Рязанов сёк крестьян в её деревне... может быть, родственников своей няньки.

Яков. Почему ты говоришь об этом?

Софья. Не знаю... Так...

Федосья. Да... мно-ого!

Яков (тихо просит). Я хочу поговорить с тобой о Любе. Можно?

Софья (подозрительно). Что такое?

Яков. Мне кажется, она что-то чувствует... чего-то ищет...

Софья. Все теперь чего-то ищут.

Яков. С нею обращаются грубо...

Софья. Я?

Яков. О, нет, конечно! Ты только... менее внимательна с ней...

Софья. Она тоже нехорошо относится ко мне... Впрочем, она со всеми одинакова...

Яков (тихо, намекая). Кроме меня, Соня...

Софья (помолчав). Нет! Она не может знать! (С силою.) И – не должна знать, Яков! (Порывисто, тихо.) Я мучительно люблю это несчастное существо, я люблю... Но моя любовь – трусливое чувство виноватой; я боюсь, что вскроется моя вина перед нею, и – люблю её издали, смею подойти к ней, говорить с нею...

Яков. Это напрасно, Соня. Скажи ей, скажи...

Софья. Не могу...

Яков. Потом, не сейчас, но – скажи!.. Теперь ты слишком мрачно настроена... это проклятое, безумное время подавляет тебя...

Софья. Я тоже ищу. Я хочу понять, что мне делать? Ведь дети мои погибают, Яков! Я спрашиваю себя: где ты была до этой поры? Чем вооружила детей для страшной жизни?

Яков. Голубушка – спокойнее! Кто же знал...

Софья. Я спокойна – господи боже мой! Я всё думаю, думаю, но я – спокойна!

Яков. Нет, Соня! Это глупое покушение на жизнь Ивана и затем его отставка ошеломили тебя, ты растерялась – понятно! И к тому же дикий вой газет... они клеветают, сочиняют...

Софья. Ты говоришь по совести – они клеветают?

Яков (не глядя на неё). Они преувеличивают... Иван, конечно, не очень... он слишком...

Софья. Нет, будем правдивы. Мы знаем, что газеты не клеветают...

Яков. Ах, Соня... Это, должно быть, страшно трудно – остаться честным, имея пятерых детей...

Софья. Не говори так! Ты сам себе не веришь...

Яков (сконфужен). Всё против человека в нашем обществе, вот что я хотел сказать! Невозможно быть самим собой...

Софья (всё время ходит по комнате, сняла цветы с головы няньки, бросила их в угол). Человека, имеющего пятерых детей, мы знаем лучше газет. Нам известно, что этот человек кутила и развратник; он устроил игорный дом рядом с комнатами, где спали его дети. Какие женщины бывали у него! Он оскорблял свою жену непрерывно десять лет – сколько любовниц имел он! Разве не он развратил Александра? А

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
почему я не умела помешать этому? Он пьяный уронил Любу на пол, сделал её уродом – как я могла допустить? Поздно думать об этом? Поздно, да, я знаю...

Яков (качая головой). Как ты ошиблась однажды...

Софья. Я это знаю... Ты – мягок... да, с тобой было бы спокойнее жить... Ты честный человек. Мне было тридцать пять лет, когда я догадалась об этом, а Любе уж было десять. Десять лет я не думала о тебе... забыла про тебя и вспомнила в год, когда Иван, помещик, дворянин, – пошёл служить в полицию. Ты застрелился бы, но – не пошёл! И вот десять лет пытки и унижений и для меня и для него... Как он быстро развратился, прогнил... Когда в него стреляли – мне стало жалко его, я готова была простить ему всё, что можно... Но он вёл себя так унижительно, трусливо...

(Из столовой идёт доктор Лещ, человек средних лет, с большим жёлтым лицом. Он шагает осторожно, прислушивается, предупредительно кашляет.)

Лещ. Если помешал – приношу извинения! Вам сказала Надя о том, что подозреваемый в покушении заболел?

Софья. А зачем я должна знать это?

Лещ (поучительно). Человек этот не может быть безразличен для вас; странно вы говорите! Вы непосредственно заинтересованы в том, чтобы он понёс должное наказание, – как же иначе? (Считает пульс Якова, глядя в потолок.) Как спали?

Яков. Плохо.

Лещ. А сердце?

Яков. Замирает...

Софья. Он не сознаётся?

Лещ. Нет! Аппетит?

Яков. Плохой. Ванны меня ослабляют...

Лещ. Я это предвидел, разумеется.

Софья. Может быть, действительно не он стрелял?

Лещ. Не знаю. Меня это не касается. Ванны надо продолжать.

Федосья (улыбаясь). Доктор, полечил бы ты меня, а? Полечи-ка! (Тихонько смеётся, точно торжествуя.)

Лещ (солидно). Далее – Александр может получить должность помощника пристава, но это будет стоить пятьсот рублей.

Софья. Надо дать взятку?

Лещ. А как же? Разумеется.

Софья. У нас нет денег.

Лещ. Несомненно. Но я думаю, дядя Яков понимает насущную необходимость всей семьи...

Софья. У него тоже нет денег...

Лещ (пристально глядя на неё). Сенсационно. И – странный тон – как будто эту взятку требую у вас я сам!

Яков (торопливо). Это не совсем верно, Соня, я могу дать пятьсот...

Софья (зятю). Вам кажется, что Александр будет на месте в полиции?

Лещ. Я, как вам известно, человек правдивый, и скажу прямо: полиция – это

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
единственное учреждение, где ваш сын может служить. Я отношусь к нему отрицательно и не скрываю этого даже от него. Разумеется, в нём есть и добрые чувства, но в общем – это анархист, человек, лишённый внутренней дисциплины, существо с расшатанной волей... недоучившийся юнкер...

Софья. Когда вы осуждаете людей, вы говорите охотно, но ужасно длинно.

Лещ (любезно). Тут виновато обилие недостатков в людях...

Софья (Якову). Мне не хочется, чтобы Александр служил в полиции...

Яков (бормочет). Что же делать?..

Лещ. Не вижу, где бы он мог служить кроме, положительно не вижу. У него есть некоторая военная выправка, он был вольноопределяющимся, имеет какой-то чин. Я думаю, он будет недурным полицейским... для провинции, разумеется!

Яков (осторожно). Главное, Соня, он уйдёт из дома, и дети избавятся от его влияния... Ты позволь мне дать эти деньги...

Софья (пожимает плечами). Я не понимаю, что надо делать.

Яков. Деньги – кому?

Лещ. Я дал слово, что не назову имени лица, которое желает получить деньги.

Яков (смущённо). Конечно... понимаю...

Лещ. Не очень приятное поручение давать взятки... Что, скоро обед?

Софья. Идёмте. (Помогая Якову встать.) Вот я и продала сына...

Лещ (наставительно). Продавая – получают деньги...

Софья. На душе у меня – нехорошо...

Яков (тяжело двигая ногами). Что делать! Без взяток не работает машина нашей жизни...

Лещ (идя за ними). Без денег – невозможна личная независимость...

(Из столовой навстречу им идёт Надежда.)

Лещ. Ты что?

Надежда. На минуту, Павел... (Ведёт его назад в комнату Якова. Тихо.) Получил?

Лещ (недовольно). Как это неосторожно и некорректно... точно я спрячу эти деньги от тебя, фу!

Надежда (целуя его). Милый Пашка, не сердись! Пятьсот! да? А ты получишь – двести?

Лещ. Тише!

Надежда. И купишь мне крест из гранат, помнишь, ты обещал? Ты должен подарить мне этот крест: ведь план – мой!

Лещ. Я, разумеется, сдержу слово! Идём же! Там садятся за стол... Что за шум?

(Прислушиваются.)

Надежда (удивлённо). Приехал отец!

Лещ. Гм... неожиданно!

Иван (в столовой). Почему меня никто не встретил?

Иван. Но я послал вам телеграмму!

Софья. Не кричи...

Лещ. Подождём здесь, пока он остынет.

Надежда (вздыхая). Ах, этот комик папка!

Иван (в дверях столовой). Вы боитесь проехать по улице рядом с человеком, которого злодеи осудили на смерть, хотя человек этот ваш отец, да?

Софья. Садись, ешь, Иван...

Иван (идёт в комнату Якова). Я не хочу ваших объедков! Надежда, почему меня никто не встретил?

Надежда. Мы не знали!

Иван. Неправда! А, господа! Я понимаю вас! С того дня, как я не служу, – цена мне упала в ваших глазах...

Лещ. Вы бы поздоровались прежде...

Иван. Что? Здравствуйте...

Лещ. Преступник, который...

Иван. Который поднял безумную руку на меня, – что он?

Лещ. Заболел острым расстройством нервов...

Иван. Это его не оправдает, нет, шалишь!

Лещ. Ну, да, но его нельзя судить...

Иван. Почему? (Он опускается на диван. В дверях столовой стоят Пётр, Вера, Софья, потом Александр. Из двери за ширмами в комнату Якова входит Любовь, останавливается у кресла няни, задумчиво гладит рукой её щёку, старуха что-то бормочет, тихонько смеётся, кивая головой. Лещ и Надежда около Ивана. В столовой – горничная.) Это поразительно! За то, что я не позволил застрелить себя – меня бесчестят газеты и даже принуждают уйти со службы... а извергам, убийцам – мирволят, потому что у них, видите ли, слабые нервы! И называют это – конституцией! Как жить, спрашиваю я вас, как жить?

Софья (уходя в столовую). Садитесь за стол!

Иван. Разве пойдёт мне кусок в горло!

Александр. А ты выпей водки, и он пойдёт.

Иван. Почему ты не встретил меня на вокзале?

Александр. Ну, брось это!

Иван (почти искренно). Нет, мне обидно... Разве я не заслужил вашего внимания, дети, а?

Яков (из столовой). Да перестань же, Иван...

Любовь (подходит к отцу, холодно). Вы скоро кончите эту жалкую сцену?

Иван (встаёт). Жалкую? (ко всем.) Так она говорит об отце своём, который на службе престолу и порядку...

Любовь (спокойно). Пропустите меня, я хочу есть...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Иван. Чей хлеб ты идёшь есть, горбатая дрянь?

Яков (кричит). Иван! Ах, боже мой...

Любовь (спокойно, громко). Я буду есть хлеб вашего брата.

Софья. Иван, ты бы постыдился хоть горничной...

Иван (оглядываясь). Как? Что такое?

Любовь. Вы не смеете говорить мне грубости...

Иван (растерянно оглядываясь). Это – это новость...

Яков (поддерживаемый под руку Петром, взволнованный, тихо). Что вы? Вы с ума сошли! Иван!.. Иди... иди!

Иван (уходя). Я не буду есть, если она сядет за один стол со мной...

(Все идут за ним; Яков, Пётр и Любовь остаются одни.)

Яков (тихо). Что с тобой, Люба?

Любовь (тихо). А как ты думаешь? (Под её взглядом он наклоняет голову. Пётр подозрительно смотрит на них.)

Иван (в столовой, горестно). Откуда мог явиться в моей семье этот злой дух вражды?

Александр. Твоё здоровье, папа!

(Яков и Пётр молча идут к столу. Любовь осталась одна, оглядывается, кутаясь в свою шаль.)

Федосья (наклоняясь в кресле, смотрит на неё с улыбкой, манит к себе и шепчет). Поди сюда, Любушка, поди сюда... Что он кричит, воевало-то наш?

Лещ (в столовой). С приездом... и за осуществление всех желаний нашей тесной семьи!

Занавес

Действие второе

Часть столовой – скучный угол со старинными часами на стене. Солидный буфет и большой стол, уходящий наполовину за пределы сцены. Широкая арка, занавешенная тёмной драпировкой, отделяет столовую от гостиной; гостиная глубже столовой, тесно заставлена старой мебелью. В правом углу горит небольшая электрическая лампа; под нею на кушетке Вера с книгой в руках. Между стульев ходит Пётр, точно ищет чего-то. В глубине у окна Любовь, она встала коленями на стул, держится за спинку и смотрит в окно.

Пётр (тихо, упрямо). Мне нужно знать правду...

Любовь (оборачиваясь к нему). Ты не рассказывай маме о твоей ссоре.

Пётр (подозрительно). Почему?

Вера (с досадой). Как ты мне мешаешь, Петька!

Любовь. Зачем волновать её?

Пётр (упрямо). А если он был прав, Максимов-то?

Вера (горячо, упрекая). Как тебе не стыдно, Пётр! Ты не смеешь думать о папе скверно!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Пётр (задумчиво). Молчи, Верка, ты глупая...

Вера. А ты – зазнаёшься...

Пётр (настойчиво). Почему ты не отвечаешь, Любовь?

Вера. Познакомился с интересным человеком и задираешь нос...

Любовь (сходит со стула). Что я тебе отвечу!

Пётр. Ты старшая, ты должна знать... Он кричал, что папа взяточник и трус, и...

Вера (вскакивая). Не смей повторять при мне эти гнусности, а то я скажу маме...

Пётр (пытливо смотрит на неё). Иди, скажи! Ну?

Вера (бежит). И пойду! Думаешь – нет?

Любовь (обеспокоена). Вера, не надо! Это – плохо, Пётр!

Пётр. Да, плохо, когда про отца так говорят... Любовь, правда, что он приказал избить арестованных и двое умерли? И что этого не нужно было делать?... Правда?

Любовь (не вдруг). Послушай, Пётр, я не уверена, что нужно говорить правду...

Пётр. Мне?

Любовь. Всем здесь...

Пётр. Почему?

Любовь. Мне кажется – это бесполезно.

Пётр (недоверчиво). Правда – бесполезна! Не понимаю...

Любовь. Если ты станешь сеять хлеб на болоте – разве он созреет?

Пётр (подумав, обиженно). Ага, ты считаешь меня ничтожеством, да? Ты – злая, ты злишься на весь мир за свой горб...

Любовь (усмехаясь). Если бы тебе сказал правду красивый человек красивыми словами – ты, может быть, поверил бы ему, а мне ты не поверишь – я горбата. Кассандра, наверное, была уродом, вот почему ей не поверили...

Пётр (вдумчиво). Не путай, это не нужно мне. Все равно я узнаю. (Помолчав, печально.) И прости меня... мне – нехорошо... я тоже злюсь...

Любовь (тихо). Тебя – жалко.

Пётр (угрюмо). Но я... не хочу лгать – мне, кажется, никого не жалко! (Идёт.)

Любовь (серьёзно). Ты думаешь, молчание ложь?

Пётр. А что же? Конечно – ложь.

(Любовь стоит среди комнаты, лицо у неё суровое, брови нахмурены. По столовой идёт Надежда в капоте, с распущенными волосами.)

Надежда. Верка здесь? Вот дрянь девчонка – растаскала все мои шпильки. Что это у тебя такое свиное лицо?

Любовь. Да?

Надежда. Мне страшно подумать, что будет из этой Верки! По-моему, она опасная девочка, так своенравна. Не понимаю, чего смотрит мама. И ты тоже становишься какой-то ненормальной. Впрочем, ты всегда такая была. Ты ничего не делаешь, это вредно! Вот помогала бы маме следить за Верой, право, это нужно...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Любовь. Отец лёг спать?

Надежда. Как всегда. А я начала одеваться на вечер к прокурору, да рано ещё.

Любовь (улыбаясь, осматривает её). Тебе не скучно жить, Надя?

Надежда. Н-но! С таким красивым телом, как моё? Скучают только ненормальные люди.

Любовь. Это говорит твой Лещ?

Надежда. У меня есть свой язык.

Любовь. А – мысли?

Надежда. Не трудись напрасно, меня не уколешь... Ага, вот Верка! Ну, я ей покажу, как хватать чужие вещи.

(Надежда быстро уходит. Из двери справа идёт Федосья.)

Федосья. Любушка, милая! Александр, озорник, вязанье у меня спрятал куда-то, – поискала бы ты...

Любовь (берёт с дивана вязанье и даёт няньке). Вот оно.

Федосья. Ишь, бездельник. Нянчила, гадала – богатырь растёт, вынянчила – миру захребетника... Вот так-то и все мы, няньки. Ещё ладно, когда дурака вынянчишь, а то всё жулики.

Любовь (усмехаясь). Это верно, няня, не удались тебе питомцы... не удались.

Федосья. Ась? (Оглядывается, садится у стола, распутывая своё вязанье, и, как всегда, что-то шепчет. По столовой, разговаривая, проходят Пётр и Софья, потом Софья садится на кушетку, Пётр на пол, к её ногам. Затем вбегает Вера, садится рядом с матерью, поправляя растрёпанную причёску.)

Пётр (задумчиво). Мы пили чай, и он говорил, что настанет время, когда люди будут летать по воздуху так же легко и просто, как теперь ездят на велосипедах...

Софья. А о политике вы с ним не говорили?

Пётр. И о политике. Он обо всём говорит удивительно интересно.

Софья (настойчиво). А что он говорил о политике?

Любовь (иронически). Эх, мама, мама! Жена полицеймейстера.

Пётр (вспоминая). Я позабыл... Это тоже было хорошо. У него такие умные глаза. Но, мне кажется, он не жалеет людей – он сказал: погибнут сотни сильных, тысячи слабых...

Софья (тревожно). Отчего – погибнут?

Пётр (улыбаясь). Не помню... или, скорее, не понял я...

Софья (осторожно). Тебе не кажется, что он – революционер?

Пётр (протестуя). Нет, мама, что ты!

Софья (вздыхнув). Они хитрые, Петя...

Вера (матери). Ты поругала Петьку?

Софья (торопливо). Да, да... Ну, рассказывай...

Пётр. Потом пришла барышня, Наталья Михайловна, и стала говорить о книгах...

Вера (ласкаясь). Мама,пусти меня к нему! Ведь вот у него бывают барышни...

Софья. Это неудобно. Я не знаю его.

Любовь. А ты находишь удобным для Веры знакомство с Якоревым?

Софья. Якорева знает отец...

Любовь. Разве это делает его приличнее?

Софья. Подожди, Люба... (Пётру.) Он знает, что ты сын Коломийцева?

Пётр (не сразу). Ну, конечно! (Встаёт, отходит прочь, сердито бормочет.) Сын Коломийцева... Ты говоришь об этом, как о заразной болезни...

Вера. Слышишь, мама? Вот дрянь Петька!.. Мама, пригласи его к нам, хорошо?

Софья. Я подумаю.

Вера. Ах, господи, у нас так скучно! Ходят одни полицейские, притворяются военными...

(Иван вошёл в столовую, заложил руки за спину, посмотрел на часы и погрозил им пальцем. Открыл буфет, налил вина, выпил, покачал головой и, расправляя усы, заглянул в гостиную.)

Федосья. Софьюшка, ты бы женила Александра-то! Верочке замуж пора... Детей-то сколько будет, а? (Беззвучно смеётся.)

(Пётр остановился перед ней, смотрит хмуро.)

Иван. Тут есть кто-нибудь?

Софья. Дети.

Иван. А ты?

Софья. Что я?

Иван. Ты с ними?

Софья. Ну да...

Иван. Так ты должна была сказать: я и дети. Почему так темно? Вы знаете, что я люблю свет, огонь!

Федосья (бормочет). В поле выехали, горе выманили, а огнём его печь, востры саблями сечь...

(Пётр зажигает все лампы; Софья смотрит печально, Вера робко, Любовь насмешливо.)

Иван (медленно шагает по комнате и важно жестикулирует). Вынужденное безделье утомляет того, кто привык видеть вокруг себя людей, занятых серьёзным государственным делом. Ты почему не учишь уроки, Пётр?

Пётр (внимательно рассматривая отца). Я уже кончил.

Иван. Вероятно, врёшь. А завтра тебя, как болвана, оставят без обеда в классе, и отец будет страдать от стыда. Меня удивляет, как вы живёте, – никто ничего не делает.

Любовь. Научи нас работать.

Иван. Х-хе! Работать! Что ты можешь?

Любовь (спокойно). Я недурно рисую и могла бы, например, делать фальшивые деньги.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Иван (шагает к ней). Я тебя... (встречая её взгляд, кончает мягче) прошу выйти!
Пётр и Вера – тоже марш! Мне нужно поговорить с матерью.

(Вера и Пётр уходят быстро; Любовь идёт медленно, в столовой конец её шали зацепился за стул, она останавливается. Федосья поднимает голову, смотрит на Ивана, он замечает её.)

Иван. А эта старая сова зачем здесь торчит? Ей в богадельню пора, я говорю!

Софья. Оставь, Иван...

Иван (громко). Нянька – уйди! Слышишь?

Федосья (поднимаясь). Слышу, чай... Не из дерева сделана... (Идёт в столовую.)

Иван. Вот что, Софья, я решил заняться благоустройством дома...

Софья. Чужого.

Иван (строго). Это дом моего брата! А когда Яков умрёт – дом будет мой. Не перебивай меня глупостями. Итак, мне, я вижу, необходимо лично заняться благоустройством дома и судьбою детей. Когда я служил, я не замечал, как отвратительно они воспитаны тобой, теперь я имею время исправить это и сразу принимаюсь за дело. (Подумав.) Прежде всего, нужно в моей комнате забить окно на улицу и прорезать дверь в коридор. Затем, Любовь должна работать, – замуж она, конечно, не выйдет – кто возьмёт уroda, да ещё злого!

(Любовь уже распутала шаль; при словах Ивана о ней, она делает движение, видимо, хочет идти в гостиную, тихий голос матери останавливает её.)

Софья. Не забывай, по чьей вине она горбата...

Иван (негромко). Я помню, помню-с! Вы двадцать тысяч раз упрекали меня этим. (Тише.) Ты, может быть, сказала ей, и потому она так злится на меня? Сказала?

Софья (озлобляясь). Нет, я не говорила... я не знаю – нечаянно ты уронил её или бросил нарочно, из ревности. Но нянька... она видела, знает.

Иван (грозит). Раз и навсегда – молчать об этом! Я не знаю, кто уронил её.

Софья. Ты, – пьяный.

Иван (тихо, наклоняясь к ней). А почему не ты? Как ты докажешь, что не ты? Ага! Ты не бывала пьяной? И прошу не забывать: я не уверен, что Любовь моя дочь, а не племянница.

Софья (в лицо ему). И потому ты бросил её тогда, да?

Иван. Молчать!

Софья. Какое ты имеешь право говорить о моей неверности?... У тебя были десятки связей...

Иван. Право? Я – мужчина! Я мог – вот моё право! Я – хотел!

Софья. А я? Я не могла?

Иван. А ты – не смела! Но... будет! Любовь должна работать, сказал я, пусть она возьмёт место учительницы где-нибудь в селе. Дома ей нечего делать, и она может дурно влиять на Веру, Петра... Дальше. Ковалёв не прочь жениться на Вере, но говорит, что ему нужно пять тысяч.

Софья (испуганно). Ковалёв? Развратный и больной?

Иван. А где я тебе возьму здорового и нравственного зятя? Ты нашла мужа Надежде? Она сама нашла его. А Верка не может, глупа. Но она слишком бойка. Ковалёв энергичный малый, он скоро будет помощником полицеймейстера или исправником... Ты должна убедить Якова, чтобы он дал эти пять тысяч... и нам, на расходы по свадьбе...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(С усмешкой.) Он не может отказать тебе... (Тревожно.) Ты что... что ты так
смотришь? Что такое?

Софья (тихо). Потемнело в глазах...

Иван (успокаиваясь). Лечись!

Софья (испуганно, тоскливо). Я не вижу...

Иван (с досадой). Говорю – лечись! Ведь доктор – свой.

Софья (тихо, оправляясь). Господи... как страшно...

Иван (оглядываясь, угрюмо). У меня тоже темнеет в глазах, когда я выхожу на
улицу. Ведь бомбисты убивают и отставных, им всё равно... это звери! (Вдруг
говорит мягко и искренно.) Послушай, Соня, разве я злой человек?

Софья (не вдруг). Не знаю...

Иван (усмехаясь). Прожив со мною двадцать семь лет?

Софья. Теперь всё изменилось, стало непонятно и угрожает. О тебе говорят ужасно...
Ты хуже, чем злой.

Иван (презрительно). Газеты! Чёрт с ними...

Софья. И люди. Газеты читают люди... (Тоскливо.) Зачем ты приказал бить
арестованных?

Иван (тихо). Неправда! Их били до ареста... они сопротивлялись...

Софья. И дорогой в тюрьму – били!

Иван. Они сопротивлялись, пели песни! Они не слушали меня. Ты же знаешь, я
горяч, я не терплю противоречия... Ведь это буйные, распущенные люди, враги царя и
порядка... Их вешают, ссылают на каторгу. Почему же нельзя... нужно было заставить
их молчать.

Софья. Двое убиты... двое...

Иван. Что значит двое? Это слабые, истощённые безработицей люди, их можно
убивать щелчками в лоб... Солдаты были раздражены... (Замолчал, развёл руками,
говорит искренно.) Ну, да, конечно, я отчасти виноват... но – живёшь в постоянном
раздражении... Другие делают более жестокие вещи, чем я, однако в них не стреляют.

Софья. Мы говорим не то, что нужно... нужно о детях говорить в это страшное время...
ведь оно губит больше всего детей. Те, двое убитых, тоже были ещё мальчики...

Иван (пожимая плечами). При чём тут дети?

Софья. А если они осудят?

Иван (возмущён). Они? Они мне судьи? Дети, кровь моя? Чёрт знает, что ты
говоришь! Как же они смеют упрекнуть отца, который ради них пошёл служить в
полицию? Ради них потерял... очень много и наконец едва не лишился жизни...

Лещ (из столовой). Можно?

Иван. Пожалуйста...

Лещ (осматривая обоих). Пришёл Ковалёв.

Иван (жене). Иди к нему! Я сейчас! Будь э-э... любезнее с ним и вообще –
понимаешь?..

(Софья молча уходит. Лещ улыбается.)

Иван (недружелюбно). Что? Вам весело?

Лещ. Я тоже понимаю.

Иван (строго). Да? Послушайте, почтеннейший, я должен вам сказать, что ваши поступки могут скомпрометировать меня и... очень!

Лещ (поднимая брови.) О? Это любопытно.

Иван. Скажите, вы сколько дали по делу об устройстве Александра на службу?

Лещ. Триста.

Иван. Но вы у брата взяли пятьсот!

Лещ. Факт.

Иван. И где же двести?

(Лещ молча хлопает себя по карману на груди.)

Иван. Но это – неудобно!

Лещ. Для меня?

Иван. Вообще... Представьте – брат узнает!

Лещ. Кто ему скажет?

Иван. Да вот я, например, могу проговориться...

Лещ (серьёзно). А вы будьте осторожнее! Забудьте этот случай.

Иван (смущённо, но с сердцем). Однако вы таким тоном говорите...

Лещ. Забудьте, как, примерно, забыли доплатить мне три тысячи приданого за дочерью.

Иван (мягче). На что вам деньги? Ведь есть, достаточно.

Лещ. Надя находит, что ещё недостаточно.

Иван. Гм... Да... Кстати, нет ли у вас... двадцати рублей?

Лещ. Это совсем некстати. И – много.

Иван (удивлённо). Почему много?

Лещ. Двадцать рублей – это двадцать процентов.

Иван (хочет рассердиться). Вы... вы что говорите, милостивый государь?

Лещ. Я вам дам десять – извольте! Не нужно? Как хотите. Должен сообщить вам новость: дочь рассыльного Федякова предъявляет к вам иск на содержание ребёнка.

Иван (возмущён). Вот подлая! Да чем же она докажет, что ребёнок мой?

Лещ. Разумеется. Это – недоказуемо. Но будет ещё скандал.

Иван. Какое свинство!

Лещ. А курьер Трусов думает жаловаться на вас...

Иван. И он, скотина!

Лещ. Да. У него лопнула барабанная перепонка от удара.

Иван (подумав). Помните, есть басня – раненый лев, которого лягают ослы? Вот это я – лев!

Лещ. Возможно.

Иван (искренно). Да, да! Они там боятся, что я снова буду служить, и вот хотят оскандалить меня – дьявольский план завистников... Это – люди!

Лещ (протягивая деньги, серьезно). Горе побеждённым!

Иван (принимая бумажку). Ещё посмотрим! Вы, дорогой мой, должны помочь мне в этих случаях; вы, я знаю, всё можете! У вас великолепная голова.

(В столовой появляется Надежда, очень нарядная, декольте, с крестом из красных камней на голой шее. Стоит и слушает.)

Иван. Услуга за услугу – завтра в клубе я познакомлю вас с Муратовым, знаете – купец, либерал?

Лещ. В чём дело?

Иван. У него в тюрьме племянник, за какие-то брошюры, знакомства... Нужно дать этому племяннику свидетельство о болезни, чтобы его выпустили... я его знаю, славный парень! А брошюры – случайность.

Лещ (серьёзно). Если славный малый, надо ему помочь.

Иван. Дядя его любит и боится за него. Он не пожалеет рублей трёхсот...

Лещ. Мало! Это – политика.

Надежда (входит). Нам пора идти, Павел...

Иван (крутя усы). Какая дама, а? Семьсот чертей!

Лещ (уходя). Я на секунду загляну к дяде Якову...

Иван (вслед ему). Вы посмотрели бы на жену, она жалуется на свои глаза... А ты, Надина, всё хорошеешь!

Надежда. Оттого, что нет детей...

Иван (вздыхая). Да, Надя, они старят, они уродуют нас, родителей. Дети... как много в этом слове... Из пятерых – только ты радуешь моё сердце.

Надежда (осторожно ласкаясь). Бедный мой папка! Тебе стало плохо жить. Раньше ты дарил своей Надине разные хорошенькие штучки, а теперь стал бедненький и не можешь порадовать своё сердце подарком любимой дочурке.

Иван (огорчённо). Да, чёрт возьми, не могу.

Надежда. Знаешь что? Ты возьми денег у дяди...

Иван. Это испробовано!

Надежда. И подари мне дюжину чулок, помнишь, ты покупал мне шёлковые чулки.

Иван. Помню... Эх, Надя...

Лещ (входит). Я готов. (Ивану, негромко.) А дела дяди Якова – швах...

Иван (тихо). Да ну?

Лещ. Сердце у него очень плохо, очень!

Иван (озабоченно). Гм...

Надежда. Ты, папа, должен бы поговорить с ним.

Иван. Поговорить... О чём же? Наследник у него один – я!

лещ (многозначительно). Вы уверены? Идём, Надя...

Надежда (подставляя отцу щеку для поцелуя). До свиданья!

Иван (целуя её). Желаю веселиться, милая! Иди с богом... (Оставшись один, он задумчиво подходит к буфету, наливает стакан вина, выпивает и бормочет.) Поговорить? Н-да...

(В гостиную справа входит Пётр, садится в кресло, закрыв глаза и закинув голову. Иван смотрит на часы, открывает дверцу, переводит стрелку. Часы бьют восемь. Пётр открывает глаза, оглядывается. Иван, насвистывая «Боже царя храни», стоит посреди столовой, хмурый и озабоченный. Пётр решительно идёт к отцу.)

Пётр (взволнованно). Папа!

Иван. Ну?

Пётр. Я хочу спросить тебя...

Иван. Что такое?

Пётр. Это очень тяжело и страшно...

Иван (присматриваясь к нему). Не мямли!

Пётр. Может быть, это даже гадко... но – будь ласков со мной... позволь мне быть искренним...

Иван. Ты всегда должен быть искренним с твоим отцом.

Пётр. Я хочу поговорить с тобой как человек с человеком...

Иван (удивлён). Ка-ак? (Вдруг – догадался, схватил сына за плечо, потрянул его и говорит упрекающим шёпотом.) Ты – заболел? Уже заболел, скверный мальчишка, а? Ах, развратная дрянь, – уже?

Пётр (возмущён). Оставь меня... ты не понимаешь... я здоров!

Иван (отпуская его). Врёшь?!

Пётр (тихо). Прошу тебя, папа, оставь!

Иван (досадливо). Так что же ты тут городил, дурачина? Ну, говори, в чём дело!

Пётр. Потом... я уже не могу сейчас...

Иван. Без фокусов, ну?

Пётр (быстро идёт в гостиную). Не могу!

Иван (строго). Стой! Я говорю – стой!.. (Смотрит на часы и успокаивается.) Жаль, что нет времени поймать тебя...

(Держась за стену и стулья, идёт Яков.)

Иван (смотрит на брата, с сожалением чмокая губами). Что, брат, плохо служат ноги, а? Да, брат, старикашки мы с тобой! Так сказать – два воина, уставшие от битв...

Яков (очень взволнован; говоря, он заикается). Послушай... я вышел на твой голос...

Иван (извиняясь). Да, я тут крикнул. Нельзя, знаешь, – отец! Ты – сядь. Ты помнишь, – два гренадёра... (Растроганно, но фальшиво поёт.)

Во-о Францию два гренадёра
Из русского плена брели...
И об-ба они...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Забыл слова.) Да-а... Но, извини, Яша, я уйду...

Федосья (идёт). Чего ты, Яша, ходишь один, упадёшь ещё... ах ты...

Яков. Пожалуйста, останься – я прошу!.. Мне нужно поговорить с тобой...

Иван (взглянув на часы). Не могу, дружище! Мне необходимо нужно идти, да...

Яков. Это важно... Я хочу говорить о Любе...

Иван (нахмурясь). Гм... Ты так слаб сегодня. Мне тоже нужно о многом говорить с тобой... о детях... и ещё разное там... (Решительно.) Но – не сегодня! Завтра, Яков! Да, завтра, друг мой! (Уходит, прежде чем брат успеваешь сказать ему.)

Яков (вслед). Иван, может быть, завтра я... (Махнув рукою, идёт к себе.)

Федосья. Опять пошёл вокруг себя! (Идёт, вязанье тащит за нею.) Прожил век камнем – ни росту, ни семени – чего искать теперь? Клады ищут – по полям рыщут... А я гляди за вами... стереги да береги... (Уходит.)

(В гостиную быстро вбегает Вера, она тащит за руку Якорёва. Это молодой человек в форме околоточного, красивый. Следом за ними идёт Пётр, угрюмый и нервный.)

Вера. Садитесь и продолжайте.

Якорёв. Вам не боязно?

Вера. Всё героическое немножко страшно, но – так и следует!

Якорёв. Верно. Ну-с, так, значит, он выстрелил в меня, я тотчас же ответил ему из моего нагана и бросился на землю, чтобы лёжа лучше стрелять, и стараясь попасть ему, pardon [3], в живот, чтобы нанести тяжёлую рану. После третьего выстрела один из нападавших, впоследствии оказавшийся учеником художественной школы Николаем Уховым, был мною ранен легко в колено...

Вера (махая руками). Не так, не так!

Якорёв (удивлённо). Помилуйте, что вы? Сличите с протоколом... я вам принесу копию!

Вера (убеждённо). Не надо говорить так, как в протоколе! Не надо, понимаете?

Якорёв (усмехаясь). Но если отступить от него, тогда будет неправда!

Вера (топая ногой). Ах, какой вы! Пётр, объясни ему, как надо рассказывать страшное...

Пётр (недовольно). Тебе, Якорёв, пора бы перестать об этом...

Якорёв. Почему же? Странно.

Пётр. Нечем тут гордиться...

Вера. Неправда, Петька!

Якорёв (обижен). Как нечем? Я подвергал жизнь опасности, и ты, дворянин, должен понимать...

Пётр. А я – не понимаю. Не хочу. А если пойму, так, может быть, не подам тебе руки...

Вера. Петька, что такое?

Якорёв (вставая). Ты стал зазнаваться, Пётр. Если ты гордишься тем, что кончаешь гимназию, а меня исключили, то я считаю себя оскорблённым...

Вера (радостно). Bravo! Вот видите, Якорёв, вы можете говорить, как настоящий герой, благородно, горячо...

Якорев (повышая тон). Твоё поведение я называю свинством.

Вера. Ай, не надо ругаться!

Пётр (равнодушно). Иди ты к чёрту! Очень мне нужно знать, как ты думаешь о моём поведении... Перестрелял каких-то мальчишек – а стрелял со страха...

Вера. Врёшь, Петька!

Якорев (возмущён). Я? Со страха?

Пётр (лениво). Конечно. Испугался и давай палить без всякой надобности...

Якорев (угрожая). Это, мой друг, слова серьёзные.

Пётр (сестре, насмешливо). Его под суд надо отдать, а ты, дура, восхищаешься – герой!

Вера (растерянно). Да, герой... он – герой, только не умеет рассказывать...

Якорев. Я уйду, Вера Ивановна! С тобой, Пётр, я поговорю после! Я тоже – дворянин...

Пётр (усмехаясь). Дуэль, что ли?

Вера (в тихом восторге). Нет? Якорев, неужели дуэль? Петя, милый!

Якорев (многозначительно). Я посмотрю... подумаю... (Идёт.)

Вера (проводя его). Прекрасно, Якорев, вы – благородная душа! Это правда – Петька загордился. Он познакомился с каким-то господином, может быть – революционером, и с той поры...

(Уходят. Пётр подходит к буфету, наливает водки, пьёт. Из своей комнаты, торопливо, как только может, идёт Яков.)

Яков. Дай мне воду, Петя.

Пётр. Это – водка.

Яков. Водка? Зачем ты пьёшь?

Пётр. Так. Должно быть, от зубной боли.

Яков. Э-эх, Петя! Дай скорее воды...

Пётр (подавая воду). Кто-нибудь плачет?

Яков. Да.

Пётр. Мама?

Яков (уходя). Люба...

Пётр. Давай, я снесу воду...

Яков. Нет. Ты не ходи туда...

Пётр (грубовато). Я не собираюсь...

(Входят Софья и г-жа Соколова – седая дама с измученным лицом, держится прямо, говорит негромко, с большой внутренней силой, и невольно внушает уважение к себе.)

Соколова. Вы понимаете, зачем я пришла?

Софья (не знает, как себя держать). Я получила ваше письмо... Петя, пожалуйста,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru оставь нас...

(Пристально глядя в лицо Соколовой, Пётр подвигается к ней, она тоже смотрит на него. Пётр, наклонясь, хочет протянуть ей руку, Софья становится между ними.)

Софья (суетливо). Прошу тебя, Петя! Пожалуйста, садитесь...

(Пётр уходит.)

Соколова (не села. Говорит сначала твёрдо, под конец не может сдержать волнения, но голос её звучит властно). Я пришла сказать, что мой сын не виновен, он не стрелял в вашего мужа – вы понимаете? Мой сын не мог покушаться на жизнь человека... он не террорист! Он, конечно, революционер, как все честные люди в России...

Софья (повторяет, ударяя на слове «честные»). Как все честные люди?

Соколова. Да. Вам это кажется неправдой?

Софья (не сразу). Я не знаю.

Соколова. Супруг ваш ошибся, указав на него. Ошибка понятна, если хотите, но её необходимо исправить. Сын мой сидит в тюрьме пятый месяц, теперь он заболел – вот почему я пришла к вам. У него дурная наследственность от отца, очень нервного человека, и я, – я боюсь, вы понимаете меня? Понятна вам боязнь за жизнь детей? Скажите, вам знаком этот страх? (Она берёт Софью за руку и смотрит ей в глаза. Софья растерянно наклоняет голову, несколько секунд обе молчат.)

Софья (с напряжением). Мы получили заявление террористов... они отрицают участие вашего сына...

Соколова. И этого, я думаю, достаточно для порядочного человека, чтобы признать свою ошибку...

Софья (тихо). Не говорите со мною... так строго!

Соколова (не сразу). Я прошу извинить меня.

Софья (вздыхая). Мне кажется, мы можем говорить иначе...

Соколова (наклонясь к ней). Да, как две матери... Ведь я не ошибаюсь, чувствуя, что вы убеждены в ошибке вашего мужа, что у вас есть желание помочь мне?

Софья (волнуясь). Да! Да, я хотела бы... очень хочу! Я не верю, что стрелял ваш сын, я и раньше сомневалась, но теперь – вижу вас – не верю!

Соколова (жмёт ей руку). Вы – мать, вы не можете ошибаться, когда речь идёт о судьбе сына...

Софья (пугливо, недоверчиво). Не могу ошибаться, я?

Соколова (просто). Мать всегда справедлива, как жизнь...

Софья (болезненно усмехаясь). О, это неверно! Это... красиво сказано, но, боже мой, я – справедлива?

Соколова (настойчиво). Мать справедлива, как жизнь, как природа... Все дети близки её сердцу, если это здоровое сердце...

Софья (грустно). А! Вот видите – здоровое сердце...

Соколова. Мать – враг смерти. Вот почему вы хотите помочь мне спасти сына...

Софья (тоскливо). У меня – тоже дети, и они – тоже хорошие, поверьте мне! Я первый раз вижу ваше лицо, но мне кажется – я давно знаю вас... Это странно, но я чувствую вас, как сестру...

Соколова (просто). Мы все сёстры, когда нашим детям грозит опасность.

Софья (сильно волнуясь). Как странно вы говорите... Вы – сильная.

Соколова. Я – мать...

Софья. О! Я хочу спасти вашего сына... Может быть, это научит меня помочь моим детям... Но – могу ли я? Сумею ли?

Соколова. Я приду послезавтра утром – хорошо? Убедите вашего мужа выслушать меня спокойно...

Софья. Убедить мужа? (Тихо.) Что вы думаете об этом человеке? Это – очень дурной человек, да?

Соколова (спокойно). По всему, что я знаю о нём, – да, очень...

Софья (виновато улыбаясь). Мне сорок пять лет – я смешна и жалка, правда? Так спрашивать о человеке, с которым прожила всю жизнь, – глупо? У меня взрослые дети...

Соколова (мягко). Но давно ли вы почувствовали себя матерью?

Софья. О, мне было восемнадцать лет, когда...

Соколова. Я говорю о чувстве духовного родства с детьми...

(Софья испуганно смотрит в лицо ей и отрицательно качает головой, видимо, не понимая слов Соколовой.)

Соколова (после паузы). Простите меня, я расстроила вас...

Софья (тихо). Нет, не то...

Соколова (идёт). Один вопрос: ваш сын хотел поздороваться со мной, мне показалось – вы помешали тому... зачем?

Софья. Не знаю... Может быть, побоялась. Люди всегда так охотно обижают друг друга...

Соколова. Какие грустные глаза у него...

(Обе уходят. В столовой появляется Пётр, возбуждённый, смотрит вслед им. Входит Александр, в форме и в шапке.)

Александр (сердито). Отец дома?

Пётр. Уехал в клуб.

Александр. Где мать?

Пётр. Зачем тебе?

Александр (кричит). Что за вопрос?

Пётр (с досадой, но мягко). Ну, не ори! Какой ты странный...

Александр. Что?

Пётр. Зачем казаться хуже, чем есть?

Александр. Что за дерзости?! Я тебе уши надеру, осёл!

Пётр (отступая). Александр, послушай...

Софья (быстро входит). Оставь!

Александр (возмущённый). Он говорит мне дерзости!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Софья (взволнованно). Ты не имеешь права драться!

Пётр. Он, мама, хочет набить себе руку для практики по службе.

Александр. Слышите? Если вы не умеете воспитывать его, отцу нет времени, так должен я, по старшинству... Ступай вон, ты!

Пётр (уходя, с усмешкой). Иду, брат мой... милый мой брат...

Александр. Поговори ещё!.. Послушайте, мамаша, вы поставили меня в идиотское положение: я должен угостить товарищей, отпраздновать своё вступление в их среду, а где же деньги? Где деньги, спрашивается?

Федосья (идёт). Сонюшка, иди-ка...

Софья (тихо и мягко). Саша, денег нет! Всё, что можно было заложить, – заложено...

Александр. Но вы должны понять, что не могу же я брать взятки с первых дней службы!.. Вы обязаны избавить меня от этой необходимости, а не толкать к ней...

Софья (тихо, с тоской). Что же мне делать, что? Голубчик Саша...

Федосья. Сонюшка, там Люба плачет.

Александр. Мне надоели жалкие слова, я говорю серьёзно!

Федосья. Ты, басурман, сними шапку-то! Перед матерью надо как перед иконой стоять... а ты – ишь, выпялился!

Александр (срывая шапку). Уйди ты к...

Софья. Ты говоришь плохо, Александр! Ведь перед тобою – мать!

Александр. Нужно помнить не то, что вы моя мать, а что я – ваш сын – имею право на вашу помощь. Неужели вам непонятна ваша обязанность помочь мне встать на ноги? Необходимо по крайней мере двести рублей; от этого зависит ход моей службы, карьера, достойная дворянского имени и чести.

Софья (усмехаясь). Ты. – умный, Саша! Ты очень убедительно говоришь...

Александр (возмущаясь). Нет, вы бросьте эти facons de parler...[4] Мне нужны деньги, а всё остальное, pardon, комедия!

Софья. Александр! Опомнись же... Где я возьму денег?

Александр. У дяди, это ясно!

Софья. Мы его обобрали уже... Мне стыдно просить.

Александр (со злой иронией). Как стойко вы защищаете интересы дяди Якова! Parole d'honneur[5] – это может показаться подозрительным кому-нибудь...

Софья. Что? Что ты говоришь?..

Александр. Э, полноте! К чему тут драматический шёпот? Я – не мальчик...

Софья (с ужасом, тихо). На что ты намекнул?!

Александр. Какие там намёки! Я знаю – дядя не может отказать вам.

Софья. Почему? Саша, почему?

Александр (чувствуя, что он зарвался). Ну, вы это знаете...

Софья (вдруг, твёрдо). Тебе сказал отец? Неужели он сказал тебе?

Александр (успокоительно). Ну, да! Вы знаете – папа болтлив. Но ведь ничего страшного нет во всём этом... Какая женщина не увлекалась?..

Софья (гневно). Молчать!

(Александр испуганно встаёт. Он впервые видит гнев матери и удивлён.)

Софья. Твой отец... ты понимаешь...

Александр. Это мне не интересно...

Софья. Ты понимаешь – кто твой отец?

Александр (уходя). Нет, вы меня избавьте... у меня есть свои задачи...

Софья (стоит, точно каменная, с ужасом на лице смотрит в угол и спрашивает тихо). Это ты, господи? Твоя всесильная рука? За что же? За что?

Федосья. Чего он расхотелся, а? Сонюшка!

Софья (тихо и точно ребёнок). Няня... няня...

Федосья. Зачем, бишь, я пришла, Сонюшка... Вот, последненький мой...

(Идёт Пётр. У него лицо светлое, удивлённое, он как-то выпрямился.)

Пётр (осторожно подходя к матери). Мама, прости меня, я слышал, что говорила эта женщина... не всё, но слышал... ты не сердись...

Софья (глухо). Подожди...

Пётр (не замечая состояния матери, ходит по комнате, возбуждённый). Какая она величественная, а? Вот мать, да!

Софья. Как? Что ты сказал?

Пётр. Вот мать, сказал я. Точно из другого мира.

Софья (тихо). Это упрёк мне?

Пётр (быстро). Нет, мама, ей-богу, нет! Это я... так, просто...

Софья. Ты меня любишь?

Пётр (просто, думая о чём-то другом). Конечно, мама!

Софья (громко). За что?

Пётр (так же). Люблю, а за что – как это скажешь? Но какая она удивительная, не правда ли? Она – гордая, мама! Мама, познакомь меня с нею, мне так хочется быть знакомым с хорошими, с другими людьми.

Софья (печально). С другими, с хорошими?

Федосья. Не люблю я его, Александра-то!

Пётр (сконфужен). Ты, мама, неверно поняла... я не о тебе думал...

Софья. Милый мой мальчик – я заслужила... Куда вы? Что такое?

(Любовь ведёт под руку Якова, лицо у неё суровое, усталое. Яков взволнован, он умоляюще смотрит в лицо Любови. Видя их, Софья невольно встаёт.)

Яков (тихо). Тише, Люба, дорогая моя... ты оцени этот момент... ты задумала, я не знаю, право, что это будет... Вот, Соня, она ведёт меня... Петя, голубчик, на минуту уйди, прошу тебя...

Федосья. Опять этот выполз, ах какой! Сонюшка, Люба-то всё плачет, вот я зачем пришла...

Яков. Мы должны поговорить... решить один вопрос, извини... Соня, она всё знает Люба... я говорил тебе – она всё поняла...

Софья (села. Глухо). Ну, что же, Люба... Ты... Чего ты хочешь...

Любовь (тихо). Мама, он мой отец?

Яков (тоже тихо). Нужно ответить, Соня.

Любовь. Это мой отец?

Софья (опуская голову, тихо). Я не могу сказать... ни – да, ни – нет...

(Все трое молчат. Любовь опустила на пол, положила голову на колени матери. Яков стоит, держась за спинку стула. Потом говорят всё время тихо, как будто в доме кто-то умер.)

Софья. Я только так скажу: были в моей жизни светлые, чистые дни – это дни твоей любви, Яков...

Яков. Нашей любви...

Софья. Только однажды я была человеком, свободным от грязи, – во дни твоей любви.

Яков. Соня, нашей любви!..

Софья. Разве я тебя любила, если не пошла с тобой, когда ты звал? Я променяла любовь на привычку – вот и наказана за это...

Любовь (твёрдо). Мама, мой отец – он! Я это знаю.

Яков. Да, Соня. Она – знает!

Софья (осторожно лаская дочь). Пусть так... но что же дальше?

(Молчат.)

Федосья (улыбаясь, смотрит на них). Вот и побеседуйте друженько...

Любовь (тихо, с отчаянием). Мама, зачем я урод?

Яков (ласково и грустно). Ты не должна бы помнить об этом в святую минуту, когда воскресла умершая любовь...

Любовь (холодно). Нет минуты, когда бы я не чувствовала своего уродства, отец!

Софья (медленно). И у меня нет теперь такой минуты...

Любовь. И разве это любовь воскресла, отец? Нет, это обнаружилась ошибка, может быть, и...

Яков (умоляюще). Не будь жестокой, Люба!

Софья. Ты думаешь, она не выстрадала права на это?

Любовь (тихо, печально). Мама, мама... как мне тебя жалко!

(подавленно молчат.)

Федосья. А ты бы, Яша, смешное что рассказал... Помнишь, как, бывало, вы с Андрюшей Рязановым комедию играли... и Сонюшка тоже... ещё тогда Люба не родилась, а Надя корью болела... а полковник Бородулин, крёстный-то её, в ту пору...

Занавес

Действие третье

Столовая, большая неуютная комната. На столе остатки завтрака, вокруг стола беспорядочно разбросаны стулья. Иван, в тужурке, ходит по комнате, Софья моет чайную посуду, Федосья убирает её в буфет.

Иван. Что – она приличная женщина, эта Соколова?

Софья. К ней чувствуешь уважение.

Иван (скептически). Ну, уважение! (Подумав.) Однако надо будет надеть новый мундир.

Софья. Он в ссудной кассе.

Иван. Ф-фу, чёрт! Вы скоро и меня туда стащите!

Софья (спокойно). За нас с тобой там не дадут ни гроша.

Иван. Без иронических шуток! Кто разорил меня? Твои наряды и капризы!

Софья (сдерживаясь). А также твоя игра, твои любовницы и кутежи...

Иван (останавливаясь, смотрит на неё, пожимает плечами, говорит спокойно). Я не хочу споров; мне нужно встретить эту женщину вполне корректно, моя беседа с нею, вероятно, будет известна всему городу, а если бы не это, ты, моя милая (грозит ей пальцем), услышала бы несколько тёплых слов...

Федосья (бормочет). Зарычало воевало...

Иван. Характер у тебя становится невыносим. Ты груба, как прачка, и зла, как чёрт, которому прижали хвост. Я слишком устал для того, чтобы терпеть твои выходки, я требую покоя! Я должен беречь свои силы для детей...

Софья (холодно). Ты погубил детей!

Иван (грубо). Не смей говорить так!

Софья (вздыхая, твёрдо). Мы с тобой погубили детей, да! Посмотри, как они несчастны...

Иван. Ага, твоя горбунья! Но мои дети – уважают меня!

Софья. В Петре зреет отвращение к нам... Надежда – чувственное животное, без ума и сердца...

Иван. Как ты. Ты была такой же!

Софья. Александр развращён тобой, Вера – бедная, глупая девочка...

Иван. Ты не умела воспитать их, ты!

Софья. Я знаю, в чём я виновата.

Иван. Чего ты хочешь от меня, скажи, чего?

Софья (бросая полотенце). Слушай, ты десять лет боролся против детей...

Федосья. Ну, вот, начали...

Иван (усмехаясь). Что такое?

Софья (сильнее). Обыскивал, хватал, сажал в тюрьмы – кого?

Иван (изумлён). Это – либерализм, что ли? Ты бредишь! Старуха, не смей меня!

Федосья. Сто лет ругаетесь... уж пора бы устать...

Софья (тоскливо). Ты убивал мальчиков. Одному из убитых было семнадцать лет. А девушка, которую вы застрелили во время обыска! Ты весь в крови, и всё это кровь детей, кровь юности, да! Ты сам не однажды кричал: они мальчишки! Помнишь?

Иван (испуган, недоумевает). Софья, что с тобой? Это ужасно!

Софья. Да, ужасно!

Иван. Ты собрала всю клевету и ложь... да разве только одни молодые идут против порядка? Наконец, ты говоришь опасные вещи! Если тебя услышит Пётр или Вера...

Софья. Из трусости или со зла – ты сделал подлость...

Иван (теряется). Софья, я – дворянин, я не позволю...

Софья. Ты указал на юношу, который будто бы стрелял в тебя... ты знаешь, видел – это стрелял он? Он?

Иван. А, понимаю! Тебя настроила его мать...

Софья. Ты скажешь по чести, вот здесь, перед образом, мне в глаза, что он стрелял?

Иван (гневно). Довольно! Я всё понял! Я ей – покажу!

Федосья. Охо-хо... Разбодрился кум, растерявши ум...

Софья (подошла к мужу). Иван, ты должен сказать жандармам, что ты ошибся, не этот юноша стрелял в тебя – ты скажешь!

Иван (испуган её тоном). А... если не скажу?

Софья. Скажешь! Христа ради прошу...

Иван. Это отвратительно! Но если я уверен в его вине?

Софья. Неправда! Я не к сердцу твоему обращаюсь – бесполезно кричать в пустоту, – я говорю тебе: или ты признаешься в своей ошибке, или я расскажу о тебе Пётру и Вере... Ради детей, Иван!

Иван (колеблется). Это насилие надо мной! Это безумие!

Софья (слабея). Сделай, как я говорю, – ты сам себе покажешься лучше, честнее...

Иван (отмахиваясь от неё). Довольно! Мне, конечно... да чёрт с ним, с этим прохвостом. Действительно, я не уверен, что он стрелял... но ведь кто-нибудь стрелял же! Я, наконец, допускаю – не он! Но всё-таки устраивать мне такую сцену из-за пустяков – это безумие, Софья!

Софья (утомлена напряжением, тихо). Вся моя жизнь – безумие... и твоя тоже...

Федосья (бормочет). Нянчила-водила, всю силушку убила...

(Пётр идёт.)

Иван (пожимая плечами). Откуда это у тебя? Гм... что тебе нужно, Пётр?

Пётр. Ничего.

Иван. Гм... Почему ты не в гимназии?

Пётр. Не пошёл туда. А вы – ссорились?

Иван (вскипая). Ты смеешь так спрашивать?..

Софья (слабо). Петя, не надо...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Пётр (спокойно). А почему не смею, папа?

Иван. Видишь, Софья? Ага!

Пётр (грустно улыбаясь). Разве мне всё равно, как живут мои мать и отец?

Иван (не знает, как ему отнестись к сыну). Во-первых, ты – ещё мальчик...

Пётр. И так далее... Скажите, правда, что Веру решено выдать замуж за Ковалёва?

Иван (изумлённо). Постой... тебе какое дело?

Софья. Это ещё не решено, Петя.

Пётр. А Верка плачет, бедная!

Иван (пожимая плечами). Я ничего не понимаю!

Пётр. Папа, ты называл Ковалёва мерзавцем...

Иван. Я? Когда?

Пётр. Не однажды.

Иван (смотрит на жену и сына). Это – что? Допрос? Отцу? Мне? Нет, господа, до этого я... вы не доросли... (Уходит.)

Федосья (усмехаясь). Ну, всё высыпал, пошёл ещё копить...

Пётр (помолчав). Детям не принято отвечать на их вопросы, я забыл...

Софья (задумчиво). Тут, я думаю, есть... некоторый смысл...

Пётр. Я хотел бы спросить отца – честный ли он человек?

Софья (тревожно). Не говори так, Петя, не говори!

Пётр. Почему? Потому, что это мучает тебя? Мама, ведь бесполезно мучить людей, не правда ли?

Софья (быстро). Да! О, да! (Подумав и тише.) А может быть, нет...

Пётр (мягко). У тебя да и нет живут удивительно дружно: они всегда вместе! Это – удобно?

Софья (тихо). Мучительно и страшно, Петя!

Пётр. Мне тоже кажется, что мучительно... Я, мама, больше не пойду в гимназию...

Софья. Но как же? Надо же учиться!

Пётр. Но чему же, мама, учиться? Самое ценное, что я узнал там до сей поры, это про отца... о нём я уже знаю достаточно... достаточно для того, чтобы...

Софья. Петя, ради бога! Молчи!

Пётр. Хорошо! Хотя – бог... Что такое бог, мама? Ты знаешь?

Софья (с отчаянием). Я ничего не знаю... ничего, родной мой!

Пётр (помолчав). Всё это странно. Ты не любишь отца, не уважаешь его, но ты останавливаешь меня, когда я хочу сказать о нём то, что думаю. Почему? Почему так, мама? Ведь ты же сама рассказывала мне о нём!

Софья. Я не должна была делать этого!..

Пётр. Чтобы не мучить меня? Как мы однако жалеем друг друга! Но, мне кажется, наша жалость – самое плохое, что можно выдумать, мама.

Софья (тихо). Может быть, ты прав, мой друг... да!

Пётр. Твой друг? Первый раз слышу это... (Помолчав – Федосье.) Няня, ты смерти боишься?

Федосья. А тебе какое дело?

Пётр. Боишься?

Федосья. А тебе что? Не твоё это дело!

Пётр. Мне хочется знать...

Софья. Петя, перестань...

Федосья. Бояться мне нечего – я смерть не обидела, никого не обидела. А ты не заигрывай, молод ещё шутики шутить...

Софья. О, боже мой...

Пётр (тихо). Ты, мама, скажи отцу, что я не буду ходить в гимназию. Мне говорить с ним... трудно, мы плохо понимаем друг друга... Скажи – я дал пощёчину Максиму, когда он назвал отца зверем и подлецом... Теперь я понимаю, что незаслуженно обидел этого мальчика... Хотя он не прав – какой же зверь отец? (Медленно и задумчиво.) Какой он зверь...

Софья. Это несчастный, слабый человек...

Пётр. Который всю жизнь командовал людьми, говорит дядя Яков. Оставим это, а то мне хочется говорить о жизни, в которой командуют несчастные слабые люди... и о людях, которые позволяют командовать собой... и – как назвать таких людей?... Я спрошу об этом у Кирилла Александровича.

Софья (думая о чём-то другом). Кто это?

Пётр. Я говорил тебе о нём... ещё ты назвала его воздухоплавателем, помнишь? Я тоже хочу быть воздухоплавателем – летать мимо воздушных замков... Верка идёт... Смотри, мама, какое у неё смешное лицо.

Вера (возбуждённо). Мама, было бы тебе известно – я убегу из дому, но замуж за этого болвана не пойду!

Софья. Ведь ничего ещё не решено, Вера... Я не успела поговорить с отцом.

(Пётр подошёл к буфету, налил себе вина и пьёт; этого не замечают, он стучит стаканом, крикает.)

Вера. Не успела! И не успеешь! И он тебя не будет слушать...

Софья. Ты напрасно горячишься!.. Петя, зачем?

Вера. Напрасно? Благодарю вас! Мне приказывают: Вера, будь женой краснорозега, лысого, с большим животом и зелёными усами, – а я что же? Должна сказать – мерси да поцеловать папину ручку?

Иван (в мундире, с орденами). Что? Жаловаться прискакала? Не поможет! Я решил...

Вера (сквозь слёзы). Вы, папа, заметили, что у него зелёные усы?

Иван. Ну, не шали! Будь умной. Смотри: муж Надежды тоже некрасив, а она – счастлива! Это серьёзно, – брак!

Вера. Да, да, усы, серьёзно, зелёные! Вы подарили бы ему своей краски для волос...

Иван. Моей... Что такое?

Вера. У вас хоть лиловая, это оригинальнее...

Иван (тихо, но грозно). Ты с кем шутишь, девчонка, а?

Пётр (выходя из комнаты). Мама, возможен трагический балаган?

Иван (кричит). Софья, чёрт возьми! Ты должна наказать её! Что вы – издеваетесь надо мной?

Федосья (ворчит). Заорали! Заплакали! Ах, неугомонные! (Идёт прочь.)

Вера (плачет). Это ты издеваешься надо мной! Ну, зачем тебе Ковалёв, зачем? Ведь достаточно одного Леща, чтобы всё в доме было противно!

Софья. Вот ты говорил, что дети любят тебя...

Вера. Да, папа, мы тебя любим... но мы не полицейские солдаты...

Иван (растерянно смотрит на всех). Прямо заговор, заговор против отца!

Любовь (входит). Мама, тебя зовёт отец... Что с тобой, Вера?

Вера. Ты знаешь...

Иван (удивлён). Отец? Какой отец?

Любовь. Ты напрасно плачешь, Вера...

Иван. Прошу не поучать её! Вера, марш отсюда! Нет, ты останься, Любовь... да...

Любовь. Что вам угодно?

Иван. Дай мне сообразить...

(Смотрят друг на друга; Иван – видимо, не понимая, зачем он её остановил, Любовь – спокойно ожидая)

Иван. Ты сказала – отец... Это кто же?

Любовь. Мой отец.

Иван (растерянно). Ага-а... да! Значит, мы с тобой – чужие?

Любовь. Мы не были родными.

Иван. Да, ты относилась ко мне враждебно!

Любовь. Я немного умнее других.

Иван. Ты... ты удивительно злой человек!

Любовь. Как все уроды.

Иван (возбуждаясь, с пафосом). Это ты привила моим детям дух противоречия, ты научила их не уважать меня... и даже мать довела почти до безумия... несомненно – ты! Теперь всё ясно, я вижу всюду твою мстительную руку...

Любовь. У вас похуже мелодрама.

Иван (убеждая сам себя). Я долго думал – где зло?

Любовь. Вы бы давно могли найти его, если бы однажды взглянули на себя серьёзно...

Иван. Нет, подожди...

Любовь (спокойно). Послушайте, нам не о чем говорить.

Иван (озабоченно). Но что же теперь будет?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Любовь. Я уйду отсюда.

Иван. Уйдёшь? Гм... Куда?

Любовь. Это уж моё дело. Нам не за что благодарить друг друга, не так ли?
(Идёт.)

Иван (смотрит вслед ей, грустно качает головой и искренно бормочет). Какая злоба, а? О, боже мой... Вот где находит пищу анархия и прочее... Вот оно... Как я одинок, боже мой! Как я одинок, господи!

Надежда (входит). Ты здесь, мой милый воевода? Что это ты бормочешь? Молишься?

Иван. Эх, Надя, Надя! Не смейся над этим.

Надежда (весело). Молись, отец! Тебе есть за что благодарить бога.

Иван (грустно). Он меня забыл...

Надежда. Представь – нет ещё!

Иван (задумчиво). Ты что-нибудь знаешь?

Надежда. Кажется, тебе дадут место исправника...

Иван (гордо ударив себя в грудь). Я, Коломийцев, полицеймейстер, – в исправники? Никогда!

Надежда. Ах, папа, какой ты, в сущности, ребёнок!

Иван. Надежда, – ни за что!

Надежда. Милый, гордость – прекрасна, но надо же кушать! И как это вкусно – кушать с гордостью заработанный кусок хлеба...

Иван. Я всегда так ел мой хлеб!

Надежда. И выкормил им твою Надю.. Знаешь что? Сделай так, как делали какие-то рыцари, – шаг назад...

Иван (соображая). В исправники... гм...

Надежда. И сразу – два шага вперёд!

Иван. Два? Два – вперёд?

Надежда. Ну, да – два!

Иван. Это, знаешь, идея! Ого? В наше время, когда энергичный человек – всё, это возможно!

Надежда. Не глупо, папка?

Иван (вздыхая). Д-да! Ты – просто прелесть! Счастливец этот Лещ, будь ему неладно!

Надежда. Зачем желать ему дурного? Он так старается для тебя.

Иван (весело). Ну-ну-ну! Ты что – серьёзно влюблена в него?

Надежда. Это мой секрет.

Иван (подмигивая). А ведь он рожа, между нами говоря!

Надежда (притворяясь обиженной). Папка!

Иван. Сазан какой-то, а не мужчина. Скажи, у тебя нет маленького желания наставить ему рога, э?

Надежда. Разве можно говорить с дочерью о таких грешных вещах? (Закрывает уши.)
Я не хочу слушать.

Иван (берёт её за руки). А может быть, уже?

Надежда. Оставь меня, безнравственный отец мой!

Иван (хохочет). Нет, ты скажи, сазан с рогами, а?

(Надежда, смеясь, вырывается из его рук.)

Александр (входит, немного выпивший). Здесь смеются? Поражён! Bonjour, papa! [6]
Сестрёнка, ручку!

Иван (любуясь сыном). Ты посмотри, какой бравый молодец!

Надежда (становясь рядом с братом). Мы – недурная пара, папа?

Иван (растроганно). Да, ребята, да! Только вы двое утешаете меня – здоровые, весёлые, простые...

Надежда (брату). Знаешь, отец, наверное, получит место исправника.

Иван (подмигивая, как о решённом деле). На время... как ступеньку, с которой я шагну куда-то повыше, повыше!..

Александр. Факт, Надя?

Надежда. Прокурор обещал мужу.

Александр. Ей-богу, этот лещ – наш добрый гений!

Иван. Сазан? Он молодец-рыба!

Александр. Ты, папа, возьми меня в помощники себе.

Иван. А что ты думаешь? Здоровенная идея!

Александр. Вдвоём мы устроим там рай земной. Миленький этакий городишко, бабёнки, купчишки, и над ними боги и цари – pere et fils! [7] Идиллия в прозе!

Надежда (качая головой). Представляю, что вы там наделаете!

Александр. Ба! Разве мы хуже других!

Лещ (идёт). Могу принять участие в вашей беседе?

Александр. Вот – гений дома!

Иван (пожимая руку Леща). Надежда сказала мне...

Лещ (недоволен). Ну, разумеется! Она всегда на месте преступления за полчаса до убийства.

Надежда (игриво). Пашка!

Александр. Как вы весело острите!

Лещ (Ивану). Вам надо съездить к товарищу прокурора Лепелетье, поблагодарить его за дело о рассыльном.

Иван (радостно). Уже? Мой друг, спасибо вам, спасибо!

Надежда. Папа, красивая фамилия – Лепелетье?

Иван (смотрит на неё). Лепелетье? Конечно... (Вдруг догадался о чём-то, смеётся.)
ле... лепелетье? Ну да... [8]

Лещ (сухо). Не понимаю причины смеха!

Надежда. Не плакать же от радости!

Иван (сдерживаясь). Я... я рад, дружище! Всё идет прекрасно, и я – рад!

Лещ. Вам, разумеется, надо быть готовым произвести затрату некоторой суммы...
Имейте в виду – при поступлении на службу нужно будет рублей семьсот, лучше – тысячу...

Иван (становясь серьезным). Ого! Мм... это трудно...

Александр. И двести мне...

Вера (заглядывая в дверь). Надежда, поди сюда...

Надежда. Что тебе нужно?

Вера. Тебя...

Надежда. Ну, подожди... Я занята!

Иван. Надя, походи поговори с нею о Ковалёве! Девчонка не понимает смысла дела...

Надежда. Иду. Приятно будет кутнуть на её свадьбе!

Лещ (настойчиво). Итак – о деньгах!

Иван (вздыхая). Где их достать?

Александр. Почему не заложить этот дом?

Иван. Но ведь это дом брата!

Лещ. Разве для дяди Якова не существует родственных отношений? Сколько я знаю – он не эгоист, и к тому же дни его жизни, как говорится, сочтены...

Александр. Логично!

Иван. А потом – мы возвратим ему деньги! Ведь я наверняка получаю место?

Лещ. Разумеется. У вас – имя, хорошее прошлое по службе. Все эти... недоразумения ваши – уже заглаживаются... Но, примите во внимание, нужно держаться твёрдо! Времена анархии проходят, правительство чувствует себя в силе восстановить должный порядок – оно требует от своих агентов крепкой руки...

Александр (солидно). Да, наконец они опомнились там, в Петербурге!

Иван. Держаться твёрдо? Это я могу! Но вот что, дорогой мой, – посоветуйте, что мне делать?

Лещ. Достать поскорее денег.

Иван. Гм! Это так, я знаю. А вот ко мне сегодня явится Соколова, мать того...

Лещ (строго). Зачем?

Иван. Она, видите ли, хочет, чтобы я заявил, что ошибся... что я не уверен, кто стрелял...

Александр (усмехаясь). Едва ли это будет остроумно!

Лещ. Что же вы хотите сделать?

Иван. Да я... гм... я не решил ещё! Я вот думаю – удобно ли мне теперь, в виду назначения на службу, путаться с этой историей, а? Исправник – и вдруг... заявляет: я ошибся! Не произвело бы это дурного впечатления?

Лещ (уверенно). Разумеется, произведёт!

Александр. Папа, помни о жандармах!

Лещ. Нет, уж вы сентиментальности бросьте.. это ниже действительности. В какое положение вы поставите жандармов? Сообразите-ка!

Иван (колеблется). Н-да.. Полковник – прекрасный человек...

Александр. И твой партнёр в винт...

Иван. Но – чёрт их знает – этот ли стрелял?

Лещ. Ведь кто-то стрелял же! А все эти стрелки – друзья между собой. Вообще, я нахожу этот разговор излишним. Главное же, если вы хотите не упустить момент, – достаньте денег. Предупреждаю, что Ковалёв тоже точит зубы на это место.

Иван (сквозь зубы). Ковалёв? Скотина этакая...

Александр. Требуется быть твёрдым, папа!

Иван. Какую сцену закатит мне Софья, если я.. Проклятый мальчишка! Уж лучше бы он ранил меня...

Лещ (кивая головой). Лёгкая рана была бы полезна для вас! Это очень подвигает человека вперёд по службе.

Иван (кисло улыбаясь). Если не свалит его в могилу!

Александр (глядя на часы). Однако, папа, ты бы шёл к дяде!

Иван (Лещу). А что, Павел Дмитриевич, вы не поможете мне в этом?

Лещ. Считаю долгом.

Александр. А я жду и верю в успех! (Ходит, насвистывая, потом, задумавшись, стоит у буфета. Входят Надежда и Вера, обнявшись; они сначала не видят его.)

Надежда (уговаривая). Ты просто глупа...

Вера (досадливо). А ты врешь!

Надежда. Не будь грубой, дура! Я желаю тебе добра...

Вера. Ты говоришь гадости! Ты сама не веришь в это...

Надежда (отталкивая её). Я говорю гадости?

Вера. Я не хочу иметь любовников!

Надежда (презрительно). Скажите, пожалуйста! Вот дрянь!

Вера. Разве ты изменяешь своему мужу?

Александр. А ну-ка, отвечай, Надя?

Вера. Ты знаешь, Надя говорит, что муж – всё равно кто, – он только для того, чтобы иметь любовников!

Надежда. Не верь ей, она ничего не поняла!

Александр. Я ведь слышу: она говорит, точно переводит с французского. Верка, ты должна слушать сестру!..

Вера. Не хочу! (Быстро убегает.)

Надежда. Удивительно своенравная девчонка!

Александр. Славненький чертёнок!

Надежда. Глупа... упряма...

Александр. Принесёт ей Ковалёв коробку конфет, безделушку – и всё пойдёт, как по маслу! Скажи, деньги под залог этого дома даёт твой муж?

Надежда. Не знаю. Мне хотелось бы иметь этот дом; для всей семьи он тесен, но нам было бы удобно. Муж скоро будет врачебным инспектором, и свой дом – это очень хорошо для престижа.

Александр. После смерти дяди всё будет наше.

Надежда. Конечно. Но нас много. Имея закладную, мы с Павлом оставим дом за собой...

Александр. Ловко! Ты умеешь устраиваться.

Надежда. Это всё Павел.

Александр (обнимая её). Не скромничай! Нравишься ты мне!

Надежда. Так нравлюсь, что тебе хочется попросить у меня денег?

Александр (усмехаясь). До того, что я готов взять у тебя все деньги!

Надежда. Это уже почти страсть! Идём ко мне, я хочу показать тебе одну вещь...

Александр (идя за нею). А подарить мне ничего не хочешь?

Надежда. У женщин не просят подарков.

Александр (смеясь). Это предрассудок!

(Уходят. В дверь заглядывает Вера, возбуждённая, машет рукой.)

Вера (шёпотом). Идите скорее!

(Входит Якорев.)

Якорев (недовольный). Что такое?

Вера (тихо). Вас видел кто-нибудь?

Якорев (понижая голос). Прислуга. А что?

Вера (оглядываясь). В этом доме негде спрятаться... Вот глупый дом! Как жаль, что теперь не лето, – вы могли бы выпрыгнуть в окно!

Якорев (изумлён). В окно? Зачем?

Вера. Так нужно. Слушайте, решено выдать меня замуж за Ковалёва...

Якорев (разочарованно). Н-ну? Эх... Поздравляю...

Вера. Вы должны спасти меня!..

Якорев. Спасти? Какое тут спасение!

Вера (быстро, требовательно). Вы – героический характер, вы должны! Я уже составила план... Вы меня спрячете где-нибудь, потом придёте сюда и скажете им горячую речь... скажете, что они не имеют права распоряжаться судьбою девушки и что вы не позволите насиловать её сердца. Вы не любите меня, но готовы отдать жизнь за мою свободу. Вы скажете им всё, что нужно, уж там догадаетесь – что! Они тогда заплачут, а вы будете моим другом на всю жизнь, поняли?

Якорев (улыбаясь). Они меня – в шею!

Вера. Якорев, не притворяйтесь грубым!

Якорев (соображая). Ковалёв без приданого не возьмёт...

Вера. Они дают ему за меня пять тысяч.

Якорев. Пя-ять тысяч? Однако! Верно?

Вера. Это не имеет значения!

Якорев. Пять-то тысяч не имеют значения?

Вера. Какое вам дело до них?

Якорев (соображая). Мне? Д-да... Ковалёв не уступит вас!

Вера. Кому?

Якорев. Никому. Пять тысяч не пустяк!

Вера. Я не понимаю, что вы говорите? Вы согласны с моим планом?

Якорев (думая вслух). Я? Что же... Я ещё молод... ошибусь – успею поправиться...

Вера. Скорее же!

Якорев (решительно). Рискую, Вера Ивановна!

Вера. Я знаю вас лучше, чем вы сами, – видите?

Якорев. Действуем! Что я проиграю? Жутко, а – заманчиво! Вера Ивановна, поцелуйте для храбрости!

Вера. Вот вам моя рука.

Якорев. Рука! Что рука? Вы уж как следует! (Быстро обняв её, целует в губы.)

Вера (вырываясь). Ай... какой вы! От вас пахнет помадой!

Якорев (смеясь). Это не помада, а бриллиантин на усах.

Вера (толкая его к двери). Идите, я провожу вас чёрным ходом, чтобы никто не видел. Вот, если бы лето было, вы бы выпрыгнули из окна в сад...

Якорев (за дверью). Зачем же прыгать, я не понимаю?

(Входит Соколова. Прошла на середину комнаты, остановилась, смотрит вокруг. Вбегает Пётр, смущённо кланяется, хватается стул.)

Пётр. Вы к папе? Пожалуйста, садитесь... я позову его!

(Бежит. Соколова не садится, ходит. Из комнаты Якова появляются Иван и Александр, позднее Пётр.)

Иван (старается держаться внушительно, руку подать не решился). Моё почтение, сударыня! Дети мои... Александр, Пётр... Вы... э... ничего не имеете против их присутствия?

Соколова. Это вам надо решить.

Иван (не сразу). Пётр, уйди, да... Очень нервный мальчик, сударыня, впечатлительная натура... что-с?

(Пётр быстро уходит. Соколова молча смотрит на Ивана.)

Пётр (за дверями кричит). Мама, мама, иди сюда...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Иван (тихо, не сдержав досады). А... мальчишка! Шумит! Саша, скажи ему – не надо... (Откашливаясь.) Мне известны, сударыня, мотивы вашего визита... Моя жена сообщила мне вашу просьбу...

Соколова (спокойно, холодно). Я не прошу, а предлагаю вам исправить вашу ошибку...

Иван (озадачен её тоном). Да-с... конечно! То есть... Ну, да это всё равно! Но – почему ошибка? Странно! Чем вы докажете, что я ошибаюсь?

Соколова. Я не буду доказывать.

Иван. Вы и не можете!

Соколова (строго). Значит, вы утверждаете, что именно мой сын стрелял?

Иван (волнуясь). У него заметная фигура...

Соколова. Вы видели его однажды только – это было на другой день после покушения, у жандармов. Вы отрицаете это?

Иван (с пафосом). Сударыня! Не оскорбляйте старика, подозревая его...

Соколова. Я спрашиваю: вы утверждаете, что стрелял тот юноша, которого вам показали жандармы?

Иван (бодрясь). Уверен ли? Но если я узнал его...

Соколова. У вас нет мужества сознаться в своей ошибке?

Иван (возбуждая себя, кричит). Вы не имеете права говорить со мной в этом тоне, милостивая государыня. Ваш сын революционер, у него нашли...

Соколова. Вы не отвечаете на вопрос – мой сын стрелял или нет?

Иван (продолжая кричать). Оставьте меня в покое! Мне дела нет до вашего сына, я тоже имею детей!.. Я повторяю: ваш сын – революционер!

Соколова (идя). Это не оправдывает вас.

Иван (следуя за нею). Позвольте! Что вы хотите делать? Что вы сказали?

Соколова (за дверью). Я сказала: это не оправдывает вас!

Иван (остановясь, негромко). Перед кем? (Стоит, дёргает себя за усы, тупо глядя в дверь. Входит Софья, за нею Яков, его ведёт под руку Пётр; потом вбегает Вера и являются на шум Александр с Надеждой.)

Софья. Она уже ушла?

Иван (устало). Это какой-то дьявол! Она меня замучила!

Софья. Ты отказал ей?

Иван (мягко). Послушай, Соня...

Софья (сильно). Ты обещал признать свою ошибку, ты обещал мне это, Иван!

Иван (успокаиваясь). Да... подожди! Я не могу теперь... моё положение изменилось...

Софья (в ужасе). Это принесёт нам несчастье! Это принесёт горе нам!..

Пётр (поражённый). Папа, что ты говоришь? Папа, разве можно так!

Иван. Пошёл прочь! Яков, ты спокойный и разумный человек...

Вера. Петька, успокойся...

Иван (брату). Помоги мне успокоить её, объяснить ей...

Яков (слабым голосом). Иван, нужно воротить женщину!

Софья. Петя, иди! Беги – зови её...

Иван (с отчаянием). Что вы делаете? Вы губите меня!

Яков. Нет... мы... ты подумай...

Софья. Ради детей, Иван, ради твоей старости!.. Бога ради! Нужно сознаться – иначе это погубит нас...

Иван (мечется). Я окончательно разбит, меня замучили! Надежда, что мне делать? Саша, говори! Скажи им...

Надежда (берёт отца за руку). Спокойнее, папа!

(С другой стороны к нему подходит Вера, она ничего не понимает, смотрит на всех поочерёдно испуганными глазами, вертится.)

Александр. Послушайте, мама...

Яков. Иван, тут не о чем говорить...

Александр. Вы не знаете положения дела...

Надежда (Александрю). Короче говори, а то она придёт, эта...

Софья (с тоской). Надя...

Александр. Отцу обещано место исправника; если он заявит, что ошибся с этим выстрелом, место может ускользнуть от него. Нужно избежать дурного впечатления и потому...

Яков (брезгливо). Довольно! Ты говоришь скверно...

Александр (обиженно). Тише, дядя, тише...

Надежда (солидно). Он говорит в интересах семьи!

Вера (растерянно). Мама, кто придёт? Кого ждут?

Софья. Молчи...

Иван. Саша, но если я не удовлетворю эту даму, Яков тогда откажет...

Александр (смущённо). Эх... я позабыл об этом! Вот чертовщина!

Надежда (горячо). Я дам денег! Муж даст! (Отцу.) Вы не смеете рисковать, вы не должны – у вас есть обязанности...

Александр. Браво, Надя!

Пётр (вбегая). Она уже уехала, я не догнал...

Иван (облегчённо). Ну, слава богу!

(Яков, опустив голову, сидит на стуле, около него убитая страхом Софья; рядом с нею Пётр, задыхающийся; в углу Любовь, спокойной зрительницей. У стола Александр и Надежда. Иван сел. Вера, стоя сзади, ласково гладит его плечо и смотрит на всех круглыми глазами.)

Надежда (негромко и недовольно). Я, кажется, поторопилась выскочить...

Иван (устало). Вера, дай мне вина. Спасибо, Надя! Вот у меня даже ноги дрожат... Но теперь – кончено...

Софья (бормочет). Не кончено, нет!

Иван (раздражаясь). Ну, ты – молчи! Ты меня всадила бы в историю, как я вижу...

Надежда (упрекая). Да, мама! Вы ужасно... непрактичны, ужасно!

(Федосья вошла, остановилась у буфета и, качая головой, что-то бормочет.)

Софья. Яков, что же это?

Иван. Ну, будет! Я весь дрожу!

Любовь (Якову). Уйдём отсюда!

Яков (напрягая силы). Мне стыдно назвать тебя братом, Иван. Мне страшно за твою судьбу, за детей... я боюсь, что они назовут тебя...

Надежда (громко). Вы не уполномочены говорить от нашего имени!

Иван (встаёт). Что ты, брат? Разве я поступил так плохо? Что ты? Ты ошибаешься!

Любовь (Якову). Иди! Нет слов, которые разбудили бы совесть этих людей, их мёртвую совесть...

Александр (Гримасничая).

А Кассандра, обняв Александра,
Под чинарой сосёт пеперменты...
(Пётр протянул руки к отцу, желая что-то сказать, и тихо опускается на пол в обмороке.)

Иван (тревожно). Что с тобой? Что с ним?

Любовь (спокойно). Вы убьёте и этого мальчика...

Софья (в страхе). Да! Иван, да! И его – тоже...

Надежда (отцу). Это простой обморок, папа! Он бегал, ему нельзя бегать. Уйдите отсюда, вам нужно успокоиться!

Александр (берёт его под руку). Идём, отдохни!

Федосья. Вот – задавили ребёнка...

Иван. Подожди... Что он?

Яков. Уйди... прошу тебя!

Иван. Конечно – дом твой, и ты имеешь право гнать меня... Но дети мои, я тоже имею право...

Надежда. Ах, да иди же!

Александр. Ну, нервы же у всех здесь!

Федосья. Экая склока... экие несуразные...

(Иван, Надежда и Александр уходят.)

Иван (уходя). Бедный мальчик... Его гоняют за какими-то там...

Яков. Вот, Соня, видишь? Ребёнок и подлец...

Софья (поднимая Петра). Не говорите ничего, ради бога! Помогите мне, Люба... Вера, помогите же...

Федосья. На-ко вот... берегла всех пуще глаза...

Любовь. Таких детей надо держать в больницах, а подлецов в тюрьмах...

Вера (кричит). Не смей так говорить о папе! Он не ребёнок и не подлец! А вот ты – злая кошка!

Яков. Вера, голубушка моя...

Вера (горячо). Ты, дядя, тоже злой! Ты всю жизнь ничего не делал, только деньги проживал, а папа – он командовал людьми, и это очень трудно и опасно: вот, в него даже стреляли за это! Я знаю – вы говорите о нём дурно, – что он развратник и пьяница и всё, но вы его не любите, и это неправда, неправда! Развратники и пьяницы не могут управлять людьми, не могут, а папа – мог! Он управлял и ещё будет, – значит, он умный и хороший человек! Никто не позволил бы управлять собою дурному человеку...

Федосья (смеясь). И эта кукует – глядите-ка!

Пётр (поднимаясь на ноги). Вера, наш отец – дурной человек...

Вера (с большой силой). Ты – не понимаешь! Он – герой! Он рисковал жизнью, исполняя свой долг! А вы... что вы делаете? Какой долг исполняете? Вы все живёте неизвестно зачем и завидуете отцу, потому что он имеет власть над людьми, а вы ничего не имеете, ничего...

Федосья. Детки мои, детки!.. Охо-хо...

Занавес

Действие четвёртое

Комната Якова; он полулежит в кресле, ноги укутаны пледом. Федосья, с вязаньем в руках, сидит в глубине комнаты, на фоне ширмы. Иван, возбуждённый, ходит. В камине тлеют угли, на столе горит лампа. Говорят тихо. В соседней комнате у пианино стоит Любовь.

Иван. Это твоё последнее слово?

Яков. Да.

Иван (искренно). Изумительно жестокий человек ты, Яков! Это ты испортил мне жену, она была мягка, податлива...

Яков. Пощади себя! Ты стоишь на позиции унижительной!

Федосья. Вот когда так говорят, дружно, тихонько, так и слушать приятно голоса-то человеческие...

Иван. Не учи, я старше тебя...

Яков. Я сказал, что не могу считать тебя порядочным человеком, а ты просишь у меня денег!

Иван (почти искренно). Да, ты меня оскорбил, а я прошу у тебя денег! Да, ты был любовником моей жены, а я вот ползаю перед тобой! Не думай, что мне это весело, не думай, что я не хотел бы отомстить тебе, – о-о!

Яков. Да не говори же ты пошлостей!

Иван (с пафосом). Но ты болен – это защищает тебя! А я – нормальный, здоровый человек, и я – отец! Ты не понимаешь душу отца, как русский не может понять душу жида... то есть – наоборот, конечно! Отец – это святая роль, Яков! Отец – начало жизни, так сказать... Сам бог носит великое имя отца! Отец должен жертвовать для своих детей всем – самолюбием, честью, жизнью, и я – жертвую! Исполняя этот долг, я попираю моё самолюбие – иду в исправники... бывший полицеймейстер! Исполняя его, я слушаю оскорбления родного брата, и не я ли подставлял грудь мою пулям злодеев, исполняя великий долг мой!

Федосья. Этот уж закричал... не может потерпеть, у!.. Не глядела бы... (Встаёт и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru уходит.)

Яков. Забудь это... Пойми, несчастный человек, что ты погубил своих детей... Где Вера?

Иван. Её найдут! Она воротится, дрянь...

Яков. А Петя? Ты ему душу разбил!

Иван. Это болезненный мальчик, ему нужно лечиться! Его нужно отвести от вас – вот главное! Вы мне испортили его!

Яков (обессилев). Я не могу говорить... до твоей души ничего не доходит.

Иван (снова впадая в высокий стиль). Душа моя одета в панцирь правды, стрелы твоей

злости не коснутся его, нет! Я – твёрд в защите моих прав отца, хранителя устоев жизни! Иван Коломийцев непоколебим, если дело идёт о его праве быть верным самому себе!

Любовь (входит). Прости, отец, я должна вмешаться и кончить эту беседу, тебе вредно волноваться. Иван Данилович, отец уже сказал вам, что он не даст денег, я прибавлю: он не мог бы дать, если бы даже и хотел. Деньги отданы госпоже Соколовой на залог за её сына.

Иван (всплеснув руками). Какая злая ирония! Эх, Яков!

Любовь (с насмешкой). Если бы вы заявили о вашей ошибке, деньги попали бы к вам...

Иван. А место исправника – Ковалёву? Вы напрасно выскочили, Любовь Яковлевна, вы ещё молоды для того, чтобы понять всю сложность жизни и мою мученическую роль в ней!

Любовь. Хорошо, но отцу – вредно...

Иван. А мне полезно слушать ваши дерзости? У меня, должно быть, нет сил убедить тебя, брат! Что же я буду делать? Ты погубишь меня, Яков, если не дашь денег... и меня погубишь, и Софью, и детей...

Любовь (холодно). Дети ваши уже погибли...

Иван. Молчите вы... птица! Яков, судьба моя и всей семьи моей зависит от тысячи двухсот рублей... пусть будет ровно тысяча!.. Ты мягкий, не глупый человек, Яков; сегодня решается вопрос о моём назначении – Лещ поехал дать этому делу решительный толчок... Как только меня назначат, мне сейчас же понадобятся деньги! Я ухожу, оставляя тебя лицом к лицу с твоею совестью, брат мой! (Подняв голову, уходит. Яков со страхом смотрит ему вслед, Любовь усмехается.)

Яков (тоже слабо усмехаясь). Кошмар какой-то, а не человек! Ты видишь – он ужасно нравится себе! В молодости он играл на любительской сцене, и – смотри, в нём ещё не исчез актёр на роли героев... (Помолчав.) Он заставит меня дать ему эти деньги!

Любовь (глухо). Я не могу себе представить человека вреднее, противнее, чем этот...

Яков (беспокойно). Люба, дорогая моя, как ты резко... зачем?

Любовь (тихо и холодно). Скажи – что мне делать?

Яков (не сразу). Я не умею ответить тебе... Всё это случилось так вдруг и раздавило меня. Я жил один, точно крот, с моей тоской и любовью к маме... Есть люди, которые обречены судьбою любить всю жизнь одну женщину... как есть люди, которые всю жизнь пишут одну книгу...

Любовь. И напишут плохо...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru Яков (искренно и просто). Да! Желая скрыть своё ничтожество, они прячутся в ничтожный труд и ободряют себя сомнительным утешением: я весь в одном!

Любовь (задумчиво). Ты искренен... но это лишнее...

Яков (тихо). Тебе не жаль меня?

Любовь (тихо двигаясь по комнате). Мне горько и обидно, что я ничего не могу делать! Я хотела бы вытащить отсюда Веру и Петра, но я не знаю – как? Не умею...

Яков. В тебе есть что-то страшно холодное!

Любовь. Вероятно, злоба на своё бессилие... (Помолчав.) Зачем ты отдал меня в эту яму пошлости и грязи?

Яков. Не спрашивай меня! Ты знаешь, Соня не хотела сознаться, что ты моя дочь...

Любовь (усмехаясь). Однако вы, отцы и матери, ужасно легко и просто играете детьми.

Яков. Не будь жестокой...

Любовь (холодно). Да... это бесполезно!

Софья (входит, убитая). Я не нашла её... ничего не узнала...

Яков. Какая ты бледная, страшная...

Софья (думая о другом). Там Якорев пришёл. Сегодня он почему-то груб и дерзок.

Любовь. Мне кажется, он должен знать что-нибудь в этой истории с Верой...

Софья. Что будет с нею? Это бог мстит мне за тебя, Любовь...

Любовь. Глупости, мама! Какое дело богу, природе, солнцу – до нас? Мы лежим на дороге людей, как обломки какого-то старого, тяжёлого здания, может быть – тюрьмы... мы валяемся в пыли разрушения и мешаем людям идти... нас задевают ногами, мы бессмысленно испытываем боль... иногда, запнувшись за нас, кто-нибудь падает, ломая себе кости...

Яков (тихо). Не говори так безнадежно!

Софья (стонет). Где она может быть, Вера?

Яков. Надежда тоже ищет?

Софья. И Александр и зять... Какой скандал!

Любовь. Это хуже, чем скандал, мама!

Софья. Я знаю, знаю... Я ведь говорила: нас постигнет несчастье...

(Шумно идёт Иван, он тащит за руку Якорева. Околоточный смотрит исподлобья, но спокоен.)

Иван (с яростью). Поздравьте – это мой новый зять! Каков мерзавец, а?

Якорев. Вы не ругайтесь!

Иван. Да я тебе рожу разобью!

Софья. Вы... Вера у вас?!

Якорев. Я знаю, где она...

Иван (грозно). Сейчас же подай её сюда, прохвост!

Софья (умоляя). Отдайте её... У вас ничего нет, её ждёт нищенская жизнь, она ведь

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
ничего не умеет делать... вам нужно не такую жену...

Якорев (опуская голову). Но она уже... мы женились...

Софья (падая на стул). Да?

Иван (хватая Якореву). Ты лжёшь! Ты не сказал мне этого... Она не могла, не смела...

Якорев. Не трогайте меня... дайте сказать...

Яков. Оставь, Иван!

Любовь. Горячиться поздно. (Якореву.) Вы – её муж? Правда?

(Якорев молча опускает голову.)

Иван (кричит). Он лжёт! С лица земли сотру...

Якорев. Дайте объясниться...

Яков. Пусть он расскажет...

Иван. Говори, собака!

Якорев. Если вам дорога ваша дочь, не обращайтесь со мною грубо...

Иван. Ты мне грозишь... Мне?

Якорев. Вера Ивановна сама предложила мне увезти её...

Иван. Лжёшь!

Якорев. А теперь послала сказать вам, что если уж случилось это – надо уступить её желанию. Вы обещали дать за неё Ковалёву пять тысяч, – мы с вас возьмём четыре... А когда вы будете исправником, то возьмёте меня к себе в уезд приставом...

Иван (неопределённо). Ах, бестия! Каково?

Софья. О, боже мой!

Яков (торопливо, заикаясь). Надо уступить им! Это разумнее твоего плана, Иван, видишь? Я дам денег, и всё будет хорошо! Если они любят друг друга – не ломайте их любви! Нужно охранять любовь... это хрупкий цветок, редкий цветок... и только раз в жизни цветёт он, только раз!

Любовь (холодно). Перестань! Тебе вредно... Пора брать ванну, идём!

Яков. Нет, подожди...

Любовь (помогая ему встать). Пора! и тебе не следует вмешиваться в это дело – пойми, здесь бесполезно всё, а тем более твоя лирика... (Уводит его через дверь в углу.)

Иван (Якореву, удивлённо). Но как ты смел? Как ты решился?

Якорев (скромно). Если мне выпадает хороший случай, я должен им воспользоваться...

Иван. Случай! Софья, а? Наша дочь только случай для околоточного!

(Софья неподвижно смотрит перед собою, пальцы её рук дрожат и щиплют платье.)

Якорев (философски). Я начинаю околоточным, кто знает, чем я кончу?

Иван. Острогом! Каторгой, скотина!

Якорев. Иван Данилович, не кричите! Ведь я всё-таки теперь родня вам... (Видит Веру; она быстро и бесшумно идёт к отцу.) Вы! Зачем же вы...

Вера. Папа!

Иван. Убью!

Софья (не вставая). Вера... (Протягивает к ней руки.)

Вера (твёрдо). Папа, я глупая девчонка, я получила за это жестокий урок. Не одна я виновата в том, что глупа...

Иван. Ага, Софья! Вот, слышала? Она понимает, кто виноват!.. Продолжай, ну...

Софья (тихо). Вера, зачем ты сделала это?

Вера. Якорев, вы уходите... идите в гостиную!

Якорев (покорно идёт). Хорошо... Только я не понимаю, что вы делаете?

Иван. Она командует! Да понимаешь ли ты, что опозорила меня?

Вера. Папа, я согласна выйти замуж за Ковалёва, слышишь?!

Иван. Теперь? Да разве порядочный человек возьмёт тебя теперь?

Вера (ласково, с горечью). Но, папа, ведь Ковалёв мерзавец, ты говорил!

Иван. А ты – распутная!

Софья (встаёт, с угрозой). Молчи!

Иван. Так? Ну и делайте, что хотите!

Вера. Ты, папа, тоже будешь делать, что я хочу!

Иван (прислушиваясь). Я?

Вера. Ты сегодня же пригласишь Ковалёва, всё остальное – моё дело!

Иван (подозрительно). А где приданое? Где ты возьмёшь пять тысяч, а?

Вера. Это не нужно...

Иван. Не нужно? Гм...

Вера. Ковалёв богат. Ему нужна я, а не деньги... Денег он сам наворует...

Иван (искренно, с ужасом). Как говорит эта девчонка!

Софья. Оставьте нас на минуту...

Иван (идёт, рад уйти). Да, я уйду... Я готов бежать от вас на край света, безумные люди! (Уходит.)

Вера (смотрит на мать и говорит растерянно, грустно). Вот, мама, что со мной случилось... (Софья молча обнимает её.)

Софья. Дитя моё! Неужели ты его любишь?

Вера (усмехаясь). Это такой маленький, жалкий трусишка.

Софья. Но как же ты могла?..

Вера (пожимая плечами). Так... Дурной сон! Я думала – всё это выйдет иначе. Разве нет честных мужчин, мама? (Вздвигнув, она тихо плачет, смотрит на своё отражение в зеркале и говорит сквозь слёзы.) Бедная Верка, нос у тебя красный, лицо жалкое, и вся ты – как побитая собачонка... Мама, иди и пошли мне моего героя! Героя, мама! И не говори мне ничего, прошу тебя. Потому что ты ведь тоже

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru виновата не меньше меня в этой истории, да, мама... И за эти три дня я уже наговорила сама себе таких вещей, что никто мне не скажет ни хуже, ни больше... Я вдруг стала маленькой старушкой, сердце у меня задохнулось... Это на всю жизнь, мама! Ведь сердце умирает сразу, с первого удара! (Смотрит на мать и говорит беззлобно, но жёстко.) Я буду холодная и злая, как Любовь... Ах, господи, я тоже буду с радостью мучить людей, только попадись мне кто-нибудь! Такая дрянь эти люди, мама, такая жалкая дрянь! Иди, зови его!

(Софья уходит, Вера остаётся одна, схватывается руками за голову и несколько секунд смотрит в пространство широко открытыми глазами, губы у неё шевелятся. Слышит шаги Якорёва, оправляет волосы, лицо её становится спокойно, деловито.)

Якорев (укоризненно). Что же это вы делаете? Начали вполне серьёзно и – вдруг – явились сюда! Вы должны были, как условлено, сидеть и ждать, когда я добьюсь согласия на брак, и я уже почти добился... а теперь – я даже не понимаю...

Вера (спокойно). Я раздумала. Решила выйти за Ковалёва.

Якорев (не сразу, зло). Правда?

Вера. Да.

Якорев. Ну, это вам не удастся!

Вера (сдерживая задор). Почему?

Якорев. Я не позволю!

Вера (задорно). О! Неужели? Серьёзно?

Якорев. Как нельзя более... Только попробуйте!

Вера. И – что же?

Якорев. Немедленно ослаблю на весь город. Вы понимаете? Не то что Ковалёв – лакей из трактира не возьмёт вас! Я шутить с собой не позволю... я не женщина...

Вера (улыбаясь). Вы меня так испугали, что я когда-нибудь умру...

Якорев (возмущён). Вы не шутите! Какое безобразие! Сама же затеяла всю историю, а потом...

Вера (спокойно). А когда увидела, что вы мелкий трус, воришка и взяточник...

Якорев (яростно). За эти слова я тебя заставлю много плакать...

Вера (строго). Молчать, хам!

Якорев (вздрогнув, вытянулся и изумлённо осмотрелся, как будто поискал, где спрятано начальство, затем с угрозой). Хорошо!

Вера (подходя к нему). Послушай, околоточный: той девушки, которая ночевала у тебя две ночи и одну из них – против воли своей – с тобой, – этой девушки больше нет.

Якорев (предчувствуя что-то опасное для себя, бормочет). Конечно...

Вера. Ты поймёшь это не сейчас. Глупая девчонка умерла, и родилась женщина, которой нечего бояться, некого жалеть. Ты хочешь опозорить меня, но ведь ты уже лишил меня стыда, и позор мне не страшен. Что такое позор? Это когда будут говорить, что я жила с тобой? (Смеётся сухим смехом.) Пусть скажут. Я сама это знаю! Ну, что же? Теперь вот я буду жить с Ковалёвым, по закону, но не желая этого, как не хотела жить с тобой... не всё ли мне равно? Ты хочешь этому помешать? Ты, сделав меня бесстыдной, думаешь испугать меня? Чем же? Тем, что расскажешь об этом людям. А какое мне дело до людей? Ты, такой ничтожный, ничего не можешь сделать... Не всякий подлец вреден, иной только жалок... Ступай вон!

Якорев (слушает её сначала со злой усмешкой, но слова её звучат всё тише и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru крепче, они пугают его, наконец он говорит, смущённо пожимая плечами). Вы однако... вы забыли, что первая начали дело...

Вера (спокойно). Ступай вон, я говорю!

Якорев (огорчённо). Если бы я знал, что вы такая...

Вера. То... что?

Якорев (соображая). Не связывался бы... Вы, в сущности, обманули меня... Повредить мне для вас не легко, я это понимаю. Отец и брат – оба в полиции... да если ещё муж... конечно, меня загрызут... Я готов дать вам честное слово...

Вера (кричит). Уйди прочь!

(Он быстро уходит. Софья бежит, Вера бросается встречу ей.)

Софья (испуганно). Что ты кричишь? Он был груб с тобой?

Вера (задыхаясь от возбуждения). Он вёл себя, как рыцарь, мама! Я сказала ему: дорогой мой, я тебя люблю...

Софья. Ты говорила – не любишь...

Вера. Подожди, мама!.. На пути нашем к счастью сказала я, неодолимые препятствия... Я всё уничтожу или умру, ответил подлец... то есть – герой, мамá. Мы говорили долго, красиво, и оба плакали от восторга друг перед другом, две чистые, две пылкие души.

Звёзды ясные, звёзды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные...
и обманули одну маленькую девочку... Но, говоря о любви, мама, он употребляет слишком много вводных предложений... это всегда противно, и я сказала ему уйди прочь!

Софья. Родная моя, дитя моё...

Вера. Нет, я закричала, потому что мне сделалось больно, нестерпимо больно! Моя милая мама как это всё случилось? Ведь я шутила, играла, – скажи мне, разве нельзя шутить, нельзя верить в хорошее?

Софья. Что я тебе скажу?

Вера (помолчав, серьёзно). Я никогда не решусь иметь детей, это страшно!.. Я тоже не понимаю ничего не понимаю и не могла бы сказать им ничего...

(В столовой голоса Надежды и Александра.)

Вера. Брат и сестра идут... спрячь меня! Они меня тоже искали? Не пускай их ко мне... не нужно!

(Софья уводит её через дверь в углу.)

Вера (на ходу) Мама, ты тоже верила в хорошее когда была девушкой?

Софья. Тоже...

Вера. А может быть, все герои – лгуны?..

(В столовой раздаются голоса.)

Александр. Я надаю ей пощёчин!

Надежда. Ах, дура, дура...

Иван. Но каково это отцу!

Надежда (заглядывая в комнату Якова). Здесь нет её.

Иван. Удар за ударом падает на мою голову!

Александр. Надо скорее выдать её за Ковалёва!

Надежда. Ну конечно...

Иван. Да, если он её возьмёт!

Надежда. Не беспокойся, возьмёт!

(Голоса стихают, видимо, перешли в гостиную. Идёт Пётр, бледный, на лице пьяная улыбка, садится в кресло, закрывает глаза. Из маленькой двери выходит Софья; она наливает в стакан воды из графина на столике у кровати Якова.)

Пётр. Опять кто-нибудь плачет?

Софья. Ты пришёл? Где ты был?

Пётр. Кто это плачет?

Софья. Вера...

Пётр. А, она вернулась...

Софья (подходя к нему). Да.

Пётр (усмехаясь). Отсюда не уйдёшь... не-ет! И пробовать не стоит...

Софья (тихо). Петя, ты выпил?

Пётр. Чуть-чуть, мама! Совсем немножко...

Софья. Зачем? ведь это для тебя самоубийство!

Пётр. Самоубийство – глупость! Ужасно дрянно, когда люди моих лет стреляются.

Софья. Господи! Как страшно ты говоришь! И – где ты был?

Пётр (усмехаясь). У Кирилла Александровича. Но я больше не пойду к нему и вообще в ту сторону. Там – строго! Там от человека требуют такую массу разных вещей: понимания жизни, уважения к людям и прочее, а я... как пустой чемодан. Меня по ошибке взяли в дорогу, забыв наполнить необходимыми для путешествия вещами...

Софья. Тебя там и напоили?

Пётр. Боже сохрани! Там пьют чай с философией и всякими другими премудростями, но... даже варенья не дают! Нет, я зашёл в трактир. Вот это хорошо!

Софья. Иди к себе и ляг...

Пётр (задумчиво). И лежать... А вместе с тобой ляжет такая холодная, тяжёлая тоска... Какие средства ты знаешь против тоски?

Софья. Я ничего не знаю. Я боюсь говорить. Если бы все мы лгали – это было бы лучше...

Пётр. Молчать – лгать, говорить – лгать... Ну, иди, отирай слёзы... Неси воду... Это – верё?

Софья (идёт). Да... Я позабыла...

(В двери сталкивается с Любовью и Яковым.)

Любовь (Якову). Теперь – легче?

Яков (хрипло). Да... немного...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Любовь. Очевидно, что ванны вредны тебе...

Яков. Пожалуй, так... Но Лещ этот...

Любовь. Я приглашу другого доктора...

Яков. Неудобно... Лещ обидится...

Пётр (вставая). Извиняюсь... я занял ваш трон!

Яков (усмехаясь). Сиди, сиди. Я лягу на постель... мне и сидеть трудно!

Пётр (Любови). Ты видела Веру?

Любовь (устраивая Якова). Пришла?

Яков. Ну, что? Как она?

Пётр. Я не видел.

Любовь (Петру). Побудь здесь, я пойду к ней... (Уходит.)

Яков. Нестерпимо жалко бедную девочку...

Пётр. Разве человеку легче, если ты польёшь уксусу на рану его?

Яков (удивлённо). Ты точно Люба...

Пётр. Люба? Она всегда видит больше других и оттого такая злая... О, вот идут люди разума...

Яков (с гримасой). Они станут кричать здесь, эх...

Надежда (входит). Вы куда это спрятали Веру?

Александр. Как глупо!

Пётр. Она с мамой...

Надежда (присматриваясь). Ты что такой трёпанный? (Уходит в маленькую дверь.)

Александр. Как вы чувствуете себя, mon oncle?

Яков. Неважно... неважно...

Александр. Сердце? hélas... [9] Закурим...

Яков. Я бы попросил тебя...

Александр. Ah, pardon! При сердце табак вреден, а также вино, женщины и всё остальное!

Пётр. Какой он остроумный, дядя!

Яков (грустно). Да...

Александр. А ты зачем здесь?

Пётр. Дядя, один гимназист – ужасный комик – однажды сказал:

Чтобы не повредить покою своему,
Не спрашивай людей – зачем и почему...

Александр. Му-му-му – какие-то телячьи стихи!

Надежда (выскакивает, возмущённая). Любовь просто обезумела от злости!

Александр (закуривая). Что ещё?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Надежда. Дядя, вы имеете на неё влияние, вы должны укротить её, она развращает Веру...

Яков (волнуясь). Развращает? Люба...

Надежда. Что за идеи у неё!

Яков (Александру). Я вас просил не курить здесь...

Александр. О, pardon!

Яков (слабо). Я не могу спорить, Надя, – мне худо... Но говорить так о Любе... прошу... не надо...

Надежда. Она внушает Верке мерзости!

Иван (идёт). Гм... а Леща всё нет...

(Маленькая дверь с шумом растворяется, выскакивает Вера, за нею идут Софья и Любовь.)

Вера (горячо, с тоскою). Вы обе – и ты и мама – ошибаетесь! Папа, ты честный, хороший человек!

Иван (торжественно). Несчастливая! Тебе ли сомневаться в этом?

Пётр (грустно усмехаясь). Эх, Верка...

Вера. Папа, не говори так... с жестами! Пусть я дурная, пусть грязная, но ведь я – дочь тебе, я кровь твоя!

Иван. О, да, к несчастью...

Пётр. Какой прекрасный комик пропадает!

Вера. Папа, скажи мне, отвечай!

Яков (его не слышат). Уйдите... здесь не место...

Иван (отталкивая Веру). Ты не имеешь права спрашивать меня!

Вера. Не имею?

Иван (идя к Петру). Ты что сказал?

Александр (удерживая его). Стой, отец, я надеру ему уши.

Софья (спокойно). Не смей!

Пётр (выступая из-за её плеча). Хочешь драться, полицейский?

Иван. Вот! Вот, Надя...

Вера (с отчаянием). Папа, я тебя прошу...

Пётр (бледный, трясётся). Отец, она имеет право требовать у тебя ответа, она не знает – кто ты? Мы оба спрашиваем, – впрочем, я не буду, но ей, чтобы жить, нужно знать – честный ли человек её отец?

Иван (поражён). Что? Что?

Надежда. Петька, замолчи!

Софья (тихо, внушительно). Пусть они говорят!

Пётр. Я думаю, отец, что нечестные люди, больные – вообще, нехорошие люди – не имеют права родить детей...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Александр (усмехаясь). Вот осёл! Разве это делается по праву?

Пётр (пьянея от возбуждения). Отец, я так думаю! Разве дети для того, чтобы стыдиться своих отцов? Разве они для того, чтобы оправдывать и защищать всё, что сделано их родителями? Мы хотим знать, что вы делаете, мы должны понимать это, на нас ложатся ваши ошибки!

Иван. Что он говорит? Продолжай, дрянь...

Пётр. Ты дал мне жизнь, ты воспитал меня – почему же я дрянь? Я твоя кровь, отец!

Вера (жалобно). Петя, молчи!

Яков (тихо). Люба! Скажи им, что я не могу... (Любовь не слышит его.)

Пётр. Отец, ты честный человек?

Вера (требует). Мама, проси его, чтобы он ответил, проси!

Иван (растерянно). Послушай, скверное животное...

Пётр. Вот, Вера, слушай!

Иван (впадая в обычный, фальшивый тон пафоса). Слушай и ты, развратная девчонка...

Софья. Молчи, Иван, не губи себя до конца! (Вдруг опускается на колени.)
Простите меня!

Надежда. Что за комедия? Мама, стыдитесь!

Иван. Ф-фу, чёрт возьми!..

Софья. Я могу только это. Простите меня, дети, за то, что я родила вас, – вот что я могу сказать...

Любовь (бросаясь к ней). Встань, мама, это бесполезно!

Софья (мужу). Проси у них прощения, это всё хорошее, что мы можем сделать...

Иван. Ты... ты понимаешь, что ты делаешь? (Бежит из комнаты и орёт.) Вы меня хотите с ума свести!

Надежда (матери). Вы убиваете уважение к себе!

Пётр (грустно). Мама, вот это и есть – трагический балаган!

Вера (горячо). Она – искренно!

Пётр. Не всё ли равно?

Яков (тихо). Люба... Соня... (Он делает попытку встать, опрокидывается, хрипит, и рот у него открывается, точно для крика.)

Софья. Я виновата перед вами, перед всеми, перед каждым! Что с вами будет?

Пётр (увидел лицо дяди, вздрогнул, подошёл к нему и, посмотрев, торжественно говорит). Дядя Яков – умер...

(Все на момент оцепенели, молчат, потом медленно, осторожно подходят к мёртвому.)

Любовь (тихо). Только так можно уйти из этого дома... Одна дорога...

Пётр. Другая – смерть души...

Софья (подавленно). Это мы его убили...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Вера (смотрит на всех). Почему я не боюсь?..

Надежда (уходит). А мужа дома нет... ах, боже мой!

Иван (в столовой). Ага-а! Теперь я буду говорить иначе! Да, теперь...

Любовь. Скажите им, чтобы не кричали...

(Никто не идёт.)

Иван (при входе встречает Надежду). Эй, вы! Я назначен... что? (Входит в комнату Якова.) Умер... (Вытягиваясь на носках, смотрит в лицо брата через головы Софьи и детей.) Умер... Как же это? Надо доктора! Позовите Леща, он пришёл...

Лещ (входит). Почему же нет радости, так естественной в этом случае?

Надежда (тихо). Шш! Дядя умер...

Лещ. Н-но? (Подходит, берёт руку Якова.) Н-да... Этого, разумеется, нужно было ждать каждый час... но всё же смерть никогда не является в пору... гм...

(Все молчат, как будто ждут чего-то. Александр вошёл, понял, что случилось, и лицо у него стало довольное. Иван тревожно оглядывается, переминаясь с ноги на ногу, покашливает тихонько, на минуту закрыл глаза и начинает говорить сначала мягко, почти искренно, потом снова впадает в фальшивый, напыщенный тон.)

Иван. Дети, друзья мои! Здесь, окружая дорогое нам тело умершего, пред лицом вечной тайны, которая скрыла от нас навсегда – навсегда... э-э... и принимая во внимание всепримиряющее значение её... я говорю о смерти, отбросим наши распри, ссоры, обнимемся, родные, и всё забудем! Мы – жертвы этого ужасного времени, дух его всё отравляет, всё разрушает... Нам нужно всё забыть и помнить только, что семья – оплот, да...

(Пётр осторожно и бесшумно закрывает ширмами постель дяди и печально смотрит на отца.)

Федосья (идёт и бормочет). Скончался, тихий...

Иван. Семья – вот наша крепость, наша защита от всех врагов...

Софья (тихо). Перестань...

(Иван надулся, готовый крикнуть, но оглянул всех и, гордо подняв голову, уходит, громко топая ногами. За ним выходят Лещ, Надежда, Александр. Остальные окружают мертвеца. Вера сжалась в комочек и беззвучно плачет. Пётр слепыми глазами смотрит на мать. Любовь смотрит сурово и неподвижно. Софья блуждающими глазами осматривает детей, как бы молча спрашивая их.)

Федосья (за ширмами). Царица небесная, прими раба твоего жалкого...

Пётр (глухо). Если бы я веровал в бога – ушёл бы монастырь...

Софья. Господи! Великий господи! Такая страшная жизнь и смерть в конце её... за что?

Любовь (как в бреду). Жизнь и смерть – две подруги верные, две сестры родные, мама.

Софья. Я не знаю... ничего не знаю...

Пётр. В чём я виноват? И Вера? Все мы?

Любовь. Смерть покорно служит делу жизни... Слабое, ненужное – гибнет...

Федосья (бормочет).

Занавес

Чудаки

Сцены

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Константин Мастаков.

Елена.

Вукол Потехин.

Николай Потехин.

Ольга.

Медведева.

Зина.

Вася Турицын.

Самоквасов.

Саша.

Таисья.

Заметка для артистов

Мастаков – в каждый данный момент искренен. Увлекаясь – говорит очень просто, без пафоса, без аффектации и смотрит неотрывно в лицо собеседника. Раздраженный – беспомощен и слегка комичен. Красивые жесты, гибкое тело. Кокетлив, но – бессознательно. Слушая речи людей – склоняет голову набок и смотрит на них одним глазом, как птица.

Вукол Потехин – как будто потерял нечто, но не хочет, чтобы люди заметили это. Его балагурство – назойливо; под желанием смешить людей скрыто старческое равнодушие к ним. Чувствует себя одиноким и при удобном случае мстит за это окружающим его. Но когда его слушают, доволен вниманием людей, молодеет, становится проще, симпатичнее.

Николай Потехин – тяжёл, груб, к людям относится безучастно, любит подавлять их, рисуясь своей угрюмостью. Считает себя глубокой натурой. Вульгарен. От избытка самолюбия он неспособен любить; его отношение к Елене слагается из чувственного увлечения и зависти к Мастакову. В последней сцене искренен, как побитый.

Самоквасов – добрый, бесхарактерный человек, надоел сам себе, ищет, кто бы взял его в руки. Ни на минуту не забывает своего прошлого, и ему неловко среди людей, которых он впервые видит близко и неясно понимает. Доктор Потехин внушает ему антипатию, близкую к физическому отвращению. Держится, как военный, часто слишком подчёркивая это.

Вася – прищуривает глаза, в надежде казаться умнее и острее.

Елена – беззаветно и честно любит мужа, убеждена, что в её позиции нельзя себя вести иначе. Знает также, что в этой игре она рано или поздно окажется проигравшей всё. Её сдержанность – внешняя, а внутри она всё время жарко горит. Очень пластична, одета просто и изящно.

Ольга – ей за тридцать лет. Авантюристка, которая торопится найти что-нибудь прочное. Слишком много испытала для того, чтобы верить людям и огорчаться неудачами. Теряется перед Еленой, потому что не понимает её способа самозащиты. Торопливость мешает ей быть более стойкой, разгадать тактику Елены. Отнюдь не вульгарна. Эффектнее Елены и, конечно, опытнее её.

Зина – человек, который не смеет быть самим собой. Очень мила и красива.

Саша – строгое, даже несколько суровое лицо человека, видевшего много горя и нужды.

Действие первое

Дача в сосновой роще; сквозь редкие стволы видно стену дома, два окна, затянутые марлей, дверь и невысокую террасу. На первом плане стол, устроенный вокруг ствола большой сосны, кресло-качалка, плетёные стулья. Висит гамак. Поздний вечер, лунный свет. Когда поднимают занавес, среди деревьев видно серую фигуру доктора Потехина, он в шляпе, широком пальто. Прислушивается, глядя в сторону дачи, и, пожимая плечами, уходит не спеша налево. Через несколько секунд на террасу выходят Мастаков и Ольга, идут наискось и направо.

Мастаков (вполголоса, весело целуя руку Ольги). Какая добрая, милая...

Ольга (оглядываясь). Ш-ш! Кто-то ходит...

Мастаков. Никого нет. Николай в городе, Елена у Медведевых... Дома только землемер, но он ищет противоречий, и всё ему чуждо, кроме них. (Целуя щёку Ольги.) Вот ты увидишь – я напишу пресмешной рассказ о нём...

Ольга. Ну – я иду... Не провожай...

Мастаков. Подожди! Посиди со мной. Мне хочется рассказать тебе...

Ольга (пытливо). Нас могут заметить, ты не боишься?

Мастаков. Мне хорошо, легко с тобой... Не хочется, чтобы ты уходила...

Ольга. Ага-а! Ты сколько времени не замечал, что я тебя люблю? Теперь я тоже начну бегать от тебя...

Мастаков. Господи, как всё это просто, легко и красиво...

Ольга (освобождая руку). Ну, до свиданья... до завтра!

Мастаков. Нет, подожди... дай мне сказать...

Ольга. Тише! Что ты кричишь?

(Они прошли направо, их не видно. Из-за угла дома смотрит вслед им горничная Саша. Мастаков возвращается, улыбаясь, мягко жестикулируя. Слева идёт Потехин, надвинув шляпу на брови, держа руки за спиной.)

Потехин (подозрительно). Кого это ты провожал?

Мастаков (подумав, с улыбкой). Не знаю.

Потехин. И целовал?

Мастаков (смущён, смеясь). Целовал! Друг мой – разве об этом спрашивают?

Потехин (настойчиво). Мне показалось...

Мастаков (быстро). Тебе часто кажется... странное! Ты только сейчас из города? Что там нового?

Потехин. Ничего, конечно.

Мастаков. А в газетах?

Потехин. Есть две статьи о тебе...

Мастаков. Хвалят?

Потехин (с улыбкой). Н-ну... не очень... Больше ругают, пожалуй...

Мастаков (садясь в гамак). Значит – можно не читать.

Потехин (скучно). Ты читаешь только похвалы?

Мастаков. Если ругают – неприятно читать, а хвалят – вредно. Похвалы внушают эдакие (вертит пальцами над головой) вредные идеи. Когда меня впервые назвали талантливым, так я, брат, такой безобразный галстух купил себе, что жена (вздыхнув) осмеяла меня беспощадно.

Потехин. Она где?

Мастаков (оглядываясь). Пошла к Медведевым. Жениху Зины плохо...

Потехин. Умрёт он.

Мастаков. Вероятно. И ты умрёшь, со временем.

Потехин (думая о чём-то другом). Ну, мы с тобой не скоро. А он – скоро. Молодому неприятно умирать.

Мастаков (с лёгкой досадой). Кажется, я уже слышал однажды этот афоризм.

Потехин (так же). Особенно неприятно умирать... оставляя невесту...

Мастаков. Ты это испытал? Ух, скучный ты... странный ты человек! Юноша знает, что ему не жить, но – ведь он не стонет, не жалуется, он умеет скрыть свою тоску... и это благородное уменье, эта прекрасная сдержанность как будто раздражают тебя... и других! Вы ходите вокруг него и ворчите – умирает, умрёт...

Потехин (усмехнулся). Ты – слеп! Или, по обыкновению, сочиняешь.

Мастаков. Право, если бы этот Вася умер со смехом, с радостью, ты, пожалуй, возненавидел бы его!

Потехин (ворчит). Что за чепуха...

Мастаков (настойчиво). Уж наверное ты сказал бы, что он сошёл с ума...

Потехин (небрежно). Зина когда была здесь?

Мастаков (устало). Часов в пять... около этого.

Потехин (глядя в землю). Елена Николаевна пошла с нею?

Мастаков. Да.

Потехин. И не возвращалась?

Мастаков. Нет.

Потехин. Так! Гм! Значит, ты... (Тихо.) Константин, мы с тобой старые товарищи...

Мастаков (отмахнувшись). Иди, отдохни, старый товарищ. Ты устал. Береги себя. Твоя культурная деятельность...

Потехин (угрюмо). Не дури!

Мастаков. Иди, иди. Знаю я тебя! Ты хочешь говорить о задачах литературы, о сострадании...

Потехин. Слушай, это серьёзно... Оставим литературу.

Мастаков. Всё прочее – неинтересно. Вот твой отец...

(Вукол Потехин в короткой куртке, шляпе и высоких сапогах стоит на террасе и, подняв голову, смотрит в небо.)

Мастаков. Куда это вы собрались? На луну?

Вукол. Перепелов ловить. (Идёт к ним.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Мастаков. Что за деятельная натура! Преклоняюсь пред вами, землемер. Как это ловят перепелов?

Вукол. Перепелов ловят сетью, во ржи, а человеков – на противоречиях.

Мастаков. Bravo! Вы владеете афоризмом превосходно. Николай, учись! И книга в кармане?

(Доктор раскуривает сигару, зажигает спички, стараясь незаметно осветить лицо Мастакова, пристально наблюдает за ним. Раскурив, уходит направо в рощу; плечи приподняты, голова наклонена.)

Вукол. И книга. На рассвете выкупаюсь, лягу на росистую траву и – часок почитаю, – хорошо, а?

Мастаков. Чудесно! Особенно для вашего ревматизма.

Вукол. Будут петь птицы, выполняя закон природы... (хлопая по книге ладонью) а человек будет рассказывать мне утешительные сказки про святую Русь, а? (Мастаков смеётся, болтая ногами.) О бессребренниках-инженерах, о святом квартальном, о нигилистах, великих простотою души своей, о святых попах, благородных дворянах и – о женщинах, о мудрых женщинах! Как приятно читать эти сказочки в наше-то тёмное, безнадёжное время, а?

Мастаков (с интересом). Нравится он вам, автор?

Вукол. Великий сочинитель! Сердце у него иссохло от тоски и отчаяния, но – он утешает ближнего! Читайте и ласково улыбаюсь ему: ах, милый! (Подмигивая.) Знаю я, что всё это – выдумка и утешительного ничего нет, но – приятен душе человек, который, видя всюду зверей, скотов и паразитов, сказал себе: давай-ка я напишу им образы примерно хороших людей...

Мастаков (серьёзно, задумчиво). Да? Вот как вы? Это – интересно...

Вукол. Разорвал душу свою на тонкие нити и сплёл из них утешительную ложь... (Подмигивая, усмехается.) Думал ободрить меня, русского человека... Меня? Промахнулся, бедняга!

Мастаков. Промахнулся? Почему?

Вукол (подняв руку, точно клянётся). Не верю!

Мастаков. Ах вы, старый нигилист!

Вукол. Не верю! Храм сей, скверно построенный и полуразрушенный, Русью именуемый, – невозможно обновить стенной живописью. Распишем стены, замажем грязь и роковые трещины... что же выиграем? Грязь – она выступит, она уничтожит милые картинки... и снова пред нами гниль и всякое разрушение.

Мастаков (серьёзно смотрит на него, склонив голову, точно птица). Так...

Вукол. Не верю! Но – умиляюсь, когда человек говорит против очевидности, в добрых целях утешить и ободрить ближнего. Ведь в конце концов мы живём не по логике, а – как бог на душу положит. Вот и вы тоже, как он, противоречите действительности...

Мастаков. Я?

Вукол (подмигивая). Ну да, вы! Ведь тоже – выдумываете праведных-то людей, нет их на Руси вживе, а?

(Саша сходит с террасы, стоит у деревьев. Лицо у неё печальное, она смотрит на Мастакова с упрёком.)

Мастаков (спрыгнув на землю). Это – неверно. Вы запираете жизнь в клетку какого-то обобщения, думая, что так она будет понятнее вам... И это – неверно! (Увлекаясь.) Ничего нельзя выдумать, и – не надо выдумывать...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Вукол (смеясь). Нельзя? Не надо?

Мастаков. Я верю, что победит светлое, радостное – человеческое... я ищу вокруг себя этих явлений... жизнь – щедра, она мне их даёт!

Вукол. Даёт? Грошики, копеечки, а?

Мастаков (горячо). Мне нравится указывать людям на светлое, доброе в жизни, в человеке... Я говорю: в жизни есть прекрасное, оно растёт, – давайте любовно поможем росту человеческого, нашего! Человеческое – наше, нами создано... да!

Вукол. Не поверят вам... Русский – не любит верить, вера – обязывает. Русский любит подчиняться обстоятельствам, – он лентяй. Мы любим сказать: ничего не поделаешь, против рожна не попрёшь... мы живём шесть месяцев в году... а остальные полгода мечтаем на печке о хороших днях... о будущем, которого не будет для нас...

Мастаков (снова влезая в гамак, заметил Сашу). Вы что, Саша?

Саша (вздрагнув). Барыня приказали предложить вам чаю...

Мастаков (тревожно). Она пришла?

Саша. Нет. Она сказала, уходя, чтобы в десять часов я предложила вам чай.

Мастаков. Пессимист, чаю хотите? Принесите сюда два стакана, Саша. И – хлеба.

Вукол. Как супруга-то заботится о вас!

Мастаков (тихо). Да-а...

Вукол. Превосходнейшая женщина!

Мастаков (оглядываясь). Возьмите меня перепелов ловить!

Вукол. Вот это хорошо! Идёмте-ка!

Мастаков. Кажется, Самоквасов интересный человек?

Вукол. Мы все интересные люди... (Саша принесла поднос с чаем.) Мы все для вас должны быть интересны.

Мастаков (простирая руки над головой Вукола). Заклинаю вас – будьте!

Вукол (усмехнулся, пьёт чай). Да, Самоквасов... заблудился он... Офицер, командовал ротой, необходимо было помочь сестре, – пошёл служить в полицию... В девятьсот пятом году бросил эту службу, говорит – противно стало. А теперь вот жалеет, что бросил...

Мастаков (с интересом). Жалеет?

Вукол. Видимо. Очень много говорит о своей глупости... Идёт он.

Самоквасов (в тужурке военного покроя, офицерской фуражке, высоких сапогах. На плече перепелиная сеть, в руках клетка в холщовом чехле. Раскланялся с Мастаковым). Добрый вечер! Отличное время выбрали мы с тобой, землемер. Газеты читал?

Вукол. Я же не люблю их.

Самоквасов. Победы. И я не люблю, а отравляюсь ими ежедневно...

Вукол. Ну, тебя немцы беспокоят, а меня – никто! В немцев я не верю, в японцев тоже...

Мастаков (очень любезно). Вы хотите чаю? Саша!

(Саша молча уходит в дом.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Самоквасов. Благодарю! Вы тоже международной политикой не интересуетесь?

Мастаков (улыбаясь). Я? Нет. О ней пишут сквернейшим языком.

Вукол. И всегда – прозой. (Мастакову, указывая на Самоквасова.) Он очень боится немцев, японцев и, кажется, женщин. Ты ведь и женщин боишься, Мирон, а?

Самоквасов. Я не боюсь, а... мне думается, что шутить не время... Нам, русским, пора бы посмотреть серьёзно на наше положение в Европе... (Несколько возбуждаясь.) Никогда ещё Россия не стояла в такой безнадёжной, в такой опасной позиции... И мне странно слышать, что вы, литератор, вы, так сказать, духовная охрана страны... (Мастаков, улыбаясь, смотрит, склонив голову набок, в лицо ему, – это смущает и несколько раздражает Самоквасова.) Вы должны знать все беды, грозящие родине вашей...

Мастаков (улыбаясь Вуколу). Вот ещё долг мой – видите?

Самоквасов (горячо). Можно ли шутить, когда из нас снова хотят сделать заслон против монголов? Европа прикрывается нами с востока, а когда мы окончательно истощим силы в борьбе с жёлтой расой, Германия отнимет у нас Польшу, Прибалтийский край, выйдет через Балканы в Эгейское море...

Вукол. Захватит Марс, Венеру, Полярную звезду...

Самоквасов. Если бы ты следил...

Вукол. Привык ты следить и командовать! Раньше – управлял движением извозчиков, а теперь – на государства посягаешь... брось!

Самоквасов. Чудак, ты пойми...

Вукол. Брось политику и – купи гитару. Играй на гитаре. Это очень меланхолично и не нарушает тишины. Приятно будет видеть, как этакий бравый, усатый молодчина, сидя под окном, в час заката наигрывает чувствительно на грустном инструменте...

Мастаков. Bravo, землемер! Это очень мило!

Самоквасов (грустно). Эх, господа...

Вукол. И по щеке, на длинный седой ус, тихо сползает тяжёлая слеза одиночества...

(Мастаков смеётся.)

Самоквасов. Когда мы будем серьёзными людьми?

Вукол. А вот когда начнём перепелов ловить.

Мастаков (Самоквасову). Вы знаете, что я с вами иду?

Самоквасов. Приятно знать. А всё-таки, господа, немцы – требуют нашего внимания...

Мастаков. Да? А вы знаете, что европейцы упрекают нас в злоупотреблении серьёзными разговорами?

Вукол. Дамы идут...

Самоквасов. Это вас, литераторов, упрекают...

(Слева входят Елена и Зина. Самоквасов кланяется, не протягивая руки.)

Зина. Не бойтесь... давайте вашу лапу... я не злопамятна.

Вукол. К тому же вы ссорились не в последний раз.

Зина. Конечно.

Самоквасов (смущён). Я – рад! Сердечно рад...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Елена тихо подходит к мужу, он, виновато улыбаясь, как бы невольно протягивает ей руку.)

Мастаков. Как ты долго!

Елена. Скучал?

Мастаков. Вот эти двое обижают меня политикой, философией, астрономией и всяческой мудростью... (Видит в руке у неё связку ключей на кольце и перчатку, нахмурился.) Что это у тебя... чьё это?

Елена (внешне безразлично). Вероятно – Ольги Владимировны. Я подняла на дороге, попало под ноги мне... Она была?

Мастаков. Да. Она была. Землемер, мы скоро пойдём?

Вукол (смотрит на часы). Через... через полчаса.

Мастаков (уходя). Пойду оденусь.

Самоквасов (Зине). Мне это простительно... я иногда не понимаю значения слов... Вот, например, часто встречается слово – фикция. Что такое?

Зина (устало). Фикция? Это вы.

Самоквасов. Нет, серьёзно.

Зина. Серьёзно. Вы.

Самоквасов. Но... как же я... если женский род?

Зина (смеётся). Ах... Лена, послушай...

Самоквасов (вспыхнув). Да... я понимаю, что когда мужчина за сорок ставит детские вопросы... это смешно образованной девушке... в двадцать лет. (Быстро отходит в сторону.)

Елена (задумчиво позванивая ключами). Что такое? (Тихо.) Он, кажется, снова рассердился?

Вукол. Барышня назвала его фикцией. Его!

Зина (улыбаясь). Разве это обидно?

Елена (Вуколу, мягко). Надо ли, чтобы он чувствовал себя чужим среди нас?

Вукол. Ба! Мы с ним друзья почти... Вы уж очень... тонко!

Елена (улыбаясь). А вы не слишком ли просто относитесь к нему?

Вукол. Это – не я! Это вон кто дразнит его всегда.

(Елена не спеша идёт к Самоквасову.)

Вукол. Вот, я получил выговор из-за вас. (Зина молчит.) Что, как ваш больной?

Зина (сердито). Ведь вам неинтересно это?

Вукол. Почему?

Зина. Потому, что вы человек холодный, чёрствый.

Вукол (удивлённо). Вот тебе раз!

Зина (несколько сконфужена своей выходкой). Вам скучно жить, и вы...

Вукол. Милое моё дитя! В мои годы всем живётся невесело, но это в порядке вещей, а вот что вам в двадцать лет скучно...

Зина. Мне не скучно, а у меня устали нервы!

Вукол. Тоже непохвально.

Зина (раздражаясь). Вы не понимаете.. убить так много сил и два года времени на борьбу за свободу человека, измучить мать, и... и вот он изломан, полумёртв... Испытали ли вы это в двадцать лет?.. (Потехин идёт.) Испытали?

Вукол. Гм...

Зина (доктору). Ну, что?

Потехин. Спит. Температура упала... Это кто там ходит?

Зина. Елена и Самоквасов.

Потехин (безразлично). А батька, по обыкновению, злил вас?

Зина. Я, кажется, была невежлива с ним.

Вукол (успокоительно). Э, не беспокойтесь этим... нервы у меня не очень чуткие. (Отходя.) Мирон, пора идти!

Потехин (тихо). Отец иногда бывает тяжёл для собеседника.

Зина. Мне кажется, что все люди играют роли. Он – мизантропа.

Потехин (прислушиваясь к голосу Елены). Фамилия у него весёлая – Потехин, а человек он – скучный.

Самоквасов. Такой жизни я не понимаю!

Потехин (усмехаясь). Однако в старину прозвища не зря давали.

Елена. Немножко доброго внимания друг к другу, и всё станет понятным.

Мастаков (идёт). Ну, что же? Перепела или философия? (Жене.) Иду! Ты не беспокойся!

Елена (удивлена). О чём?

Самоквасов. Ну-с, пошли!

Мастаков (неловко). Как – о чём? Обо мне, конечно! (Целует руку.) До свиданья!

Елена. До рассвета?

Мастаков. Да.

(Все трое идут направо. Елена, словно смущённая лаской мужа, тихо опускает руку, глядя на неё со странной улыбкой. Потехин, дымя сигарой, следит за игрой её лица. Задумчиво покачиваясь на стуле, Зина тихонько напевает что-то печальное. Издали долетает смех Мастакова.)

Потехин. Славная ночь. Тепло как...

Елена. Да. Хорошо.

Потехин (глухо). Я третью ночь сплю на воздухе... на террасе под окном...

Елена. Комары не кусают?

Потехин. Нет. (Вздохнул, оглянулся.)

(Саша мелькает среди деревьев, всё время следя за Еленой. Её не замечают.)

Зина (не вставая). Пойду домой. Лень идти. А – надобно...

Елена. Хочешь, мы с доктором проводим тебя?

Зина (позёвывая). Если вы хотите... не трудно вам...

Потехин (живо, неловко). Что вы! Приятно... мне, конечно...

Зина. Вот неожиданный взрыв любезности!

Потехин. Какая же тут любезность? Просто спать не хочется.

Зина (кланяясь). Да? Извините мне ошибку...

Елена (улыбаясь). Бедный доктор, он даже покраснел. А знаете, этот Самоквасов интересный человек... Ему среди нас неловко...

Потехин. У него есть что-то общее с моим отцом.

Зина (насмешливо). Скучают оба. Ничего не делают и скучают. От скуки думают о сложных вопросах...

Елена. Мы все, Зина, скучные немножко. И всё от скуки думаем.

Потехин. На даче – отдыхают... Отдых сам по себе повеселее занятие.

(Они ушли. Саша убирает посуду со стола, взяла в руки ключи, перчатку, с отвращением швырнула их на стол, побежала вслед за Еленой и кричит.)

Саша. Елена Николаевна! На минуту... воротитесь... (Скрывается за деревьями и вскоре выходит вместе с Еленой, говоря ей торопливо, со слезами и обидой в голосе.) Простите меня... я вас люблю, но я лучше уйду... мне тяжело...

Елена (стараясь скрыть тревогу). Что такое? Говорите прямо, Саша... вас обидел кто-то?

Саша. Ах, нет... я не знаю, как это сказать... Вы научили меня смотреть на Константина Лукича так хорошо... и вот... я боюсь сказать...

Елена. Меня боитесь?

Саша (подбежав к столу, схватила ключи и бросила их к ногам Елены). Видите? Это она... это её ключи... она забыла их здесь...

Елена (глухо). Нет. Неправда. Это я принесла их. Я нашла на дороге...

Саша (подавленная, тихо). Всё равно. Она была здесь... они целовались... мне стыдно сказать, что я видела... они...

Елена (прислонясь к дереву, выпрямилась и говорит тихо, с гневом и гордостью). Ступайте прочь! Между мною и моим мужем вы, девчонка... как вы смеете? Ложь!

Саша (умоляя). Это не ложь... вы же знаете! Ведь вы знаете!..

Елена. Я ничего не хочу знать... идите!

Саша (опустясь на стул, плачет). Господи боже мой... Господи!

Елена (несколько секунд смотрит на неё, подходит и кладёт руку на голову ей). Простите меня, Саша... это я от стыда... от слабости... Я знаю, простите... Мне ударило в голову, и я немного обезумела... Это глупо – гордость перед вами...

Саша. Что это, господи? Зачем он? Разве она лучше вас? Такой хороший человек...

Елена. Будем молчать об этом... что тут скажешь, что? Как нехорошо, что я обидела вас...

Саша. Ах, вы никого не обидели! Вас обидели!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Елена. Мне трудно верить... не хотелось убедиться...

Саша. Ведь не могла я не сказать вам...

Елена. Да, милая девочка...

Саша (тоскуя). Зачем это он сделал?

Елена. Не будем говорить об этом... Я несколько... растерялась...

Саша. Вы – видели! Отчего вы не помешали им?..

Елена. Я? Оставим это, Саша... Не могу говорить... дайте мне воды... и шаль.

(Саша быстро ушла. Елена ходит, как слепая, и говорит тихонько.)

Елена. Ты ведь ждала этого... что же? Ты знала, да...

(Слышен тихий свист – она выпрямилась и сурово смотрит встречу звука. Из-за деревьев выходит Мастаков, быстро подходя к жене, он говорит ласково и радостно.)

Мастаков. Гуляешь? Одна? Чудесно! Давай посидим, я немножко устал. (Елена делает движение в сторону от него, он не замечает.) Я убежал от них, не могу. Один всюду видит злые козни Германии, другой – изнемогает от желания сказать что-то значительное, оригинальное... оба они – маньяки, и – чёрт их побери! (Взял за руку и ведёт жену к скамье, не замечая её слабых сопротивлений.) Шёл полем и думал о тебе...

Елена (тихо). Обо мне? Да?

Мастаков. О том, какая ты хорошая.

Елена. Послушай, не надо...

Мастаков. Почему? Нет, надо! Иногда мне хочется осыпать тебя всеми нежными словами, какие знаю...

Елена (заглядывая в лицо ему, со страхом). Зачем ты говоришь это?

Мастаков. Мне так хочется, и ты не мешай!

Елена (тревожно). Ты хочешь сказать что-то? Да? Подожди... прошу тебя! Или нет – лучше скажи... говори скорее!

Мастаков (играя её пальцами). Конечно, я буду говорить. Я тебя люблю, видишь ли, такой хорошей, спокойной любовью... как мать, люблю я тебя иногда, хотя ты одних лет со мной... Это – странно? Это – правда, Лена!

Елена (готовая к удару). Да... ну, что же?

Мастаков. Сядь, а я лягу и положу голову на колени тебе...

Елена (бессильно опускаясь на скамью). Подожди... я помогу тебе сказать...

Мастаков. Ничего, не беспокойся, мне хорошо. Кто это топает?

(Саша изумлённо останавливается со стаканом воды, в руках.)

Елена. Саша... дайте, пожалуйста... идите!

Мастаков. Превосходная девушка эта Саша! Изящная, умненькая и точно фарфоровая. Ты прекрасно сделала, поставив её близко к себе... у неё так быстро растёт сознание своего достоинства, – а это драгоценно! Мне хочется говорить ласковые слова всему миру, я чувствую себя страшно богатым... Ты капашь на лицо мне, Елена, точно слёзы падают...

Елена. Извини...

Мастаков. Да, так я шёл и думал о тебе, вдруг – сложился недурной рассказ. (Смеётся радостно.) Слушай: живёт старуха, она – умная, она видит, что все кругом её – рабы. Но – у неё есть вера в лучшее... смутная вера... и есть у неё комические черты. Её муж – тоже раб. Дочь – молчаливая, религиозная, углублённая в себя. В селе является человек с возмущённой душой, какой-то бродяга, бездомный батрак, но – яркий, точно огонь. Он нравится старухе, она видит, что он – не раб, не просто озорник, нет, он – тоскует о чём-то... и она говорит дочери – смотри, к нам пришёл хороший человек. (Мастаков вскочил, сел и смотрит перед собой, жестикулируя; говорит, как в бреду.) Такая прямая старуха, тёмное лицо, высохшая грудь, тонкие губы и немножко зелёные глаза – видишь, какая? Ей кажется, что дети её дочери и этого человека будут настоящими людьми, смелыми и гордыми... Она предлагает бродяге жениться на её дочери. Её муж против, конечно, и этот человек тоже не хочет связывать свою свободу, – не хочет, а девушка задела его душу. Тогда старуха – помолясь богу – пойми это! – разрешает ему и дочери жить не венчаясь. Это я сумею рассказать... да! Ночью она стоит на коленях, умоляя бога возложить на неё грех дочери: «Господи! да не унизится образ твой и подобие твоё да не будет оскорблено в человеке»... не этими словами, Лена, но – эта мысль! Любит бога и не может без скорби и гнева видеть, как в человеке попирается божественное... это – я знаю! Эти чувства я знаю! Да... Потом – проступок дочери становится известен отцу – он хочет бить девушку... «Не смей! – говорит старуха, – здесь я, мать, виновата! Я, мать, не хочу, чтобы дочь моя – моя плоть – рождала людей ничтожных... Я – мать!..» Это хорошо, Лена?

Елена (тихо). Да, хорошо.

Мастаков. И – возможно?

Елена (тихо, убеждённо). Да. Нужно, чтобы это было возможно в жизни.

Мастаков. Мать! О ней мало говорят, Лена... позорно мало! Матери Гёте – не поняты. А ведь каждая женщина – мать – почти символ... Я буду много писать о матерях... Ты знаешь, что в твоём отношении ко мне есть материнское? Я это иногда чувствую удивительно ясно и сильно... Иногда ты бываешь слишком серьёзна... это немножко скучно... знаешь ли! Ты мало смеёшься, Лена. Но зато с тобой так спокойно, просто... ах, спасибо, Лена! Тверда и непоколебима земля, по которой ты ходишь...

Елена (задыхаясь от радости и горя). Слушай... ради бога! Ради твоей души – говори мне всегда всю правду... всегда всю правду! Ложь – это такая пошлость... так не идёт к тебе!

Мастаков. Правда? Иногда она такая дрянь... точно летучая мышь, – кружится, кружится над твоей головой, серенькая, противная... Зачем они нужны, эти маленькие правды, чему они служат? Никогда я не понимал их назначения... Ну, вот – моя старуха, – это ложь, скажут мне, уж я знаю, что скажут. Таких старух нет, будут кричать. Но, Лена, сегодня – нет, а завтра – будут... Ты веришь – будут?

Елена. Да. Помоги им быть, и – они будут! Не о той правде я говорила... Может быть, иногда ты не хочешь сказать мне чего-то, жалея меня... Ради красоты, которую ты так любишь, – не жалея меня! Это унижительно...

Мастаков (задушевно). Я тебя не жалею... нет! (Снова ложится на колени её.) Милая моя Лена, сегодня я удивительно близок тебе...

Елена (тревожно). Сегодня? Почему именно сегодня – скажи!

Мастаков (закрыв глаза). Не знаю... Не скажу... Хотя, может быть, догадываюсь... Как славно, живо бьётся твоё сердце...

Елена. Хочешь, я помогу тебе? Скажу за тебя?

Мастаков (сквозь дрему). Подожди... мне хочется молчать... Как это хорошо... тишина... и бьётся хорошее, преданное мне сердце... Думая о тебе... я всегда нахожу что-то новое... новую тему... мысль... удивительно, Лена...

(Он задремал. Саша идёт с белою шалью в руках.)

Саша (громко). Простите – я забыла...

Елена (шёпотом). Ш-ш... Спит!..

(Саша, видя его позу, опустила голову.)

Елена (нахмутив брови). Прикройте ему ноги... тихонько... (Улыбаясь невольно.) Смотрите, какое лицо... милое...

(Саша медленно идёт прочь. Елена тихонько покачивает на коленях голову мужа. Потехин выходит с левой стороны, увидел людей на скамье, присмотрелся и, выпрямившись, угрюмо идёт к дому, шаркая ногами.)

Елена (беспокойно). Тише...

(Потехин круто обернулся, точно крикнуть хочет, и, махнув рукой, быстро уходит прочь.)

Занавес

Действие второе

Вечер. Заходит солнце. У стола под сосной – Елена, перед нею пальцы. Зина. Вася – в кресле, окутанный пледом. Мастаков – с рукописью в руках. Прислонясь к дереву, стоит доктор Потехин, он курит. За Еленой – Саша, в руках у неё шитьё, она точно прячется, согнулась, иногда смотрит через плечо Елены на Мастакова. Как всегда, лицо у неё печальное, взгляд – укоризненный.

Мастаков (похлопывая рукописью по столу, взволнованный, смотрит на всех по очереди с улыбкой). Ну – судите!

Вася. Я, как осуждённый, говорю последним. Это моё право.

Зина (с гримасой). Ой-ой! Как ты весело шутишь! (Мастакову.) Мне очень нравится. Особенно – дочь!

Саша (тихонько). А мне – старуха!

Мастаков (рад). Конечно, вы сами – старая ведьма! (Доктору.) Остался – ты! (Наклонив голову.) Руби, злодей!

Потехин (неохотно). Ты знаешь, я плохой ценитель искусств.

Мастаков. Судя по началу – попадёт мне!

Потехин. Сказки меня не волнуют.

Елена (тихо). Почему же – сказки?

Мастаков. Лена – ты молчи, тебе нельзя говорить... Ну, Николай, терзай меня...

Потехин. Не торопи! Я, твой читатель, не торопил писать.

Зина. Господи, какой мрачный тон!

Вася. Доктор намерен отнестись к делу серьёзно... (Мастакову.) Очевидно, вы опасно болеете... Чем он болен, уважаемый доктор?

Потехин (усмехаясь). Слабое зрение.

Вася. Угрожает слепота?

Зина. Подожди!

Потехин. Знаешь что, Константин, – отец, пожалуй, прав, когда он говорит о вас, литераторах! (Внезапно с горечью, почти со злобой.) Обманываете вы читателей, да, да! Вы не хлеб насущный даёте нам, а сладкие пряники...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Вася. Вы, кажется, сердитесь, доктор?

Потехин (сильно). Желая возбудить надежды, вы приводите к тяжёлым разочарованиям... однажды вы уже изобразили народ, ожидающий пророков правды и добра... пророки поверили вам и пошли, и были преданы, были убиты!.. Но вы ещё раз сделали это снова, обманули тех, кто верил вам... вместо могучего народа, о котором вы пели, нас встретил старый, тёмный зверь...

Зина (возмущена). Доктор, вы на границе пошлости!..

Вася (удерживая её). Подожди... терпение...

Потехин (несколько опомнился, провёл рукою по лицу). Не беспокойтесь... и не грубите! Я ведь предупредил – это не моё мнение... это мнение отца.

Вася. Однако вы с такой силой излагаете чужие мнения... интересно бы слышать ваши!

Потехин (угрюмо). У меня нет своих мнений... я не хочу скрывать этого, как теперь делают многие. Я не умею выдумывать наскоро... Мне надоели комедии с переодеваниями нигилистов в фанатиков и фанатиков в нигилистов.

Вася. Как англичанин анекдота – вы не настолько богаты, чтобы шить своё платье у плохого портного?.. Похвально!

Зина (Елене). Беседа принимает несколько истерический характер.

(Елена останавливает её взглядом.)

Мастаков (подавлен). Первый раз вижу тебя таким... что с тобой?

Потехин. Надоело мне всё! Не хочу никакой лжи... никаких утешений и обманов! Не хочу и того, что так весело и беззаботно возвещаешь ты, Константин... не верю в эту твою сказку о матери...

Саша (пугливо). Ой, господи... как это можно!

Вася (насмешливо). Это вы от себя уже говорите?

Потехин (тяжело). Да, это говорю я, Николай Потехин! (Он вдруг взглянул на Елену – согнувшись над пальцами, она спокойно вышивает. Ему точно ушибло голову, он приподнял плечи и – пошёл прочь, говоря.) Если грубо вышло... извините... я ведь этого не хотел.

Вася (усмехаясь). Увы... Разваливается колосс на глиняных ногах... эх, родина моя!

Елена (взглянув на него, потом на мужа). Знаете, чьё мнение здесь ценнее всего? Сашино!

Саша (прячется). Ну, что это...

Елена. Она выросла в той среде, о которой сейчас рассказано нам...

Вася (Зине, негромко). Рассказ из быта готтентотов может оценить только готтентот.

Зина (протяжно). Не надо-о!

Вася. Шатобриан посылал рукопись Аталы индейцам, и только когда они сказали ему: всё верно! – решился напечатать книгу.

Мастаков (ласково и мягко). Разве я лгу? Я? Никогда!

Елена. Нужно ли объяснять?

Мастаков. Мне просто до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего, красивого, не верят в завтрашний день... Я ведь вижу грязь, пошлость, жестокость, вижу глупость людей, – всё это не нужно мне! Это возбуждает у меня отвращение... но – я же не сатирик! Есть ещё что-то – робкие побеги нового, истинно

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru человеческого, красивого, – это мне дорого, близко... имею я право указать людям на то, что люблю, во что верю? Разве это ложь?

Вася (улыбаясь, поучительно). Ну, да, это обычная ваша мысль... вы часто говорите об этом. Но – вы забываете, что есть нечто неотразимое... пред ним всё наше человеческое, и доброе и злое, – ничтожно, осуждено на гибель.

Мастаков. Боже мой... надоели мне эти слова!

Вася (иронически). Надоели? Не более того?

Мастаков. Вам известен обычай омыwać тело покойника? Давайте омоемся от пошлости и лени при жизни! Пусть всё человечество в свой последний час предстанет гибели чистым и прекрасным... пусть оно погибнет с мужественной простотой, с улыбкой!

Вася. О романтизм! Не всё ли мне равно – как умереть?

Мастаков (уныло). Да? Всё равно вам?

Елена (спокойно). Разве не лучше умереть красиво?

Вася. Я не романтик. Нет.

Зина (почти с отчаянием). Да оставьте вы этот похоронный разговор! Только что слышали такой задушевный рассказ... право, стыдно перед автором!

Вася. Писателей не стыдятся. Писатель должен быть мужествен... особенно когда он проповедует... весёлый стоицизм! (Смеётся.) Каково словцо?

(Самоквасов идёт с букетом цветов; видя Васю, остановился, хмурится, дёргает себя за ус.)

Елена (живо). Добро пожаловать!

Самоквасов. Моё почтение... (Делит букет, цветы падают на землю.) Позвольте предложить вам... и вам... (Сконфузился.) Становлюсь стар и неловок...

(Мастаков встал, отошёл в сторону и, глядя в небо, тихо посвистывает. Вася тоже встал и уходит прочь. Самоквасов, видя это, ещё более теряется.)

Елена. Саша, поставьте в воду, пожалуйста.

Зина (идёт вслед за Васей). Спасибо вам! Чудесные цветы. (Васе.) Тебе нравятся ирисы?

Вася (тихо). Мне нравится отставной полицейский. Он влюбился в тебя – ты понимаешь?

Зина. Василий! Зачем ты это говоришь?

Вася. Он наверное сделает тебе предложение...

Зина. Перестань!

Вася. И когда я умру... ты выйдешь за него замуж...

(Они уходят. Елена всё время что-то говорит Самоквасову с доброй улыбкой, оживлённо.)

Самоквасов. Да... но, видите ли...

Елена (громче). Вы преувеличиваете! Люди гораздо более глупы, некультурны, чем злы...

Самоквасов. Я всё-таки прожил сорок лет, и обидно, когда люди, ещё не жившие, третируют тебя...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Медведева (идёт). Добрый вечер! А где же мои?

Елена (оглядываясь). Тут где-то.

Медведева (сажаясь). Пора бы домой! Ему запрещено гулять после заката, а он нарочно ходит.

Самоквасов (крякнув). Гм... Почему же нарочно?

Медведева. Да уж так... вижу я эту игру! (Грозит пальцем.) Я простая женщина, а всё вижу...

Мастаков (подходя к ней). А вы не сердитесь... Ведь вы добрейшая душа!

Медведева. Не могу, батюшка! Мать я, и у меня погибает дочь... да! Вы – милый человек, хороший вы человек, ну а материнское – вам неведомо и непонятно. Мук моих вы не знаете, слёз не видите, думушки мои бесконечные неведомы вам... Сына потеряла, теперь – дочь теряю... каково это?

(Самоквасов мрачно нахмурился и отходит прочь.)

Мастаков. Дочь теряете? Почему же?

Медведева (грубовато). Да что вы – не видите, как она измоталась, устала, изнервилась вся? Ночами – не спит, плачет... А он ей – всё о смерти, всё о том, что вот он, молодой, умирает, а она будет жить...

Мастаков (удивлённо). Он? А я думал – он... не так...

Медведева. Разве такая она была? Спокойная, крепкая, весёлая! Бывало – целый день смеётся, поёт...

Мастаков. Мне казалось, что у него очень развито чувство человеческого достоинства и он... не станет...

Медведева. Не станет! Как же! Эдакий-то самолюб да стеснялся бы? Он же первое лицо на свете... ведь из его речей выходит, что когда он помрёт – и мир весь помереть должен, и солнце погаснет... вишь какой лакомый! Да ещё целует её иной раз, о господи! Вдруг заразит, а? Ведь это что же? За что?

Самоквасов (рычит). Это... я вам скажу... это уж я не знаю...

Медведева. Ну, батюшка, тоже и все вы, мужчинки, хороши...

Елена (предостерегая). Не слишком ли жёстко говорите вы? (Указывает глазами на Самоквасова.)

Медведева (изменяя тон). Да. Забылась, пожалуй. Мать! Не за себя ожесточаюсь – за дочь... мне что себя жалеть? А дитя своё я обязана хранить... и больно мне видеть, как отравляют душу её смертной тоской... да!

Самоквасов (Мастакову). Вот положение, а? Вот – как тут, что вы скажете? (Взволнованно отходит прочь.)

Мастаков (негромко). Не смеет умирающий тащить в свою могилу живого...

Самоквасов. А вот видите – тащит! Ненавижу я этого Васю. Иронический он человек, но – ничтожный!

Медведева. Водицы бы мне, что ли...

Саша (из-за деревьев). Сейчас!

Медведева. Сердце горит. О, господи... милосердный господь наш!.. Сохрани и помилуй юность... одари её радостями от щедрот твоих!

(Все замолчали, поникли. Саша приносит воду. С террасы, позёывая, идёт Вукол Потехин.)

Вукол (подходя). Я спал – одиннадцать часов подряд! Лёг – в восемь, встал в семь. (Оглядывает всех.) Я думал, вы чай пьёте. (Медведевой.) Почему, премудрая, у вас такое свирепое лицо?

Медведева (встаёт). Да так... Пришла к чужим людям, нажаловалась, наскрипела... Простите... пойду домой.

Елена. Посидите с нами!

Вукол. Эге, да все вы чего-то... не в духе как бы?

Медведева (покорно). Нет, пойду... Зина одна там...

Вукол. А жених где же? (Ему не отвечают. Самоквасов смотрит на него сердито.) Ничего не понимаю! Заспался. (Самоквасову.) Тебе, Мирон, я чувствую, хочется пива выпить холодного.

Самоквасов. Мне? (Решительно.) Да, идём... мне очень хочется... вообще... (Быстро уходит.)

Вукол (идя за ним). Стой! Куда ты?

Елена (Медведевой). Посидите с нами, а?

Медведева. Точит он её там... нет, я пойду! Вы простите... может, нехорошо говорила я...

Елена. Не мы будем осуждать вас за это.

Медведева. Ой, родная вы моя, тяжело бабой быть! Вы ещё не знаете этого, у вас вон дитя взрослое (кивает на Мастакова), а вот, погодите, когда народится много, да начнутся их юные годы...

(Ушли. Мастаков, посвистывая, смотрит на часы. Возвращается Елена.)

Мастаков. Какая симпатичная старуха-то, а?

Елена. Очень. Русская.

Мастаков (оглянувшись, тихо). Лена, как ты думаешь, могла бы она, из любви к дочери, к юной жизни, – совершить преступление? Возможно ведь, а?

Елена (улыбаясь). Думаю – возможно.

Мастаков (горячо). Великолепно! Ах, Лена, как это великолепно! Нет ничего лучше возможностей, и нет им границ, а?

Елена. Я не думаю, чтобы именно она могла – пойми! Но – бывало, что матери делали преступления ради счастья детей, – ты это знаешь!

Мастаков (задумчиво). Но... мне хотелось бы, чтоб и она могла... например – дать яду этому Васе. Она такая славная! Вот тема, а? Только матери умеют думать о будущем – ведь это они родят его в детях своих... (Задумался.) Что такое? Да, мне надо идти...

(Елена взглянула в лицо ему и идёт к дому. Он хмуро смотрит вслед ей.)

Мастаков (вполголоса, неохотно). Ты не хочешь спросить, куда я иду?

Елена (не оборачиваясь). Нет. Зачем? Ты сам сказал бы, если это нужно знать мне.

Мастаков. Я? Сказал бы?... Подожди минутки две.

Елена (возвращаясь). Ни больше ни меньше?

Мастаков (уныло). Знаешь – я разорву этот рассказ, а? Он – плох.

Мастаков. Да вот... скажут – фантазия, выдумка... неправда, скажут! Зачем я читал им? Какие тяжёлые люди!.. Николай чем-то заряжен...

Елена (подошла близко к нему, говорит сдержанно, с большой силой). Что тебе мнение этих людей? Это люди, не добитые судьбой, они осуждены на гибель своей духовной нищетой, своим неверием, – что тебе до них? Изучай их, и пусть они будут для тебя тёмным фоном, на котором ярче вспыхнет огонь твоей души, блеск твоей фантазии! Ты должен знать, что они тебя не услышат, не поймут – никогда, как мёртвые не слышат ничего живого. И не жди их похвал, они похвалят только того, кто затратит своё сердце на жалость к ним... любить их нельзя!

Мастаков (обняв её, заглядывает в глаза ей). Когда, Лена, ты говоришь так... ты, добрая и нежная... мне даже немного боязно... Откуда у тебя эта... эта сила, Лена?

Елена. Из той веры в будущее, которую ты внушил мне.

Мастаков (радостно). Я? Это правда? Значит – я могу передать другим мою веру?

Елена. О, да!

Мастаков. Это меня... радует! (Оглядывается и – тихо.) Знаешь – иногда мне кажется, что вся Россия – страна недобитых людей... вся!

Елена (тревожно, с укором). Что ты говоришь? Стыдись! Это – не твоё!

Мастаков (снова смотрит в глаза её). Да-а... ты – веруешь! Без колебаний!.. И я тоже могу так... Но – не всегда... Порой я живу в плену этих впечатлений и пока не одолею их – теряю себя, не вижу, где я, что отличает меня от этих людей. (Обнял её за плечи и тихо идёт.) Они входят в душу мне, точно в пустую комнату, сорят там какими-то увядшими словами и маленькими мыслями, тяжёлыми, точно камни... Я начинаю чувствовать осень в груди – и ничего, никого не люблю! Осень – это красиво, ярко, да...

Елена. Но это – не твоё!

Мастаков (оглядываясь). Нет, не моё, Лена... Знаешь – мы плохо устроились, дёшево, но – плохо! Живём, точно на улице... Глухо, никто не приезжает к нам... уже больше двух недель я не видел ни одного литератора... (За деревьями появляется доктор.) Только ты одна... ты, моя умница...

(Саша идёт.)

Елена (нерешительно). Хочешь – уедем?

Мастаков. Куда? И где у нас деньги?

Саша. Вам записка.

Мастаков (смущён, ворчит). О, злая фея!

Саша (уходя, тихо). Я – не злая.

Мастаков (вертит в руках конверт. Елена не смотрит на него. Он – грустно). Да... Лена... вот...

Елена (поспешно, точно не желая слушать мужа). Это вы, доктор?

Потехин (выходя). Я. Не помешал?

Елена. О, нет! Чему же?

Мастаков (комически). Чему ты можешь помещать, почтенный друг? (Суёт конверт в карман и роняет его на землю. Потехин видит это, надвигается вперёд, желая, чтобы Мастаков отступил перед ним.)

Потехин. Я, собственно, очень угнетён.

Мастаков. Судя по лицу – ты не преувеличиваешь.

Потехин. Давеча я тут говорил... Всё это можно было сказать иным тоном, конечно. Мне будет тяжело, если ты подумаешь... что я враждебно настроен против тебя как личности...

Елена (усмехаясь). Полноте, доктор! Может ли он...

Мастаков. Прошу не мешать оратору!

Потехин. Да. Так вот. Я, собственно говоря, всё сказал. Ты, пожалуйста, не думай...

Мастаков. Не могу. Я всегда думаю. Профессиональная привычка, друг мой.

Потехин (угрюмо). Очень рад, что ты шутишь.

Мастаков (отступая и кланяясь). Лорд! Я вижу радость вашу и наслаждаюсь ею.

Потехин (наступив ногой на конверт, улыбается). Чудак ты всё-таки!

Мастаков. Да, всё-таки... (Задумался, оттирает платком лицо.) Всё-таки... странное слово, а? Лена... я пойду... Хочешь со мной?

Елена (твёрдо). Нет.

Мастаков. Почему?

Елена. Мне нужно сходить к Медведевым.

Мастаков (опустив глаза). Может быть, я зайду к Ольге Владимировне... хочешь?

Елена. Нет.

Мастаков (кашлянул). Ну, твоя воля!

(Идёт не торопясь, точно ожидая, что его остановят. Елена смотрит вслед ему. Потехин поднял конверт, взглянул, и лицо его расплылось в широкую улыбку.)

Елена (взглянув на него). Чему это вы рады?

Потехин (взмахивая рукой). А вот... (Не решился сказать.) Сейчас придут отец, Медведева, Самоквасов – будем играть в карты.

Елена (уходя). А...

Потехин. Послушайте...

Елена. Что?

Потехин. Вы часто встречали людей, которые не лгут?

Елена. Нет, не часто. (Присматривается к его руке.)

Потехин. А как вы думаете – Константин...

Елена (сухо). Простите, что это за письмо у вас?

Потехин (протягивая ей конверт). Я поднял здесь... это ему адресовано...

Елена (взяла письмо). Да? Вы при нём подняли?

Потехин (смущён). Да... то есть... нет... он ушёл уже...

Елена. Почерк, кажется, Ольги Владимировны. (Зовёт.) Саша! Едва ли это что-нибудь важное...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Потехин (угрюмо). Не знаю... Как я могу знать? Прочитайте...

(Саша идёт.)

Елена (ласково). Саша, голубчик, догоните мужа и отдайте ему это... он потерял, забыв прочитать.

(Саша бежит. Елена уходит, не взглянув на доктора.)

Потехин (грозит вслед ей пальцем и шепчет). Дура... Подожди ты! Благородные комедии, а-а? Подожди, заплачешь!

(Идут Вукол и Самоквасов, оба выпивши.)

Вукол. Если ты мечтаешь поймать хорошего перепела...

Самоквасов (добродушно). Это ты перепыл...

Вукол. Нет, слушай... Для этого нужна превосходнейшая самка... а у тебя она – безголосая дрянь. Это противоречит...

Самоквасов. У тебя всё всему противоречит.

Вукол. Это, брат, и забавно! Это и любопытно! Ты подумай – люди мучились, стараясь спрятать все углы, скрыть все шероховатости... вдруг родился Вукол Потехин, посмотрел и говорит...

Самоквасов. Ерунду...

Вукол. Нет! Посмотрел, всё обнажил, всё раскрыл и говорит – это обман! Это – нас унижающий обман!

Потехин (резко). Я не буду играть в карты.

Самоквасов. Почему же?

Потехин. Голова разболелась.

(Уходит. Вукол и Самоквасов молча смотрят друг на друга.)

Самоквасов (обижен). Как хочешь, а – это неделикатно! Сам же пригласил... сейчас придёт Медведева... ты пойдешь, скажи ему, что это нехорошо!

Вукол (неохотно идёт). Он упрям.

Самоквасов. Он вообще... плохой партнер!

Вукол (ворчит). Голова болит... в тридцать лет...

(Самоквасов снял фуражку, отдувается, оттирает платком лицо. Идёт Саша.)

Самоквасов. Куда вы, ласточка?

Саша. К Медведевым.

Самоквасов. Скажите старой барыне, что партия не состоится... Да вот они идут! (Оправляется, молодежато идёт навстречу.) А знаете, Матрёна Ивановна...

Медведева (слушая, что шепчет ей Саша, идёт в дом). Сейчас, батюшка... подождите!

Самоквасов (Зине). Почему такая озабоченность? Что-нибудь случилось?

Зина (скучно). Какое у вас смешное лицо!

Самоквасов. С-смешное-с? Мне кажется... у всех мужчин за сорок лет смешные лица... да-с!

Зина. Да? Я не знала этого... Вы не обижайтесь!

Самоквасов. Эх... как вы говорите со мной!

Зина. Как?

Самоквасов. Сверху... с некоторой недостижимой высоты... А я... а я, когда ваша мама рассказывала о том, как этот Турицын мучает вас...

Зина (изумлена). Что такое? Мама... вам?

Самоквасов (испугался, обижен, рубит с плеча). Отравляет вас, прекрасную, смертной тоской...

Зина (возмущена). Как вы... смеете... кто вам позволил? Вы просто дикарь... или – полоумный!.. (Присматривается к нему и говорит мягче.) Что с вами? Зачем вы это сказали?

Самоквасов (тяжело отодвигаясь, бормочет). Простите... Конечно – я не имею права... тёмная личность... и так далее...

Зина (негромко). Не потому... а это жестоко... это гадко – говорить так о больном...

Самоквасов. Ваша мама говорила... Позвольте мне объяснить... Я – не злой, я не гадкий человек, я просто – русский человек, несчастный человек! Не знаю меры добра и зла... ничего не знаю... разбросал лучшие силы души и – вот, никуда не гожусь... дурацкая жизнь! Очень стыдно, поверьте слову! Вот – познакомился с вашим кругом... жизнь чистая, серьёзная... добрые намерения и бескорыстный интерес к людям... Это новое для меня, человеческое... освежает душу... И – вдруг вижу, что вы приносите себя в жертву...

Зина (строго). Я не позволяю вам говорить так!

Самоквасов. Выслушайте меня, ради создателя! Я видел множество бесполезных жертв...

Зина (более мягко). Поймите меня – не могу я, не буду слушать, если вы... Что вы хотите сказать?

Самоквасов. Уйдёте отсюда... дайте мне несколько добрых минут! (Зина согласно кивает головой, она очень заинтересована и слушает его с большим вниманием.) Я – вдвое старше вас, знаю жизнь и хочу сказать вам – цените себя дороже! У нас так мало честных, здоровых людей... людей хорошей крови...

Вукол (выходя на террасу). Мирон!.. Полицейский!..

Самоквасов (уходя). Сейчас, подожди...

Вукол (ворчит). Ну... теперь этот сбежал! Чёрт вас побери!

Ольга (выходит справа, очень возбуждена, старается скрыть это). На кого это вы рычите?

Вукол (игриво). Прекрасная соседка – я не видел вас лет шестьдесят и...

Ольга. И? Не вышло комплимента!

Вукол. Вы не дали кончить. Рычу, потому что озабочен не хуже любого министра – партии не могу составить.

Ольга. В преферанс? Вы превосходно шутите – оригинально, тонко... Ваши дома?

Вукол. Кто именно? Сын?

Ольга. И другие.

Вукол. Не знаю. Сын дома. Голова у него болит... это молодёжь! Все другие, кажется, в разброде.

Вукол. Этот всегда в разброде!

Ольга. Bravo! Вы растёте, серьёзно! Становитесь всё остроумнее. (Она видит Мастакова в левой стороне за деревьями, Вукол не замечает его.) Попросите, пожалуйста, доктора... пусть он даст мне... книгу, которую взял у меня... пожалуйста!

Вукол (уходя). Готов служить... всегда готов.

(Ольга знаками зовёт к себе Мастакова. На террасу выходит Елена и Медведева, им не видно Ольги за углом и деревьями.)

Медведева. Как подумаешь о наших, бабьих делах – сердце замирает!

Елена (видит мужа, не может скрыть радость). Ты уже... воротился?

Мастаков (медленно проходя мимо). Да... то есть – нет ещё... Я похожу.

Елена. Хочешь чаю?

Мастаков. Нет.

Ольга (шепчет). Почему ты так долго? И такой скучный – почему?

Мастаков (беспокойно). Идёмте...

Ольга. На вы? Что это значит?

Мастаков. Мне трудно... я несколько устал.

Ольга. Да? Только?

(Уходят.)

Потехин (выходит на террасу, видит Елену, Ольгу и Мастакова, уходящих вправо, и громко, торжественно говорит). Какую книгу спрашиваете вы, Ольга Владимировна? Я не брал у вас книг. Может быть, это ты брал, Константин? (Взглянул в сторону Елены и ушёл, спрятав голову в плечи.)

Елена (судорожно оправляя платок на груди). Какой неприятный голос... у доктора!

Медведева. Ох, не люблю я этих семинаристов! Грубияны, зазнайки...

Елена (с преувеличенным интересом). Разве он семинарист?

Медведева. Он ведь у дяди воспитывался, у попа. Землемер-то смолоду в ссылке был, далеко где-то, в Сибири...

Елена (прислушиваясь). Вот как? (Остановилась.) Вам не кажется...

Медведева. Что?

Елена (прижимаясь к ней). Смеются? Кто-то смеётся...

Медведева (не сразу). Нет, не слышу будто. Кому бы тут смеяться? Только Ольга Владимировна и умеет...

Елена. Да?

Медведева. Приятная женщина, право! Злая как будто, а – приятная...

Елена. Чем же приятная?

Медведева. Да вот – весёлая. Лёгкая. Даже наш жених, когда она придёт, зубы свои зелёные оскаливает. Пытался было грусть на неё нагнать – знаете ли, говорит, что все мы, люди, на смерть осуждены? А она – ни за что, говорит, не помру раньше срока...

Елена. Она... не очень легкомысленна?

Медведева. Есть это в ней. Да ведь тяжёлые-то мысли, серьёзные-то, не всякой бабе по сердцу. А так она ничего, умная. Своего не упустит... И мужчине цену знает!

(Зина устало выходит с левой стороны, бросается в кресло, смотрит на мать и Елену, криво улыбаясь.)

Медведева (тревожно). Что ты? Что ты какая, бог с тобой?

Зина. Устала...

Медведева. Ох, убьёт он тебя!..

Зина. Не он, мама! И вы... совершенно напрасно кричите о нём при чужих людях! Лена, поздравь меня, я победила сердце Самоквасова.

Елена (искренно). Ой... несчастный!

Медведева. Ну, уж я скажу – даже этот и то лучше... хоть здоровый!

Зина. И – деньги есть, мама! Ты подумай! Не знаю, Лена, кто более несчастен, он или я. Как он удивительно говорил... Стоял на коленях... предлагая деньги, чтобы отправить Васю на юг. С доктором, сестрой милосердия... И плакал, точно ребёнок...

Медведева (ворчит). Они все мальчишки, когда любят. Знакомо! Ты что же ему сказала?

Зина (мечется). Мама! Можно ли спрашивать?

(Тяжёлое молчание.)

Елена (задумчиво). Он очень несчастный человек... однажды он рассказал мне свою жизнь... даже страшно было слушать! Добрый – а делал ужасные вещи... жил, точно во сне. Иногда – просыпался, ненавидел себя и – снова делал гадости. О женщинах говорит так задушевно, с уважением, а – жил с ними, как зверь... Странные люди... безвольные, бесформенные... когда же они исчезнут?

Медведева. Вот, Лена, и ты говоришь, как я! Душат они!

Зина (тоскуя). Дорогие мои, милые мои – что же делать? (Со страхом, понижая голос до шёпота.) Ведь я не люблю Васю... разлюбила я его...

Медведева (благодарно). Слава тебе господи!

Зина. Молчи, мама! Это – плохо... ты не понимаешь!

Елена (сухо). Это понятно.

Зина. Мне его жалко... нестерпимо жалко! Но я – не могу... эти холодные, липкие руки... запах... мне трудно дышать, слышать его голос... его мёртвые, злые слова... Лена – это ужасно: жалеть и – не любить, это бесчестно... оскорбительно!.. Он говорит... и точно это не он уже... говорит злые пошлости... Он ненавидит всех, кто остаётся жить... Что он говорит иногда, боже мой! И это тот, кого я любила! (Плачет.) Я уже не могу... Я вздрагиваю, когда он касается меня рукой... мне противно!

Медведева. Дочка моя... и мне его жалко... да тебе-то, тебе-то жить надобно!

Зина. Ах, боже мой, боже мой... как хорошо было любить... как хорошо, когда любишь!..

Елена (наклоняется к ней, сдерживая рыдания). Да... когда любишь... когда мы любим – нас нет...

Занавес

Действие третье

Дом подвинут ближе к зрителю. Серый, облачный вечер. На террасе, в плетёном с высокой спинкой кресле, сидит, читая книгу, Вукол Потехин. Ноги его – на сиденье другого кресла. Сквозь окно, закрытое марлей, видно доктора – он ходит по комнате и курит.

Вукол (подняв голову, шевелит губами, зевает). Николай!

Потехин. А?

Вукол. Что такое фатализм?

Потехин (скучно). Фатализм... ну – фатум... рок...

Вукол. Что ты мне слова говоришь? Слова я сам знаю всё... ты – понятие обнажи!

Потехин. Отстань, пожалуйста! Что чудишь? Скучно!

Вукол. Это, брат, не чудачество, а старость. (Помолчав.) Тебе нравится Савонарола, а?

Потехин. Кто?

Вукол. Савонарола!

Потехин. Нет. Не нравится.

Вукол (вдумчиво). Почему?

Потехин. Да... чёрт его знает!

Вукол (удовлетворенно). И мне не нравится. Впрочем – я мало читал о нём. А ты?

Потехин. Ничего не читал.

Вукол. Да... Вообще ты мало читаешь. Непохвально... (Повёртывая книгу в руках.) Странная вещь – книга... Беспокойная вещь. Вот – Шиллер. В юности я его любил. А теперь взял... вспомнил твою мать. Мы вместе с нею читали «Песнь о колоколе»... она тогда была ещё невестой моей. Мы были красные с нею, думали о судьбах человечества... и – кричали. Ты тоже, лет пять тому назад, кричал на всех... и на меня кричал. (Удовлетворённо.) А вот теперь – молчишь. Выдохся, выкричался, брат! Почему так быстро, а? (Потехин выходит из комнаты со шляпой в руках.) Ты куда?

Потехин. К больному. К Турицыну.

Вукол. И я с тобой. А то – скучно мне одному... Полицейский мой что-то увял...

Потехин. Он идёт сюда.

Вукол. А-а... Ну, тогда я останусь. (Потехин недоверчиво смотрит на отца и возвращается в комнату. Вукол, усмехаясь, смотрит вслед ему.) Так! Конечно... понятно... Что, полиция? Какие козни затеяны немцами против нас?

Самоквасов (отмахнулся). Э, бог с ними!

Вукол. Кончено с Германией? Быстро! Кого ж ты теперь ругать будешь? До девятьсот пятого года ругал правительство – бросил, потом революционеров стал ругать – бросил, немцев начал поносить – и это кончено! Кого ж теперь, чем жить будешь?

Самоквасов (уныло). Сам себя ругать буду...

Вукол. Безобидное дело – не утомляет. Просто – и не обязывает ни к чему.

Самоквасов. Осёл я, кажется...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Вукол. Уже начинаешь? (Поучительно.) Заметь однако, что ослы оклеветаны, – это очень неглупое и полезное животное, осёл...

Самоквасов (заглядывая в окно). Рассказал бы я тебе историю...

Вукол. Расскажи... Садись-ка!

Самоквасов (тихо). Пойдём куда-нибудь.

Вукол. Можно. Хотя мне будет сопутствовать ревматизм... точит он меня!

Самоквасов (на ходу). А меня стыд... И тоска.

Вукол (прихрамывая). Тоска? Это наша историческая подруга, а стыд – ты, брат, выдумал. Фантазия! Когда же мы стыдились? Сказано – «стыд не дым, глаза не ест» – и все верят этому.

(Идёт Елена, на голове цветной шёлковый шарф, в руках зонт. Молча кланяется)

Вукол. Привет! Что с вами? Нездоровится?

Елена. Почему? Нет, я здорова.

Вукол. А личико – бледное, и глазки эдакие...

Елена (оправляясь, улыбнулась). Вам кажется...

Вукол. Рад, что ошибся. Приятные ошибки столь же редки, как весёлые люди.

Самоквасов. Ну, и болтаешь ты сегодня!

Вукол. Ревматизм понуждает к философии... это, брат, неодолимо! Здоровому человеку философствовать нет причин...

Потехин (вышел из комнаты, догоняет Елену). На минутку... пожалуйста! (Елена молча, вопросительно смотрит на него.) Мне необходимо... я буду краток... два вопроса... Войдёмте ко мне, прошу вас!

Елена. У вас так тяжело пахнет сигарами.

Потехин. Сигарами? Хорошо... всё равно...

Елена. Чем вы так взволнованы?

Потехин (тихо). Я? Послушайте... ведь вам известно?..

Елена (сухо). Да, известно.

Потехин. Что он изменил вам...

Елена. Я сказала – известно!

Потехин. Вы – спокойны? Что же вы думаете делать? Неужели это не оскорбляет вас? Вас – гордую? (Задыхается.)

Елена (с лёгкой усмешкой). Вот сколько вопросов! Я не хочу знать – почему вы спрашиваете... но я вам отвечу... может быть, это успокоит вас. Я отвечу вам ещё потому, что вы, в своё время, относились к мужу дружески.

Потехин. Я и сейчас...

Елена. Оставьте... Вы знаете, что я его люблю.

Потехин. Не понимаю... не могу понять...

Елена (мягко). Это – ваша печаль. Так вот, я его люблю... вы не забывайте об этом!

Потехин (грубовато). А он вас топчет в грязь... с первой же красивой и доступной...

Елена (бледнея, строго). Мой муж не полюбит дурную женщину.

Потехин. О, чёрт возьми! Вы сумасшедшая, что ли?

Елена. Если вы позволите себе продолжать в этом тоне...

Потехин. Нет... я молчу! Но – объясните же мне! Я человек... я вас люблю, я имею право просить...

Елена. Я говорила уже вам: работа мужа важнее и ценнее моего счастья женщины, моей любви и жизни моей. Не улыбайтесь. Вы сами высоко ставили его... ещё не так давно... когда – извините, я скажу прямо, – когда вы не увлекались мною и вообще были более цельным человеком.

Потехин. Это я разбился о ваше каменное сердце...

Елена. Ох... какие жестокие фразы! Вот что – на эту тему я говорю в последний раз с вами... я просила бы вас понять меня! Я теряю Константина... может быть... но я знаю себе цену, чувствую себя человеком, нужным ему... нужным просто, как человек! (Тепло и убедительно.) Я люблю весь строй его дум и чувств... его живую душу люблю... когда он говорит о презрении к страданиям, о силе человека и красоте жизни, я – люблюсь им и готова молиться: господи, благослови путь мужа радости и победы! Я знаю жизнь больше, чем вы, и горя видела больше... но я научилась презирать горе, понимаю его ничтожность...

Потехин. Слова... его слова! Не верю... чужие слова!

Елена. Его слова – не чужие мне... Я знаю, как привычно горе и любимо нами, – да, любимо, потому что делает нас значительнее в своих глазах... (С тревогой.) И когда мне кажется, что к нему подходит, его хочет коснуться горе, – я боюсь! Он – хрупкий... он неустойчив...

Потехин (возмущённо). Всё это – фантазии! Выдумали вы человека и стали рабыней его. Вы создали идола, хозяина вашей души... Вам просто скучно с ним, он глупее вас... вы создаёте для себя, для развлечения – роль жертвы!

Елена (снисходительно). Я повторяю вам ваши слова о нём – три года тому назад вы сказали: «Когда я вижу, слушаю его – я молодею, всему верю, жизнь кажется мне лёгкой и простой». Вы говорили это?

Потехин. Ошибался... как вы теперь...

Елена. А однажды вы предупреждали меня: «Дорогой друг, старайтесь как можно меньше стеснять его свободу, он до могилы останется юношей!» Вот ваш совет... совет друга и честного человека. Где этот человек?

Потехин. Вы его смертельно ранили и теперь добиваете.

Елена (усмехаясь). Откуда у вас такие слова? (Задумчиво.) Мало мы понимаем друг друга. Сейчас, говоря с вами, я, мне кажется, говорю женщинам... может быть, хочу немножко оправдать себя перед ними... хочу сказать им, что в моём поведении я не чувствую ничего, унижающего человека... хотя это трудно для женщины... Что ж? Да – трудно! И ещё мне хочется сказать, как надо беречь и любить хорошего, честного мужчину...

Потехин (бешено). Который смеётся над вами!..

Елена. Нет. Этого он не сделает никогда.

Потехин. Он сделал!

Елена. Физическая измена... это не насмешка ещё... Это можно объяснить десятком причин... И можно изменить, не теряя уважения.

Потехин. Слушайте... вы не человек! Вы мозг... отвлечённая мысль... без плоти, без сердца...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Елена. Вам следует сказать ещё, что во мне нет зверя... красивого, благородного зверя... и прочее, что принято говорить для того, чтобы опьянённая словами женщина давала вам больше страсти... (Выпрямляется и говорит с большой силой, тихо.) А представьте... что всё есть во мне – и зверь, и страсть...

Потехин. Не дразните меня... за что же? И зачем мы ломаете себя?

Елена. Разве я не ясно сказала?

Потехин. Что ваши слова! Всё это поза, роль!

Елена. Думайте как вам угодно. Пусть я рисуюсь, я играю... (Точно пьянея.) Проиграю я – выиграет жизнь через его радость.

Потехин. Будь он проклят... и вся эта дурацкая жизнь!

Елена. Ужасно режут ухо эти ваши странные тирады и проклятия!.. Где вы их берёте? Давайте кончим, мне пора идти...

Потехин. Всё это – ужасно! В этом нет женщины!

Елена. Вот видите! Давайте же кончим, я вас прошу. Всё сказано. Вы больше не будете говорить со мной о муже моём и о вашей любви... не будете, да? (Улыбаясь.) Разве я годна для романа? Такая рассудочная...

Потехин. Ну... а если б... я хочу понять вас! Если б ваш ребёнок не умер?

Елена. Я думала бы так же. Дети без меня ведь только мешали бы ему... он, конечно, отдал бы их мне...

Потехин. Нет! Не верю я вам! Вы хотели скрыть ваше унижение, ваше отчаяние, и – ничего вы не скрыли... Вам – трудно!

Елена. Разве я говорила, что легко?

Таисья (прислуга Медведевых, бежит и ещё издали зовёт). Доктор... скореечка, батюшка!..

Потехин (отталкивая кресло). О, чёрт... Что там?

Таисья. Вдруг плохо сделалось... кровь горлом...

Елена (устало). Идите же!..

(Потехин молча уходит.)

Таисья (идя за ним). Шляпочку-то забыли надеть...

(Елена опускается в кресло и точно спряталась за спинку другого. Саша идёт по террасе с газетами и письмами в руках, видит Елену, испуганно остановилась.)

Саша. Вы не ушли? Вам нехорошо?

Елена (не вставая). Это почта? Мне – ничего?

Саша. Только доктору. (Положила почту на подоконник. Робко.) Может быть, вы пойдёте к себе?

Елена. Нет. Здесь хорошо.

Саша. Елена Николаевна... я боюсь! Что же с вами будет?

Елена. Не беспокойтесь, Саша, ничего... Устала... не хватает сил у меня... Господи – помощи! Не хватает сил...

Саша (прислушалась). Ой... идут... идёт она...

Елена (привстала и снова бессильно опустилась в кресло, точно в обмороке).

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Уйдите, Саша... прошу вас... я приду...

(Слышен негромкий, обиженный голос Ольги. Она и Мастаков идут с правой стороны.)

Ольга. И это говорит мужчина... влюблённый мужчина! Стыдитесь!

Мастаков. Но – как же так... сразу?

Ольга. А чего ждать? Пусть все знают, что ты меня любишь... Разве я не имею права гордиться этим?

Мастаков. При чём тут все? Странно! (Он растерян, в нём есть что-то слегка комическое. Жестикулирует нервно, растрёпан и неловок. Ольга – возбуждена, в голосе её звучат досада и тревога.)

Ольга. Я не люблю тайн!

Мастаков. Дай мне подумать!

Ольга. О чём?

Мастаков. Я, право, не знаю... не представляю... как это я скажу ей!

Ольга (возмущена). Послушайте – что же это такое? Вы говорили, что любите меня? Это была шутка? Да?

Мастаков (уныло). Какая же шутка, когда вот... Я совершенно не думал, что это так сложно всё... Что ж? Я пойду... скажу ей! Скажу в двух словах, а там уж... Вы, если можно, не уходите... я скоро вернусь...

Ольга. Хорошо... я буду в роще.

(Мастаков, решительным жестом поправив шляпу, идёт на террасу. Елена встала встречу ему. Она спокойна.)

Мастаков (остановился, снял шляпу и, размахивая ею, не глядя в лицо жены, говорит). Вот, Лена... я пришёл сказать... хотя – совершенно не подготовлен... и – вообще... ты, пожалуйста, не сердись... пойми...

Елена (подходя к ступеням террасы, зовёт Ольгу). Послушайте...

(Ольга остановилась.)

Мастаков (испуган). Она – не виновата, честное слово!

Елена (сдержанно). Ты – перестань! Оставь нас... Предложи Ольге Владимировне сказать мне всё, что она находит нужным, а сам – уйди...

Ольга (медленно подвигается к террасе. Смущена, но храбрится. Смотрит на Елену удивлённо и подозрительно). О чём же говорить? Вы, кажется, поняли... значит, всё ясно...

Мастаков. Видишь ли, Лена... это случилось неожиданно... (Он умоляюще складывает руки и просит.) Не надо обижать друг друга, а? И не надо драм! Вы обе такие...

(Не договорив, он махнул рукой и ушёл в комнаты. Елена на верхней ступени террасы, Ольга на земле, держится за перила. Молчание.)

Ольга (улыбаясь). Ну-с... вы молчите? Могу идти?

Елена (мягко). Зачем торжествующие улыбки? Мы обе – женщины, не забудьте это. Сегодня я стою перед вами в смешном положении... уверены ли вы, что завтра, через неделю...

Ольга. Не пугайте... это излишне! Понятно, что вы злитесь, презираете меня...

Елена. Я? Нет! Почему бы?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ольга. О, я знаю, вам известно, что это не первый мой роман...

Елена (удивлена, не поняла). Зачем говорить об этом?

Ольга (воодушевляясь). Вы должны знать, что на меня смотрели более жёстко, с большим торжеством, чем я на вас. Беру маленький реванш! Не скрою – мне приятно, что вас, такую умницу, оценили дешевле меня. (На секунду задумалась, странно улыбаясь.) Видите, какова жизнь? Не думайте, что я чувствую себя виноватой перед вами... Право, неясно понимаю – зачем я говорю всё это... Вы меня, кажется, задели немного...

Елена (быстро). Я не хотела этого! Чем же?

Ольга (пытливо). О, я не в дурном смысле... Мы обе женщины – сказали вы... Это вышло у вас... очень уместно... я едва не сказала – ловко! Мне можно идти, я думаю?

Елена (спускаясь к ней). Уж если вы заговорили так...

Ольга (подозрительно). Как – так?

Елена. Так просто.

Ольга. А! К чему же мудрствовать? Всё ясно.

Елена. Вы думаете?

Ольга. Конечно!

Елена (твёрдо). Вы считаете отношение Константина к вам серьёзным, глубоким, да?

Ольга (иронически). О, какой вопрос! А зачем вам знать, что я думаю?

Елена (тихо, ласково). Согласитесь, что его жизнь не безразлична для меня.

Ольга (слегка смущена). Ах, вот что... его жизнь! Это занимает вас? Но – об этом вы спросите его... он должен знать, насколько серьёзно...

Елена. Он – не знает.

Ольга (подозрительно смотрит на неё). Позвольте не поверить вам... и спросить вас – чего вы хотите от меня?

Елена. Представьте, что с вами говорит его мать или старшая сестра...

Ольга (с улыбкой). Представить вас его старшей сестрой... это было бы возможно... но – вы были его женой... и человеку, который обижен, – нельзя верить!

Елена (сухо). Я говорю в ваших интересах...

Ольга. Весьма благодарна... вам не кажется, что это комично?

Елена. Нет, не кажется. Я хотела предупредить вас... он плохо знает себя, он живёт – играя...

Ольга (скрывая тревогу). Я тоже люблю так жить...

Елена. Ненавидит всё тяжёлое, неприятное, но когда оно близко к нему – теряется...

Ольга. Что же... следует отсюда?

Елена. Подумайте.

Ольга (нервно смеётся). Я, вероятно, очень грубо ответила бы всякой другой женщине... (С намерением задеть.) Но вас – мне жалко! (Ждёт ответа.) Вы хотите запугать меня... я удивляюсь, почему вы не говорите ничего о таланте Константина Лукича, о его обязанностях пред обществом, служении искусству и так далее...

Елена (спокойно). Я не нашла нужным говорить об этом... уж если вы становитесь

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
рядом с ним – значит, вы уверены, что сумеете поддержать в его душе ту светлую силу, которая увлекла вас. Вы убеждены, конечно, и в том, что с вами ему будет во всех отношениях лучше, чем со мной...

Ольга (волнуясь). Я совсем не хочу брать на себя задач надзирательницы за ним, я не синий чулок! Вы рисуете его ребёнком? О, Га, Га! Знаю я этих ребят!.. (Всё более сбиваясь с тона.) Вот, вы смотрите на меня так, точно я вытащила у вас кошелек из кармана... Я кажусь вам вульгарной... конечно! (Ждёт ответа.) Вы сделали со мной что-то дурное... вы запутали меня в чужих мне мыслях... чего вы хотите? Разве я виновата в том, что случилось? (Мастаков является в дверях.) Я не встречала людей таких, как он... не могла представить, что есть человек, который так необходим для меня...

Елена. А вы – для него?

Ольга (почти кричит). Это не ваше дело! Вы не смеете допрашивать меня!

Елена (вспыхнула, холодно). Я не нуждаюсь более в этом...

(Ольга бешено смотрит на неё, хочет что-то сказать.)

Елена (жёстко). Вам нехорошо?

(Ольга, закрыв лицо руками, быстро идёт прочь. Елена провожает её глазами – лицо у неё суровое. Оборотясь – видит мужа, он бледен, удивлённо и боязливо следит за нею.)

Елена (твёрдо, почти грубо). Если бы она была хуже или лучше, она была бы сильнее меня...

Мастаков. Чёрт побери, Елена... чёрт побери... какая ты! Кто ты такая?

Елена (проходя мимо него). Женщина, которая любит! (Ушла в комнаты. Он проводил её глазами, потирает лоб, быстро сходит с террасы и тотчас снова взбегают назад.)

Мастаков (бормочет). Нет... сначала необходимо... Елена!

(Елена выходит.)

Мастаков. Подожди... куда ты?

Елена. К Медведевым.

Мастаков. Слушай... я, честное слово...

Елена (вспыхнув). Ты, мальчишка, оставь меня!

Мастаков (хватаясь за голову). Вот! Начинается трагедия... Послушай, успокойся немного...

Елена (с тоской). Это – дико... это – пошло! Ты, такой ясный и чистый, ты мог увлечься... Она тебя отравит, погубит...

Мастаков (с отчаянием). О, чёрт... да разве я знал, что это так серьёзно?..

Елена (спокойнее). Для таких людей, как ты, женщины – ступени, по которым вы идёте куда-то выше... но она – ниже меня, пойми это! И не она для тебя, ты – нужен для неё! Вот чего я не допущу! Чтоб ты – ты! – служил развлечением... нет!

Мастаков. Ах, ты рассуждаешь... но какой же чёрт...

Елена. Да, я рассуждаю!.. И – за двоих: за себя, чтобы не мешать тебе, и за тебя, потому что ты живёшь но думая...

Мастаков. Во всём всегда вес и мера!.. Это невыносимо!

Елена. Но ведь ты не взвешиваешь, не измеряешь, а это необходимо среди живых

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
людей, которые чувствуют боль и причиняют её друг другу. Я должна рассуждать и взвешивать, чтобы оградить тебя от всего ненужного, от всего, что может нарушить строй твоей души... ты думаешь, это легко мне? Не это ли сушит мою душу? Не это ли убивает во мне смех и радость? И вдруг я вижу... это может убить! Я поняла бы тебя, если б ты увлёкся Сашей... это такой чистый, светлый, освежающий душу человек...

Мастаков (ворчит). Саша... ну что за фантазия!.. Елена, человек нуждается в свободе... а я – человек...

Елена. Предположи на минуту, что и я тоже человек...

Мастаков. Ты иногда – точно старый монах, а я – твой послушник... впрочем, может быть, это неверно, я ведь не знаю, как живут монахи... Честное слово – всё это

гораздо сложнее, чем я думал, и совсем не весело! Я не люблю драм... а тут – и ты и она – обе недовольны...

Елена (не сдержав улыбки). Какой ты смешной мальчишка! Подумай – что ты говоришь? Разве можно играть людьми?

Мастаков. Право же, Елена, у меня в груди нет места для всех этих серьёзностей и... длинных монологов... (Воодушевляясь.) Я ужасно рад, что живу и что вот – вокруг меня гудит, волнуется Россия, такая милая, славная страна... мелькают эти смешные, страшно близкие душе, русские человечьи рожи... дети какие-то особенные растут – ты замечаешь? И – русские матери... и эти старые чудаки, такие трогательные в своей ненужности... душа полна хорошей, необидной жалостью к ним. Страшно приятно жить, Лена, честное слово! Догорают огни, но уже вспыхнули другие... хочется писать стихи, поэмы, хочется говорить светлые, задушевные слова... и подмигивать людям глазом – «ничего, братья! живём!» И когда думаешь, говоришь об этом – тот, кто сидит рядом с тобой, незаметно делается так близок тебе, дорог и мил, что решительно всё равно, кто он и как одет – мужчиной или женщиной...

Вукол (идёт прихрамывая). Эй, господа!..

Елена (вздрагнув). Подожди... Что там? Плохо?

Вукол. Идите... Все растерялись... плачут...

Мастаков. Вот видишь, Лена... (Она быстро уходит.) Мне тоже надо идти туда?

Елена (издали). Нет... не надо!

Вукол. Ну, как же нет? Конечно, идите...

Мастаков. Но зачем же?

Вукол. Гм... знакомый умирает... долг вежливости, что ли... Потом – вы писатель, вам всё надо видеть... это ваш долг.

Мастаков (вздыхнув). Ну... пойдёмте...

Вукол (на ходу). Да, вот и ещё одним человеком меньше! Люди – уходят, а противоречия – остаются... вот, напишите-ка аллегорию на эту тему!

Мастаков (ворчит). Очень нужно! Терпеть не могу аллегорий...

(Ушли.)

Занавес

Действие четвёртое

Ночь. Палисадник перед дачей Медведевых. Акация и сирень скрывают маленький, в два окна, домик, с крыльцом из стеклянных рам. Окно с правой стороны крыльца завешено простынёй или скатертью. Сквозь открытые двери на ступени крыльца падает полоса света – в прихожей горит лампа. На ступенях – Самоквасов и Зина, доктор ходит мимо них и курит. Из дома доносится возня – двигают мебель, стучат

Зина (негромко). Сегодня утром он говорил, что ему лучше...

Потехин (угрюмо). Все фтизики так говорят перед концом.

Самоквасов (убедительно). У меня сестра – чудеснейшая женщина! – всю жизнь ухлопала на это... положим, её муж болел другой болезнью... но всё равно ведь! Девять лет она ухаживала за ним... вы подумайте, – всю молодость, всю силу женщины отдать капризам больного! Ужас! В тридцать лет она была полуседая... овдовела – на руках пятилетний мальчик, невыносимо нервозный, слабенький...

Потехин (подходит). И вы тоже караете слабых?

Самоквасов. Нисколько...

Потехин. Уж вам-то не к лицу!

Самоквасов (задет). Но, позвольте! (Потехин идёт прочь. На крыльцо вышел Вукол.) Я ничего не говорил...

Потехин (издали). Опоздали вы с этими теориями... Они уже не в моде...

Самоквасов (Зине). Что с ним? Чего он злится?

Зина (встаёт, идёт в дом). Не знаю. Устал, я думаю...

Вукол. Обижает тебя потомок мой? (Садится рядом, охая.) Ноет у меня ножка... Вот, Мирон, судьба очистила тебе дорогу...

Самоквасов (болезненно). Брось это... что ты!

Вукол (тихо). Ты думаешь, она в глубине души не рада? Хе! Я, брат, знаю женщин...

Самоквасов. Полно, Вукол! Ничего мы с тобой не знаем. (Подумав.) У меня, например, никогда не было желания – понимаешь? – упорного, страстного желания что-либо знать. А оказывается, это необходимо...

Вукол. Гм... это ты о чём говоришь?

Самоквасов. А о том, что вот мне сорок два года, и я не понимаю человека, который моложе меня, не понимаю его мысли и жизнь... Слов даже не понимаю! И это – в сорок лет! Хороша страна, где все чужды друг другу... Представь себе европейца...

Вукол (позёвывая). Чепуха! Европейцев ты не знаешь... ты их в кутузку сажал? Нет. И не надо говорить об европейцах, думая о женщинах...

Потехин (подходит). Нет ли спичек, отец?

Вукол (даёт). Возврати. А то ты возьмёшь коробку и – пропал! А я с больной ногой хожу, ищу – где спички?

Потехин. Если у тебя ревматизм – иди и ляг в постель. Это лучше, чем сидеть ночью на воздухе. (Уходит, забыв отдать спички.)

Вукол (толкнув Самоквасова). Видишь? Женись скорее. В семьдесят лет у тебя будет сын доктор, культурный человек... Очень удобно! Отберёт у тебя спички, а ты... да-а... (Помолчав.) Заметь, какой странный язык у нас: мы говорим – сидеть на воздухе. Какие лёгкие люди, подумаешь! Или – пройти курс университета. (Кивая головой в сторону, куда ушёл сын.) Вот – он прошёл, насквозь прошёл... и это не особенно задело его...

Самоквасов (неохотно). Какой ты...

Вукол. Болтун?

Самоквасов. Нет... как это? Мизантроп...

Вукол (с некоторой гордостью). Я, брат, не мизантроп, а – скептик... Мало у нас скептиков. Это признак, что мы недостаточно умны...

Самоквасов (усмехаясь). Ты вот говоришь, а я не понимаю – зачем?

(Елена и Зина выходят, Самоквасов встал, давая им дорогу.)

Елена. Господа, пожалуйста, помогите Константину перенести сундуки...

Самоквасов. Иду! Ты бы сидел, скептик.

Вукол (идя за ним). Сыро... Потомок прав.

Елена (лаская Зину). Ляг иди, может, уснёшь.

Зина. Нет, не хочу... я боюсь, что усну.

Елена. Боишься?

Зина. Мне – стыдно. Я не чувствую горя, утраты... я так странно, стыдно спокойна! Развязалась петля... я могу не лгать, не насиловать себя... мне не надо казаться нежной и любящей... Это хорошо и – нехорошо...

Елена (улыбаясь). Вот – слышал бы тебя Константин...

Зина. Нет, не говори ему! Я не хочу, чтобы он считал меня бесчувственной... я так уважаю его!

Потехин (подходя). Вам необходимо свидетельство о смерти, я сейчас напишу.
(Проходит в дом.)

Зина. Как он это сказал!.. Когда он подходит близко ко мне, я ощущаю прикосновение какой-то тяжести... Лена, я не кажусь тебе бессердечной?

Елена. Перестань об этом. Тебе двадцать лет.

Мастаков (в дверях). Елена, иди сюда! (Когда она подошла, он возмущённо шепчет.)
Слушай, какого чёрта Николай рычит на меня? Стоит под носом и сверкает белками... что ему нужно?

Елена (уходя). Я сейчас, Зина.

Мастаков (идя за нею). Возмутительно!

(Зина утомлённо потянулась, наклонила к лицу ветку дерева, обоняет её запах. Вздрыгнула, взглянув на занавешенное окно, пугливо отряхает руки.)

Самоквасов (с шалью в руке). Возьмите-ка, сыро!

Зина. Спасибо! Какой вы заботливый.

Самоквасов (расцветая). Ну... это не я... это ваша мама велела мне. Хорошая у вас мама!

Зина (кивая головой). Да.

Самоквасов (волнуясь). Вообще, женщины – самое лучшее... Особенно теперь, когда наш брат... несколько раскис. Знаете, мне можно поверить, – я женщин видел! Я очень плохо, очень грубо жил... немного могу вспомнить без стыда за себя... и, если было что хорошее, чистое в моей жизни, – это были вы... женщины... Готов молиться: да сохранит их господь бог, ибо нет у него среди русского племени ничего лучше женщин!

Потехин (выходя). Ого! Вот как?

Самоквасов (оборачиваясь к нему). Ах... это вы! Конечно – не согласны? Желаете

Потехин. Не время и не место.

Самоквасов (горячо). Ироническим возгласам – место, а правдивому свидетельству – не место? Почему-с?

Потехин (проходя мимо него). Вы, точно влюблённый, вспыхиваете... что с вами, а?

Самоквасов. Ничего особенного, благодарю вас! Вы как себя чувствуете? Вот, Зиночка, посмотрите: вчера он призывал народ – вперёд, на бой с судьбой, а сегодня, извольте видеть, – разочарованному чужды все обольщенья прежних дней!

Зина. Не надо сердиться!

Самоквасов. Но ведь это же... это обман... это – игра людьми...

Потехин (раскуривая сигару). Чего вы так волнуетесь? Попросите, и – вам снова дадут место в полиции... (Отходит.)

Зина (болезненно). Ой, доктор... что это вы!

Самоквасов (задыхаясь). Вот... культурный человек... а? Благородно, а?

Зина. Он... может быть, он нездоров?

Самоквасов. Да-с... паралич души у него... Нет, извините... мы все – злые, грубые... и ничего не любим... ни друг друга, ни себя самих, ни родину... У нас в жилах течёт дурная, холопья кровь... мы ещё не пережили крепостного права... мы – изнутри рабы...

Вукол (выходит – Зине). Вас мать зовёт. Ты что, Мирон?

Самоквасов (показывая кулак). Сын твой...

Вукол. Ага!

Самоквасов. Когда-нибудь я его...

Вукол (глядя в темноту). Никто не любит моего потомка.

Самоквасов. А он? Он кого любит? Умеет он любить?

Вукол. Не знаю. Не спрашивал.

Самоквасов. Спроси... да!

(Потехин подходит. Самоквасов, фыркнув, ушёл в комнаты.)

Вукол. Ты что обижаешь людей?

Потехин. Давай походим, отец.

Вукол. Нога не позволяет ходить.

Потехин. Ах, да... Вот что – я уезжаю... С поездом в пять пятнадцать. (Вынимает бумажник.) Вот деньги... Потом ещё пришлю... если будут.

Вукол. Значит, надолго... А служба?

Потехин. Брошу.

Вукол. Ты, может, на Кавказ собрался?

Потехин. Почему на Кавказ?

Вукол. Бывало, люди в твоём положении на Кавказ ездили.

Потехин. Не понимаю.

Вукол. Влюбился?

Потехин (хмуро поглядел в лицо отца и усмехнулся). Н-ну?

Вукол. Безнадёжно?

Потехин. Далее!

Вукол (принимая деньги). Ты лучше в Сибирь поезжай.

Потехин. Зачем?

Вукол. Наживёшь денег. Когда люди противны – необходимо иметь много денег.

Потехин. Скажи тут всем этим, что я получил телеграмму... спешно вызвали в город к больному.

Вукол. А зачем лгать?

Потехин. Верно. К чёрту! Прощай.

Вукол. Давай обнимемся...

Потехин (обнимая). Прощай! Трудно жить, старик.

Вукол. Не удался ты у меня!

Потехин. И ты тоже не очень удался.

Вукол. Ну, всего доброго! Стреляться не думаешь?

Потехин (усмехаясь). До этого не дошло ещё.

Вукол. То-то! Ты – в брюнеток влюбляйся, у них больше темперамента, и они быстрее решают...

Потехин. Брось! Не балагурь.

Вукол. Я – серьёзно. Я это наблюдал. Женись на еврейке – самое спокойное дело. Они – плодовые, хозяйство любят... пойдут у тебя дети, и завертится тихонько эдакое колесо...

Потехин (усмехаясь). Всё сказал?

Вукол (отпуская его руку). Не плохо говорю! Прощай...

(Потехин уходит. Старик садится на ступени, качая головой, и что-то шепчет вслед сыну. Выходит Медведева, усталая.)

Медведева. Закусить хотите? Там самовар готов. Спать никто не ложится. Где доктор-то? Устал он...

Вукол. Да, устал. Рановато несколько, а вот – устал...

Медведева. Ну, вы всегда двоясмысленно говорите.

Вукол. Уехал он. Просил кланяться всем. В Сибирь уехал.

Медведева. Вы что, батюшка, бредите?

Вукол (махнув рукой). На Кавказ.

Медведева. Ещё куда?

Вукол. Не знаю.

Медведева (вздыхнув). Эх вы, чудачки! Поглядишь на вас – так станет жалко всех!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Туда же, шутки шутят, будто им весело... притворяются умными да будто гордыми... совестясь друг пред другом слабостей своих... А вам бы просто сойтись друженько, да поговорить, да поплакать над собой, не стыдись... нечего роли-то играть... публика-то разошлась уж... одни вы остались... одни!

Вукол. Я в спектакле не принимал участия... я сам – публика.

Медведева. Каждый поодиночке тоскует смертно, стыдится всяко... а на людях – пыжится, серьёзное лицо делает... куда уж! А вы – поближе друг ко другу, поближе...

Вукол. Премудрая – довольно! Это меня не касается. А вот что, добрая баба-яга... ведь сын-то у меня в самом деле исчез...

Медведева (равнодушно). Куда?

Вукол. Может быть – в Африку, может – ко всем чертям...

Медведева (недоверчиво). Фокусничаете вы с ним, батюшка... Идите-ка чай пить. (Идёт с ним в дом – встречу им Мастаков и Зина.) Слышали – доктор-то? Уехал!

Мастаков. И прекрасно! Нужды в нём ни у кого нет. (Зине.) Мы походим немножко, да?

Зина. Пожалуйста. Очень душно, и голова кружится.

Мастаков (не зная, о чём говорить). Может, вам нужно принять каких-нибудь капель?

Зина (улыбаясь). Каких же?

Мастаков. Не знаю. (Вздыхнул.) Елена никогда не принимает лекарств. А вот Ольга Владимировна пьёт какие-то капли. Иногда от неё пахнет чем-то оглушающим... вроде эфира. И духи у неё... убийственно крепкие...

Зина (с интересом). Вам нравится она?

Мастаков. Она? Гм... Д-да... как сказать? Не всегда, я думаю... (С оживлением – но искусственно.) Эх, какая хорошая ночь! Так бы и запел!

Зина (с упрёком). Что вы? Здесь?

Мастаков. Это действительно... глупо сказал я... Да я и не умею петь... (Стараясь попасть в тон.) Конечно... люди рождаются и умирают... днём и ночью...

Зина (невольно улыбнулась). Вы так сказали... точно упрекаете их за это.

Мастаков (смущён). Да? Вот видите... чёрт возьми! (Просто.) Это, должно быть, потому, Зина, что я не знаю... как следует говорить, когда в доме покойник... Я столько прочитал ужасов о смерти, все они так плохо написаны, что у меня нет уважения, нет интереса к этой теме... О смерти сказано больше, чем следовало... она стала похожа на актрису, которую перехвалили. Очень однообразная актриса, но – кричат – ах, она гениальна! (Увлекаясь, он берёт Зину под руку.) Конечно, однажды надо будет умереть... в один прекрасный день. Но, милая девушка, до того дня я проживу тысячи прекрасных дней... тысячи – вы понимаете? И каждый день – новые лица, новые движения души, новые цветы и солнце. (Серьёзно.) Знаете ли вы, что солнце каждый день новое? Вы читали что-нибудь о Хорсе, боге солнца, и дочерях его хорсалках, иначе – русалках? Вы любите мифологию?

Зина. Я её не знаю.

Мастаков. О, это надо знать! Это изумительно красиво... и, как всё детское, – просто, мудро, невыразимо трогательно. Вам это необходимо знать, вы сами такая русалочка... Я иногда смотрю на вас и думаю – как счастлив будет человек, которого вы полюбите... Представляю себя на его месте... это ужасно хорошо и полно самых капризных неожиданностей...

Зина (смущённо). Послушайте... уместно ли...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(В палисадник входит Ольга с букетом цветов в руках. Она одета в тёмное, стоит за кустами и слушает.)

Мастаков (увлечён). Если бы вы знали – какая это счастливая особенность представлять себя чем хочешь! Королём, трубочистом, паяцем! Живёшь десятками жизней, чувствуешь все радости и печали мужчин и женщин... скучные, тяжёлые думы стариков и милую, радужную путаницу детской души...

Зина. Это удивительно интересно...

Мастаков. Недалеко отсюда лежит камень-валун... такой старый, серьёзный камень, весь в морщинах... я знаю, что он был когда-то вершиной горы и звёзды были ближе к нему, чем теперь, – он это помнит, и ему скучно... Понимаете? Об этом камне я мог бы рассказать в четырёх строках... только четыре строгие строки! Видите? Так живёшь... Вдруг – полюбишь вас и думаешь о вас целый день... носишь ваш образ в сердце своём, и вы поёте мне такие славные, чудные песни...

Зина (отнимая у него руку). Что вы говорите? Разве можно говорить со мной об этом... сегодня!

Мастаков (удивлён). Нельзя? (Она быстро идёт прочь от него.) Но... когда же можно... странная девушка!

Ольга (выходит, иронически). Вы – поторопились!

Мастаков (тревожно). Ты – снова... Послушай – Елена тоже здесь!

Ольга. Вот почему вы не приходите ко мне! Это и есть та работа, которой вы так заняты?

Мастаков (тревожно, тихо). Если вы встретитесь – я не знаю, что буду делать...

Ольга (стараясь сохранить спокойствие). Не знаете? да?

Мастаков. Честное слово...

Ольга. Честное слово и – вы?

Мастаков. Когда люди смотрят друг на друга свирепыми глазами – мне стыдно, я... я чувствую себя совершенно лишним...

Ольга. Вы отдаёте себе отчёт?..

Мастаков. Ах, отчёт! Конечно... я всегда делаю глупости!

Ольга. Не притворяйтесь!

Мастаков. Ш-ш! Зачем же кричать?

Ольга. Что это такое? Ваш способ обратить в шутку отношение ко мне, да? Вы плохо, вы пошло придумали!

Мастаков. Ах, зачем ты говоришь этим тоном? Что я тебе сделал? Ведь ты – не девушка... и я не могу жениться на тебе немедленно... это смешно! Ей-богу – это смешно!

Ольга (тише). Не смейте издеваться надо мной! Я требую объяснений! Я не знаю... это, наконец, жестоко... это – грязно! Послушайте, проповедник добра и красоты, или как вас там зовут...

(Из дома выходит Елена.)

Мастаков (раздражаясь). Я же объясняю вам русским языком...

Ольга (видит Елену). А, милостивый государь, теперь я вам сделаю небольшой скандал... вам всё-таки будет неловко...

Мастаков. Что же это будет! Чего вы хотите?

Ольга (бросив цветы). Елена Николаевна... позвольте вам напомнить ваши слова... мы обе женщины...

Елена (кутаясь в платок, тихо говорит, подходя ближе). Пожалуйста, уйдёте отсюда.

Ольга. Но вы – умнее меня... вы устроили как-то так, что... я, кажется, с ума схожу!

Елена. Константин, ты плохо выбрал место...

Мастаков (почти грубо). Я ничего не выбирал! И ничего не понимаю! Что требуют от меня? Чтобы я немедленно венчался? «Исайя ликуй»? Ещё раз – «ликуй Исайя»?

Ольга. Что за пошлая шутка! Послушайте, он сейчас объяснялся в любви Зине...

Мастаков (удивлён). Я?

Ольга. Он носит её образ в сердце своём... говорил он ей...

Мастаков. Послушайте! Что за глупость?

Ольга (мечется, взбешена). Это не глупость, это носит другое имя! Авантюризм, распущенность... Мне – стыдно, сознаюсь – я никогда не бывала в таком смешном, дурацком, унижительном положении... о да, сознаюсь!

Мастаков (смотрит на них обеих по очереди). Довольно! Говорите что вам угодно, делайте что хотите, а я – я уеду! Я не позволю тащить меня на верёвке даже и в рай... Ничего дурного я не сделал, и никто не страдает, это я страдаю!

Ольга (Елене). Какова наглость?

Елена (спокойно). Не надо сильных слов... они ничего не объясняют.

Мастаков. Вам угодно, против всякой очевидности, считать меня виновным в проступке, который... в котором и вы принимали участие, как я помню... Позвольте! Я осуждён? Очень рад! Я уезжаю, Елена... я иду уложить чемоданы... вы уж доконайте меня в моём отсутствии!

Ольга. Что за дикая выходка! Неужели это нормальный человек? Или очень ловкий? Не понимаю!

Мастаков (горячится). Перестаньте болтать! Я уезжаю! Я не могу так жить – у всех на меня какие-то вассальные права... и – при чём тут Зина? Ты же сама, Елена, просила меня развлечь эту вдовую девицу! (Спокойнее и проще.) Если я действительно виноват – я извиняюсь... совершенно искренно, да! Но я скажу, что правда, великая правда сказана о женщинах словами... я забыл эти слова... вы заставите всё забыть! (Он быстро уходит из палисадника. Ольга растерянно смотрит вслед ему. Елена сумрачно задумалась.)

Ольга (тихо). Он действительно уедет?

Елена. Не думаю.

(Пауза.)

Ольга (подавленно). Вот мы снова друг против друга... Вы действительно поставили меня в смешное положение... ведь это вы, да?

Елена (тихо). Нет, не я...

Ольга. Гм... Мне надо уходить... (Елена молчит.) Послушайте, вы так много говорили о женской солидарности и высоких идеях... но – как же вы можете прощать ему это... эти выходки... распущенность эту?

Елена. Прошлый раз я, должно быть, говорила недостаточно ясно и виню себя за это теперь...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ольга (издеваясь). Слышали бы вы, как он говорил Зине о своей любви!

Елена. Завтра он может повторить это другой девушке или вам...

Ольга (зло). О, нет! Я-то уж не позволю издеваться под собой!

Елена. Я сказала вам – он как во сне живёт и верит в свои сны...

Ольга. Лечите его! Посадите в больницу! Привяжите на цепь!

Елена. Не надо быть грубой! Вы любите его рассказы?

Ольга. Теперь они будут напоминать мне... только моё унижение! Вы счастливы слышать это? (Елена молча взглянула на неё.) Странный вы человек... трудно вам поверить! (Задумчиво.) Я считала его таким чистым, честным...

Елена. Он таков и есть...

Ольга (усмехаясь). Таков? Но – как же это? Неужели вы не чувствуете оскорбления... впрочем, это не моё дело!

Елена. Не будем говорить обо мне... Если он или я сделали вам больно – я готова просить у вас извинения за него и за себя...

Ольга (поражена, не верит). Вы, женщина, просите у меня прощения, у меня... которая... я вам не могу верить, не могу! Это – христианское смирение, что ли? Великодушие? Что это?

Елена. Я – женщина, но – рассудочный человек...

Ольга. Не верю... вы говорите необычно... Он вас свёл с ума, этот... паяц! Иногда мне кажется, что вы – человек искренний... и, честное слово, в эти минуты – мне больно за вас!.. (Задумываясь.) Должно быть, потому больно, что мы, женщины, действительно близки друг другу... Но я тоже сойду с ума, если буду продолжать такой фантастический разговор! Прощайте. (Идёт, но тотчас возвращается и говорит серьёзно, просто.) Послушайте, мне захотелось сказать вам... кажется – это необходимо сказать, но – почему?.. Я не понимаю! Лёгкое сумасшествие... во всяком случае – я далека от раскаяния... Видите ли, я кокетничала с ним... я очень хотела того, что называется победой над мужчиной... Не знаю, зачем нужно было мне это... может быть, хотелось встать рядом с вами и выше вас... уж очень раздражало меня это ваше величие, ваше спокойствие... то, что вы сами называете рассудочностью... вероятно, это какой-то новый род бабьей хитрости... приём, неизвестный мне! (Говорит как бы сама с собой.) Он долго не замечал моих атак... вы знаете, конечно, к чему это приводит нас, женщин? Он всё рассказывал мне какие-то сказки... об индусах, берёзах, о Калевале, русских мужиках... удивительно он говорит иногда! Точно не человек... Ну, я кажется, увлеклась им серьёзно... и, желая поскорее выиграть партию, вот – проиграла! (Она растерялась, ей мучительно неловко, и она хочет скрыть это бойким тоном, небрежными словами.) Я поняла это... очень скоро... и особенно ясно – после разговора с вами... Вы гораздо убедительнее говорите тоном и глазами... а ваши слова... они мне не всегда понятны... эти ваши странные слова... (Усмехнулась.) Вы моложе меня, но у вас уже отцветает душа... знаете это? Я не хочу сделать вам больно... но – честное слово! – вы иногда вызываете досадное чувство! Разве можно так относиться к мужчине? Это даже смешно, наконец... Нет, каков этот фантазёр! Точно угорь... он ловок, знаете! Да, да... он неглуп... И, кажется, недурной актёр. В нём есть какая-то незнакомая мне гибкая, но крепкая пружина... он довольно хитрый. Иногда он бывает невыносимо комичен... мне думается – это его способ самозащиты... да? (Очнулась.) Что? Я слишком разболталась!

Елена (тихо). Спасибо вам.

Ольга (комически и зло). За что же? Тогда уж... руку, товарищ! Надеюсь, что однажды и вы будете так же побиты, как вот я! (С жарким любопытством спрашивает.) Трудно жить с таким скользким дьяволом? Но – должно быть интересно? До безумия, да?

Елена (как бы ослабев на секунду, отвечает так же горячо). О, да...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ольга (отшатнулась). А-а... Вот какая вы?.. Ну, тогда... он – глуп, конечно!..
Прощайте! Вы удивительно запутанная женщина!.. Я тоже... сглупила... Ну, я уеду! Вам
хочется, чтобы я уехала?

Елена (усмехаясь, смотрит на неё). Что может изменить ваш отъезд?

Ольга. Ого!.. Ну, всё-таки... спокойнее!

Елена (с гордостью, не без боли). Он останется всю жизнь таким... он не изменится
никогда!

Ольга (долго смотрит в лицо ей). Нет... я вас не понимаю... не могу понять!..
(Медленно уходит. Елена устало садится на скамью в тени. С крыльца выглядывает
Медведева, нерешительно идёт, садится рядом с нею и гладит волосы её.)

Елена (тихо). Тяжело это... вы слышали?

Медведева. Ничего... пройдёт. Говорила она очень громко. Вукол уши наострил,
заулыбался всеми улыбками, старый леший. Я уж разговор затеяла, чтобы помешать
ему подслушивать, а Самоквасов догадался, помог мне. Деликатный человек... Зина,
слава богу, уснула. Спит на диване, одетая... (толкнув Елену) а Самоквасов-то
комаров отгоняет от неё... а? Эх, люди, люди! Милые вы мои люди!.. (Задумалась.)
Это она цветы принесла? Лилии, гвоздики... хорошие цветы! Бросила на землю... зачем
это? (Поднимая.) Тоже, видно, не очень счастлива бабёночка, хоть и бойкая.
Бесприютная, видно... и голодна душой-то... вот те и богатство! Не кормит оно душу...
Очень горячилась она... слышно было... Куда ей против тебя, Лена! Глупенькая она...
Лет, чай, на восемь, на десять старше... а тоже... Чу! Идёт кто-то... Твой идёт...
гляди-ка!..

Мастаков (шляпа на затылке, растрёпан, мрачен, палец на левой руке обмотан
платком. Показывает его жене и угрюмо сообщает). Вот, Елена, я прищемил палец...

Елена. Покажи... сядь...

Мастаков (убеждённо). Саша – злая, сонная дура! Неприятнейшая личность! ничего
не понимает... в ней есть что-то кошачье... Мы разругались.

Медведева (встала, улыбаясь). У меня примочка есть... вот я принесу её.

Елена. Пожалуйста!

Мастаков. Осторожнее, Лена... я не каменный.

Елена. Что ты там делал?

Мастаков. Что? Укладывался... чемоданы и всё... Я же не могу жить там, где со всех
сторон мне кричат в уши – ты мой, наш!

Елена (хмуро). Не притворяйся, пожалуйста, я тебе ничего подобного не говорила.

Мастаков. Всё равно! У тебя тоже инстинкты рабовладелицы... (Помолчав.) Я уже всё
с моего стола уложил в чемодан... только туда пролился одеколон, и надо было снова
всё вынуть. (Насвистывает.) Чернила тоже пролились... на диван. А Саша опрокинула
рыжую вазу... она, конечно, обвиняет меня! Я рад, что ваза разбилась, мне не
нравятся рыжие вещи... и люди. (Искоса смотрит на жену.) Тебе – ничего, что я
уезжаю? Это тебя не беспокоит? (Елена молчит.) Я не могу работать, когда вокруг
меня чёрт знает что творится! Все – мрачно улыбаются... Николай убийственно рычит:
«Твоя жена – святая!» Это ты – святая... да! Он – филин, этот доктор... и я ведь
знаю, что он влюбился в тебя... нечего! Отсюда всё и произошло... (Благородно.) Я
вовсе не хочу никому мешать, и ты не услышишь от меня никаких упреков...

Елена (тихо). Пожалуйста, не выдумывай глупостей!..

Мастаков (не сразу). Вы поругались... ты и она?

Елена. Она уезжает.

Мастаков (живо). Честное слово?

Елена. Да.

Мастаков (облегчённо). Это – хорошо! Это – очень хорошо, Лена, право! Пусть она поедет куда-нибудь... да, да! Она – очень хорошая женщина... и сердце у неё доброе... но – она нестерпимо деспотична!

Елена (тихо, с горечью). Неужели тебе не стыдно так говорить о человеке, которого ты оскорбил... ведь ты обидел её, понятно это тебе?

Мастаков (пристально смотрит на Елену). Её? Ты говоришь – её обидел я? (Помолчав, тепло и просто.) Слушай, Лена... мне очень стыдно перед тобой... я ведь знаю, что виноват! Я не умею себя вести – вот в чём дело... мне некогда думать о тебе да и о себе тоже... У меня в груди – большая дорога, и по ней непрерывно проходят маленькие мыслишки, пёстрые человечки, толкуются, шумят, живут... и я забываю про тебя... Это нехорошо, да... но я, право, не могу иначе, не умею!.. Вот, какое у тебя лицо! Ты, конечно, сердисься... осуждаешь меня и... вообще...

Елена (просто). Разве я жалуюсь? Обвиняю тебя? Я только хотела бы просить – относись осторожнее к людям, чужим тебе... Не помогай несчастным и слабым быть злыми, они не станут ни сильнее, ни счастливее от этого...

Мастаков. Видишь ли... если она уезжает – я останусь лучше, а? Я не хочу встретиться с нею в пути!

Елена (неволью улыбаясь). Разве один путь?

Мастаков (обиженно). Ты хочешь, чтобы я уехал? Вот, Лена, наши желания всегда расходятся – видишь?

Елена (берёт его за руку). Не надо так говорить... это неискренно, и ты – немного паясничает... да! Выслушай меня внимательно и поверь, что я никогда более не повторю тебе того, что скажу сейчас! Я не хочу мешать тебе ни в чём, что может увеличить красоту твоей души... Клянусь богом – это правда!

Мастаков (серьёзно). Я – верю! Я верю тебе всегда... Понимаю, что сделал тебе больно, но... это вышло нечаянно – иногда очень трудно понять, где кончается человек и начата женщина!.. Елена – это случилось, и бесполезно об этом говорить – словами не излечишь боль в сердце... я знаю!

Елена (тревожно, горячо). Пойми – я боюсь... я – боюсь, когда к тебе подходит, тебя касается будничное и пошное...

Мастаков (смеясь, тихонько целует её руки). О, не бойся, я – хитрый! Очень трудно жить не притворяясь... Часто я играю роль блаженного и дурачка, который не понимает своих поступков, – это очень помогает мне отталкивать от себя разные пошлости и мелочи... Иногда я бываю смешон... помимо моей воли – я знаю это! Знаю... И когда замечаю, что смешон, то пользуюсь этим тоже в целях защиты... да, это нехорошо? Может быть... может быть... но – это охраняет от пустяков... (Задумался на секунду.) Жизнь – интереснее, честнее людей... Удивительно прекрасна эта наша человеческая жизнь, и – хорошо быть каплей росы, в которой на рассвете отражён луч солнца! Мне кажется, Лена, друг мой, хороший мой друг, что все люди, все, вокруг нас с тобой, – живут вторые, третьи жизни, они рождаются стариками, и жить им – лень! Стариками они рождаются, а я – родился впервые, ребёнком, я счастлив тем, что молод... и – безгранично люблю всё это... всё живое! (Медведева с аптечной склянкой в руке вышла на крыльцо, посмотрела на них и, улыбнувшись, бесшумно ушла.) Я рад, что живу, пьян от радости жить, и мне хочется рассказывать всем, впервые рождённым, о счастье моём... ты понимаешь меня, Лена?

Елена. Да.

Мастаков. Не прощай мне, но – забудь... хорошо?

Елена. Да!

Занавес

Дети

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Князь Свирь-Мокшанский – человек неопределённого возраста, лысоватый, хилый.

Бубенгоф – солиден, держится завоевателем.

Мокей Зобнин – лет пятидесяти, вертляв, боек и мечтателен.

Иван Кичкин – стар, тучен и нездоров.

Пётр Типунов – сладкогласен и миролюбив.

Костя Зряхов – юноша пухлый, говорит пренебрежительно, с неожиданными оттяжками.

Евстигнейка – личность растрёпанная, с безумными глазами.

Татьяна Зобнина – дама вдовая, дородная, двигается неохотно.

Марья Викторовна – девица бойкая и живая.

Нетрезвый пассажир.

Старуха с прошением.

Начальник станции.

Быков-сторож.

Жандарм.

Телеграфист.

Помещение для пассажиров I и II класса на маленькой станции в пяти верстах от заштатного города Верхнего Мямлина. Одна дверь прямо против зрителя, другая – в левом углу. За этой дверью – уборная. Суетится Зобнин, распаковывая кульки, Татьяна и Костя расставляют на столе бутылки и закуски.

Зобнин (озабоченно). Стало быть – помни, Татьян: как только я его введу – сейчас ты встречу ему с подносом...

Татьяна. Слышала уж! Только – долго я не сдержу: тут боле пуда...

Зобнин. Удержишь! Должна удержать, коли тебе браслета обещана! А ты, Кость, валяй поздравление, да поскладней как, да позычнее, он, поди-ка, глуховат.

Костя (пренебрежительно). Ладно, скажем! Видал я их брата... Это ваши понятия такие, что коли Князь, так уж обязательно – глух али ещё чем страшен.

Зобнин (мечтательно). Эх, кабы удалось! Ловко бы... н-да-а! Кичкина-то обошёл я... он там дома готовится, а я... (Беспокойно.) Ты гляди, Татьян, – сначала можжевеловой ему, да рюмку-то побольше которя...

Костя (с горечью). Эх, культурность! Можжевеловой... князю-то! (Сплёвывает сквозь зубы на пол, сокрушённо качая головой.)

Зобнин (задумчиво). Что ж, – купоросного масла поднести ему, что ли? (Уверенно.) Ничего! Можжевеловая – она сразу непривычного человека ушибёт! Какого ты сословия ни будь, она, брат, всякое упрямство разможит...

Татьяна (вздыхая). Всё, чтобы разموжить...

Зобнин. Дурёха! Надо нам, чтобы человек мягок был и ласков с нами, али не надо? Ты – молчи! Ты старайся красивее быть...

Костя (ворчит). Тут, для этого, бургонское али шампанское требуется.

Зобнин (раздражаясь). Отстань, подь в болото! Послушал я тебя, угостил намедни следователя бургонским этим...

Костя (возмущён). Да кагор это был, говорю я вам, а вовсе не бургонское! Простое церковное вино!

Зобнин (кричит). Врёшь! Оконфузил ты меня! Откуда в церковном таракану быть?

Начальник станции (в дверях). Действуете?

Зобнин. Готовимся. Сколько до поезда?

Начальник станции. Ещё... час тридцать семь. А у жены моей зубы разболелись.

Татьяна. Вы их – парным молоком...

Костя (скорбно). Вот! О, господи... парное молоко!

Начальник станции. С молока меня, извините, тошнит. (Мечтательно.) Нет, против зубов следует употреблять что-нибудь крепкое...

Костя (уверенно). Обязательно! Нагретый коньяк, а то – ром.

Начальник станции (улыбаясь). Коньяк... да-а!

Зобнин (хмуро). Где его достанешь? Мы вот своими средствами... (Вздыхнув, начальник станции притворил дверь.) Понимаю я, чего тебе надобно! Погоди, брат, – всё, что останется, твоё будет...

Татьяна (Косте). Вы мне на хвост наступили...

Костя (галантно). Пардон! Распространяетесь очень!

Зобнин (мечтает). Да-а... кабы удалось! Ты, Татьян, будь развязней. Ты – вдова, а он – старичок, человек для тебя безвредный... И ты, Костя, тоже...

Костя. Ну, вот, не видал я князей! Их в Москве на каждой улице по трое живёт... Но откуда вам известно, что он глух и старичок, – это уж я не понимаю!

Зобнин (вдумчиво). Да ведь как же? Первое дело – князь...

Костя. Вы меня не учите, пожалуйста! У меня – свои взгляды...

Татьяна (Косте). Жили вы в Москве две недели, а всё знаете... и сколько князей, и какие трактиры... даже удивительно!

Зобнин. Разговор у тебя ленивый... вроде как у беременной женщины... право! Ты перемени это!

Костя. О, господи! Да не понимаю я, что ли? (Плюёт сквозь зубы.) Человек думает, как лучше, а вы ему голову грызёте... Дайте мне мысли мои обгарнизовать!

Зобнин (оглядываясь). Ну, ну... валяй! Подмести надо. Иди-ка спроси веник у сторожа.

Костя (уходя, ворчит). Веник! Не веник, а половую щётку употребляют.

Татьяна (отряхивая юбку). Уй, как я измазалась...

Зобнин (задумчиво). Вот... двадцать пять годов ему, а умишко детский. Да и все тут, ежели пристально поглядеть... н-да! Вот бы удалось мне Кичкина обойти... молебен бы... О, господи, помоги рабу твоему Мокею! Молись, Татьяна... тут и твоя судьба кружится!

Костя (вбежал и – радостно). Смотрите-ка, дядя Мокей!

(В дверь, оттирая Костю и тяжело дыша, влезает Кичкин, за ним – Марья и Типунов,
Страница 96

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru с кульками в руках. Зобнин, смущённо посмеиваясь, качает головой сверху вниз, Кичкин смотрит на него и громко сопит. Костя, едва сдерживая смех, делает Типуну какие-то знаки, тот схватил бороду в руку и, закрыв ею рот, подмигивает Косте. Марья, оскалив зубы, смотрит на Татьяну, Татьяна злобно отряхивает юбку.)

Кичкин (Зобнину, хрипло). Упредил?

Зобнин (хихикая). Пронюхал?

Костя (Марье). Бон жур-с! [10]

Татьяна (шипит). Ты зачем с ней говоришь?

Марья. Теперь вовсе не жур, а суар! [11] Что, взяли, а?

Кичкин. Эх, Мокей, Мокей...

Зобнин (вздыхнув). Вот как, брат, Иван Иванович... случилось!

Кичкин. Ну и жулик ты, а?

Зобнин. Да и ты тоже... шельма! Как это ты... догадался?

Кичкин. Не дурак я!

(В дверь смотрит, улыбаясь, начальник станции. Зобнин, укоризненно качая головой, грозит ему пальцем.)

Типунов (быстро). Вот что, купцы, – разговорцам тут не место, разговорцы – за дверь! Уж коли так сошлось...

Кичкин (грузно садится). Что уж тут...

Зобнин. Н-да... Костянтин – соображай...

Типунов. Теперь сообща надобно...

Костя. Обязательно!

(Марья вертится по комнате, смотрит в зеркало и всячески мешает Татьяне.)

Татьяна. Что вы толкаетесь?

Марья. Ах, пардон!

Кичкин. Эх, кабы не одышка у меня... я бы тебе, Мокей! (Показывает кулак.) Прохвост...

Зобнин (миролюбиво). Али руганью добьёшься чего? Я бы и сам не хуже тебя обругался... да ведь какой толк?

Костя (мрачно). Надобно, дядя, обгарнизоваться...

Типунов. Гарнизоны это называется или как... ну – следует скорее!

(Костя шепчет что-то Марье, она смеётся.)

Татьяна (Зобнину). Братец, – Константин, глядите-ка, шепчется!

Костя (возмущённо плюнул). Ф-фу! Ну и... нравы же!

Зобнин. Цыцте! (Вздыхнув.) Как же, Иван Иванов?

Типунов. Очень просто! (Пишет пальцем в воздухе.) Лесопромышленная компания Зобнина и Кичкина – боле ничего!

Кичкин. Почему я сзаду? Не желаю...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Костя, тихонько переругиваясь с Татьяной, делает ей рожи, Марья хихикает, Татьяна почти плачет.)

Зобнин. Не спорь уж! Мне всё равно – пусть на вывеске ты впереди стоишь.

Кичкин. И в купчей...

Зобнин. Ну и в купчей! На!

Кичкин. Во всех бумагах чтобы я впереди стоял!

Зобнин. Во всех! Изволь!

Типунов (воодушевлённо). Вы того не забывайте – какое это дело! Золото! Не токмо на обоих хватит – потомствам даже до седьмого колена останется! Ведь это же какая крауха? Целая местность... весь уезд! Тут ли спорить? Тут ли жадовать? Руби! Пили! Вези! Огребай деньги! Народишко изголодался, мужику цена – грош...

Зобнин (вздрагивая). Н-да... это дело... оно-о!

Кичкин (мычит). О, господи!

Типунов (Кичкину). Ну, кум, думай!

Зобнин. Иван Иванов, – решайся!

Кичкин (уныло). Что же? Я – тово...

Зобнин (горестно). Судьба нам такая – чтобы вместе!

Кичкин (уныло). Н-да... не наша воля, видно!

Типунов (весело). Давайте лапы, эхма! Господи, благослови... на счастье! Сообща... в соединении сил... задувай-давай! Такие эти... как их, Костя?... гарнизоны двинем...

Костя. Гарнизации, если правильно говорить!

Зобнин. Значит – надо выпить, что ли?

Типунов. Теперь – обсоюзились... Ну-ка, Татьяна Антоновна, в знак будущего!

Кичкин (держит руку Зобнина и встряхивает, точно пробуя, нельзя ли оторвать). А я было тово...

Зобнин. Да и я тоже, брат...

Кичкин. Судьба нам, значит, вместе-то...

Зобнин. Против судьбы все мы – дети малые! Тебя начальник известил о приезде?

Кичкин. Он.

Зобнин. Вот, Костянтин, зубы-то! Давеча бы дать ему...

Костя, чай, оннетеперьизвестил.

Зобнин. Дать бы да и спросить: извещал али нет? Ну – благословясь, выпьем, братья!

Типунов. И – разговорцы под лавку! Надо насчёт встречи обдумать...

Зобнин. У нас – обдуманно.

Кичкин. И у нас!

Зобнин. Первое – чару ему с дороги!

Кичкин. Покрепше!

Типунов. Чтобы сразу обмяк!

Зобнин. Можжевеловой ему...

Кичкин. У нас – чайная есть. На чаю настояна...

Типунов. Смешать можно!

Татьяна. А как задóхнется он с этого?

Зобнин. Эко! Пьём же мы, а вот не задохлись!

Типунов. Выдержит! После – поздравить его ласковенько, с возвратом на родное пепелище...

Костя (ловит пальцами гриб на тарелке). Он и подумает, что это насмешка!

Зобнин. Отчего – насмешка?

Костя. Сожгли мужики усадьбу-то или нет?

Кичкин. Ну, конечно, об этом не надо напоминать!

Зобнин. Ай да Костя! Тонко взял!

Костя. Чай, я не дикарь!

Кичкин (Типунову). Вот, Петруха, мастером ты считаешься в речах, а придумал плохо!

Типунов. Ничего!

Зобнин. Стало быть, тебе, Костя, и говорить речь!

Костя (разбираясь в закусках одной и той же вилкой). Мне всё равно...

Кичкин. Первый – кум скажет. Затем и взят.

Зобнин. И Костя для этого.

Кичкин. Нет уж, – первое слово чтобы от нас шло!

Типунов. Мы – оба вместе скажем...

Кичкин (тяжело). Нет, уж ты первый... ты старше!

Зобнин. Говори первый, Типунов! А Костя на загладку пойдёт... Решили?

Кичкин (подозрительно). Уступчив ты больно...

Зобнин. А ты – боязлив не в меру!

Кичкин. У меня – одышка... Да детей пятеро.

Зобнин. После того – женщин пустим против его...

Типунов (с улыбкой). Для головокружения, значит!

Кичкин. Вот я племянницу взял...

Зобнин. У меня, брат, сестрёнка... тоже очень достойна внимания...

Кичкин. Она у тебя бессловесная... не годится...

Татьяна. Здравствуйте! Это я понимаю как обиду...

Типунов. Никакой обиды! Ну только, как Маша по-французскому может...

Марья. Пожалуйста... я могу уйти... у меня интересов нет...

Кичкин. Я те уйду!

Типунов. Теперь – вопросец: где он остановится, у кого?

Костя. У нас приготовлено ему.

Кичкин. У нас тоже... не суйся!

Зобнин (наливая водку). Погодите! Остановится он – это мне известно – у себя в усадьбе, ведь флигель-то цел!

Кичкин. Цел! А ты у себя на что приготовил?

Зобнин. А ты?

Кичкин. Я! Мало ли что... Мой-от отец у них, у князей, бурмистром ходил.

Костя (Марье). Каковы люди?

Татьяна. Очень даже хороши, и напрасно ты к ней подлизываешься... (Марье.) И вовсе князю не интересен наш язык этот!

Марья. А что же ему интересно?

Татьяна. Да уж не язык, извините!

Марья. А что же? Пожалуйста, скажите!

Татьяна. Да уж...

Зобнин. Цыц, Татьяна!

Костя (горестно). Вот какие картины культурных нравов...

Марья. Вуй! Кэ сэ трист! [12]

(Типунов смотрит на неё с недоумением и отходит прочь, шевеля губами. Костя наливает себе какой-то зелёной жидкости и пьёт.)

Татьяна (тихо). Слова! Сама, чай, выдумала...

Быков (входит). Мокей Антоныч!

Зобнин. Ась?

Быков. Евстигнейка просится до вас.

Типунов. Этот – с машинкой своей...

Кичкин. До него ли? Гони!

Зобнин. А может, допустить его? Вот, мол, ваше сиятельство, есть у нас изобретающий человек...

Костя (иронически). Очень это интересно столичному жителю!

Типунов. А если для смеха выпустить его?

Костя. Тогда бы лучше лесникову собаку взять – она смешнее!

Зобнин (испуган). Это... это ты зачем же все бутылки почал?

Кичкин (в стороне – Марье). Ты, гляди, не уступай ей, слышь? Держись вперёд... ближе к нему...

Кичкин. То-то...

Костя (жуёт). Для возбуждения мозга – надо мне или нет? Странно!

Быков. Стало быть – Евстигнейку гнать?

Типунов. Гони, дружок, гони его!

Быков. Там ещё старуха...

Кичкин. Какая?

Быков. С прошением, что ли то...

Зобнин (тревожно). На кого прошение?

Кичкин (радостно). На тебя, поди-ка!

Зобнин. Ну господи же! Даже взопреешь от этого! Гони ты всех, Быков!

Костя. Хоть на час какой спрячьте вы куда-нибудь всю эту дикость... стариков, слесарей, старух...

(Кичкин осторожно подвигается к двери, Зобнин следит за ним, беспокожно потряхивая головой.)

Зобнин. Стало быть, Марья Викторовна, вы его займёте...

Типунов. Ты, крестница, так и знай: мы тебя всегда для приёма знатных лиц будем употреблять...

Татьяна. А меня на что выволокли?

Зобнин. А ты... ты в глаза ему гляди!

Татьяна. Собака я, что ли?

(Кичкин вышел; Зобнин, стоя у двери, следит за ним в щель, потом уходит.)

Типунов (ласково). Вы его улыбочками, улыбочками! Да пошире эдак, поласковой – вот вам и должность!

Татьяна (сдаётся). Он и примет меня за дуру.

Костя (успокоительно). Молчать будете – не примет.

Татьяна (ядовито). Глядите однако, в Семилужном у градского головы жена эдак-то принимала, принимала гостей да однажды негритёнка и родила...

Марья (возмущённо). Фи, как вам не стыдно! И вовсе не негритёнка, а просто пёстренький он родился...

Татьяна. Не всё ли равно?

Марья. И одна ножка – короче!

Типунов (беспокойно). Это куда же воеводы ушли? Поругаются они... Костя – идём-ка...

Костя (икнул). Ох... ну, жизнь! (Уходит.)

Марья (озабоченно шепчет). Ву зэт тре земабль. Жэм боку льом дезарм. Же сию тре контан... [13]

Татьяна. Нисколько это вам не поможет.

Марья. Почему же? Объясните, силь ву плэ, пожалуйста!

Татьяна. Женат он.

Марья. Какие глупые пошлости!

Татьяна. Нечего предо мной форсить! Вы сами иностранные-то слова выдумываете! А вот у кого колечко ваше с рубинчиком – это я знаю! Да-с!

Марья. И я знаю. Ну-с?

Татьяна. И больше ничего-с!

Марья. И – глупо-с!

Татьяна. Как же ты смеешь? Ведь я тебя старше!

Марья. А вы про колечко смеете?

Татьяна. Так я же тебе и ещё скажу...

Марья. А вы кого «шишечкой» зовёте?

Татьяна (села). Я? Ой!..

Марья. Ага! А вы кому пишете – «сладкий мой Колик»?

Татьяна (поражена). Ай... Ах он... мерза-авец...

Марья. Что? Вот и прикусите язычок!

Татьяна. Неужто... он рассказывает? Неужто сам он?

Марья. Не он, так – вы!

Татьяна (растерянно). Ой, как же это? Разве я рассказала бы? Что вы! кому мне рассказывать?

Марья. Ну, уж я не знаю!

Татьяна. Да, может, вы... врёте?

Марья. Вы не писали?

Татьяна (тихо). А может, вы... сами догадались?

(Марья хохочет. В дверь беспорядочно втискиваются мужчины: Кичкин, подняв руку с прошением вверх; Зобнин, стараясь поймать бумагу; Типунов и Костя тоже хотят этого и – мешают друг другу. За ними испуганная, оробевшая старуха и – тарашит глаза Евстигнейка.)

Кичкин (задыхаясь). Нет, читай вслух!

Зобнин. Чудак... да я же прочитаю!

Типунов. Погоди, Костя...

Старуха (ноет). Ой, голубчики, разорвёте вы...

Зобнин. Костя – прочитай...

Кичкин. Кум – бери...

Зобнин. Тарасьевна, дура! На кого прошение?

Кичкин. Ага-а? На кого-о?

Старуха. По случаю... пропажи, батюшка... зятёк-от мой...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Типунов. Костя – да ты, давай, вместе прочитаем!

Кичкин. Кум – держи!

Зобнин. Чёрт тебя принёс, старая лошадь...

Костя. Да будет вам! Что такое?

Старуха. Батюшки – не порвите!

(Все тесно окружили чтецов. Евстигнейка осторожно пробирается вдоль стены и – никем не замеченный – исчезает в уборной.)

Типунов (читает). «Его сиятельству, светлейшему»...

Костя. «Покровителю сырых»... это не надо! «Имею честь известить...»

Зобнин. Да вы один который-нибудь...

Типунов (читает). «Зять мой, Кирилл Вараксин, вот уже четыре года находится в безвестном отлучении от жены, дочери моей...»

Костя (успокоительно). Это пустяки какие-то!

Типунов (читает). «И жизни своей, может быть, решил...» Это не касается Мокей Антоныча!

Кичкин. До конца – не касается? Верно?

Типунов. До конца! Тут – о пропаже зятя.

Кичкин (ворчит). А может, Мокей прикосновенен и к этой пропаже?

Зобнин (радостно). Что же ты, старушка, а? Как же ты это, а?

Старуха. Да ведь, батюшка ты мой, дочка теперь не то вдова, не то – замужня... как это понимать?

Кичкин (Типунову). А я думал – на него прошение, на Мокея! Обрадовался было...

Типунов. А ты – погоди! Ты – потерпи!

Зобнин (старухе). На тебе гривенничек и – иди с богом! Иди спокойно!

Старуха. Может – он разрешил бы ей?

Зобнин. Теперь – мне некогда! Потом – я те разрешу... иди себе...

Старуха. Уж ты ей-то разреши...

Зобнин. И ей разрешу... вино и елей... Ух! Ну, Иван Иванов, подозрительный ты человек!

Кичкин. Да ведь ты вон как... забегаешь!

Зобнин. А ты – давай будем верить друг другу, право! Пусть кто другой ямы нам копает... Ты – простодушной будь! Жизни тебе не больно много осталось...

Кичкин. Это – верно. Выпьем давай, что ли? Леший...

Костя (Марье). Ф-фу! Я даже вспотел!

Марья. Же сии осси тре фатигэ... пардон! [14] Я тоже устала... волнуясь до костей!

Костя. У нас с вами, можно сказать, первые роли... (Вонзает вилку поочерёдно в гриб, сардину и селёдку.)

Зобнин. Экой ты, братец мой, варвар! Всё расковырял, разварзал! Татьяна, ты чего

Татьяна. Не понимаю даже, зачем меня привезли!

Зобнин (угрожая). Забудь-ка! Я те дома напомню!

Кичкин. Всё перебуторено на тарелках-то! Кум, надо бы и нашу провизию выложить.

Типунов. Хватит с него!

Татьяна. Что же ваше-то лучше нашего?

Начальник станции (в двери). Сейчас даю звонок к поезду, – как у вас дела?

(Общая суета. Костя залпом пьёт три рюмки.)

Зобнин. Татьяна – бери поднос! Оправься! Губы-то подбери... Ишь, развесила, словно флаги!

Кичкин. Марья – готовься! Кум, гляди! Господи, благослови...

Начальник станции. А... позвольте! Вдруг я выговор получу за устройство этого буфета?

Зобнин. Друг – не скучай! Всё получишь, как договорено!

Начальник станции. Насорили... бумажки, солома... плевки! Эх, господа!

Костя (критически). Действительно – хламу много! Любит русский человек сделать что-нибудь неприличное.

Марья. Ах, это святая правда!

Начальник станции (кричит). Быков! Подмети классную!

Зобнин (берёт Кичкина за руку). Ну, идём, благословясь!

Татьяна (миролюбиво Марье). Очень это верно насчёт неприличия! Ехала я в губернию намеренно – так господин какой-то, который надо мною поместился, носок мне на голову спустил...

Марья (подвигаясь к выходу). Скажите, какое безобразие!

Татьяна. Я говорю: «Что это вы делаете?» А он: «Ведь голову я вам не прошиб», говорит...

Марья. Бесстыдник!

Татьяна. И носок-то с дыркой был...

Марья (с гримасой). Фи, гадость...

Татьяна. С дыркой! Неженатый, видно, пассажир-то...

(Ушли. Входит Быков со щёткой, притворил дверь и осторожно подходит к столу. Улыбаясь, качает головой, потом, взяв бутылку, пьёт из горлышка – у него занялось дыхание и выкатились глаза.)

Быков. Ух... (Пьёт из другой бутылки и снова ошеломлён.) Н-ну... это на совесть!..

(Дверь из уборной приотворяется, выглядывает Евстигнейка. Быков, закрыв глаза, широко улыбается.)

Евстигнейка (хрипло). Скажу!

Быков (испугался и опрокинул рюмку с наливкой в тарелку с грибами). Ты? Это ты как же, а?

Быков. Кто тебе разрешил тут, а?

Евстигнейка. Поднеси, а то – скажу!

Быков (храбро). Я те поднесу! Пошёл вон!

Евстигнейка (выходя). Не гони! Всё равно – окошко разобью, а влезу! Я решился на всё! Я такой случай не могу пропустить...

Быков (смягчаясь). Ах ты... когда это ты залез, а?

Евстигнейка. Поднеси, говорю! Мне для храбрости надобно...

Быков. А если я тебя... по шее? Или жандара призову?

Евстигнейка (неуклонно). Бил ты меня, и жандар бил, это – без толку! Я своего достигну – окошко разобью! Как этот Князь войдёт, я сейчас башкой в окошко и на колени перед ним...

Быков. Ну характер у тебя, шельма! (Подает ему бутылку.) На, да гляди – немного лакай...

(Евстигнейка выпил, задохнулся и трёт себе грудь и горло.)

Быков (гордо). Что? Хватил? То-то! Это, брат, не для шуток сделано... Ну – теперь уходи!

Евстигнейка. Митрий – ты меня оставь тут!

Быков (его уже тронуло). Нельзя-а! Вдруг ты его испугаешь? Мне отвечать!

Евстигнейка. Не бойся, я – тихо! Я, брат, не подведу!

Быков. Ах, господи! Ну, как быть? (Решительно.) Полбутылки – ставишь?

Евстигнейка. Бутылку!

Быков. Врёшь?

Евстигнейка. Гром убей!

Быков. В воскресенье?

Евстигнейка. Как в аптеке!

Быков. Ну – сиди! Я, брат, тоже не без души живу! Я понимаю, – всякому хочется переменить жизнь... эх! (Поезд подходит.) О, пострели те горой... вот те... эх ты...

(Убежал, бросив щётку на пол. Евстигнейка быстро и ловко глотает вино из рюмок, приготовленных на подносе, потом, обожжённый, прячется в уборную. Типунов открывает дверь, пятясь задом, входит Зобнин, на него наступает Бубенгоф, рядом с ним, растерянно улыбаясь, идёт Князь – он, видимо, удивлён и польщён встречей. Сзади на него наваливаются Кичкин, Костя; обе женщины, стараясь пройти вперёд, толкают их. За ними следует пассажир навеселе, начальник станции, телеграфист, жандарм, старуха с прошением и какие-то мужики.)

Зобнин (поёт). Просим покорнейше... в радостях приезда... из глубины душ... Татьяна, что же ты?!

Костя (Зобнину). Позвольте, ведь я говорю!

Татьяна (у стола). Батюшки! Кто это вылакал? Машенька... наливайте скорей...

Кичкин (Бубенгофу). Врёт он... жулик он...

Бубенгоф (брезгливо). Што-о такой?

Князь. Это очень... очень по-русски... Не ожидал, право... весьма тронут...

Зобнин (в тихом восторге). Просим, ваше сиясь – хлеб-солью! (Шепчет в отчаянии.)
Татьяна же, изверг! Зарезала! По стародавнему обычаю... от греков, ваше сиясь...
(Запнулся через щётку, пошатнувшись, опустился на стул, сконфуженно поднял щётку.) Щёточку забыли... дьяволы...

Князь. Вот оно, Бубенгоф, русское гостеприимство, видите? Так простодушно, по-детски...

Бубенгоф (ворчит). Ню... Ню... они наступают сапогом на пальцы ногам мне... И тут есть крепкий запах...

(Татьяна и Марья встают перед князем с подносом, сзади них – Типунов и Костя; слева от этой группы Кичкин стремится что-то рассказать Бубенгофу, справа подпрыгивает Зобнин, в нетерпении потирая руки. Пассажир, сладко улыбаясь, ходит вокруг стола, в дверях – начальник станции и другие.)

Костя (слишком громко). В-ваше сиятельство...

Князь (отодвигаясь). О...

Зобнин (тихонько). Не ори, балда!

Татьяна (Марье). А говорили – глухой!

Кичкин (тревожно). Кум! Ты чего молчишь? Говори!

Костя. Мы все тут собрались, ваше сиятельство, простые русские люди этого края... и чувствуем честь посещения вашего палестины древней... где ваши знаменитые потомки...

Типунов (шепчет). Что ты? Предки, предки...

Костя. И предки истощились в трудах среди невежественного народа, который ничего не понимает доброго и... любит дикое безобразие... и не снабжён никакой культурой, кроме

древних дворянских родов... которые в трудах на пользу отечества от младенчества до гроба остаются всё такими же, тогда как другие... (Постепенно запутываясь в словах, он говорит всё тише. Евстигнейка приотворяет дверь, ожидая удобного момента, и, закрывая, хлопнул ею. Кичкин, услышав этот звук, оглянулся, поглядел на дверь и считает публику.)

Пассажир (Типунову). Вы – буфетчик?

Типунов (вежливо). Извините... нисколько!

Пассажир (задумчиво). Странно!

Костя (снова поднимая голос). И вот, мы, простые люди захолюсь... предлагаем вашему сиятельству выпить за... за ваше драгоценное здоровье! Ура!

(Все кричат ура.)

Князь. Очень благодарен! Это – неожиданно, я не думал, что мой род пользуется... но я знал, что простой русский человек – это чистая, детская душа...

Кичкин (наблюдая за дверью). Простой-от? Мужик-от? Ну уж нет... Он – ого-о! Он...

Типунов. Верно, ваше сиятельство! Необыкновенно даже просты мы... до седых волос – дети ваши!

Зобнин. Выкушайте, ваше сиясь... это местная, наша...

Князь. Да? С наслаждением... (Пьёт сразу. Изумлённо открыл рот и смотрит на всех, часто мигая глазами.)

(Все смотрят на него, радостно улыбаясь. Бубенгоф взял рюмку, понюхал, выпил и – смотрит в потолок. Костя, утомлённый речью, отошёл к столу и там тоже выпивает. Марья – около него что-то говорит, гримасничая.)

Пассажир (Татьяне). Прекрасная буфетчица, позвольте и мне...

Татьяна. Вовсе я не буфетчица!

Пассажир (берёт рюмку). Всё равно!

Марья (любезно). Вы – в свите князя?

Пассажир. Я? Нет! Я просто люблю в дороге выпить...

Князь (слабо). Это... из чего... сделано?

Зобнин. Можжевельник! На чистом спирте настояна! Вы – грибок её погладьте! Она требует сопровождения маринованным грибом-с!

Кичкин (Типунову, тихо, указывая на дверь уборной). Кум! Там кто-то есть...

Типунов. А ты следи за делом-то! (Быстро распаковывает кулёк.)

Князь. Вот этим грибом?

Зобнин. Самым этим!

Князь (взял гриб в рот и – жалобно). Тоже... на спирте?

Татьяна. В уксусе отварены... пожалуйста, возьмите ещё!

Князь. Благодарю... довольно! Вот, Бубенгоф, попробуйте... это удивительно!

(Бубенгоф взял гриб в рот и ходит по комнате, глядя на всех со строгим удивлением. Вышел за дверь, тотчас воротился и внимательно рассматривает закуски.)

Князь (осторожно). Вы... часто употребляете это?

Зобнин. При досуге – позволяем себе...

Татьяна. По праздникам!

Марья. Ах, ваше сиятельство, они ужасно много пьют... просто как лошади!

Князь. Да?

Кичкин (строго). Ты знаешь сколько – много-то?

Типунов (суёт в руки Марье бутылку и рюмку). Вот, ваше сиятельство, тоже замечательный напиток! На чае и берёзовых почках. Вам который есть князь русский, надобно знать все продукты места, и – позвольте ещё раз за ваше светлое здоровье...

(Марья, улыбаясь, подаёт ему рюмку, князь – беспомощно оглядывается, что-то говорит Бубенгофу, тот кивает головой. Все взяли рюмки)

Князь. Когда такие милые ручки... я не смею отказаться... хотя это крепко...

Костя. В крепости и сила, ваше сиятельство! Взять, примерно, Порт-Артур: сколько около него врага погибло... Ура!

(Кричат ура. Бубенгоф выпил раньше всех и мотает головой. Князь, поклонившись дамам, выпил, наклонил голову и отошёл к окну. Все за ним наблюдают.)

Бубенгоф. Этот напиток есть очень опасен для жизнь...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Пассажир (Татьяне). Превосходный буфет у вас, королева!

Татьяна. Кушайте, если вы с князем! Но только это не буфет...

Пассажир (удручен). Нет? Странно... Что же это?

Татьяна. Приём! Разве вы не понимаете?..

Пассажир (наливая водки). Чрезвычайно странно... (Выпив, он смотрит на часы и – хохочет. Идёт к двери, пошатываясь, и исчезает за нею.)

Марья (Косте). Ой, нехорошо ему...

Зобнин (робко). Ваше сиятельство...

Князь (живо обернулся). Нет, больше я не могу... Я вот... смотрю... какой широкий горизонт у вас...

Зобнин (находчиво). Стараемся, ваше сиясь!..

Князь (решительно). Бубенгоф.. Нам надо торопиться!

Бубенгоф (Кичкину). У вас имеет лёшад?

Кичкин. Лошади? Пять у меня их...

Бубенгоф. Вы везёте мой и этот князь?

Кичкин. Кум! Чего он говорит?

Князь (заметно оживился, Марье). Вам не скучно здесь, а?

Марья (растерялась от неожиданности). О, но! же сюи... [15] очень довольна... жэм боку ля натюр... [16] тишину е ле флер... [17] (Окончательно смутилась, сделала реверанс. Костя укоризненно качает головой. Зобнин радостно шепчет что-то Косте, Татьяна – довольна, хихикает.)

Кичкин (мрачно). Она в гимназии пять лет училась.

Бубенгоф (усмехаясь, говорит Типунову, постукивая себя по лбу пальцем). У этот шеловек очень много нет мозги...

Типунов (ласково). Нам, господин, много-то мозгов и не требуется... мы от избытков своих всем с нищими делимся...

(Евстигнейка всё чаще приотворяет дверь уборной. Это заметила Татьяна; сначала смутилась, но потом, узнав Евстигнейку, устроила себе развлечение: как только он приоткроет дверь, она открывает рот, точно собирается крикнуть. Евстигнейка – испуганно прячется, Татьяна – хихикает.)

Князь (смущённо Зобнину). А как вы... как, например, у вас ископаемое богатство?

(Все подозрительно смотрят друг на друга.)

Зобнин (находчиво). Да что ж, ваше сиятельство, копаемся, конечно, понемножку...

Типунов. Люди мы – заштатные, силы у нас – невеликие...

Марья. Ах, это не то! Ископаемое – это что в земле лежит...

Кичкин (сурово). А ты – молчи! В земле! В земле-то покойники лежат! (Решительно.) Вот что, ваше сиятельство, давайте говорить попросту...

Зобнин (торопливо). Вот, ваше сиятельство, я, стало быть, желаю...

Кичкин. И я...

Типунов. Мы имеем к вам дельце...

Князь (теряется). Очень рад... очень! Бубенгоф, – что же лошади?

Бубенгоф (пожимая плечами). Здесь нет лёшади... это совсем другой звери... я – не понимайт никому...

Кичкин. Кум! Говори, чёрт, подробно!

Зобнин (князю, ласково). Лошадки вам у меня готовы, и помещение – готово, пожалуйста!

Кичкин (свирепо). Как это?

Князь. Благодарю вас...

Костя (отталкивая Кичкина). Пожалуйста, ваше сиятельство! У нас всё готово!

Кичкин (орёт). Угарно у него! У него в третьем году тёща от угара умерла, коли он её подушкой не задушил...

Костя (плюёт). Ну, прорвало! Эх вы, дикарь...

Князь (испуганно, Марье). Mademoiselle... объясните мне...

Марья. Ах, авек плэзир... [18]

Кичкин (кричит). Они – тёмные люди...

Зобнин (Типунову). Уйми ты его...

Типунов. Вот я сейчас...

Костя (князю). Вот видите, среди каких лиц проходят младые дни юности! (Берёт его под руку.) Пожалуйста на лошадей...

Кичкин (хватая Костю). Кум! Гляди...

Типунов. Позвольте, не спешите! Ваше сиятельство! Позвольте вам объяснить причину ожесточения...

Князь (жалобно). Я – очень хочу понять! Пожалуйста! И, если можно... мне пора ехать...

Типунов. Вот наша речь: мы трое, здешние люди торгового сословия, желаем снять ваш лес, – вот мы все здесь – Мокей Зобнин, Иван Кичкин и я, Пётр Типунов...

Бубенгоф (изумлён). Што-о такой?

Зобнин (тихо). Трое? Ай да Петруха, а? Костя, а?

Кичкин (бормочет). Господи исусе! Кум... и ты? Ах, собака!

Типунов (захлёбываясь). Мы весь лес ваш можем взять... мы весь его... мы бы, знаете...

Кичкин. Ну пёс! Эх, люди...

Костя (Бубенгофу). Вот – видите...

Бубенгоф (красный, надутый). Не хочу... не вижу! (Отходит в угол, сердито фыркая.)

Князь (увещевая). Послушайте, господа... Бубенгоф, что же вы? Объясните вы им, я совершенно потерялся... Послушайте, господа! Но лес, весь мой лес – запродан мной...

Кичкин. К-как же?... Кому же?..

Зобнин. Запродан?

Типунов. Верно это, господин немец?

Бубенгоф (хлопая себя по боку). О, это – здесь! лес? Нет – лес! Это – мой... который купил лес, это я! Всю его купил! Фертиг! [19] Понимайт?

(Все убито смотрят на него и на князя. Молчание.)

Марья (тихо Косте). Ой, какие все вдруг глупые стали...

Костя (ворчит). Вот те и обгарнизовали промышленность туземного края!

Типунов. Э... из-за чего же мы старались?

Бубенгоф. Нью... кончилось? Кто имеют лёшади? (Зобнину.) Ви это?

Зобнин (уныло). А я на чём домой поеду?

Кичкин. Вот, Мокей... а?

Типунов. Да-а... как же это? Ничего не слышать было...

(Все трое сошлись и совещаются о чём-то. Князь тихо разговаривает с Марьей. Костя старается подслушать. Татьяна увлечена игрой с Евстигнейкой.)

Пассажир (входит, очень обрадован, Бубенгофу). Вы... мейн герр, что ли? Шпрехен зи дейч? [20]

Бубенгоф (гордо). Jawohl! Natürlich! [21]

Пассажир (тыкая его пальцем в живот). Пруссия! Уважаю! А поезд мой – ушёл! Хотел я записать об этом в жалобную книгу, да у жены начальника станции зубы болят... жалко его!

Бубенгоф. Што ви хотит от мене?

Пассажир (удивлённо). Второй раз, брат, не попадаю я в поезд! А ехать мне ещё вёрст триста... каково, а?

Бубенгоф. Но што ви желайт?..

Пассажир. Выпить желаю... Идём нах буфет! (Бубенгоф идёт охотно.) Да познакомь меня с этим... князь он, что ли...

Бубенгоф (наливая водки). О нет...

Пассажир. От... почему? (Пьёт.)

Татьяна (смеётся). Ой, господи...

Пассажир. Прекрасная буфетчица – отпочему вы смеётесь?

Татьяна. Да нет же такого слова!

Пассажир. Отпочему нет? Выпьемте, дорогая, за здоровье моей тётки, ей-богу... Умирает она... а я еду к ней... я – наследник! Ура!

Татьяна. Ну какой же вы смешной...

(Дверь из уборной широко распахнулась – вылетел Евстигнейка, упал перед князем на колени. Князь отскочил, Марья взвизгнула, Татьяна хохочет. Бубенгоф схватил Евстигнейку за плечи, все остальные – удивлены, но охвачены любопытством, ожидают скандала. Пассажир садится рядом с Татьяной, приветливо улыбаясь ей, и тоже начинает смеяться пьяным смехом.)

Бубенгоф. Што такой, эй...

Евстигнейка (бьётся). Подь ты к чёрту, рыжий! Ваше сиятельство, дозвольте отечеству пользу принести! Семь годов работал, разорился...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Князь. Что с вами? Кто вы?

Евстигнейка. Тутушний слесарь... все знают... всеми осмеян... для пользы родины, ей-богу! Даром отдам, только бы работала она...

Князь. Кто-о? (Ко всем.) Господа – что это? Что за человек?

Костя (передёрнув плечами). Просто – машину выдумал...

Пассажир (засыпает). Сосед... разбудите меня...

Евстигнейка. Ваше сиятельство! Перепетум состроил я...

Бубенгоф. Што он говорит?

Типунов. Не знаю! Это немцы всё знают, а мы... куда нам!

Евстигнейка (со слезами). Перепетум, барин, ей-богу! Вся надежда на вас... последняя!.. А то – пропал я! Очень уж просто: вроде станка она, в каком лошадей куют...

Князь. Что ему нужно?

Кичкин (угрюмо). Вот и догадайся...

Евстигнейка (воодушевлённо). А в серёдке – колесо с ковшами, вроде мельничного. Ежели теперь наверху станка поставить человека, чтобы он в ковши эти гири али булыжники бросал, – колесо вертится, ей-богу! Без останову будет вертеться, весь век, только тяжести давай ему...

Бубенгоф (догадался). О, это перпетуум... ф-фа! (Хохочет.) Перпетуум!

Князь (расстроен). Нет, я не могу... я – извиняюсь... Я пойду просить... тут должны быть лошади!

Бубенгоф (Кичкину). Где ваши лёшади?

Кичкин (усмехаясь). А тебе на что? Ты конокрад али кто?

Бубенгоф. Ми... нужно ехать!

Типунов (вежливо). С богом! Мы середь дороги вашей не стоим!

Бубенгоф (Зобнину). лёшади?

Зобнин. Костя, чего он ко мне лезет?

Князь (ко всем). Господа... вы, кажется, обиделись... но лес запродан давно уже... Слушайте, Бубенгоф... надо спросить начальника станции... он устроит лошадей... (Идёт к двери, прикрываясь Бубенгофом, и бормочет.) Я очень благодарен за честь... ваше простодушие... до свиданья...

Марья (Татьяне). Фи, какой невежа! (Татьяна спрашивает её о чём-то.)

Евстигнейка (вставая на ноги). Что же, понял он али нет?

Типунов. Поймут они, дожидайся!

Зобнин. Больно нужны мы им!

Евстигнейка (бросаясь к двери). Эх, пойду я...

Костя (хватая его). К-куда?

Евстигнейка. Он не понял... пусти!

Костя. Хошь – поднесу?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Евстигнейка (отчаянно). Давай... для храбрости! Пропало моё дело! (Костя поит его из всех бутылок по очереди.)

Зобнин. Что, брат, Иван Иванович?

Кичкин. Н-да-а! Ведь вот, глядите-ка, человек эдакой обходительный, ласковый... а продать – успел!

Типунов. Продавать они наострились!

Зобнин. Пропали все наши труды... (Выглядывая за дверь.) Старуха его сцапала-таки...

Кичкин. Мастера они продавать...

(Все, грустно вздыхая, молчат. Костя занят с Евстигнейкой, в углу храпит пассажир.)

Марья (вполголоса). Я даже думаю, что он не понимает французского языка...

Татьяна. Видит – дама стоит пред ним с подносом, руки у неё дрожат, и хоть бы спасибо сказал...

Марья. Очень невежлив с женщинами...

Татьяна. Другой бы... (шепчет.)

Марья. Конечно!

Типунов. Эх, братья! Выпьем, что ли?

Зобнин. Не домой же везти всю эту провизию... Татьяна, наливай-ка!

Татьяна (Зобнину). А он вовсе не глухой...

Кичкин. Какое нам от этого удовольствие?

Типунов (указывая на пассажира). Вот ещё горемыка...

Зобнин. Он чего тут?

Типунов. От поезда остался!

(Все пьют.)

Костя. Разбудить надо этого...

Евстигнейка (пьяный). Уши ему тереть надо... дайте я его сейчас...

Зобнин. Он и так воспрянет... Костя, поднеси ему к носу рюмку!

Костя (поднося). Путешествующий! Москва близко!

Типунов (толкнул Костю под локоть). Эко!

(Костя облил пассажира вином – все хохочут.)

Кичкин (добродушно). Вот, Мокей, спорили мы с тобой, спорили...

Зобнин (так же). А ничего и не вышло... Прямо сказать – зря мешали друг другу!

Кичкин. Уж больно ты ловок!

Зобнин. А ты – жаден! И отчего ты так жаден?

Кичкин. Али заметно?

Зобнин. Страсть! Прямо – зверь... А куда тебе? Помрешь скоро...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Кичкин. Это верно! Жить мне мало осталось... Так это я, по привычке...

Зобнин. Ну, давай, ещё хватим!

Кичкин. Да и тебе хочется помешать... уж больно ты ловок... забегаешь больно...

(В углу занимают с пассажиром.)

Типунов (озабоченно). Нет ли табаку нюхального где? Табаку бы ему в нос насыпать...

Костя. Стой... Проснулся...

Пассажир (испуганно). Какая... какая станция?

Типунов. Та же!

(Дамы смеются. Костя делает страшное лицо, наклоняясь к пассажиру.)

Пассажир. Позволь... опять вы?

(Все хохочут.)

Татьяна. Ой, умру... ах!

Марья (смеясь). Что это, право... точно маленькие...

Зобнин. Костянтин! Зови начальника и всех желающих... одним нам не допить всё это... эвона сколько тут! Эхма, братья, не везёт нам, не за нас судьба...

Занавес

Васса Железнова (Мать)

Сцены

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Васса Петровна Железнова.

Анна,

Семён,

Павел – её дети.

Наталья – жена Семёна.

Людмила – жена Павла.

Проход Железнов.

Михайло Васильев – управляющий.

Дунечка – дальняя родственница Железновых.

Липа,

Анисья – горничные.

Действие первое

Раннее утро зимнего дня. Большая комната – спальня и рабочий кабинет Вассы Железновой. Тесно. В углу, за ширмами – кровать, налево – стол, заваленный бумагами, вместо пресс-папье положены изразцы. Около стола – высокая конторка, за нею, под окном – кушетка. Лампы с зелеными абажурами. В правом углу – изразцовая лежанка, около неё – несгораемый шкаф и дверь в молельную. К ширмам припилены булавками бумаги, когда мимо них проходят – они шевелятся. В задней стене – широкие двери в столовую; виден стол, над ним люстра. На столе горит свеча. Дунечка собирает посуду для чая. Липа вносит кипящий самовар.

Дунечка (тихо). Воротилась?

Липа. Нет.

Дунечка. Ой! Что же теперь будет?

Липа. А я знаю?.. (Идёт в комнату хозяйки и осматривает её.)

(Из двери молельной выходит Васса, поправляя очки и волосы на висках. Смотрит на настенные часы над столом.)

Васса. Почему опоздала? Четверть восьмого, видишь?

Липа. Под утро Захару Ивановичу опять худо было.

Васса (проходя к столу). Деша нет?

Липа. Нет.

Васса. Все встали?

Липа. Павел Захарович и не ложились ещё...

Васса. Нездоров?

Липа. Людмила Михайловна дома не ночевали.

Васса (негромко). Берегись, Олимпиада!.. Я тебе... покажу!

Липа (испуганно). За что же?

Васса. А вот за то, что неприятное мне... со вкусом ты говоришь...

Липа. Васса Петровна! Да ведь я это...

Васса. Ступай, зови всех к чаю. Дуня, дай мне сюда мою чашку. Олимпиада, стой! Ежели Людмила спит ещё, не буди её, – поняла? Она сегодня ночевала у отца. Пошли его ко мне...

Дуня (вносит чай). Здравствуй, Вассушка...

Васса. Здорова будь.

Дуня. Ой, Вассонька, как Захарушке-то плохо было...

Васса. Ничего не говорил?

Дуня. Где уж! Только глазыньками моргает.

Васса. Ты там послушай, что будут про Людмилку болтать. Иди к столу.

(Дуня ушла. Васса, положив руки на стол, нахмурилась, подняла очки на лоб, шевелит губами.)

Михаил (входя). Доброе утро-с...

Васса. Где дочь-то? Родитель... эх!

Михаил. Ничего не могу сделать... свыше сил...

Васса. Погубили парня...

Михаил. И её...

Васса. Она у тебя ночевала... Понял?

Васса. За косы бы её... (Усмехнулась.) Захар как?

Михаил. Плохо–с...

Васса (тихо). Не мог бумагу подписать?

Михаил. Нет.

Васса. Поп согласен?

Михаил. Триста просит.

Васса. Чёрт с ним, пусть пользуется. А другие?

Михаил. Всё в порядке.

Васса (вздыхнув). Кончится это всё – подумаем, как быть с детьми...

Михаил. Необходимое дело–с! Беда может быть...

Васса (задумчиво). Не едет Анна, не едет! И депеши нет... Дуня, чаю! Кто пришёл?

Павел (в столовой). Я...

Васса. Что прячешься? Поздоровался бы с матерью–то...

Павел (входя). Извольте – с добрым утром! Тестюшка... ага? Где же ваша дочь?

Михаил (угрюмо). Вас спрошу об этом, – вам её дал церкви закон...

Васса. Иди, Михайло Васильич...

Павел. Маменька – мне стыдно, мне – нестерпимо... помоги как-нибудь, ведь ты меня любишь, я знаю... мама!

Васса. Ну полно, полно... погоди...

Павел. Чего мне ждать? Сил моих нет.

Васса. Говорила я – не пара она тебе! Женился бы на тихонькой...

Павел. На уроде? Сам я урод – и жену мне уродку? Кривобокую? Хромую?

Васса (гасит свечу). Перестань!.. Над слезами да жалобами смеются теперь... перестань!

Павел. Господи! Железна жена – гулящая! Мамаша, неужто вас не терзает... не стыдно вам?

Васса. Сказала – перестань! Ну? Иди, пей чай... (Идёт в столовую.) Ты что свет не гасишь, ворона монастырская?

Павел. Мамаша, дайте денег, я в город поеду... не могу я тут... не могу...

Васса. Отец в опасности, а ты – в город? Ещё что выдумашь? Умница!..

Павел. Ну, что же мне делать?!.

(Бросился на кушетку, злобно плачет. В столовой – Наталья подходит к свекрови, целует руку. Васса смотрит на Павла через очки.)

Васса. Проспала?

Наталья. Я у батюшки дежурила до трёх часов. (Прислушавшись, испуганно). Кто это плачет?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Васса. Павел – постыдись! Кликуша!..

Наталья (идёт в кабинет). Что ты это? Дуняша, дайте воды!

Васса. О, господи!.. (Дуня вопросительно смотрит на неё.) Ну, что тебе сказано? Воды подай... Эх, Павел, спрятала бы я тебя куда-нибудь...

Павел. Да, я знаю... вам не за меня стыдно, вы меня стыдитесь...

Наталья. Ты мужчина, тебе нехорошо плакать.

Павел. Не тронь... ты брезгуешь мной... у меня жена гуляет...

(Михаил входит в столовую, дёргает себя за усы, провожая зятя угрюмым взглядом.)

Васса. Ты что?

Михаил (направляясь в её комнату). Пожалуйте сюда.

Васса. Ну? Дуня, выдь вон!

Михаил. Людмила уехала с дядей...

Васса (хватаясь за стену). Куда?

Михаил. На хутор...

Васса. Ох... Я уж думала – далеко... совсем! Испугал ты меня... Павел – знает?

Михаил. Узнает... Страшно мне... И дочь – погибла... и дело, которому всю жизнь служил, – разрушается.

Васса (с досадой). Ты бы не охал... я не охаю вот... Так, стало быть, Прохор...

Михаил. Он – всем враг!

Васса. Не каркай, говорю! Дело разрушается... Это ещё – посмотрим!

Михаил (с яростью). Его добрым считают... совестлив, дескать... Знаю я эти штуки – совесть да доброту! Видел-с... Они в деле – как песок в машине... И всё это – одна игра, никому не нужна доброта, никому! Дай мне столько, сколько я стою, больше ничего... Ласки да шутки оставьте себе, да-с! Это – когда человеку нечем внимания заслужить, он в совесть играет! А кругом все от его игры плачут... и никакое дело не может правильно идти... Вредоносный человек он...

Васса (очнувшись). Что ты с ним сделаешь?

Михаил. Что-с? Эх...

Васса. Ну? Говори.

Михаил (не вдруг). Пожожу-с... Вам бы сходить к хозяину-то...

Васса. И вправду... А депеши от Анны всё нет... нет!

Михаил. Что вы так надеетесь на неё?

Васса (идёт). Ты её не знаешь... молчи!

Михаил (идя за нею). Тяжело...

Васса. Легко жить – просто. Только от лёгкой-то жизни глупеют скоро, слышала я...

(Ушли. Бесшумно является Дуня, села за стол, крестится и шепчет.)

Дуня. Господи – сохрани, помилуй рабов твоих на всех путях... Господи!

Липа (вбегает). Где хозяйка? Приехала!

Дуня. Анна?

Липа. Людмила! С дядей ночь-то гуляла – ай-ай! Вот так дела!

Семён (идёт). Какие дела, а?

Липа (убегая). Так-с...

Семён. Квак-с! Дура! Ну-ка, Дуня, налей мне.

Дуня. С добрым утром, Сенечка.

Семён. Ну, и тебе тоже. Как отец?

Дуня. Ой, плох...

Семён. Гм... мучается долго. (Зевнул.) Все уже напились?

Дуня (вполголоса). Павлуша не дотронулся, – жёнушка-то у него не ночевала дома...

Семён (приятно удивлённый). Да ну-у?

Дуня (захлёбываясь). Да, да! С Прохором, слышь, Зах...

Семён. Да нет? Ах дядя, чёрт кудрявый, а? Добился-таки! Молодец, а-ах ты!

Дуня. Добился, видно! Сраму-то...

Семён. Вот рожа у Павла будет!

Прохор (входит, ворча). Я те уши оборву, погоди...

Семён. Кому?

Прохор. Уроду. Скотина! Опять мне на голубятню кота пустил... Риголета кособокая... [22] Даже ноги дрожат... со зла...

Семён (ухмыляясь). А чего ты такой красноглазый да измятый? В одеже спал?

Прохор (оглядывая себя). Я? Спал? Экой леший... надо переодеться.

Семён. Следует.

Прохор. Хавронья – чаю! Ах Пашка, кикимора... Скобаря удушил кот да двух чёрно-пегих...

Семён. И за что бы ему на тебя сердиться?

Прохор. Ну, ну! А ты знай край, да не падай! Дурак он! Женщине в актрисы надо идти али вообще куда-нибудь... какая она жена ему?

Липа (входит). Прохор Иванович...

Прохор. Ну?

Липа. Управляющий спрашивает...

Прохор. Я твой управляющий... и больше никаких! И нечего тебе тут плутать, Плутонша... брысь!

Семён (Липе). Чего ему надо?

Липа (робко). Спрашивает, можно ли видеть.

Прохор. Меня? Нельзя. Я – невидим... Скажи ему, что он болван и жулик...

Семён (смеётся). Разве жулики бывают болванами?

Прохор. У нас, брат, и жулики не больно умны.

Семён. Люблю я, когда вы сердитесь... смешно очень!

Прохор. Вот – благодарствую! Государственный ум у тебя, брат, право!

Людмила (входит, в капоте). Здравствуйте...

(Дуня молча кланяется, Семён, ухмыляясь, шаркает ногами, Прохор крутит усы и крякает.)

Людмила. Молока мне. Вы чего, Семён, расцвели?

Семён. Видя вас – ликует вся природа... вот как!

Прохор. И животные.

Семён (фыркая). Это я – животный?

Прохор. Коли говоришь – вся природа, стало быть, и скоты все...

Семён (хохочет). Ой, ей-богу... вот ловко!

Людмила (Дуне). Видите – родитель у него при смерти, а он – зубы скалит. (Семён немедленно стал серьёзен.) Вы, Дуняша, поучили бы его приличиям, как, бывало, меня учили...

Дуня. Я-с...

Семён (тоном оправдания). Родитель – седьмой месяц хворает.

Прохор. Человек – вообще решительный, а умереть – не решается...

Дуня (невольно). О, господи...

Прохор. Что?

Дуня. Я так...

Прохор. Как?

Людмила (Дуне). Вы идите куда вам надобно. Дядя Прохор – безнравственный, и вам, девушке, неприлично с ним сидеть. (Дуня уходит.) Не люблю шпионок. (Прохору.) Послушайте, испанец!

Семён. Похож!

Прохор. А ты видел испанцев? Тесто!

Семен. И видел. В цирке один плясал.

Людмила. Я пойду спать, в четыре встану, а вы будьте готовы – идёт?

Семён. Кататься?

Людмила. На тройке.

Прохор. Хочешь с нами? Бери жену, и едем...

Семён (чешется, грустно). Не поедет она. Да и Павел тут...

Людмила. Что – Павел?

Семен. Не того... неловко...

Людмила. Вам неловко? Почему?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Семён усмехается смущённо, Прохор смотрит на него, безнадежно качая головой.)

Васса (входит). Семён, ступай в контору.

Прохор (вслед племяннику). Да не очень умно распоряжайся, не так, как в прошлый раз.

Васса (Людмиле). Ты меня видела?

Людмила. Нет.

Васса. Что же не здороваешься?

Людмила (ласково). Ой, простите! Забыла...

Прохор (встал). Здравия желаю...

Васса (уклоняясь от поцелуя невестки, спокойно, строго). Ты что делаешь, Людмила?

Людмила (не сразу). Не знаю... честное слово, мама! Не знаю... (Быстро ушла.)

Прохор. Бум!

Васса (мягко, миролюбиво). Прохор Иваныч, вот вы человек неглупый, не злой...

Прохор. Главное – неглупый! Вот-с...

Васса. Вы понимаете, надо быть, что поступки ваши конфузят весь дом и дело старинное в постыдном виде выставляют пред людьми...

Прохор. Слышал эти речи не однажды от брата Захара и всегда говорил ему, что учить меня – поздно-с...

Васса (тише). Неужто не жалко вам молодую женщину, девочку почти, – ведь ей – жить...

Прохор. Извините! В молодых женщинах и девочках я понимаю значительно больше вас... равно как и многих женщин почтенного возраста насквозь вижу...

Васса (медленно). Павел – племянник вам...

Прохор. Сделайте любезность – скажите ему, что если он голубей моих кошками травить будет – уши оборву-с!

Васса (не сразу). Значит – вы враг семье?

Прохор. Это вы – оставьте! Семья! Братец покойный не без вашего наущения по миру меня пустил было – не забыли вы об этом? Семья-с? Благодарствую! Тридцать тысяч слизали моих, – будет! Хе!

Васса (тихо). Воевать, значит, желаете?

Прохор. Чего-с? Как это? С кем?

Васса. С племянниками, разумею...

Прохор. Оставьте увертюры наши, всё равно – не вывернетесь! Никаких войн! Закон существует, Васса Петровна, эдакое римское право: моё суть моё! Отыдет Захар в селения горние, мы с вами мирно поделимся, и – никаких увертюр! Желаю здравствовать... (Ушёл. Васса смотрит вслед, странно наклоняясь, точно хочет прыгнуть на него. Входит Наталья, садится за стол, наливает себе чаю.)

Васса (глухо). Что Павел?

Наталья. Успокоился немножко... (Молчание. Васса ходит по столовой.) Жалко его...

Васса. Что?

Наталья. Жалко, говорю, его...

Васса (не сразу, тихо). Мне вот арестантов жалко... некоторые совсем безвинно в тюрьме сидят, и дела никакого нет им... а на воле привыкли работать. Тех жаль, кому работать хочется, а – нечего...

Наталья. Иные живут хуже арестантов...

Васса (задумчиво). Меня вот никто не жалел. Как Захар банкротиться затеял – была я Павлом беременна, на шестом месяце... Тюрьмой, судом дело пахло – мы о ту пору под заклад тайно деньги давали... чужого добра полны сундуки, всё надо было спрятать, укрыть. Я говорю – Захарушка, погоди! Дай мне ребёнка-то родить! А он как зыкнет... да! Так и возилась я в страхе-трепете месяца два...

Наталья. Вот, может, оттого и родился Павел-то кривобокий...

Васса. Это он после... лет пять было ему, когда заметила я, что криво растёт... Да... То ли ещё было!

Наталья. Вы с тем служащим, которого наемни прогнали, разговаривали?

Васса. Чего с ним говорить? Негоден, ну – иди себе!

Наталья. А про жизнь говорили?

Васса. Чью жизнь?

Наталья. Про всю... про всех?

Васса (не понимает). Невдомёк мне – о чём ты это?

Наталья (поучительно). Он вот говорил, что всякое дело – грех.

Васса (удивлена). Экой дурак!

Наталья (задорно). Почему это? Вы всех ругаете...

Васса (усмехаясь). Значит, дело – грех? Работа – грех? До чего доходят... чтобы лень свою оправдать... Помнится – был эдакой странник, это ещё до тебя... Сидит в кухне и проповеди говорит, вот так же – дескать, все дела рук человеческих – грех один. А я и говорю: «Ты, милый, положи хлеб-то, не тронь его, не ешь, он руками сделан. Не грехи-ка, друг, да уходи вон...» Так и прогнала.

Наталья (ворчит). А может, правда-то его...

Васса (не слушая, звонит). Мудрят всё... Захар не мудрил, да из простых мужиков вот куда дошёл.

Наталья (встаёт). И помирает.

Васса. Ну, что ж? Пожил!

Наталья. Вы жаловались на него...

Васса. Это баба жаловалась. Распутник он был всю жизнь... от распутства и помирает... А кроме этого, ему цены нет... нет похвалы достойной.

(Входит липа.)

Наталья (уходя). Вы всегда то одно, то другое говорите...

Васса (тихо). Дура... (Липе.) Кто вчера вечером у Прохора был?

Липа. Евгений Мироныч какой-то...

Васса. Адвокат из города... не знаешь? О чём говорили?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Липа. Не слыхала.

Васса. Почему?

Липа. Заперлись они...

Васса. А через отдушину в печи? Забыла?

Липа. Тихо они очень...

Васса. Смотри ты, еретица!

Липа. Васса Петровна! Да я ли...

Васса. Помни, кто ты есть!

Липа. В монастырь бы я...

Васса. Монастырь? (Задумалась.) Я те дам монастырь! (Мягче.) О тебе заботятся... Вытри рожу, ну? Отпусти тебя, – ты пропадёшь! Позови Михаила... Ты что, Павел?

Павел (в двери). Так.

Васса. Всегда – так. А что такое – так?

Павел. Ничего...

Васса (смотрит на сына с недоумением). Господи Иисусе... откуда это идёт? Какие-то всё никудышники... бездельники...

Павел. Что же мне делать? Места я себе не нахожу... сердце умирает...

Васса. Коли не умеешь с бабой справиться, – терпи... до поры...

Павел. До какой? Эх, мамаша, жестокий вы человек...

Васса. Я-то? Так!

Павел. Сыном своим вы готовы землю копать, как лопатой, лишь бы денег добыть...

Васса (тихо). Шёл бы ты, Павел, в монахи!

Павел (изумлённо). Я? Зачем?

Васса. А куда тебе деваться?

Павел (пугливо). Мамаша... вы – серьёзно?

Васса. Ну да...

Павел (обозлился). Нет уж... это вам не удастся! Ишь вы... а-а? Нет-с...

Васса. Ты с кем говоришь?

Павел. С вами!

Васса (негромко). Вон!

Павел (уходя). Не боюсь... ишь вы!

(Васса проходит в кабинет, садится за стол, разбирает бумаги, поднося их к лицу, руки у неё трясутся.)

Васса (бормочет). Для чего всё? Для кого? (Бросила бумаги, сняла очки и сидит неподвижно, суровая, тоскливо глядя перед собой.)

Михаил (входит, злой). Вы меня звали?

Михаил. Как?

Васса. Больно сердито. Погоди, сударь мой, я ещё хозяйка здесь...

Михаил (уныло). Ничего нельзя сообразить. Задёргали меня... Семён Захарыч смеются только...

Васса. Ну, ладно! Ты знаешь, что у Прохора адвокат был?

Михаил. Знаю!.. Эта липа ваша...

Васса. Да... не сумела.

Михаил. Пугнуть бы её...

Васса. Как будто разучилась она бояться-то...

Михаил. Не может этого быть! Детоубийство – не шуточка-с!..

Васса. Опасно тоже... Ребёнок-то Семёнов был...

Михаил. Недоказуемо! Клейма фирмы на дитё не положено. Просто – ребёнок! и – мать налицо, а его – нет...

Васса. Ты бы поговорил с ней... постroje!

Михаил. Можно-с...

Васса. Поговори-ка. Мужчине – сподручнее. Пугни да приласкай... Ну, с Прохором беседовала я...

Михаил. Что же?

Васса. Говорит – разорю...

Михаил. Может-с!..

Васса (опуская глаза). Да... вот какие дни пришли!

Михаил (тихо). Требуют серьёзных мер...

Васса (не глядя на него). Что ты думаешь?

Михаил. У меня одна надежда – сердце его слабое... Этакie в одночасье помирают...

Васса. Пустяки! Он нас с тобой переживёт.

Михаил. Дело божие-с. Лекарства он принимает всё чаще, – я это по счетам аптеки знаю. Фершал Яков говорил – опасные это лекарства...

Васса. Лекарство, а – опасное! Врёт Яков спяна...

Михаил. Два их... Одно – против сердца, а другое – неловко сказать... для крепости в обхождении с дамами...

Васса (усмехаясь). Старый чёрт!..

Михаил. Яков опасался – микстуры, говорит, одна другой противоречат, во зло употреблять их нельзя-де. Если увеличить порцию...

Васса. Пьяный болтает, а ты – слушаешь... Так поговори с Олимпиадой-то...

Михаил. Обязательно. Ежели бы они скончались теперь...

Васса (усмехаясь). Ты, батюшка, словно травить его собираешься... Опомнись!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Михаил. Господи помилуй! Что вы? И в мыслях не было-с...

Васса. Будь осторожнее... в словах-то...

Михаил. Ф-фу... испугали вы меня...

Васса. Бояться – нечего...

Михаил. Даже – обидно-с...

Васса. Обиды тут нет. Мне не расчёт обижать тебя. Я только тогда спокой вижу, когда с тобой говорю...

Михаил. Вы не забудьте, что всю жизнь я вам служил... за совесть... И даже дочь... единую мою... которая после вас...

Васса. Ну, ну, полно... полно, дружок... Мы ещё, слава богу, жить можем, погоди! А за Людочку – меня не вини! Я её люблю... я против была...

Михаил (вдруг с глухой яростью). Он! Знаю-с... Он! У всякого жулика свой расчёт... я его расчёт верно понял! Девицу любовницей сделать – побоялся, выдал её замуж за племянника... знаю-с!

Васса (тихо). Ты не откладывай надолго с Олимпиадой-то...

Михаил. Будьте покойны... клятву дал себе-с!

Васса. Сам-от поспокойней будь...

Михаил. Когда я горячился?

Васса. Ну, иди... иди! Насчёт духовной-то, смотри...

(Михаил почтительно наклонился, поцеловал её руку, она ответила поцелуем в лоб и дважды погладила голову его. Он ушёл, выпрямившись, как солдат; проводив его взглядом, Васса снова садится за стол, невнятно бормочет, разбирая бумаги. Осторожно входит Анна, смотрит на мать, сначала – насмешливо, но скоро лицо её становится ласковым и грустным.)

Анна. Мама...

Васса (обернувшись). Анна... Анята...

Анна. Одна, как и раньше, бывало... седенькая мамочка... Здравствуй!

Васса. Слава богу... как это ты хорошо вошла! Что депешу-то? А я всё депешу ждала...

Анна. А не меня? Как отец?

Васса (заглядывая в столовую). Плох... Видел тебя кто-нибудь?

Анна. Юноша какой-то, открыл дверь и убежал... даже не спросил, кто я...

Васса. Митька из конторы... разиня! Ну, вот хорошо! Стой-ка, я дверь-то притворю... поговорим одни... чтобы знала ты... Ах, офицерша!.. Ишь, какая стала! Ах ты, военная... (Затворила дверь; взволнованная, берёт дочь за руку, садится на кушетку.) Ну, Анна...

Анна (тихо). Значит, отец...

Васса. Не встанет... (Сразу впадая в деловой тон.) Беда идёт на нас, Анна! Дядя хочет свои деньги вынуть из дела... а кто ему деньги нажил? Чьей работой они выросли? Захаровой да моей! Что он делал, Прохор-то? За бабами гонялся, театры заводил... Куда ему деньги? Один...

Анна (хмурясь). Подождите...

Васса. Ты – слушай! Семён – у жены в руках, а она – блаженненькая какая-то... и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru тоже выделиться уговаривает его. Павел – несчастный человечиска... жена у него, – ты её знаешь, он на Людмиле женился... не пара она ему и будто гулять начала! Не верю в это я... брезглива она! Ничего понять не могу, Анна!.. Затем тебя и выписала, – ты со свежего воздуха, ты, может, увидишь, что делать... чтобы хоть греха поменьше вышло...

Анна (внимательно). Вот как... да? Разоряемся?

Васса. Рушится всё дело! Тридцать лет работы – всё дымом, дымом! Годы были – тяжелые, убытки – большие... Работников – нет, а наследников – много... А наследники – плохи! Для чего трудились мы с отцом? Кому работали! Кто грехи наши оправдает? Строили – года, падает – днями... обидно... Непереносно!

Анна. Завещание отец подписал?

Васса (осеклась, не сразу). Духовную? Не... не знаю...

Анна (недоверчиво). Не знаете? Вы?

Васса. Наверно – написал... Ты подумай, какое дело падает!

Анна. Да...

Васса. Вот! Ты поговори с братьями-то... мне они не верят, сыновья мои! Думают, что я всё в свои руки хочу схватить. А тебе – должны поверить, Аннушка! Ты человек – без интереса, ты – выделена из наследства... прогнана отцом...

Анна (встала). Выделена? Дали мне – бросили, как нищей, десять тысяч и – всё?

Васса (усмехнулась). Расписка твоя есть... расписка в том, что ты всю свою часть получила.

Анна (ласково). Что же такое расписка? Вы мне её подарите, мамаша!

Васса (как бы шутя). За какие услуги, сударыня моя?

Анна (задумчиво). Услуги? А вот, дайте всё понять...

Васса (следит за ней). Ну, ну, понимай! Как живёшь?

Анна (неохотно). Так себе.

Васса. Что твой-то?

Анна. Подполковника получил после летних маневров. Батальон дали ему...

Васса. А – пьёт?

Анна. Офицер, да не пил бы! Болен. Скоро, пожалуй, вдовой буду...

Васса (с улыбкой, тихо). Прошла любовь-то, а?

(Анна молча усмехнулась.)

Васса. То-то! А как тогда кипела! Говорила я тебе...

Анна. Ну, это мы оставим, мамаша!

Васса (разглядывая её). Решительно говоришь... И сидишь смело – нога на ногу... да вот и табак куришь!

Анна. Курю.

(В столовой – Павел. Тихо подходит к двери, слышит голоса и прижимает ухо к двери.)

Васса. Не пристало бы даме-то...

Васса. А одета благородно.

Анна. Умеем.

Васса. Внучата как живут?

Анна (гордо). Дети у меня здоровые, весёлые...

Васса. Первый-то помер ведь...

Анна. Да... Тот был больной... слабенький...

Васса (усмехаясь). Так! Первый – больной... а потом, слава богу, здоровенькие пошли... от больного-то мужа...

Анна (покраснела, взглянула на мать и тихонько смеётся). Умная вы, мамаша...

Васса (довольна). Ну, надо братьев позвать...

Анна. Знали они, что я приеду?

Васса (идёт к двери). На что им знать это... (Отворила дверь – Павел отскочил, но не успел убежать, запнувшись о стул. Мать смотрит на него, он сконфуженно трёт себе колени.)

Павел (тихо). Всё равно... не слышно ничего...

Васса. Не слышно? Это горе!

Павел (зло). Свой я или нет? Мне сказали – дама приехала с чемоданами...

Васса. Ты бы постучал в дверь-то, а я бы отворила тебе...

Анна (выходя). Здравствуй, Павел!

Павел (матери). Ну, не догадался я! Здравствуй, Анята!

Васса. Вот, спроси его, почто он подглядывает за матерью? (Идёт в столовую.)

Павел. Ну да... Уж и подглядываю!

Анна (улыбаясь). Рад меня видеть?

Павел. Конечно. А то у нас – как в сумасшедшем доме.

Анна (тихо, заглядывая в столовую). Мать всё такая же?

Павел. Хуже стала. Хочет всё в свои руки забрать.

Анна. Да ведь и так всё в её руках...

Павел. Не будет этого, когда папаша умрёт! Шабаш! Мы уже не маленькие – мне двадцать четыре, а Семён на три старше...

Анна. Дружно живёте?

Павел. Разно. Он – дураковат, Семён-то...

Анна. А жёны?

Павел. У него жена – хитрая... Толстая, а – хитрая! Красивая ты стала! И одета особенно... хорошо! А у нас, как в больнице, все ходят – платья чёрные да полосатые...

Анна (обняв его, ходит). Ты на Люде женился?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Павел. Ну да. И делать у нас ничего нельзя. Я вот начал старинные иконы покупать у староверов, за рекой, – мать загрызла: богу, говорит, не молишься, а денег тратишь много! Не понимает, что тут десять рублей на рубль можно взять... Выгоднее всего – старинными вещами торговать... в городе один торговец купил шесть тарелок за девять рублей, а продал – за триста двадцать... вот как! А мы тут... кирпич, изразцы, дрова, торф... дьявол идёт!.. У-у!

Прохор (входя). Ба-а! Сколь шикарная дама однако! (Растопырив руки, разглядывает племянницу, вкусно прищёлкивая языком.) Bravo! Ну, поцелуй...

Анна. А вы, дядя, не смущайте.

Прохор. Тебя-то? Гм... с такими глазками не смущаются... врёте-с!

Анна. А вот – Семён! Ух, какой толстый!

Семён (рад). Анята! Вот хорошо... Господи! Как я рад, ей-богу... ну – ах ты! Сколько время не видались?

Анна. Ты с женой-то познакомь!

Семён. Обязательно! Наташа, вот она – Анята! Помнишь, я тебе говорил, колошматила меня всё?..

Прохор. Мало!

Анна (Наталье). Мне приятно видеть вас... будемте друзьями...

Наталья. Хорошо-с...

Прохор. Бум!

Семён. Она у меня – тихая! Староверка, в корчаге крестили... [23]

Прохор. В огромной корчаге!

Анна (Павлу). А Людмила где?

Павел (захваченный врасплох). Не знаю. (Семён фыркнул, все замолчали на секунду.) Спит она.

Семён. Ты ведь её знаешь!

Анна. Она красивая была...

Прохор. Ого! Ты на неё теперь взгляни! Зверь!

Семён. Похвалил!

Павел. Это он назло мне. Они все смеются надо мной...

Наталья. Ну, полно, что ты!

Павел. Они меня со свету сживают, Анна!

Анна. Ой, как страшно! (Обняла Павла за плечи и отводит его в угол, что-то говоря; он ворчит и машет руками.)

Прохор (Семёну). Хороша сестра-то?

Семён. Да-а...

Наталья. Только глаза очень блестят...

Семён. На мать похожа...

Прохор. Фигура-то! Грандама...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Семён. Ой, какая разбойница была!.. Колошматила она меня...

Наталья. Нехорошо, что Людмила не идёт, неуважительно к Анне Захаровне...

Михаил (входит). Анна Захаровна, позвольте поздравить с возвратом под свой кров...

Наталья (негромко). Свой... это как же?

Михаил. Чему безмерно рад-с...

Анна. Вы не постарели, дядя Миша, и молодец! Рада видеть вас...

Михаил. И я! Душевно...

Семён (Наталье). Нравится она тебе?

Наталья. Ничего... Пёстрая только очень...

Семён. Она же в один цвет одета! Ю!

Наталья. Да я вижу. Это я – так...

Прохор. Это – куриная слепота...

Людмила (входит заспанная, растрёпанная, но красивая. Бросается к Анне). Нюта...

Анна (обнимая её). Людочка...

Людмила. Нюта... ой, как хорошо...

Анна. Какая ты стала...

Людмила. Точно солнышко ты...

Павел. Нытьё началось...

Васса (в дверях). Анна!.. Иди к отцу-то...

Прохор. Что – плохо ему?

Павел. Погодите ещё радоваться-то...

Прохор. Я тебя спрашиваю, дуга?

(Павел, забежав за стол, показывает дяде язык.)

Людмила (хохочет сквозь слёзы). Смотри, папа!

Прохор (идя к Павлу). Пашка, уши надеру!

Павел. Троньте...

Михаил (дочери). Ты – уйди...

Семён (оживлённо). Дядя – загородите стулом дорогу-то ему! Павел – под стол катай, эх ты!..

Занавес

Действие второе

Вечер. В столовой полутьма. Перед камином – Людмила. Анна, с папиросой, задумчиво ходит по комнате.

Анна. Жалко, что ты не писала мне...

Людмила. Ну... я и адреса твоего не знаю.

Анна. Если б хотела...

Людмила. Следят за мной: муж, отец... И о чём писать, что тебе интересно?..

Анна. О себе... обо всех...

Людмила. Ничего не понимаю я. За два года – поглупела, обозлилась...

Анна. Зачем ты вышла замуж за Павла?

Людмила. Надо было.

Анна. Да?

Людмила. Да.

Анна. Как это ты? Такая осторожная...

Людмила. Время было такое... особенное. Везде – бунты, забастовки эти... точно уборка перед праздником... И всё уборка да уборка... а праздника – нет. Подвернулся один... красавец... мальчик почти... Рябой был, а красив.

Анна. Где он?

Людмила. Пропал. Не знаю – где.

Анна. Павел знает?

Людмила. Нет. Никто не знает... кроме дяди.

Анна. Как же...

Людмила. Так уж. Дядя Прохор научил... Хороший был тот... рябенький-то... удивительно ласковый и добрый...

Анна. А что за человек дядя Прохор?

Людмила. Так... купец весёлый... Тоже ласковый... Приласкает, а потом – отдавай назад... с процентами. (Другим тоном.) Ну, бог с ним! Не хочу плохо говорить о нём, – он всё-таки сделал мне однажды доброе, сделал! А мы ведь не нищие и должны добро помнить, так, Анна?

Анна (равнодушно). Не знаю.

Людмила (улыбаясь). Близкий мне человек один – мать твоя... И не говорю я с нею никогда почти, и она меня не спрашивает ни о чём, – разве пожурит порой за Павла... А сердцем я знаю, что только она меня жалеет и любит... Не будь её, – ух, что бы я сделала!

Анна (нахмурясь). Вот как!

Людмила (весело). Вот придёт весна – начнём мы с нею в саду работать... Ой, Анна, хорошо это как – помогать земле в цветы рядиться! На самом восходе солнышка постучит она ко мне, мамаша-то: «Эй, – скажет, сердито так, – вставай-ка!» И пойдём обе молча, почти на весь день, вплоть до вечера... Не узнала бы ты сад, кабы лето теперь! Вот разросся, вот украсился! Прошлой весной одних цветочных семян больше, чем на сотню рублей купили! Сливы какие, яблони, вишенье! Прививку училась делать я, к мужикам на село хожу прививать – садовница совсем! Книжку мне мать купила о садоводстве – учись, говорит, это честное дело! Мужики, видя наши-то успехи в саду и огороде, жён присылают по семена, прививочку попросить... мужики меня уважают! Хорошо жить весной, летом, осенью... а зима – трудна и мне и ей... Тесно как-то нам в доме... Не говорим ничего, а обе знаем, что думаем... Ты что скучная какая стала?

Анна. Не знаю... Такая ты красивая, молодая...

Людмила. А вот, как начнём работать весной – погляди, какая буду я! Ах, сад наш!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Войдѣшь в него утром, когда он росой окроплѣн и горит на солнце, – точно в церковь вошла! Голова кружится, сердце замирает, петь начнёшь – точно пьяная! Перестану, а мамаша кричит – пой! И над кустами где-нибудь лицо её вижу – ласковое, доброе, материно лицо!

Анна (тихо, точно не веря). Ласковое? доброе?

Людмила. Ну да! А что? Помнишь, как мы с тобой в саду этом играли?

Павел (входит). О чём сплетничаете?.. (Зажигает свечи в люстре.)

Людмила. Зачем это?

Павел. Тобой любоваться хочу!

Людмила. Погаси...

Павел. Не погашу!

Людмила. Урод!

Павел. Вот, Анна, с каким дьяволом связали меня... на всю жизнь.

Людмила. Врёшь! Ты сам на коленках ползал передо мной, как нищий...

Анна. Перестаньте!

Людмила. Ты понимаешь – он ничего не может сделать со мной... так дразнит меня разными пакостями. Подарили мне кота сибирского – отравил...

Павел. Он меня царапал... Вовсе я не травил его... он сам объелся...

Людмила (вскочила). Молчи, обезьяна! Видеть не могу... (Быстро уходит.)

Павел (тихо). Убежала... ага! Видеть не можешь?

Анна. Что же ты думаешь делать, Павел?

Павел (усмехаясь). Ничего. Мне – нехорошо, пусть и она терпит! (Вдруг искренно и горячо.) Анята, помоги мне, Христа ради! Я тебе подарю что хочешь... денег, если надо, денег дам, когда папаша умрёт! Господи – я всё отдам... всё!

Анна (задумалась). Что я могу сделать?

Павел (тихо, жалобно). Ты по любви вышла замуж, – научи её любить меня... научи её! Я её так люблю – меры нет! Спит она, а я стою на коленках у кровати: «Люда, Людочка, никто тебя не полюбит, как я! – так и шепчу ей всю ночь до утра... – У всех что-нибудь есть, а я уродливый, мне больше не для чего жить, как для тебя», – говорю я ей, а она – спит... Анна, помоги мне!

Анна (торопливо). Успокойся, кто-то идёт...

Павел. Что мне? Пусть все идут... все знают!

Наталья (входит). Паша, матушка зовёт... (Подозрительно смотрит на них.) Скорее, она сердится.

Павел (уходя). Она всегда сердится.

Наталья (следуя за ним). Ты там мальчишку побил конторского...

Павел. Ну так что? Их надо бить...

Анна (Наталье). Наташа, подождите минутку.

Наталья (возвращаясь). Хорошо.

Анна. Ф-фу... точно он избил меня!..

Наталья. На супругу жаловался?

Анна. Вы с ним, кажется, хорошо живёте?

Наталья. Я – со всеми одинаково.

Анна. Не скучно это?

Наталья. Почему же?

Анна. Да вы такая молоденькая... развлечений здесь нет...

Наталья. А муж?

Анна (улыбаясь). Этого довольно?

Наталья (поучительно). Он очень старается, чтобы не скучно было... и смешит, и всё. К тому же время теперь вовсе не такое, чтобы смеяться хотелось...

Анна (заинтересована). Да-а?

Наталья (убеждённо). Конечно! Теперь уж невозможно жить, как раньше... надо переезжать в город... и всё должно быть иначе...

Анна (серьёзно). Как же?

Наталья. Не могу ещё объяснить... я очень много думаю об этом, а – не знаю... Только – надобно жить в укреплённых городах, где много полиции и войско есть... (Воодушевляясь.) После этих страшных годов тихие люди переводятся, сестрица Анна. Все начали думать и тайно друг с другом говорить... и ходят разные люди... у нас тут заходил один, так он уговаривал всех, что всякое дело – грешно и делать ничего не надо! Я очень испугалась тогда... вы подумайте, что это может быть, если опять никто не будет работать?

Анна. Какая вы однако...

Наталья. У меня ребёнок больной, и по ночам я мало сплю, а всё думаю о разных разностях. Но я ещё молоденькая, и меня не слушают, когда я говорю... а вот вы, спасибо вам, слушаете... Это мне очень приятно.

Прохор (входит, сердитый). Где Васса?

Анна. Не знаю.

Наталья. На завод ушла.

Прохор. Чертовка...

Анна. Откуда вы такой?

Прохор. Грязен? С голубятни. Ефиопы – три месяца прошу лестницу поправить – не хотят! Это – нарочно, Анна, так ты и знай! И если я в погреб слечу, шею сверну, – это будет подстроено, да! Это будет Пашкина хиромантия!..

Анна. Ой, дядя, ну что вы говорите?

Прохор. Знаю что... Ты – не знаешь, а я... прошлый раз сiju на голубятне, а кто-то тихонько открыл творило погреба, лестницу подвинул на самый край и дверь со двора захлопнул. Темно. Пол – сырой на погребе... едва-едва не слетел я. Это как понять? Чьи сии дела уголовные, а?

Наталья (Анне). Если Пашу дразнить – он может великий грех сделать, я внушала Людмилочке это...

Прохор. Вот – видишь? И Валаамова ослица так же глаголет...

Наталья. Вы совсем напрасно сравниваете меня с ослицей...

Прохор. Ну, ну! Ты вспомни, кто её устами говорил...

Наталья. Мне это всё равно... я купеческая дочь...

Анна. Вы, Наташа, напрасно укрепляете враждебные мысли дяди...

Наталья. Страшные мысли нельзя скрывать. Вы сами знаете, что несчастные люди очень злые всегда...

Прохор (весело). Каково? Экая голубица со змеиным умом, а?

Наталья (обижена, уходит). Ум очень простой... извините! Это самый человеческий ум...

Анна. Ой, дядя... зачем вы с ней так?

Прохор. Ничего, съест! Не люблю эту тёмненькую душу в тёмном платье! (Смеясь.) Знаешь, слышал я однажды, как она о будущей жизни мечтала с мужем. (Передразнивая манеру Натальи.) «И вот, Сеня, лежу я в лиловом капоте бархатном, а под ним одна кружевная рубашка... или сию на эдаком кельк шозе»...

Анна (улыбаясь). Шезлонг, должно быть...

Прохор. Ну – всё равно! (Снова передразнивая Наталью.) «И приходят с визитом разные лица: тут и полицмейстер, и судьи, и градской голова – весь город!.. И все тебе завидуют, глядя на меня, – ай да Железнов! Вот так жена у него, да-а! А я – эдак ножкой двину, а то плечико покажу – пускай их ещё больше зубами-то скрипят...» (Хохочет.) Хороша иллюстрация, а? Сенька, дурак, ржёт...

Анна (серьёзно). Странная женщина... Не понимаю я её! Такая... как бы немудрая...

Прохор. Чёрт лучше знает, какая она... Иной раз она, брат, так ворочает глазищами своими... Ах, и надоели они мне!..

Анна. Что ж вы живёте с ними?

Прохор. Бум! Сказала тоже! Завязли тут все деньги мои, по милости Захара... Вот выдерну их, и – прощайте, единокровные мои жулики!..

Анна. Куда же вы?

Прохор. В Москву, в столицу! (Наклоняясь к ней, таинственно.) У меня, брат, есть – некоторый плод любви несчастной... ха-ароший, Анна, зреет плод!

Анна. Вот как?

Прохор. Бум! Студент уже... превосходнейшая рожа!

Анна. И – мать?

Прохор (не сразу). Скончалась... жаль! (Снова веселее.) Зовёт он меня неожиданным отцом – весёлый чёрт! И – ничего не просит, а? Видела эдаких? Не нашей крови, нет... Пьёт, чёрт, несколько... Театрал, всех актрис знает... Учится на мифологическом...

Анна. Филологическом.

Прохор (убеждённо). Нет, я верно сказал – есть мифология наука... он, брат, мне рассказал подробно, и даже я сам читал про греческую войну, про Одиссея... Вот, брат, шельма была Одиссей! Врал – замечательно! Будто вплоть до ада снисходил, понимаешь? И будто в аду – ничего не страшно, а только – скука большая?... Пётр этот, мой-то, тоже врать здоров!

Васса (входит). Мир беседе. На кого это Наталья обозлилась?

Анна. Она? Как же она злится?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Васса. Стоит середь зала и кисти у платка обрывает... белая вся, даже досиня...
(Прохору.) Там вас голубятник спрашивает.

Прохор (расхаживая). Подождёт...

Анна (глазами и осторожными жестами просит, чтобы мать ушла. Васса недоверчиво смотрит на неё). Семён воротился из города?

Васса. Не знаю... и мне он нужен бы... пойду, погляжу... (Уходит.)

Прохор. Давай в карты играть, а? Позовём Людмилу, Наталью...

Анна. Ну что ж, давайте... Так, значит, уходите вы из дела?

Прохор. Обязательно. Стар становлюсь... и вообще – какое это дело? Боязно чего-то, видишь ли! Бывало – идешь по селу – барином себя чувствуешь... а теперь хоть и по-прежнему низко кланяются люди, но это они для того, чтобы злые глаза свои спрятать... Какая это жизнь? Вот это, брат, и есть греческая Илиада – все друг друга по башке норовят ловчее стукнуть... К тому же и делец я был всегда не ахти какой... а теперь к чему мне оно, дело?

Семён (входит). Кто меня звал?

Анна. Мамаша.

Семён. А она говорит – ты! Стало быть, никому я не нужен? Ну, это хорошо!

Прохор. Бум! Пойду за Людмилой. Семён, в карты хочешь?

Семён. Можно. Ай, братцы, славно в городе! Твёрдо всё – дома каменные... светло, чисто... И люди другие – разговор широкий... про всё знают... Дума там, политика разная... случаи интересные...

Прохор (уходя). Барыньки красивые...

Семён. Пошёл... бабник!

Анна. Ты серьёзно думаешь, что он с Людмилой... шалит?

Семён (с удовольствием). Шалит? Ишь ты... а я ждал, как ты это скажешь! Назвала ловко... Вот он, город... всему учит! Да, он, дядя, конечно, шалит... да ещё как... Я сам слышал, как он её учил однажды... у меня глаза на лоб со стыда полезли...

Анна. Чему – учил?

Семён. Ну, это нельзя сказать, совестно.

Анна. Чай, я замужем!

Семён. Всё равно... да я и не понял толком-то... насчёт детей... как надо, чтобы дети не родились... Ну его! Баловник... дело его не утешает...

Анна. А тебя?

Семён. Меня-то? Видишь – радости в изразцах да кирпичках немного... к тому же народ стал угрюмый... стражники да строгости... пьянство да драки... скушно это! Помрёт папаша, – в городе буду жить... совсем иным сам себя видишь, когда вокруг все люди одинаковы...

Анна. Ну, а кто же дело вести будет?

Семён. Дело-то? Его – сократить... торф невыгодно работать... а остальное – мать да Михайло... пускай они копаются... А в городе – открою я магазин золотых вещей... н-да! На главной улице, на Дворянской... И вывеска: ювелирный магазин Семёна Железнова – ювелирный! И слово такое мягонькое – ю! Над магазином – квартира будет... Фисгармонию куплю, буду играть на ней... ю!

Людмила (бежит). Анна, иди, уйми их...

Семён (испуганно). Кого? Кто?

Людмила. Дядя Прохор Павла бьёт...

Семён. Вот... пожалуйста! Вот те и ю! Анна, что же ты, иди!

Анна. Куда я пойду? Ударят ещё! Иди ты сам!

Семён (идёт). Я... ну что я! Полицейский какой...

Людмила. Господи – что же это? Какая это жизнь?

Анна. Ничего, Люда...

Людмила. Хоть бы уж дядя убил Павла... так жалко его... так он противен!

Анна. Из-за чего они?

Людмила. Павел сказал, что не пустит меня в карты играть, а мне это смешно стало... он меня толкнул и заорал, а дядя за волосы его...

Анна (спокойно). Мужичьё...

Людмила. Противно...

Анна. Так ли бы тебе жить!

Людмила. Дорого стоит счастье, хоть и маленькое... (Задумчиво.) А всё-таки вспомнишь о нём – и легче... Ах, Анята, как хорошо, когда мужчина от радости плачет пред тобою, – такой он милый тогда... такой дорогой... знаешь это?

Анна (обняла её). Да-а... о, я знаю...

Людмила. Чувствуешь себя в такую минуту богатейшей королевой – да ведь? И так уж ничего не жалко тебе, так не жалко – хоть смерть примешь...

Васса (идёт). Что за шум у вас?

Людмила (бросаясь к ней). Ах, мама, сделайте что-нибудь!..

Васса. Ну, что ещё натворила?

Людмила. Ничего! Они там, Павел с дядей, подрались...

Васса. Опять! Просила я тебя, Людка...

Людмила. Не могу! Вы всё знаете... вы понимаете, ведь – не могу быть ласковой! Вы сами говорили – мужчину не обманешь...

Васса. Ну иди, ступай... уговори их... дураки оба...

Людмила (идёт). Что я пойду?

Анна. Это у вас часто?

Васса (села у камина). Третий год... Иной раз так за сердце схватит... всех бы... взяла да и... Жалко мне Павла! Ой, Анна, жалко...

Анна. Людмиле тоже не сладко.

Васса. Ей? Она – не сдаст...

Анна. Что у неё с дядей Прохором?

Васса. Не Прохор он, а прохвост! Узнал девичий секрет один... ну и пользуется... да! Пользуется, пёс!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Анна (тихонько). Вот что, когда вы ляжете, я приду к вам.

Васса (насторожилась). А что? Зачем?

Анна. Надо поговорить. Они тут исповедовались.

Васса. Прохор?

Анна. И он. Вы знаете, что у него сын есть?

Васса. Не один, поди-ка! Ну?

Анна. Одного – усыновить хочет.

Васса (поднимаясь). Врёшь? Пугаешь?

Анна. Так говорит.

Васса. Ну вот... и – конец! Зачем работали? Чем гордились? Нет, нельзя... это – нельзя!

Анна. Семён в город переезжать хочет...

Васса. Так... Ну?

Анна. И Павел тоже!..

Васса (грубо). Молчи! Я ему найду место!.. (Тише.) А сама я куда? Куда меня, а?
(Идут возбуждённые – Прохор, Семён и Наталья.)

Семён. Наташа! Да перестань...

Прохор. Уймите мне эту дуру!

Наталья. Кроме меня, кто здесь правду скажет?

Семён. Наташа, ты вспомни – ю! Ну, какое тебе дело? Плюнь!

Васса. Что у вас такое?

Прохор. Невестушка ваша изволили взбеситься – пожалуйте!

Наталья (Прохору). Вы Пашу в дикого человека сами обратили...

Прохор. Семён, чёртова башка!

Анна. Дядя, вы здесь самый умный...

Прохор. Я? Меня давно с ума свели... Ты знаешь – он, шельма, ножиком на меня замахнулся, а?

(Вошла Людмила, села в углу и оттуда неподвижно смотрит на всех.)

Наталья. Вы во всём виноватый...

Васса. Семён! Есть у тебя власть над женой?

Семён. Будет вам, мамаша! Всё власть да власть, а и командовать некем...

Наталья. Нет, уж я скажу всё! Вы Людмилу испортили...

Прохор. Дура ты! Да она – до замужества... (Заметил Людмилу.) Нет, каково, Анна?

Людмила. Расскажите – что же я сделала до замужества-то?

Васса (строго, тихо). Людка! Молчи... что ты?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Прохор. Идите вы все в болото!

Людмила. Замахнулись, так бейте!

Прохор (уходя). Подождите же! Я вам наступлю на языки!

Людмила. Струсил... эх!

Васса. Я тебе говорю – молчи!

Людмила. Всё равно, мама! Теперь Павел узнает... всё узнает!

Семён (жене). Идём! Тут другое начнётся...

Людмила. Вот Наталья, она уж не промолчит!

Наталья (уходя). А ты что думаешь? Я правде не изменница...

Семён. Ты помни – ю! И больше ничего!

Людмила. Ой! Кожу бы всю оставила, только вырваться... только вырваться!

Васса. Вот Анна... видишь? Никто ничем не связан... никто! Схватить и – бежать!

Людмила. Мне хватать нечего... мне не надо ничего! Жизнь оставьте, жизнь...

Павел (идёт, лоб у него завязан). Мамаша – денег мне.

Васса. Ещё один...

Людмила (полуплача, полусмеясь). Ах, хорош! Господи...

Павел (тихо). Мать вы мне? Анна – скажи ей... отпустите меня...

Васса (странно). Я тебе скоро найду место, Павел.

Анна. Мой совет – отпустите его! Дядя бог знает на что способен...

Павел. Не боюсь я его!

Анна. Вот он прибил Павла...

Павел. Врёт!..

Анна. Паша – человек слабый... но и слабый, рассердясь, может...

Васса (пристально глядя на неё). Перестань!

Людмила. Что ты, Анята, словно подсказываешь...

Васса. Людмила, уйди! Павел, ты тоже иди... я приду к вам! (Они оба уходят, Васса прошла по комнате, остановилась против дочери.) Ты что это задумала?

Анна (простодушно). Я? Что?

Васса. Не притворяйся! Понимаю. (Снова ходит.) Павел – сын мне, забыла?

Анна (смущена). Не понимаю я...

Васса. Врёшь. Проста очень ты. Ты думаешь, коли брат дядю изведёт...

Анна. Что вы, мамаша! Ф-фу!

Васса. Тебе выигрыш?

Анна. Да я и...

Васса (угрюмо). Не больно ты умна... нет! Кто там ещё?..

Михаил. Вечер добрый!

Васса. Ну, что?

Михаил. Нехорошо... Дышит тяжело очень.

Васса. Прибрал бы господь скорее!.. Пятая неделя пошла, как он задыхается. Глаза-то ясные... видно, всё понимает... Отмучался бы...

Михаил. Немного осталось, как видится.

Васса (идёт). Ты подожди меня тут...

Анна. Плохо у вас живут, Михаил Васильевич!

Михаил. Хуже невозможно-с! Всё спуталось... всё!

Анна. Чем же это кончится?

Михаил. Не вижу-с...

Анна. Трудно мамаше... А дядя Прохор не хочет помочь, видно...

Михаил (подавленно). Он? Помочь?

Анна. Почему вы так удивились?

Михаил (насмешливо). Так-с...

Анна. Нет, всё-таки?..

Михаил. Удивление моё просто! Захар Иванович, батюшка ваш, бывало, говорили, что русский человек частенько глупость свою за совесть принимает по ошибке... (Липа входит.) Тебе чего?

Липа. Анна Захаровна – вас дядюшка просит к себе.

Анна. Зачем, не знаешь?

Липа. С сердцем у них нехорошо.

Анна (вопросительно, Михаилу). Что?

Михаил (успокоительно). Это с ним бывает.

Липа. Удушье...

Михаил (глядя на Липу). Удушье... Олимпиада вот знает... (Анна быстро уходит, он знаком останавливает Липу.) Ну?

Липа. Что-с?

Михаил. Не знаешь?

Липа. Не согласна.

Михаил. Отчего?

Липа. Не могу. Боюсь.

Михаил. Грешно?

Липа. А нет? Чай, человек это.

Михаил. Так. Сына удушить – не грешно, а чужого – грешно? Ребёнок – не человек?

Липа (злобно). Ребёнок! Напомнили-таки! Я его из жалости...

Михаил (мягче). Смотри, дурёха! Прохор твой грех знает...

Липа. И вы знаете... значит, и вас – травить?

Михаил. Ты что орешь? Нарочно? Гляди, голубушка! Я тоже могу невзначай... (Подходит к ней вплоть.) А ты не ломайся, будет уж! Иди-ка! Вот сейчас какой случай хороший, ну? Слей из обоих пузырьков побольше и – дай ему! Ведь не яд, лекарство, пойми! И – с богом, куда хочешь! Помни: не согрешить – не покаешься, не покаешься – не спасёшься... Иди-ка, иди! Али тебе не дорога свобода? Будешь жить на своей воле, а? Награду получишь немалую... Ты – молодая, тебе жить надобно... не согреша, не проживёшь, липа!.. не проживёшь!.. Многие... пробовали и – не могли... (Липа уходит, уступая его напору; он возвращается, ворча.) Притворяется тоже... дрянь! Ломака... туда же!

Павел (заглядывает). Мать где?

Михаил. К Захару Ивановичу пошли.

Павел. А ты с кем говоришь?

Михаил. Сам с собой...

Павел. Нашёл компаньона... тоже!.. Смотри – он тебя обжулит!

Михаил. Спасибо, что предупредили! Принимаю это как награду за службу мою вам.

Павел. Как хочешь прими... хоть как милостину. (Исчезает. Михаил грозит кулаком вслед Павлу, ходит, заложив руки за спину и щёлкая пальцами. Идут Васса, Семён и Наталья.)

Васса (Михаилу, угрюмо). Кончается, кажись, радетьель наш...

Михаил (опустив голову). А у Прохора Ивановича опять припадок...

Васса (детям). Ну, вы чего ходите тут?

Семён. Да ведь и вы тоже ходите...

Васса. Говори! Пошли за отцом Егором... Ну, а ты что, Наталья?

Семён (уходя). Наташа – ю!..

Васса. Что такое? Что он сказал?

Наталья. Так... Не знаю...

Васса. Не знаешь... Иди-ка к себе.

Наталья. Там – боязно.

Васса. Чего?

Наталья. Боязно... Слышно, как хрипит...

Васса. Ты иди, иди! Бояться нечего... все смерти обречены... Я старше тебя, да не боюсь вот... (Наталья тихо уходит, кутаясь в шаль.) Испугалась... хлеб есть не боишься... Припадок у Прохора, говоришь?

Михаил (тихо). Да-с... (Вздрогнул.) чу? вот...

Анна (вбегает, испуганно шепчет). Слушайте – липа отравила дядю...

Васса. Помер?

Анна. Не знаю... нет...

Михаил (мечется). Вот... теперь полицию... надо полицию...

Васса. Стой! Куда? Анна – не суетись...

Анна. Она там кричит...

Васса. Михайло – сюда её...

Анна. Доктора надо...

Васса (строго, негромко). Подожди, говорю! (Вбегает липа, бросилась к Анне.) Что сделала, еретица?

Липа (бросаясь к ней). Ой, сделала... Это он, вот он всё...

Васса. Молчать! Первый раз ты лекарство даёшь ему, а? Не знаешь, сколько надо?

Липа. Отпустите меня, бога ради!

Васса. Ты знаешь, что за такие ошибки в тюрьме сидят? Как ты могла ошибиться, а?

Липа (не понимая ничего). Что будет? Ой, что мне будет?

Михаил. А, д-дура! Позвольте, я ей...

Васса (толкая Липу в свой кабинет). Цыц! Сиди! (Анне.) Ну, а ты что, ну? Чего дрожишь, ну? Случилась ошибка, не то лекарство девушка дала... это бывает! Разве не бывает? Хозяин дома при смерти, суета, девушка одна, с ног сбилась...

Анна (тихонько). Я понимаю...

Васса. Нечего тебе понимать! Твоё дело – сторона, да! Иди к нему, помоги там...

Наталья (бежит). Идите скорее – дядя Прохор...

Анна (невольно). Умер?

Наталья (отшатнувшись). Ой, сестрица, что вы?

Васса (глядя на Наталью). Что ты в самом деле, Анна? С чего бы это ему помереть? У него за эту зиму два припадка было – а жив остался!

Наталья. Ох, испугалась я... Господи! Сполз он с кровати... дёргается, икает...

Васса. Икает! Эка страсть, глядите-ка! Я вот после обеда иной раз тоже икаю, а кто этого боится? Идите-ка к нему...

Наталья. Идемте, сестрица!

(Анна, со страхом оглядываясь на мать, уходит за Натальей. Васса идёт в кабинет, подошла к оцепеневшей Липе, толкает её.)

Васса. Очнись, дьявол!.. Жив он, слышишь? Жив! Чтоб те розорвало, сгинь!

Михаил (Олимпиаде). Ошибочка эта дорого встанет...

Васса. Оставь её!

Липа (падая на колени). Васса Петровна... это я нарочно сделала... Он научил меня, вот он! Родная моя, пожалейте...

Васса. Ступай, ступай в свою горницу! Слышала?

Липа (вставая). Я не виновата... Господи... (Пошатываясь, она уходит. Васса и Михаил смотрят друг на друга. Михаил виновато опускает голову.)

Васса. Дурак!

Михаил. Значит – неверно...

Васса. И фершал твой – дурак!

Михаил. Неправильно что-то, я говорю...

Васса. Да и я тоже... положились... Ну, что ж теперь делать будем? Иди сюда! Поговорим начисто. (Идёт в свой кабинет.) Первое – липка: гляди за ней! Чтобы не звонила! Понял?

Занавес

Действие третье

Столовая. Двери закрыты. У камина Васса, одетая в траур. Анна ходит и курит. Семён сидит за столом.

Семён (зевая). Чай бы пить, что ли? Пора уж.

Васса. Сорока минут ещё не дошло.

Семён. Ну их, сорок минут! Жизнь – чья? Моя жизнь! Хочу – сорок минут похерю, хочу – целый час вычеркну. А то – месяц... (Кладёт ноги на стул.)

Васса. Эк тебя, батюшка, корчит.

Семён. Да скучно же! Жена – нездорова... в карты играть – нельзя... Кровь застывает, ей-богу!..

Васса. Сорока дён не прошло со смерти отца, а ты – на-ка! В карты бы...

Семён. Сорок дён, сорок минут... извольте радоваться! Наталья тут ещё...

Васса. Нервы... Что за нервы? Мне сорок восемь лет...

Семён. Опять – сорок!..

Васса. А никогда они у меня не болели...

Анна (бросив окурки в камин). Нервы и у меня не в порядке... Домище – огромный, гулкий... шорохи какие-то...

Васса. Крысы. Да Прохоровы голуби.

Анна. Скрип по ночам...

Васса. Значит – сухой дом-от...

Анна. Тени шевелятся.

Васса. А это не иначе как Липа ходит... это уж она...

Семён. Ну вас, мамаша, не вспоминайте её...

Васса (задумчиво). Ходит и ходит...

Анна. Вы ведь не верите, что самоубийцы ходят.

Васса. Не знаю. Почему мне знать?

Семён. Вот завели волынку! Мамаша только в целковый верит...

Васса (безобидно). Болван ты, Семёнушка! Для кого мы с отцом целковые-то копили? Для детей будто. А они – и не стоят целкового-то... Ты вот внука здорового не мог мне родить... молчал бы, нехотень.

Семён (грубо). Это вы врёте!

Семён. У меня был здоровый ребёнок...

Васса. От горничной.

Семён. Ну так что? Был же? А что горничная, так вы сами меня с нею свели.

Васса. И ребёнок родился мёртвенький. Вот, Анна...

Семён (вскочил). Вовсе не мёртвый он родился, а она его сама – она всё Наталье рассказала, нечего врать! Вы запугали её чем-то... и всю жизнь её ребёнком этим пугали... с того она и удавилась... да!

Васса (спокойно). Вот, Анна, слушай...

Анна (возмущённо). Как ты можешь говорить... такие пакости, Семён? Это – ужас...

Васса. А ты – слушай! Ты – тоже мать, тебе это годится...

Семён. Напрасно, Анна Захаровна, подлизываешься ты к матери... не оправдаются расчёты твои, нет! (Уходит, сильно хлопнув дверью.)

Васса (усмехаясь). Ишь как!

Анна. Ах, мама! Я только теперь понимаю, как вам трудно должно быть...

Васса. Ничего. Я – не обидчива... А ты понимай, тебе это нужно...

Анна. Иногда мне даже... боязно за вас...

Васса. Не бойся... Зачем?

Анна. И не всё понимаю...

Васса. Ну, всего-то, чай, и никто не поймёт. Вот в моей головушке разные думы роятся... гудят, как осы, а – нет им ответа, нет разрешения!.. (Пауза.) Думала ты, отчего все мужики такие, как будто не от матерей родились, а отцы одни им начало? Да... и ты об этом подумаешь, погоди... Вот я, его, дураково, здоровье оберегаючи, любовницу ему в доме разрешила, а он – этим же грехом моим немалым – мне же в зенки тычет... А здоровье-то всё-таки потерял, подлец... на селе где-то схватил чего не надо...

Анна (тихонько). Неужели правда, что ребёнок...

Васса. Ну, а если правда? Ну-ка? Что надо было сделать?

Анна. Н-не знаю... я не понимаю – зачем?

Васса. Вот и ты осудила меня! А когда до самой доведётся, – так же сделаешь, Анна. Допустишь разве, чтобы чужая плоть-кровь твоим трудом жила?

Анна. Это – далеко. Не хочу об этом думать.

Васса. Подумаешь, милая... обо всём подумаешь!

Анна. Мама! А дядя написал к сыну своему два письма...

Васса (встрепенулась). О чём? Послал?

Анна. Зовёт его сюда...

Васса. К нам? Его? Верно?

Анна (доставая письма). Вот они, письма...

Васса. У тебя?.. Ага-а! Не посланы... погоди!.. Что же, куда ты их?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Анна. Я думаю, их нельзя посылать...

Васса. Так, друг мой! Нельзя! Ни-ни! Ты – умница! Вот видишь: вот – баба! Не-ет, не псы дом хранят, мы его храним. (Подшла к дочери, положила руки на плечи ей.) Продай!

Анна. Что вы, мама!

Васса. Сто за оба – хочешь? Сто!

Анна. Возьмите... даже обидно, право...

Васса. Не обидно, Анна! Я знаю, что обидно – глупость обидна. Ты – мать, помни... для детей – ничего не стыдно, – вот что помни! И – не грешно! Так и знай – не грешно!

Анна. Какая вы... удивительная!

Васса (спрятала письма). Матери – все удивительные! Великие грешницы, а – и мученицы великие! Страшен будет им господень суд... а людям – не покаюсь! Через нас все люди живут – помни! Богородице, матушке моей, всё скажу – она поймёт! Она грешных нас жалеет... не она ли говорила архангелу: «Попроси, помоли сына милого, да велит и мне он помучиться во аду со великими грешники» – вот она!

Анна (улыбаясь ласково). Я приехала – считала себя умнее вас... лучше... право!

Васса. Ничего, считай! Я вижу... так и надо! Ошибёшься – укажу... ничего, дочь!

Анна. Ну, хорошо... подождите! Как же письма? Он выздоровеет – другие напишет и сам пошлёт? А то – заказными велит мне отправить – где же квитанции?

Васса. Их в конторе много стареньких. Михайло устроит – и город и фамилию переписет, штемпеля положит... ничего, это делалось! Это – пустое! Когда отец в городе любовницу завел, мы это дельвали! Ты погляди, через кого другого не послал бы Прохор.

Анна. Конечно... я буду!

Васса. За Людкой – смотри! Она – дитя.

Анна. В ссоре они. Да она мне всё передаёт.

Васса. Гляди! Если Прохоровы деньги у нас останутся – тут и твоих детей деньги...

Анна (опуская глаза). Не надо, мама, об этом...

Васса. А ты не финти! Я – в очках, я всё вижу...

Анна. Вы всегда так... прямо очень.

Васса. Ну да! И ты со мной так же...

Анна. Я вас сегодня точно первый день вижу...

Васса. Слушай, я тебе мать! И твоим детям – мать... погоди! Кто-то идёт... (Дверь тихо отворяется – Наталья, слабая, бледная, входит.) Ты что бродишь, курица?

Наталья. Сказали – чай пить... а ещё и не налито.

Васса. Ну, накрывай... Людмила где?

Наталья. Дядя позвал.

Васса. Так!.. Ну... (Делает Анне знаки глазами, указывая ей на дверь, та не понимает.) Ты, Анна, поди, проси Прохора-то, – может, он с нами чай пить будет?

Анна (уходя). Хорошо.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Васса (следя за Натальей). Лучше тебе?

Наталья. Не спится всё... и сердце тоскует... Ко Мне опять клямзинского приказчика жена приходила...

Васса. Напрасно трудится.

Наталья. Плачет.

Васса. И это напрасно. Слезами – портянку и ту не вымоешь...

(Дунечка входит, молча кланяется, Наталья перестаёт собирать посуду, уступая ей. Васса ходит по комнате, подняв очки на лоб.)

Наталья (настойчиво). Вы бы простили его... в память покойника!..

Васса. Покойники в деле не участвуют. И тебе бы в дела не мешаться...

Наталья (сердито). Чай, жалко мне людей-то!

Васса. Ежели они работать не хотят – жалеть их нет пользы! Небойсь, когда тебе нянька ленивая попала – ты её без жалости прогнала?

Наталья. Тут – ребёнок... моё дитя!

Васса. Везде – дети! У меня – тоже ребята... и работники им нужны хорошие. А ежели я обставлю их пьяницами да лентяями, – какая же я мать им? (Анисья, новая горничная, вносит самовар.) Эй, косолапая, на пол плещешь!

Анисья (Дунечке). Ключи от кладовой дайте.

Дунечка (тихо). Иди, иди! я сама... (Обе уходят.)

Васса. Хороша девица... здоровая, ловкая... хороша! (Входит Павел; он немного выпивши, садится за стол.) Ты бы, барин, ноги-то вытирал, – гляди, как наследил!

Павел. Ну, так что? И наследил...

Васса. Так! Хорошо!

Анна (кричит в дверь). Мамаша!

Васса. Иду... что там? (Уходит.)

Наталья (потянув носом). Вином пахнет...

Павел. Пахнет.

Наталья (помолчав). Людмила-то...

Павел. Да. Ну?..

Наталья. Помирилась с дядей...

Павел. Знаю.

Наталья. Ой, Паша, жалко мне тебя...

Павел. Ты всех жалеешь... а что толку?

Наталья. Похожи мы с тобой...

Павел. И ты кривобокая? Не знал!

Наталья. Судьбой похожи. Оба – умные...

Павел. Ты – умная? И про то не знал...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Дунечка хотела войти, но, услышав разговор, спряталась.)

Наталья. Не шути! Матушка меня душой считает, к дому я не допущена, хозяину – жена, а живу, как прислуга... слова моего – не слушают...

Павел. А мне наплевать!

Наталья. Как же? Ведь и ты тоже – нет тебе никакой воли...

Павел (пьянея в тепле). Теперь – кончено! Теперь я скоро покажу себя... Поеду в город... в Москву поеду... везде! Чёрт вас возьми! Дом, и землю, и всё... Не хочу! Не хочу я... довольно!

Семён (идёт, увидел Дунечку, подкрался к ней, схватил за плечи и орёт). А-а, ты шпионить!

Наталья. Это мать её научила!

Дунечка. Что вы, батюшки? Где же я...

Семён. Ты чего делала за дверью?

Павел. Дай ей по шее... ну! Старая гримза...

Дунечка. Я – просто... говорите вы... не помешать бы, думаю... разве я смею понимать речи ваши?..

Павел. Нет, меня не обманешь!

Семён. Его не обманешь! Он сам подслушивать мастер!

(Идёт Прохор, Анна и Людмила поддерживают его под руки.)

Прохор. Тпру! Почему скандал?

Наталья. Подслушивала вот...

Людмила. Пустите её, Семён! Вот уж любят мучить людей!

Наталья. А ты – не любишь?

Прохор. Шш... Без драки!

Семён. Надо наказание придумать ей!

Павел. Прищеми ей нос в двери... вот она и не будет...

Людмила. Тьфу! Гадость!

Семён. Нет, пусть она масла из лампадки выпьет...

Павел. Ну, это хоть...

Анна (строго). Оставь её, Семён! Довольно! Идите, Дуня.

(Дунечка уходит.)

Наталья (Павлу). Вот и ещё командирша явилась...

Павел. Это – ненадолго! Всё ненадолго!

Семён. Ты, Анна, что, в самом деле?

Прохор. Опомнися... Тюря!

Павел. А я сегодня ночью двух кошек на голубятню пушу.

Анна. Павел! Не смей раздражать дядю!

Павел. Ты кто такая здесь?

Анна. Старшая сестра...

Прохор. Оставь! Я ему пушу...

Семён. Ты, Анна, напрасно...

Наталья. Вы, сестрица, отрезанный ломоть...

Павел. Пусть её... ненадолго! Всё – ненадолго!

Семён. Ты своё получила, и – шабаш!

(В дверях Васса и Михаил.)

Прохор (Людмиле). И что только будет здесь через недельку эдак? Ух!

Людмила. Ничего не будет.

Павел (Прохору). Будет, что я вас – попрошу... ко всем чертям! Вот что будет!

Прохор. Щенок! Я сам...

Анна. Дядя! Перестаньте! Павел, если ты будешь сердить дядю, он может...

Прохор. Не говори ему про это! Он нарочно будет!

Анна (Павлу). Это... вредно ему! Он может умереть от припадка, сказал доктор.

Прохор. Ну вот! Ну – зачем ты? Ах...

Людмила. Напрасно, Анята...

Прохор. Нарочно начнут...

Анна. Вы – не волнуйтесь...

Наталья. Что же это как вы говорите про нас? Что Паша – злодей? Как вы можете?

Прохор (Анне). Ты гляди – как говорит, а? Хозяйка, а?

Васса (входя). Торопится...

(Все притихли.)

Михаил (Прохору). Доброго здоровья!

Прохор. А, Бисмарк... насморк... ревматизм! Здравствуй, здравствуй!

(Семён смеётся. Павел всё время следит за дядей.)

Васса (сажаясь). Это ты, Семён, распорядился, чтобы клямзинского приказчика принять?

Семен. Я. Он хороший парень. А что пьёт...

Васса. Это ничего! Да... жена за него просила?

Семён. Наташа тут ни при чём.

Васса. Я – о приказчиковой жене.

Людмила. Проговорился, Сеня!

Павел. Ты молчи!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Наталья (Людмиле). Нисколько! Я просила Сеню... да!

Прохор (качая головой). Трудные дни настигли тебя, Васса! Даже жалко смотреть...

Васса (спокойно). Спасибо. Себя-то пожалей, не забудь.

Прохор (злорадно). Туго тебе придётся, ой-ой! Ну, и народ пошёл! Говорят – русский человек мягкий, добрый...

Наталья. Где же здесь злые? Мы вовсе не злые...

Людмила (Анне). Как ты думаешь – не злые?

Анна. Не знаю...

Людмила. По-моему, они правду сказали – нет здесь злых...

Прохор. Н-ну, положим!..

Людмила (горячась). Нет. Здесь – несчастные всё... и потому несчастные, что не могут ничего любить...

Павел. Врёшь ты! Я люблю... я!

Семён (жене, подмигивая). Ю!

Людмила. И никто не знает, что – хорошо...

Прохор. Верно! Этого – не знают!

Васса (угрюмо). Ну, а что же хорошо, умница?

Михаил (опасливо поглядывая на дочь). Мм-да?. Ты – того...

Людмила. Сад ваш хорош, мамаша! С малых лет я его люблю и теперь, когда гуляю в нём, вас люблю за то, что вы украсили землю...

Васса (гордо, Анне). Слышишь? Баба-то?..

Людмила. Иногда – боязно с вами...

Михаил. Людмила, ты...

Васса. Оставь её...

Людмила. Не бойся, папа! Взгляну я на сад, вспомню, как вы в нём, согнувши спину, копаетесь около яблонь да ягод и цветов... Знаете вы, мама, что хорошо! Вы – знаете, а кроме вас – никто не знает хорошего...

Прохор. Ну, положим...

Семён. Наталья – ю!

Людмила. Да и не узнает. Никогда! Все хорошее мимо их, другой улицей пройдёт, всё...

Наталья. Какая пророчица!

Прохор. Чего-то ей хочется?

Семён (ворчит). Она да Анна, обе к матери подлаживаются... Просить чего собираются, что ли?

Васса. Ты бы хоть про себя, а не вслух думал, дитятко!

Наталья. Ему бояться некого...

Семён. Ю!

Васса. Что это у тебя за глупое слово?

Семён. Ю? Так уж – ю!

Васса. Ой, Семён, Семён!

Прохор. Люда – поговори ещё!

Людмила. Не хочется.

Васса. И не надо. Благослови тебя господь хорошими детьми, Людмила.

Людмила (кивая на мужа). От него? Как от него могут быть хорошие дети!

Наталья (тянет). Н-ну-у...

Михаил. Эх... язычок!

Павел (хватая чашку). Убью! (Мать толкнула его под локоть – чашка выпала из его рук.) Вы что? За неё? Хорошо... дайте мне мою часть, деньги мои! Подайте, и будь вы...

Васса (толкнув его). Цыц!

Павел (захлёбываясь словами). Ненавижу всех... подожду! Кто вы мне? (Почти рыдая.) Мать... Ты разве мать? Дядя? Жена? Брат?... Что вы для меня?

Васса (угрюмо). А ты для всех?

Павел. Как собаки зайца, травите вы меня – за что? Дайте мне моё, и я уйду... уйду!

Васса. Что же здесь – твоё?

Наталья. Как? Его и Сенино – всё!

Анна. Вы молчите, Наташа!

Наталья. Отчего же?

Васса. Мокрица – молчи, сказано тебе!

Наталья (плачет). Сеня! За что же меня...

Анна. Фу, какой ужас...

Людмила. Это ты с непривычки...

Михаил (дочери). Не путайся, прошу тебя!

Прохор (Анне). Меня бы прочь отсюда... не могу!

Наталья. Что мы – маленькие? Всякий хочет жить, как ему нравится...

Прохор. Анна, нехорошо мне, кричат...

Анна (торопливо уходя в комнату матери). Сейчас, дядя... мама!

(Васса идёт на её зов.)

Семён. Вы, мамаша, действительно...

Прохор. Людмила... Ну-ка, помоги мне...

Васса (кричит). Людмила, поди сюда...

Анна (бежит через столовую). Сию минуту, дядя... Видишь, Павел, вот – опять

Павел (орёт). Я здесь хозяин... я, кособокий! Пусть он издохнет... и все вы!

Проход (побагровел, привстает со стула и шипит). В-в-в-ах... так? Михайло, уведи меня... убьёт он!..

Павел (прыгая перед ним). И убью... ух! Как дам...

(Общая суматоха. Наталья хочет увести Прохода. Михаил усаживает его на стул. Семён схватил брата за руку и кричит.)

Наталья. Паша... оставь...

Михаил. Позвольте-с... успокойтесь!..

Семён. Пашка – брось! Дядя – уходите! Мамаша! Дерутся они!

Павел. Я тебе давно... ты меня... раз!

(Толкнул дядю в грудь – Проход выпрямился и ударил его ногой. Павел, охнув, присел на пол, а Проход грузно свалился на стул. Вбегает Анна с лекарством в руках, выбежали из кабинета Васса и Людмила, – Васса бросается к сыну, он вертится на полу, держа ногу в руках. Анна – наклонилась над дядей. Семён – около жены. Михаил, взяв дочь за руку, что-то шепчет ей, лицо у него умоляющее.)

Семён (жене). Уйдём скорее...

Васса (Павлу). Чем он тебя?

Анна. Я говорила, Павел...

Наталья. Подожди...

Павел. Отойди, мать...

Анна. Дайте воды...

Михаил. Поняла, да?

Людмила (отцу). Пусти... После скажешь...

Васса (вставая). Горячей воды?

Людмила. Да, да... на сердце...

Михаил. Это надо сделать там, у него...

Людмила. Да нет же!..

Анна. Верно! Берите его... Семён, помоги!..

Наталья (зорко следит за всеми). Не тронь, Сеня!.. Боюсь я, ой!.. Они нарочно Павла натравили... куда ты?

(Михаил, Анна, Семён – уносят Прохода.)

Васса. Ты что шипишь?

Наталья. Разве я змея?

Васса. Ты что сказала?

Наталья. Позвольте, мамаша?

Васса. Что позволить? Ну?

Наталья. Мы не прислуги... мы теперь – хозяйева!

Васса (тихо). Вон!

(Семён воротился, Павел встал с пола, волочит ногу, идёт к матери, держась за стулья.)

Наталья. Не кричите! Сеня – она кричит...

Семён (стараясь говорить внушительно). Нет, мамаша, довольно! Мне – двадцать семь лет, ему – двадцать четыре... против этого не поспоришь! (Мать приподняла очки на лоб и в упор смотрит на сына.) Что вы смотрите? Тут как ни смотрите – закон совершеннолетия... сыновья – наследники... стало быть... спора нет!..

Васса (спокойно, Павлу). Иди, взгляни, что с дядей...

Павел. Не хочу... Не пойду...

Семён. Да... Уж теперь – как мы желаем!

Васса (вздыхнув). Дураком ты родился, Семён!

Семён (вспылил). Обидные ваши слова – оставьте! Я – дурак, а по закону – хозяин! И вы, пожалуйста...

Анна (бежит). Мамаша... дядя, кажется, помер...

(Молчание. Павел сел на стул, спрятав голову за спинку. Семён, одеревенев, мигает глазами. Наталья прижалась к нему, вздрагивая. Опустив руки и наклоня голову, Васса обернулась в передний угол комнаты, беззвучно шевеля губами. Анна, перебирая на груди пальцами, смотрит на неё. Испуг на лице Натальи постепенно сменяется радостью.)

Семён (шепчет). Вот те раз!

Наталья (тоже шёпотом). Теперь – ты пойми! Всё наше делается!

Анна (им обоим). Шш... тише!..

Васса (тихо). Ну, Павел, вот, достиг ты конца...

Павел. Я... не виноват... я – выпивши...

Семён. Эх, Пашка! Что, брат?

(Васса и Анна уходят, но Анна остановилась за дверью.)

Наталья (ласково). Паша! Скажи правду – они тебя не подучили дядю-то ударить?

Павел (устало). Пошла ты... ерунда!

Семён (жене). Что ты сочиняешь тут?

Анна (входит). Видишь, Павел, что ты наделал? Предупреждала я тебя – не тронь, да?

Наталья (подозрительно). Да-а... как будто подстрекнули вы его, так вышло...

Павел. Я не виноват...

Наталья. Бог рассудит – кто виноват... он знает!

(Идут: Михаил – рука у него обмотана носовым платком, Людмила и Васса. Людмила прошла в угол, села там и тихо плачет.)

Васса (торжественно). Скончался...

Наталья (мужу, шёпотом). Гляди – рука...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru Семён (вздвогнув, громко). Где? Чья рука?

Васса (Наталье). Ты – о чём?

Наталья. Я? Я сказала ему, Семёну, что рука у Михаила Васильевича...

Михаил (почти не скрывая насмешки). Рука-с? Повредил несколько, задел за ручку двери, когда усопшего несли. А что-с? Мне не больно, если это вас интересует... совсем не больно... А впрочем – благодарю покорно за внимание!

Васса. Ну – помолчите все! Людмила – перестань! Павел, как же теперь? Что будем делать? (Голос у неё дрогнул. Помолчала, шевеля губами.) Ты знаешь – семья наша не дружная, сор из избы будет вынесен, и пойдут тёмные слухи про нас...

Павел. Оставьте меня...

Васса (глуше). Может, и полиция вмешается... тут – деньги! У дяди в нашем деле до ста тысяч с лишком...

Семён (жене, шепчет). Ого! Вот так – ю!

Васса. Известно, что он их взять хотел... Видишь, как всё запутано... Тебя предупреждали – не тронь, убьёшь... а ты – нарочно... Чувствуешь свой грех?

Павел (бормочет). Будет! Не тяните душу... (Сообразив опасность, испугался, вскочил, смотрит на всех.) Вы... вы, родные мои... вы – не говорите! Я не хочу... что же делать, мама? Сеня?

Васса. Мы, конечно, будем стоять за тебя – пред людьми... А пред богом как ты оправдаешься? И вот я советую тебе, если дело это грешное кончится хорошо для тебя, – иди в монастырь...

(Все удивлены. Людмила, как слепая, идёт к свекрови и улыбается.)

Наталья (мужу). Ой... это хорошо! Понимаешь?

Павел (растерянно). Я – не хочу! Что вы? Семён, я не хочу!

Васса (твёрже). Я дам за тебя хороший вклад, будешь ты жить там спокойно, безобидно, привыкнешь богу молиться и помолишься за нас...

Павел (тоскливо). Людмила... рада! Людмила – пожалей! Гляди, как со мной... (Поражён лицом жены.) Как рада... лицо-то! Мамаша – спасибо! Женили вы меня!

Васса. Ты сам хотел.

Михаил (тяжело). Да-с, вы сами!

Васса. Помнишь – зарезаться грозил?

Наталья. Как же! И я помню это...

Васса (грозно). Ты – молчать! (Мягко, но непреклонно.) Так вот, Павел, дай обет, что идёшь в монахи... Так лучше для тебя и для всех... Никто там тебя не осмеёт, не осудит за то, что ты... некрасив собой. И я буду знать, что сын мой – в спокойном месте, в почёте живёт. Так-то. Ну, подумай... до завтра, а завтра – скажи согласие твоё.

Павел (жене). Погибели моей улыбаешься? Не забуду я этого!

Людмила. Нет, Павел, я – свободе своей... (Стоя около Вассы, далеко от мужа, она, не сходя с места, опускается на колени.) Человек же ты! Есть в тебе хоть капля доброго? Отпусти меня, Павел! Отпусти, Христа ради! Помяну тебя добром, всегда... Клятву даю – думать буду о тебе с лаской в сердце... одна я, может, буду так думать о тебе! Одна, кроме матери твоей! А с тобой – не могу! Прикоснуться мне к тебе – больно... особенно после сегодня... Павел!

(Все молчат. Васса сидит, опустив голову, Анна что-то шепчет ей на ухо.)

Людмила. Паша!.. Голубчик – отпусти же!

Павел (вздвогнув). Не надо... не говори так! Ну... Всё равно... Развод, что ли, там... что ж? Всё равно, видно...

(Людмила встала, подошла к нему и, не дотрагиваясь до него, поцеловала в лоб.)

Павел (отшатнулся). Что ты... как мёртвого! Зачем ты? Дьявол... Мать, я не пойду в монастырь, ну тебя... Пусть меня судят... Полиция и всё... врёте вы! Деньги мои чтобы забрать, ага! Дай мне мои деньги, я уеду... на край земли от вас... никогда вы не услышите обо мне, никогда! Может – богат буду, а вы – нищие, – придёте ко мне по милостину... прогнать вас велю и в окошко смотреть буду, как вас гонят... Дай мои деньги... Кончено!

Васса (спокойно). Денег я тебе не дам.

Наталья (беспокойно). Как? Этого – нельзя...

Павел. Нет, дашь!

Семён (тихо, ласково). Тут – закон!.. Наследство, мамаша!

Васса (вздвогнув). Наследства вы – лишены. Всё отказано мне по духовной...

Михаил. Совершенно верно-с...

Наталья (мужу, убито). Подделано!

Васса (глядя на неё). В полную и нераздельную собственность.

Михаил (деловито). Чему свидетелями были: отец Егор, Антип Степанов Мухоедов, известный вам, а также помещик Рыжев...

Семён (убито). Мамаша... За что же нас так? Вы покажите бумагу-то... где она, бумага?

Михаил (доставая бумагу). Подлинная – у нотариуса, копии, числом две – вот они! Для вас... и для вас...

Павел (отталкивая бумагу). Не надо! Всё равно... Не верил я в свободу свою... вот – и не вышло ничего... (Задумался.) Ничего и не будет...

(Наталья плачет, закрыв лицо руками.)

Васса (тихо). Что же, Павел?

Павел (оглядываясь). Загнали в угол... Ладно... монахи не в аду, на земле живут... ну, хорошо!..

Михаил (успокоительно). И ещё как живут...

Павел (усмехаясь). Прощай, Людмила... да, ты уж простилась... Ну, из милости – поцелуй ещё.

Людмила (подходя к нему). Только ты меня не трогай руками...

Павел. Не надо... Иди прочь! Дьяволы... (Бежит вон.)

Васса (Михаилу). Гляди за ним!.. Скорей...

Михаил (уходя). Заявление о смерти Прохора Ивановича разрешите сделать?

Васса. Давно пора! Чего ты думал?

Семён (уныло). Значит, мамаша...

Васса (отмахиваясь от него). Ты – иди, иди! Ну, тебе ли без матери жить? Да ещё

Наталья (неохотно кланяясь в пояс). Простите, мамаша, коли я что...

Васса. Ну, ну, пошла, иди! Есть мне охота сердиться на тебя...

(Семён и Наталья ушли бесшумно, подавленные. Васса встала и – пошатнулась.)

Анна (поддержав её). Что вы? Что с вами?

Васса (хрипит). Воды... холодной... сердце загорелось...

(Людмила бежит вон.

Анна. Измучились вы...

Васса (несколько оправилась). Устала... Трудно...

Анна. Как это вы сразу – насчёт монастыря... Просто – чудо!

Васса. Сразу! Годы я думала – куда его ткнуть, сотни ночей не спала... Чудес – нет для нас... нет их! Сами должны всё...

Людмила (вбегает). Нате скорее... (Васса пьёт воду.) Господи, в доме покойник, горе... а – ничего не чувствую!.. Мамаша, какая вы для меня волшебная!

Васса (тихо). Рада?

Людмила. С начала буду жить...

Васса. Со мной живи. Найди хорошего человека, – замуж выдам. Ты – найдёшь... Детей народи, а я их внуками сосчитаю... я тебя – люблю... И ты, Анна, переезжай ко мне, детей вези. Не удались сыновья... внуками жить буду... (Прислушивается.) Сад-то и не пропадёт... Забегают в нём детишки ваши... ласковые зверики... Чу? Что это? А?

Анна. Ничего не слышно, мама!

Васса. Ничего? Мне послышалось... Дочки мои... много зла на мне, много греха... хоть и против никудышных людей, а всё-таки... жаль их, когда одолеешь... Вы меня – любите... немножко! Много и не прошу – немножко хоть! Человек ведь я... Сына вот... сына своего... (Вскочила, тревожно.) Кричит, а? Кричит?

Людмила. Да нет же! Что вы?

Анна (ласково). Тихо всё... Успокойтесь...

Васса (устало). Чудится мне... (Помолчав.) Не знавать мне покоя... не знавать... никогда!

(Анна и Людмила, переглянувшись, наклонились к ней – она, сняв очки, смотрит на них, угрюмо усмехаясь.)

Занавес

Фальшивая монета

Сцены

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Яковлев – часовых дел мастер, одноглазый.

Полина – жена его.

Наташа – дочь от первой жены.

Клавдия – племянница.

Дуня – соседка, подруга Клавдии.

Бобова – торговка старыми вещами.

Ефимов – муж Клавдии, агент по распространению швейных машин.

Кемской – судебный следователь.

Глинкин – его письмоводитель.

Стогов.

Лузгин.

Иванов – полицейский.

Большая комната – приёмная барского дома: её увеличили за счёт другой комнаты, выломав стену. В левом углу, где был вход с улицы, устроено небольшое помещение для магазина часов. Правее – лестница в два марша, – она ведёт в антресоли, где живут Кемской и Наташа. Под лестницей – дверь в помещение Яковлевых, направо, в углу – дверь к Ефимовым, ближе к рампе – дверь в кухню. В левой, скошенной вглубь стене – окно во двор. Рядом с окном – старый буфет. У правой стены – диван, но на него садятся осторожно. Всё – старое, ветхое. Эта комната служит гостиной, столовой.

Сцена первая

Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельём, в окне сломана рама, стёкла выбиты, на подоконнике – горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Яковлев, человек лет 60–ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате – Полина разбирает платье, бельё; ей лет под 30, одета в тёмное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется – строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза – видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызёт сухари. По лестнице с антресолей сходит Клавдия.

Клавдия. Наташа, ты бы помогла!

Наташа. Подожди, сейчас. И когда они успели написать столько!

Клавдия. О пожаре?

Наташа. Да. Удивляюсь.

Клавдия. После удивисься. Лучше помощи-ка. (Полине.) Это – куда?

Полина. Это – к Наташе, пожалуйста.

Наташа (через газету). Ну, чего вы торопитесь? всю ночь не спали, устали...

Клавдия (уходя вверх). Ты что же, за всех собралась отдохнуть?

Наташа (осматривая комнату). «Как хорошо, что это бывает не каждый день, – подумала курица, когда повар начал резать ей горло».

Яковлев (из двери магазина). Полина, ты не видала, где часы из витрины, мраморные?

Полина. У вас в руках видала.

Наташа (читает). «Всё яростнее разливалась огненная река, превращая труды рук людских в прах». Люблю, когда еров много...

Яковлев (входя). Красноречие несчастию не подобает, тут нужно бы рыдая говорить, а они, пустобрёхи... Полина, а где ящик с гвоздями?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Полина. Не знаю.

Яковлев. Мало ты знаешь...

Наташа. Ну, где теперь найти этот ящик!

Яковлев (вынул часы, смотрит). Тут сейчас человек должен придти... (Замялся, сморщил лицо.)

Наташа. Человек? Возможно ли это, отец? К нам придёт человек?

Яковлев. А, ну тебя! Всё шуточки... (Идёт в магазин.) Смотри – актрисой будешь...

Наташа. «Аббат исчез, оставив маркизу в недоумении». (Взяв кусок хлеба, блюдце и ложку, развязывает банку с вареньем, ест. Полина, стоя на коленях, смотрит перед собой, шевеля губами.)

Клавдия (с верха). Наташа, ты опять насыплешь крошек в банку, а отец...

Наташа. Прoberёт мачеху. Так и надо. Многоуважаемая мать моя – вы соизволите рассердиться когда-нибудь?

Полина (очнувшись). Мне пора обед готовить.

Наташа. Обед – это тривиально. Обед не будет, а будет чай с различными вкусными добавлениями, об этом позабочусь я.

Полина. А если отец...

Наташа. «Здесь приказываю только я, – величественно произнесла маркиза».

Полина (уходя с охалкой одежды). Ну, как хочешь.

Клавдия. Она как будто всё больше дичеет, а ты с ней...

Наташа. Ах, оставь! Ещё и ты будешь меня моралью набивать!

Клавдия. Чего ты взвилась?

Наташа. Надоело! Ходит какая-то бутылка постного масла... от неё – тоска. Чертей не удивишь кротостью. Молодая женщина, недурна, а не умеет себя поставить...

Клавдия. Как это – поставить?

Наташа. Так. Тоже и ты, труженица, вышла замуж за привидение какое-то...

Клавдия (усмехаясь). Если мне нравится...

Наташа. Ну, миленькая, вижу я, кто тебе нравится!

(Полина входит торопливо, потерявшаяся, широко раскрыв глаза, за нею, в дверях, Стогов, мужчина лет за сорок, стрижен ёжиком, виски седые, бритый, без усов, одет солидно. Говорит, держится спокойно, уверенно, с оттенком пренебрежения.)

Клавдия. Что вы, Поля?

Полина (бормочет). Вот, – Наташа... я не знаю...

Наташа (прищурясь). Что такое?

Полина. Вот этот господин... я сейчас спрошу... (Идёт в магазин, спотыкаясь, как слепая.)

Стогов (вежливо). С кем я могу говорить относительно найма квартиры?

Наташа. Какой квартиры? Мы – не сдаём...

Стогов. Мне сказали, что у часовщика Яковлева сдаётся флигель.

Наташа. Не слыхала, хотя прихожусь часовщику дочерью..

Стогов (кланяясь). Очень приятно узнать. Однако...

Наташа. Вы – погорелец?

Стогов. Нельзя ли видеть самого господина Яковлева?

Наташа. Можно. Он – существо видимое. Вы – приезжий?

(Полина стоит у двери в магазин, наклоня голову, как бы не смея войти туда.)

Клавдия. Пройдите в магазин – он там...

Стогов. Благодарю вас.

(Полина, уступив ему дорогу, отошла в сторону, встала, опираясь плечом о стену.)

Наташа. Вежлив. Похож на американского героя.

Клавдия. Как ты можешь так говорить с незнакомым?

Наташа. Ты, мачеха, чего испугалась, а?

Полина (согнувшись над узлом). Я? Почему? Голова кружится...

Наташа. Нет, всё-таки?

Полина (словно припоминая). Я развешиваю во дворе платье – вдруг он идёт... Я не испугалась...

Наташа. Ох, мачеха, ты скоро сама себя бояться станешь... Ну, ладно: «Оставим это для потомства, – сказала графиня, выбросив за окно изношенную туфлю». Впрочем – такой графини не было. Мачеха, иди, ставь самовар!

Клавдия (задумчиво, глядя на Полину). Не рано ли?

Наташа. Не смущай меня возражениями! Я буду мыть посуду и вообще – трудиться.

Яковлев (из магазина). Наташа, не видала ключ от флигеля?

Наташа. Нет.

(Стогов в двери магазина. Клавдия и Наташа не видят его.)

Клавдия (мечтательно). Знаешь, Ната, я всё думаю о фальшивомонетчиках...

Наташа. Да? И что же?

Клавдия. Вот бы познакомиться с человеком, который делает золотые...

Наташа. Прекрасная мечта!

Клавдия. Или хоть с таким, который сбывает их...

Наташа. Превосходная идея!..

Клавдия (вздыхнув, с досадой). Ты всё насмехаешься. Удивительно, до чего ты несерьёзна! И как это можно: всегда, надо всем шутить?

Наташа (серьёзно). А видите ли: один грешник, просидев в аду тысячу девятьсот тринадцать лет, сказал соседу: «Здесь вовсе не так жарко, как мне говорили».

Клавдия. Терпеть не могу твои шуточки...

(Из магазина выходят Яковлев и Стогов.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Яковлев. Полина – ключ от флигеля! Где Полина?

(Полина из кухни быстро бежит по лестнице в антресоли. Наташа бесцеремонно разглядывает Стогова. Он тоже спокойно разглядывает всех. Клавдия всё время входит и уходит, унося вещи.)

Яковлев. Очень интересно объяснили вы намерения ваши. И верное, должно быть, дело – теперь многие изобретают...

Стогов. Мы весьма отстали в технике против иностранцев.

Яковлев. Зато в доброте души – мы впереди всех народов.

Стогов (усмехаясь едва заметно). Говорят, что так...

Дуня (вбегают, – это девица лет 25-ти, жеманится, приглядываясь к Стогову, картавит). П'едставьте, всё ещё летят иск'ы. Я вынесла на те'асу батистовое платье, и вд'уг оно заго'елось, – вот какая ды'а. Я п'ибежала сказать вам...

Яковлев (внушительно). Искры летят оттого, что люди роятся на пожарище.

Дуня (удивилась). Да?

Яковлев. А вы думали – отчего?

Дуня. П'едставьте, я вовсе не думала об этом!

Наташа (уронила на пол блюдце). Ах, несчастная!

Яковлев. Хозяйка, эх...

Полина (с верха). Нет ключа.

Яковлев. Как же это?..

Клавдия. Идёмте, я отопру без ключа!

Яковлев (Стогову). Пожалуйста. Хаос у нас. (Ведёт его к двери в кухню. Навстречу – Ефимов, в руках его по тяжёлой связке книг, он держит их, как вёдра с водой.)

Дуня. Ах, какой ужас был ночью, какое раззорение!

Наташа. Забыла, Дуня, нужно сказать – 'аззоение...

Дуня. Ах, оставь! Что тебе? Ты любишь осмеивать всех, а мне нравится картавить.

Ефимов (опустил книги на пол, оттирает пот с лица). Для Натальи Ивановны стеснять людей – первое удовольствие.

Наташа. «Философия составляла любимый предмет Агафьи».

Дуня. Это что ещё за Агафья?

Наташа. Старушка одна у Льва Толстого, в «Анне Карениной».

Ефимов. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства.

Наташа. Агафьюшка, это не Толстой, а Левин.

Ефимов. Всё равно. У серьёзного писателя и герои не говорят глупостей.

Дуня. Наташа, – кто этот господин?

Наташа (отломилла ручку чашки). Ещё одно несчастье!

Полина (как во сне, спускается с лестницы, испуганно остановилась). Какое несчастье?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Наташа (показывая ей чашку). Как трудно трудиться, Поля!

Ефимов (толкая ногой связку книг). Вот, – за швейную машину энциклопедическим словарём заплатили. И то – слава богу, – могли ничего не заплатить, а машина-то уже в ссудной кассе заложена. Да... В других странах невозможно подобное... извращение фактов, а у нас... (Огорчённо махнул рукою, взял книги, идёт к себе.)

Наташа. Ты этого бритого не встречала раньше?

Полина (беспокойно). Где же? Куда я хожу? Только в церковь...

Дуня (идёт за Ефимовым). Интересного мужчину и в церкви заметишь.

Полина (ходит по комнате, дотрагиваясь до разных вещей). Ничего я не замечала. Всё это напрасно...

Наташа. Что ты ворчишь?

Бобова (входит с узлом в руке. Женщина за сорок, говорит певуче, крепкая, бойкая). Здравствуйте, дорогие, на долгие года! Страхи-то, ужаси, пожарище-то каков! Я, подобно мышке летучей, всюю ноченьку металась, не знай как! Третий разок посещает господь городок наш огненной бедой, и раз от разу всё погубительней. Растут, видно, грехи-то наши, возрастают... Не помочь ли вам в уборке-то, устали, поди-ко?

(Полина, разбирая вещи, часто поглядывает в окно на двор, прислушивается.)

Наташа. Вот именно – помоги! Умираю от усталости...

Бобова. Женишка твоего видела сейчас.

Наташа (равнодушно). Где?

Бобова. Сюда идёт с Кемским.

(Наташа, составив на поднос чайную посуду, несёт её в кухню.)

Бобова (Полине). Нет, как ведь господь милостиво оградил вас, – всего на два дома до вашего иссяк огонь...

Полина (глухо). Сгореть бы и этому...

Бобова. Ну, зачем же? Нас не стены держат, а глупость да робость наша. Однако неудобный домик, неудобный! Что это Наташа не уговорит крёстного отца совсем подарить ей рухлядь эту? А то – живёте вы под барским капризом: сегодня – любезны, а завтра – пошли прочь! А Наташе-то продать бы дом этот, а я бы покупателя нашла.

(Глинкин входит из магазина. Красивый молодой человек 22–25 лет. Лицо нахальное. Немного выпивши или с похмелья. В кожаной куртке, охотничьих сапогах, в картузе с дворянской кокардой. В руках – портфель.)

Бобова. Дворянину – почтение! Что это, какой кожаный сегодня?

Глинкин. Не твоё дело. Где Яковлев?

Бобова. Уж очень ты строго спрашиваешь!

Глинкин (Полине). Вы что же не здороваетесь со мной?

Полина. А вы со мной?

Глинкин. Пардон. Я спросил: где Яковлев?

Бобова. А ты кого спросил?

Глинкин. Не всё равно – кого?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Бобова (Полине). Это куда?

Полина. Дайте мне, это наверх. (Идёт.)

Глинкин (ворчит ей вслед). Копчёная селёдка. Как живёшь, Бобиха?

Бобова. А как привыкла: хихоньки да хахоньки, доходишки – махоньки, живу – не тужу, всем служу, а тебе – погожу. Когда долгишки-то отдашь мне?

Глинкин (ходит вокруг стола). Успеешь. (Суёт пальцы в карман жилета, предполагая найти там часы. Часов нет. Он косится на карман, на пальцы, щёлкает ими. Напевает из фауста.) «На земле весь род людской...»

Бобова (улыбаясь, следя за ним). Забыл, что часики-то у меня в закладе.

Глинкин. Я гадостей не люблю помнить.

Бобова. Свадьба-то у вас – когда?

Глинкин. Это не твоё дело. Семья – священный оазис в пустыне жизни, и никто не смеет вторгаться в недра брака. Да. Для вас, вот таких, брак – любительский спектакль, а для меня это парадное представление на сцене императорского театра. Поняла? Нет, конечно. (Осматривает стены, насвистывая.)

Наташа (вышла, приседает). Виконт!

Глинкин. Здравствуйте. А где ваш отец?

Наташа. Пошёл сдавать какому-то господину квартиру во флигеле. Ну-с?

Глинкин. Странно. Разве во флигеле можно жить? Куда это вы?

Наташа. За провизией к обеду.

Глинкин. Полезное путешествие. Водки купить не забудьте.

Наташа. Виконт – я знаю ваши вкусы...

Стогов (входит). Человек должен иметь хозяина...

Яковлев (идя за ним, весело). И надо всеми – господь! Приятно слышать такие речи в наше время всяческого буйства. Очень приятно... Теперь позвольте вас познакомить с моими: дочь – Наталья.

Стогов (кланяется, не подавая руки). Пётр Васильевич Стогов.

(Наташа комически важно приседает.)

Глинкин (тоже важно). Тихон Степанов Глинкин, юрист.

Наташа. Из пятого класса реального училища.

Глинкин (окинув её сердитым взглядом). Личный секретарь судебного следователя кемского.

(Стогов серьёзно кланяется, но в глазах усмешка.)

Наташа. То есть – писарь.

Яковлев. А эта – торгует старинными вещами.

Бобова. Продаю, покупаю, распрокрасную невесту сосватать могу.

Стогов. Выгодно старинными вещами торговать?

Глинкин. Ерунда! Обман! Она сама выдумывает эти вещи...

Бобова. Вещь, сударь мой, нельзя выдумать, её надо сделать. И без обману нельзя.

Яковлев. А вот – жена...

(Полина прячет руки за спину, отступив.)

Стогов (кланяется ей). Так вы позвольте мне смерить там, – нет ли у вас рулетки или аршина?

Яковлев. Полина...

Полина (села на стул). Нет.

Яковлев. Как – нет?

Наташа. Аршин у меня в комнате. (Полина не двигается.)

Яковлев. Ты слышишь?

Наташа (идёт). Я принесу.

Яковлев (жене). Ты – что?

Полина (тихо). Устала...

Яковлев. Ну... все устали!..

Наташа (подавая аршин). Извольте.

Стогов (кланяясь). Благодарю.

Яковлев. Может – помочь вам, а?

Стогов. Нет, не беспокойтесь, я сам... (Ушёл.)

Яковлев. Ну, – похоже, что хороший постоялец, видимо – со средствами. Вот я забочусь обо всех, как лучше, покойнее, а вы...

Наташа. «Аббат, мы это слышали». (Идёт в магазин.)

Яковлев (жене). А ты чего сидишь вороной? Убирай дом скорее.

(Полина встаёт.)

Глинкин (иронически). Ха-арошенькое обращение с женщиной!

Яковлев. Вы, Тихон... эх, грешить не люблю! (Уходит в магазин, сердито ворча.)

Глинкин (осматривая стены). Ни одного зеркала – нельзя даже понять, существуешь ты или нет? (Идёт вверх.)

Бобова (когда Глинкин скрылся). Экой бездельник, экой прохвост, а? А ты, Палагея Петровна, нехороша сегодня, – что это ты?

Полина (идёт в кухню). Где же Клавдия?..

Бобова. А она за нафталином побежала. (Подходит к окну, делает знаки, оглядывается.) Тсс... тсс...

Стогов (в окне). Ну, что?

Бобова. Ладно ли дело-то?

Стогов. Квартиру снял. Что это за дурак, зять этот?

Бобова (складывая пальцы в кулак). Так, щеночек, он у меня в горсти.

Стогов. Никого нет?

Бобова. Позвать её, что ли?

Стогов (скрываясь). Да, скорее.

(Бобова идёт в кухню, по дороге заглянув в магазин; Стогов является из двери со двора, почти в ту же минуту из кухни вышла Полина, смотрит на него со страхом, он усмехается.)

Полина (тихо, испуганно). Зачем вы пришли? Зачем?

Стогов (говорит тихо, с лёгкой усмешкой, трудно понять – серьёзно или шутя). Я вчера, на улице, и тогда, в церкви, сказал, что не отстану, найду, – вот и нашёл.

Полина. Прошу вас – уйдите!

Стогов (усмехаясь). Не надо притворяться, Поля!

Полина. Что вам нужно от меня? Кто вы для меня?

Стогов (всё так же, с усмешкой). Судьба, хозяин твой, влюблённый человек...

Полина. Я вас не знаю, я не хочу...

Стогов. Я – твоя судьба, ты – моя. (Подходит ближе к ней, говорит негромко.) Оказалось, что у меня есть что-то похожее на совесть, Поля.

Полина. Нет!

Стогов. Есть что-то... Может быть, это – от бессонницы, может быть – от скуки. Одним словом – ты мне нужна, и я пришёл за тобой...

Полина. Нет! Не смеешь... не можешь ты! Ты! Из-за тебя я сидела в тюрьме, меня судили, позорили... из-за тебя!

Стогов. Но ведь тебя оправдали.

Полина. Молчи!

Стогов. О том, что всем известно? Зачем же? Я знаю, что ребёнок родился мёртвым, проклятая бабка сказала мне. Но, – она не вовремя умерла, а я, как тебе известно... впрочем, я не оправдываюсь.

Полина. Зачем ты пришёл? Зачем?

Стогов. Я сказал – за тобой.

Полина. У меня – муж. Он пожалел меня тогда ли – на суде...

Стогов. Иной раз пожалуйть выгодно.

Полина. Третий год я живу...

Стогов. Живёшь? Разве?

Полина. Не смей!

Стогов. Ну, перестань!

Полина. Христом богом прошу – уйди!.. Не могу я. – ничего не могу...

Стогов (хмурясь, спокойно). Чему быть, того не миновать...

Полина (прислонясь к двери). Кто ты такой?

Стогов (серьёзно). Полина, я смотрел, как ты молилась в церкви, не один раз смотрел. В твои годы так молятся, когда хотят согрешить, но – боятся. Я, знаешь,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru даже испугался за тебя. Пойми – это верно! Испугался!

Полина. Врёшь! Ты врешь... Ну, если ты добрый человек – уйди же! Я прошу.

Стогов (усмехаясь). Грешница ты – в мыслях, и – я ведь знаю – очень любишь грех, очень ждёшь его.

Полина. Нет. неправда! Не хочу!

Стогов. Брось – меня не обманешь. (Почти с восхищением.) Ты очень сильная женщина, Поля, ты – настоящая. Как ты согнула себя, ты, такая гордая, а? Я не узнаю тебя... Удивительно это! Но то, что ты считаешь грехом – не грех, а – обязанность, это – твой долг. Пойми! Раньше ты ведь знала, что это твой долг и радость твоя, – знала! Это в тебе не могли убить, не притворяться. (Громко и деловито.) Так вот, хозяйка: сейчас же я пришлю плотника. (Шепчет ей.) Отвечай мне, ну!

Полина. Хорошо. Да. Прощайте.

(Из двери магазина идёт кемской, человек лет 60-ти, весь неприбранный, одичавший, с неподвижной гримасой на лице. Одет в парусиновый балахон-пыльник, на голове – выцветшая судейская фуражка, в руках – пара уток.)

Кемской. Кто такое, а?

Стогов. Постоялец. Снял флигель.

Кемской. А... Семейный?

Стогов. Одинок.

Кемской. Почему?

Стогов. Холостому удобней.

Кемской. Гм... Может быть. Полина – Тихон здесь?

Полина (очнувшись). Да.

Кемской. Бросил меня, ушёл. Я говорю: возьми Наташе уток, а он – ушёл! Вот утки, Наташе. Да. (Сел к столу. К Стогову.) Вы – квартиру сняли? Гм... Чем занимаетесь?

Стогов (не спеша, двигаясь к двери магазина). Изобретаю новый сплав.

Кемской. Сплав леса?

Стогов. Металлов.

Кемской. Не понимаю!

Стогов. До свидания. (Ушёл.)

Кемской. Полина, – как это он тут?

Полина (тихо). Не знаю, не знаю..

Кемской (сердится). Что это ходят тут всё, эти, разные... Тут – Наташа, и вдруг... Какой-то слесарь... Наташа испугалась пожара?

Полина. Не дитя она.

Кемской. Приготовь ей уток, зажарь... Помоги мне снять это.

Бобова (идёт из кухни). Я помогу, ты уж иди, стряпай, Палагея Петровна.

Кемской. Ага, лиса, ты здесь, а?

Бобова. Несчастье всех в одну кучу кладёт, миротворец ты наш.

Кемской. Погорела, а?

Бобова. Нет, господь миловал.

Кемской. Какое же у тебя несчастье? Не понимаю. Ты сама – несчастье. (Доволен словом, смеётся.) Вот именно, – ты сама – несчастье, а?

Бобова. Ну, что это вы говорите, добрячок такой! Я ко всем с добром, а вы меня – колом. А обещаньице-то своё не исполнили?

Кемской. Какое?

Бобова. Подсвечники-то обещали продать мне.

Кемской (отмахиваясь). Пошла, пошла! Подсвечники! Это – канделябры, да. Это – редкость...

Бобова. И часики каминные обещали...

Кемской (строго). Иди прочь!

(Бобова отошла в угол, тихо роется там, разбирая вещи. Её почти не видно.)

Яковлев (входит). Здравствуйте...

Кемской. Здравствуй, да... Вот что, брат-кум, тут-а... эти у тебя, постояльцы всё какие-то! Это, брат, мне не нравится...

Яковлев (разводя руками). Как же быть? Ведь и мне без людей лучше, да бедность понуждает...

Кемской. Подожди. Я дал дом Наташе, а ты устраиваешь тут постоянный двор какой-то. Нахлебники, постояльцы – это я плохо понимаю. Всё-таки это – мой дом! Да. Я прихожу, – вдруг – какой-то человек... Потом – этот Ефимов... Надо, брат, быть деликатным.

Яковлев (волнуясь). Однако же войдите в положение! Улица – глухая, не торговая, магазин работает плохо. На старом месте, на юру, – было лучше, а здесь – я потерял, – кто сюда пойдёт?

Кемской. Ну, это – я не знаю. Я сделал, что мог: пристроил тебе лавочку, испортил фасад дома, и так далее... Но – постоянный двор я осуждаю. Ефимов и все это – мне не нравится. Я, брат, старик...

Яковлев (глухо, нервно шевеля пальцами). Я тоже не молоденький.

Кемской. Ну, да! Я пойду к себе, скажи, чтобы мне дали мыться.

Яковлев (глядя в дверь магазина). Иванов идёт.

Кемской (с лестницы). К письмоводителю.

Яковлев (грозит вслед ему кулаком, Бобовой). Слышала, а? Каково?

Бобова. Что уж тут! Эхе-хе...

Яковлев (идя в кухню). Да, вот и живи... Иди, неси ему воду-то...

Бобова. Ладно, сейчас.

Иванов (околодочный, весёлый, бойкий франт). Эй, Бобиха, погоди!

Бобова (у двери кухни, подмигивая на лестницу). Шш...

Иванов. А что?

Бобова. Кемской.

Иванов. Ты что тут делаешь?

Бобова. Помогаю в уборке.

Иванов. Куда это нахлебник твой выехал?

Бобов а. А – дай бог память...

Иванов. В Сморгонь?

Бобова. Что ты, милый, такого места и нет на земле!

Иванов. Ну, я лучше тебя знаю, что есть и чего нет! А скоро я тебя поймаю, милая дама!

Бобова. Ах, гонитель ты мой, Нерон жестокой, – и за что ты меня поймаешь?

Иванов. А – за шиворот. Не держи воров, не скупай краденого.

Бобова. Да я всё покупаю, слона приведут, так я и слона.

Иванов. Ладно. Точи зубы-то. Слушай, – на-ко вот, пересунь. (Подает ей записку.) Понимаешь, кому?

Бобова. Ну, Клавдии...

Иванов. Шш! Не Клавдии, а Дуне.

Бобова. Уж и в эту сторону метнуло?..

Иванов. Если ты мне это дело наладишь...

Кемской (с верха). Что же воды?

Бобова (бежит). Сейчас, родимый.

Иванов. Найди мне письмоводителя. (Подожёл к окну, вынул из кармана письмо, улыбаясь, читает. Из двери на него смотрит Ефимов. Из комнаты Наташи вышел Глинкин, увидав околоточного – сморщился, хочет уйти обратно. Иванов, обернувшись, прячет письмо.) Примите два пакета.

Глинкин (подожёл, взял пакеты, взвесил на руке). Это что?

Иванов. Не знаю. Моё дело – сдать, ваше – принять да расписаться.

Глинкин. Прошу не указывать мне моих обязанностей.

Иванов. Ах, извините!

Глинкин. Да-с. (Расписываясь в книге.) Можете идти.

Иванов. Благодарю за разрешение.

Глинкин. Что-с?

Иванов. Скоро и вам лично повесточку вручу.

Глинкин. Опять? За что?

Иванов. Буйство в общественном месте.

Глинкин. Это – не буйство, а протест против засилия инородцев!

Иванов (даже удивился). Это – Кознов, Иван Лукич, – инородец?

Глинкин. Я лучше вас знаю, кто – кто!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Иванов. Проницательный вы человек!

Ефимов (входит. Рука подвязана). Н-ну, я думал, обед готов, а тут ещё – Содом и Гоморра...

Иванов. Что это?

Ефимов. Порезал.

Иванов (Ефимову). Вечером – в «Порт-Артуре»?

Ефимов (показывая руку). Какой же я игрок?

Иванов. До свидания, благороднейший господин Глинкин. (Ефимову.) Ну, до вечера, скучный господин.

Ефимов (вздыхая). Трудно быть весёлым, имея фамилию – Ефимов.

Иванов. А я вот Иванов, однако – не скучаю. Нисколько даже.

(Глинкин пожимает плечами.)

Наташа (с покупками, в дверях магазина). Здравствуйте, Пинкертон!

Иванов (щёлкавая каблуками). Позвольте помочь?

Наташа. Не трудитесь. У нас домашних кавалеров в избытке заквашено. Вы с чем?

Иванов. С бумагами. А сейчас – к соседу вашему. До свидания!

Глинкин. Удивляюсь, как вы можете фамильярничать с этим...

Наташа. Ах, в моих жилах течёт рыжая, плебейская кровь. Крёстный здесь? (Идёт наверх.) Скажите Поле, что можно накрывать стол.

Глинкин. Ефимов, ступайте, скажите.

Ефимов (обиженно). Вы, сударь мой, тише командуйте! Я человек неожиданный, никто не знает, на что я способен.

Глинкин. Я не командую... Скучно, чёрт возьми! Вот и пожар был, а скучно...

Ефимов (миролюбиво и уныло). Вам жаловаться не на что. У вас всё-таки фамилия оригинальная: Глинкин. Глинку напоминает, оперу «Жизнь за царя». А вот, если Ефимов, так уж это безнадежно...

Глинкин (с достоинством). Глинкин – это руссофизм, – понимаете? Моя фамилия – де Глинкэн, мой дед был француз, дворянин. А Глинкин – это переделка на русский лад, руссофизм... то есть руссизм...

Ефимов (вздыхнув). Хотя бы и так – всё-таки хорошо. Но – уж если Ефимов, так что же? Вы можете представить себе – монумент Ефимову? Если поставить такой монумент на площади – так по ней никто ходить не будет...

Глинкин. Возможно – не будут! Фигура у вас...

Ефимов. Тут не в фигуре суть. Многие люди не обладали фигурой, а монументы им всё-таки поставлены.

Глинкин. Впрочем, я не совсем понимаю вашу идею...

Ефимов (задумчиво). Идея – простая. Все великие люди носили соответственные фамилии: Аристотель, Эмиль Золя, Степан Разин. А если сказать: великий человек – Ефимов – никто этому не поверит...

Бобова (идёт из кухни). Наташа пришла?

Глинкин (кивая на пакеты). Видишь...

Ефимов. Бобиха, – жену мою не видала?

Бобова (ставит стулья к столу). А вон, поглядите, на дворе-то... То есть до чего благочестивец наш, боголиз, кривой, Палагею заел – даже глядеть обидно!

Ефимов (у окна). С кем это она там?

Бобова. Только и твердит: я тебя с земли поднял, я тебя из грязи вынул!

Глинкин. Это мне не интересно...

Бобова. Эка важность – поднял! Эдакую-то бабочку, да не поднять! Всяк бы поднял, да снова положил, дело – дешёвое, а удовольствие большое, – да!

(Ефимов быстро идёт в кухню.)

Глинкин (Бобовой, тихо). Ревнив, чёрт!

Бобова. Без ревности любовь – как без соли хлеб.

Глинкин (идя за Ефимовым). Бобиха, скажи, чтоб скорее собирали обедать!

Бобова (про себя). Поспеешь, дроздова голова!

Полина (с тарелками). Господи, как тут всё нехорошо...

Бобова. Кому прибрать? У вас все – बारे.

Полина (развёртывая пакеты). Ты в судьбу веришь?

Бобова. А как же?

Полина. И в бога веришь?

Бобова. И в бога. Что это ты, матушка, спрашиваешь как?

Полина. А кто сильнее: судьба или бог?

Бобова. Ну, уж этого я не знаю... Уж чего не знаю – так не знаю... Этого, поди-ка, и боголюбивый муженёк твой не знает, одноглазый чёрт! Ох, Поля, Поля, тяжела твоя доля...

Полина. Значит – заслужила такую.

Бобова. А ты – полно! Согрешив на грош, на рубль каешься... Ой, ой, утки-то, утки... (Бежит в кухню, в двери сталкивается с Яковлевым.)

Яковлев. Что ты, – слепая?

Бобова. Ох, прости...

Яковлев. Демоны... (Идёт в магазин.)

Полина. Подожди минуту.

Яковлев. Чего такое?

Полина. Напрасно ты сдал флигель.

Яковлев (приостановясь). Это – твоё дело?

Полина (твёрдо). Моё!

Яковлев (удивлён). Чего?

Полина. Это человек нехороший.

Полина (волнуясь). Ты – добрый... ты поймёшь, ведь я – молчу! Я всегда молчу! Ведь уж если я говорю – значит...

Яковлев (строго). Значит – я с тобой должен серьёзно поговорить! Я и поговорю! (Быстро идёт в магазин.)

Полина (оглядывается вокруг, почти с ужасом, шепчет). Ах... ну, хорошо... ну – всё равно...

Клавдия (вбегает со двора, встревожена). Поля, милая! Мой-то накрыл было меня с Ивановым, – слушай-ка, сходи к Дуне – пусть она скажет, что я с ней говорила через забор, – сбегай, милая... Что ты какая? Дурно, что ли, – что ты?..

Полина (как в бреду). Клава, ну – скажи правду: ведь меня можно пожалеть, выслушать? Ведь я всё молчу, я уже третий год молчу, вся живу, спрятавшись в сердце своём, – вся в своём сердце...

Клавдия (беспокойно). Поля, что ты говоришь? Нездоровится тебе?

Полина (тихо, горячо). Подожди, – ну, хорошо: если даже я грешница, если я тяжело согрешила...

Клавдия. Э, что вспомнила...

Полина. Нет, подожди! За грех мой – меня напугали, меня мучили, – господи, как мучили... А в чём я грешна? Разве несчастье – грех? Ведь я же не собака, ведь меня нельзя звать, как собаку, – свистнул кто-то, и я должна бежать к нему, если он свистнул мне, – ведь я же человек, я...

Клавдия (оглядываясь). Ах, да послала бы ты к чёрту своего кривого! Что мне делать? Сейчас придёт мой, – Полинька, сбегай к Дуне-то! Скорей...

Полина. Зачем?

Клавдия. Ах, боже мой, ты ничего не можешь понять...

Полина. Не могу.

Ефимов (идёт из магазина, тягуче говорит). А вы, сударыня, опять начали беседы ваши сквозь забор?

Клавдия. А тебе опять мерещится?

Ефимов. Ты с кем говорила?

Полина (прибирая на столе, машинально говорит). С Дуней говорила она...

Ефимов (смотрит на неё). Я спрошу Дуню!

Клавдия. Спроси.

(Полина вдруг тихонько засмеялась.)

Ефимов. Это над чем же вы?

Полина (почти со слезами, тоскливо). Над собой, право – над собой.

Ефимов. Что же такое смешное в себе нашли вы? Не вижу я ничего весёлого!

Клавдия. При тебе и с горя засмеёшься.

Бобова (зовёт из кухни). Поля, Клава...

(Обе ушли. Глинкин сносит с верха зеркало, в позолоченной старой раме, ставит на пол у лестницы.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ефимов (рассматривая себя, вздыхает). Дрянь зеркало.

Глинкин (поправляя галстук). Для местного населения вполне годится.

Ефимов. Дрянь. Человеку надо видеть себя в сиянии всех качеств, а тут – пятно.

Глинкин. Ты и есть пятно. Клякса на странице истории культуры.

Ефимов (отходя). Любишь ты критические слова. А по-моему, критик – просто человек дурного характера.

Глинкин (идёт в магазин). Много ты понимаешь.

Ефимов. А кто же повесит зеркало? (Ворчит.) История... На кой чёрт она мне, история! Дурак...

(Ефимов, нахмурясь грозно, смотрит вслед ему, потом берёт со стола ножницы и наносит ими колющие удары и воздух. В двери магазина стоит Лузгин, чисто и скромно одетый человек лет за сорок, в котелке, сдвинутом на затылок, с портфелем подмышкой. Стоит, склонив голову на плечо, и смотрит на Ефимова с улыбкой. У него лицо и взгляд человека ненормального.)

Ефимов (наносит удары, бормочет). А – вот... и вот!.. И напишут в газетах, а ты не прочитаешь...

Лузгин (шагнув в комнату). Гимнастика? (Делает правой рукой, с котелком в ней, нелепейшее движение.) Здравствуйте! Часовых дел мастер?

Ефимов (сердито). Нет ещё.

Лузгин. Я хотел бы часы починить.

Ефимов. Чините.

Лузгин. То есть отдать их починить.

Ефимов. Отдайте.

Лузгин. А – кому?

Ефимов. Хоть трубочисту, мне всё равно... (Лузгин идёт к нему, тихонько посмеиваясь и немного подпрыгивая. Он так забавен, что Ефимов, сначала отступавший от него, остановился, ухмыляясь. Лузгин смеётся громче, бросает портфель на стол. Ефимов тоже начинает смеяться.)

Ефимов (сквозь смех.) Да вы – кто такой?

Лузгин (так же, взвизгивая). Человек... Смешно?

(Оба хохочут.)

Ефимов. Ой, чёрт... Чем... чем... вы занимаетесь?

(Наташа на лестнице.)

Лузгин. Ищу наследников к выморочному имуществу...

Ефимов (серьезнее). Чье имущество?

Лузгин (подмигивая). Нельзя сказать. Я скажу, а вы – вот вы – и закричите: я – наследник! И толкнёте меня на ложный путь...

(Наташа сходит с лестницы, вопросительно осматривает Лузгина, он почтительно и низко кланяется ей.)

Ефимов (улыбаясь). Желает часы починить: где отец?

Наташа. Не знаю. (Лузгину.) О каком это наследстве говорите вы?

Лузгин (ласково). Интересно? Бо-ольшое наследство! Владелец – помер, а наследники – неизвестны! Второй год ищу.

Наташа. И что же? Они здесь, в нашем городе?

Лузгин. Как будто... как если бы...

Наташа. Вдруг это – я, а?

Лузгин (кланяясь). Был бы рад... был бы очень рад!..

Наташа. Так что же? Сделайте меня наследницей, а? Вы садитесь... Сделайте – ведь вам всё равно, да?

Лузгин. Решительно всё равно! (Садится, посмеиваясь.)

Ефимов (смеясь). Чёрт знает, что! Чудак вы...

(Клавдия входит из кухни, торопливо накрывает стол, посматривая на Лузгина. Яковлев – тоже из кухни.)

Ефимов. Что ж вы уходите, не запирая магазин?

Яковлев. А какой дурак зайдёт в него?

Лузгин (вставая). Вот я зашёл.

Яковлев (смущён). Извините... Живём в таком глухом углу. Вы?..

Лузгин. Я бы часы починить хотел...

Яковлев. Можно. Пожалуйте в магазин.

Наташа. А потом – расскажите мне о наследстве – хорошо? Большое наследство, да?

Лузгин. Невыносимо большое! (Идёт за Яковлевым, вглядываясь, подмигивая Наташе. Она, Ефимов и Клавдия смотрят вслед ему.)

Клавдия. Что это такое? Какое наследство?

Наташа. Странно... Зови крёстного обедать.

Ефимов (озабоченно). Наследники могут быть... если действительно существует имущество...

Клавдия (взбегая, по лестнице). Неприятный какой...

(Полина из кухни, затем с верха спускается Кемской, за ним Клавдия и Глинкин.)

Наташа. Чувствую, что наследница – это я. Можете поздравлять...

Ефимов. Гм... Ведь и я... человек... (Вспомнил Лузгина, смеётся.)

Лузгин (выбегает из магазина, схватив Ефимова под руку, тащит его к авансцене). А не заходил к вам такой... похожий на меня? Нет?

Ефимов (усмехаясь). Нет.

Лузгин. Нет?

Занавес

Сцена вторая

Вечер. В комнате скучно прибрано: она приняла нежилой, неуютный вид. Из открытой двери магазина слышно торопливое разнозвучное тиканье часов. Шум, – запирают дверь с улицы. Выходят из магазина – Стогов, с папиросой в зубах, Яковлев, в

Яковлев. Никого. Никого нет. Жена с племянницей в церковь пошли, дочь с крёстным – гулять. (Стогов бесшумно ходит, молчит. Яковлев – вопросительно, тревожно.) Так – как же, а?

Стогов (небрежно). Решайте.

Яковлев. Опасное дело...

Стогов (так же). Опасное.

Яковлев. А работа – отличная!

Стогов. Отличная работа.

Яковлев. Дайте ещё раз взгляну.

(Стогов, не останавливаясь, бросил на стол золотую монету.)

Яковлев (разглядывает монету в лупу, руки трясутся). Вот оно – жёлтенькое... Имя ему – зо-ло-то. Три удара – слово. Добро и зло в нём... и счастье... а? Всё зависит от того, как взять. Ведь если подумать...

Стогов. Жизнь – коротка, думать не стоит.

Яковлев (мечтает). Кума моего, кемского, я бы – в шею... Зятя наречённого, навязанного им, – в шею...

Стогов (усмехаясь). Дочь обеспечите.

Яковлев. С деньгами много добра можно сделать.

Стогов. Граммофон купить можно. Автомобиль... (Позёвывает.)

Яковлев. Я бы дрозда певчего купил, тут один парикмахер дрозда продаёт. (Вздыхнул.) Замечательный дрозд – два года люблюсь им. Сказочная птица! (Положил монету на стол.) Да... но людей обманывать – грех.

Стогов (равнодушно). Дело – ваше. Я предложил, а уговаривать не стану.

Яковлев. Грех...

Стогов. Все люди грешат, только вы хотите быть праведником. Скучно будет вам, одиноко будет.

Яковлев (снова взял монету, взвешивает её на ладони. Пристально смотрит на Стогова). Н-да... Шутите вы... Непонятно вы шутите. И как это вы сразу начали говорить со мной о таком деле?

Стогов (остановился, спокойно). Да ведь когда-нибудь, с кем-нибудь надо же было мне начать этот разговор. Вот, я вижу – человек вы бедный, живётся вам трудно, – ну, и начал...

Яковлев. И – не боитесь?

Стогов. Чего же?

Яковлев (тихо). А вдруг я полиции объявлю?

Стогов. Вы? Зачем же?

Яковлев. Фабрикантов этого товара здесь давно ищут.

Стогов. Да? (Подшёл вплоть к Яковлеву.) Что же вы скажете полиции? Свидетелей беседе нашей – нет. А золото, может быть, настоящее.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Яковлев (подскакивая на стуле). То есть... как? Как же это – настоящее? Позвольте –
зачем же тогда?... Удивляюсь я...

Стогов. Удивляться – занятие пустое...

Яковлев. Но если монета настоящая, тогда, значит...

Стогов. Что же тогда?

Яковлев (сел). Вы – вроде дьявола!

Стогов (вздыхнув, усмехаясь). Э, нет, куда мне.

Яковлев. А... а вы – не агент полиции?

Стогов (отходя от него). С вами говорить бесполезно. (Идёт к двери в кухню.)

Яковлев (тревожно). Подождите, постойте... О, господи!.. Послушайте, – ведь мне
хочется правду знать! Как же дело делать, не зная правды? Правда – нужна?

(Стогов смотрит на него вопросительно, молчит.)

Яковлев (жалобно). И... и потом: ведь если б господь не допускал греха, так люди
не грешили бы? Не грешили бы, а?

Стогов (грубовато). Этого я не знаю. А знаю вот что: вы Кирова помните?

Яковлев (испуган). Я? Позвольте! Какого? Кто это?

Стогов. Лицо известное. Музей в Нижнем Новгороде обворовал, старинные монеты –
помните? Он у Бобовой на квартире жил, – забыли? А Бобова краденое принимает,
это вы должны знать, вы же сами подделываете для неё старинные вещи.

Яковлев (растерялся, испуган, усмехается, потирает руки). О-о... да, вот как?
Значит, вы действительно?... Ага! Зачем же эта игра со мной? Вы бы прямо сказали...
если Киров – приятель вам? Приятель. Или вы?... Вы агент? Зачем игра эта?

Стогов (закуривая новую папиросу). Надо испытать человека... Дело серьёзное.

Яковлев. Ну, что ж? Значит я – в руках у вас?

Стогов. И любопытно видеть, как человек, прижатый в угол, извивается,
изгибается...

Яковлев. Я согрешил один раз...

Стогов. Мне всё равно – один или одиннадцать. (Он сел к столу и, незаметно для
себя, засунул локтем, монету под кружок из клеёнки, на котором стоит лампа.)

Яковлев. Я на грех шёл для других, для дочери... На худое ради хорошего... Господь
тоже добр... Он меня не накажет.

Стогов. За что же наказывать вас, если вы грешите ради других?

Яковлев. Шутите вы!

Стогов. Нет. Я шутить не умею. (Идёт к двери в кухню.)

Яковлев (за ним). Позвольте... как же мы решили? Кто же вы будете? Ведь нельзя же
так... поговорили – а конца нет...

(Ушли. С лестницы идёт Глинкин, – в руках бумаги. Подошёл к столу, бросил
бумаги, вынул папиросу. Бормочет: «Хамство... Хамы». Не глядя, ищет на столе
спичек, нащупал монету, взял её, делает такой жест, как бы вставил монокль в
глаз, развалился на стуле, вытянув ноги, осматривает монету. «Странно... Гм... Очень
странно...» Прячет монету в карман. Снова вынул, улыбаясь разглядывает.
«Замечательно». Из двери в кухню – Лузгин и Ефимов. Глинкин, как бы поправляя
папиросу, торопливо сунул монету в рот.)

Лузгин (как бы поддразнивая). А дети-то, дети – тоже Ефимовы будут, – Ефимовы...

Ефимов (решительно). Детей – не надо!

Лузгин. У-у-у – не надо?

Ефимов. Если все мои предки ничем в жизни не отличились, не могли себя поставить заметно и меня сделали, так сказать, невидимым, то я, человек рассуждающий, протестую против своей пустой природы и, не желая распространять её далее, обязан не родить детей.

Глинкин. Вы точно прошение читаете!

Лузгин. Так – так – так... Не родить?

Глинкин. Да, незначительные люди – лишние.

Ефимов. И вообще человек – вещь ненужная!

Лузгин (серьёзно). А кому же наследство? А? Наследство-то кому?

Ефимов (озабоченно смотрит на него). Не верится в наследство. Что же – наследники – находятся?

Лузгин. Ищу. День и ночь всё ищу, всё думаю.

Глинкин. Не забудьте, что мои предки были англичане, Гленквэн. Возможно, что один из них переселился в Америку и там...

Ефимов (искоса взглянул на Глинкина). Врёте вы! Англичане – французы – не верю...

Глинкин. Не смеете не верить! (Лузгину.) Наследство – в деньгах или в земле?

Лузгин. В земле, в земле! И – в деньгах, да, да! И в деньгах. Шш! Молчок! Наследство – вот! (Смеётся, сделав руками широкий круг.)

Ефимов. Неубедительно.

Глинкин. Сыграем в преферанс?

Ефимов. Четвёртого нет.

Глинкин. С болваном.

Ефимов. Кемской прогонит.

Глинкин. В кухне.

Ефимов. Это можно.

(Пока они говорят, Лузгин, осматривая комнату, увидел в зеркале своё отражение. Это испугало его, он отскочил, прижав портфель свой ко груди. Но, всмотревшись в отражение, тихонько засмеялся, погрозил ему пальцем.)

Глинкин (Лузгину). В преферанс – хотите?

Лузгин. Я? Хочу.

Глинкин. Только четвёртого нет.

Лузгин (показывая в зеркало). А – вот! Вот он!

Глинкин. Ну, это неостроумно.

Лузгин (Глинкину). Вы – честный?

Глинкин (гордо). Что за вопрос!

Лузгин (тише). Тут не был эдакий... похожий на меня, а?

Глинкин. Не видал. Да разве есть такой?

Лузгин (подмигивая). Есть – один...

Глинкин (усмехаясь). Трудно быть похожим на вас!

Лузгин. Очень! Очень трудно! Но он – умеет! Он – может!

Ефимов. Кто?

Лузгин. Есть такой.

Ефимов (серьёзно смотрит в зеркало, потом на Лузгина). Продолжая разговор, скажу: каждая икринка хочет быть рыбой...

Лузгин (внимательно). Икринка – рыбой? Верно!

Ефимов. И даже не просто рыбой, а – щукой.

Лузгин (восторженно). Верно! От этого и всё такое... (Разбалтывает руками воздух.)

Глинкин (пренебрежительно). Это – чепуха, и всем известно.

Лузгин (толкнув его локтем). Чепуха? А зачем необыкновенный галстучек носите? А? Галстучек-то – зачем?

(Отошёл к окну. Дуня и Клавдия вбегают. Клавдия, увидав мужа, сделала гримасу, шепчет на ухо подруге. Ефимов, надув щёки, смотрит на жену. Лузгин, оглядываясь, идёт в кухню. Глинкин – за ним, но остановился.)

Дуня. Здравствуйте, господа! Вп'очем, я всех видела, кроме искателя наследников. Нашли?

(Лузгин тихонько смеётся.)

Ефимов (жене). Весело было в церкви?

Глинкин. Сколько тысяч метров показывали?

Клавдия. Ну да, была в кинематографе! Ну, что ещё скажешь?

Ефимов. Ты ко всеобщей пошла...

Дуня. А я её утащила с собой...

(Лузгин озабоченно разглядывает всех, считает на пальцах.)

Глинкин. Ну, идёте играть! Дуняша – в преферанс хотите?

Дуня. Очень. Мне в картах – везёт.

(Все идут в кухню. Клавдия, взяв с буфета самовар, – за ними. Из кухни идёт Полина.)

Клавдия. Откуда? Всенощная давно кончилась.

Полина. Гуляла.

Клавдия. Ты? Это новость!

Полина. Муж дома?

Клавдия. Во флигеле у постояльца.

(Ушла. Полина, медленно перейдя комнату, остановилась у окна около буфета. Её не

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru видно с лестницы. Клавдия вошла, вынимает из буфета чайную посуду.)

Полина. Ты сердита?

Клавдия. Муж... Уксус проклятый. Ох, как вы все надоели мне! Ходят, как ограбленные... На тебя тошно смотреть.

Полина. Мне, Клава, плохо, тяжело мне, грустно...

Клавдия. Всем не весело, а – веселятся!

Полина. Ты думаешь, не улыбнулась бы я? Если б было чему!

Клавдия. Кому, а – не чему.

Полина. Ах, как улыбнулась бы! всей душой... Господи!

Клавдия (передразнивает). Господи! Ну, и улыбнись какому-нибудь весёлому мужчине.

Полина. Кроме этого – ничего нет для нас?

Клавдия. Кроме – чего? Конечно – нет ничего, кроме мужчины.

Полина. В прятки играть, дрожать от страха?

Клавдия (гневно). И – поджоги! В прятки! Скажите, какая праведная! У меня, матушка, муж двуглазый, да – играю, а тебе – с кривым...

(Наташа и Кемской идут по лестнице, они не видят Полину за буфетом.)

Кемской. Чай – скоро?

Клавдия. Сейчас будет.

Кемской. Почему не в саду?

Клавдия. Можно и в саду. (Ушла в кухню. Оттуда возгласы: «Черви», «Пики», «Две черви», «Трефы».)

Кемской (морщится). Трактир. Не хватает только балалайки и канарейки. Это ужасно. Вообще – ужасно! Мачеха твоя – ни ума, ни души – ничего! Раньше таких женщин не было. Например – твоя мать, – о!.. Ты очень похожа на неё.

Наташа. Да, маркиз, вы говорили мне это пятьсот шестнадцать раз – и я знаю, что моя мать была женщиной, очень похожей на меня. О других её достоинствах вы, маркиз, ничего не говорите...

Кемской. Она была тоже остроумна.

Наташа. Понимаю: ещё раз похожа на меня. А вот зачем вы хотите выдать меня замуж за Глинкина – не понимаю!

Кемской (недовольно). Я же объяснил: будешь дворянкой.

Наташа. Это очень украсит меня? Я всё ещё не нахожу вкуса в дворянстве. Это – всё?

Кемской. Ну, знаешь... надо выходить замуж!.. (Раздражается.) Здесь пахнет этим... швейными машинами, постояльцами, глупостью...

Наташа. Шш... Не буяньте. Идите в сад, кормить комаров. Идите, я вам плед принесу. (Бежит вверх. Кемской идёт в кухню. Полина, стоя у окна, ощипывает с цветка увядшие листья. Наташа сбегает с лестницы, неся плед. Заметила Полину, обняла.)

Наташа. Ты меня любишь?

Полина (прижимаясь к ней). Да. Очень.

Наташа. Почему?

Полина. Об этом не спрашивают.

Наташа. Я обо всём спрашиваю. Ты меня любишь потому, что здесь больше некого любить, – пока. И за то, что ты любишь меня пока, до завтра, мне хочется обидеть тебя.

Полина (гладит её голову). Что с тобой?

Наташа. Ты... плохо действуешь на меня! Ты заставляешь думать о тебе, а я и о себе думать не умею. Тебе никто не нравится, это потому, что ты сама себе не нравишься. Эх ты... (Отошла, остановилась.) Впрочем, я себе тоже не нравлюсь. Я сегодня печальна, как гитара... мне плакать хочется. Не всегда весело жить шутя, – вот до чего меня довели, до каких мыслей. Веселюсь, веселюсь, а может быть, я, как все, тоже невеселая? А?

Полина. Трудно ты говоришь, – не понимаю...

Наташа (другим тоном). Тебе нравится этот... Стогов?

Полина (резко). Нет.

(Клавдия входит, взяла посуду, ушла, сердито взглянув на Полину.)

Наташа (удивилась, подозрительно). Что это, как ты?..

Полина (тише). Нет.

Наташа (пытливо заглядывая в лицо её). Меня он интригует. Он похож на американского актера... в нём есть что-то, эдакое! (Щёлкает пальцами.) Я хочу пофлиртовать с ним. (Обняла Полину.) Так – не нравится?

Полина (тревожно). Нет, Ната, – право, нет! И не надо флиртовать, не надо, чтоб он тебе нравился!

Наташа. Почему?

Полина (горячее). Не надо – поверь!

Наташа. Почему так загадочно? Поля, у меня два глаза. (Показывает пальцами.) Два! И оба видят, что этот не милостивый государь – твой старый знакомый. Так, да?

Полина (испугалась). Нет! Ты ошибаешься. Нет!

Наташа. А ты – врешь! (Тихо, пытливо.) Это – он? Да? Тот, твой первый?

Полина (отступая от неё). Не надо спрашивать – не теперь...

(Лузгин вошёл из кухни, беззвучно смеётся, разглядывая золотую монету.)

Наташа. Почему не теперь?

Полина. Шш...

Наташа (заметив Лузгина). Отнеси плед крёстному – он в саду. (Лузгину.) Вы что же, прячетесь от меня, а? Заинтриговали каким-то наследством и – прячетесь...

Лузгин (играя монетой перед её глазами, посмеивается, затем лицо его странно изменяется, он отступает и поёт визгливо из «Демона»). «И будешь ты царицей мир-ра-а...»

Наташа (смеясь). Это – смешно, однако этим не проживёшь! Нет, вы мне скажите: наследница я или нет? (Ефимов мрачно смотрит на них из двери кухни.)

Лузгин. Вы – ангел!

Наташа. Двадцати трёх лет. Ну-с?

Лузгин. Вы – замечательная! И похожи...

Наташа. Нет, не похожа. Довольно! Ни на кого не похожа!

Лузгин (поёт). «И будешь ты царицей...»

Ефимов. Позвольте! А где доказательства?

Наташа. Какие?

Ефимов. Может быть, наследник – это я?

Наташа (взяв Лузгина под руку). Идёмте в сад, там вы мне расскажете о наследстве...

(Лузгин идёт, подпрыгивая, обернулся, подмигнул Ефимову, тот смотрит вслед им, стоя неподвижно.)

Глинкин (входит навстречу Наташе. Неодобрительно осмотрел её. Ефимову). Обыграл меня этот клоун! Чёрт знает что... (Ходит.)

Ефимов (присел к столу). Н-да. И меня обыграл. Генрику Ибсену при жизни его памятник поставили. А что такое – Ибсен? Написал драму «Нора» и этим всех женщин с ума свёл, от мужей стали бегать.

Глинкин (остановясь у стола, поднимает лампу, смотрит). Вы истории человечества не знаете: жёны всегда от мужей бегали.

Яковлев (входит, потирая руки, за ним, тенью, Полина). Что ж вы чай пить не идёте? Там этот Лузгин с Кемским... смешно слушать... оба сумасшедшие. (Вынул часы, смотрит. Глинкин и Ефимов уходят, переглядываясь. Яковлев, ухмыляясь, мурлыкая, шарит рукой по столу, ворчит.) Соврал. (Грозит кулаком по направлению к окну.) Погоди, я тебя...

Полина (подходит). Мне с тобой поговорить надо...

Яковлев (вздвигнув). Что ты за мной ходишь, как собака?

Полина. Мне нужно поговорить.

Яковлев (снова глядя на часы). Три минуты.

Полина (горько). Больше нельзя?

Яковлев (смотрит на неё, хмурясь). Некогда мне. Ухожу. (Сел. Она стоит.)

Полина. Ты мне муж.

Яковлев. Ну?

Полина. Ты отвечаешь за меня...

Яковлев (обеспокоен). Что такое? Перед кем?

Полина. Перед богом, перед людьми.

Яковлев (спокойнее). Перед богом – это да... А люди... а – полиция... (Снова встревожен). Ты что сделала? С Бобовой что-нибудь? Я же тебе, дура, говорил: вещей у неё не покупай!

Полина (вздвигнув). Ничего не сделала я. Но... человек этот... во флигеле...

Яковлев (привстал, ударил ладонью по столу). Молчать! Ты и подходить к нему не смей, – слышала? Вы обе, ты и Наташка, в два голоса... Это – человек нужный мне. Ты его – не видишь! Нет его для тебя – поняла? Слова сказать с ним не смей! Нет

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
его! (Встаёт, схватил жену за плечи, трясёт.) Понимаешь?

Полина (легко оттолкнув его). Слушай, я тебе в ноги поклонюсь – помоги! Я – пряталась, я жила сама себя не видя... как в тюрьме жила в темноте души моей! Я – боюсь. Я – не могу... не могу видеть его!

Яковлев (изумлён её возбуждением). Стой... подожди! Что такое? Ах, чёрт тебя возьми! Влюбилась, проклятая? Сразу, в десять дней?

Полина (очень сильно). Не влюбилась я. Не хочу ничего. Только скажи ему – ушёл бы он. Не мутит бы души моей! Я – убить могу...

Яковлев (испуган). Кого? Меня?

Полина. Себя. Его. Пойми же: он – первое горе моё...

Яковлев. Первое... что? Ага-а? (Между ним и женой – стол. Яковлев наклонился, упираясь руками в край стола. Руки дрожат, слышно, как звенит стекло абажура.) Он был... это он – любовник твой? Ах ты... Вот как? Вот почему он... (Растерялся, не находит, что сказать. Ревность старика борется в нём с жадностью к деньгам. Нашёл.) Ты – ненавидеть его должна, не-на-ви-деть, поняла? Не прикасайся к нему и – ненавидь! Ведь он тебя обманул, да? Говори!

Полина. Я – ненавижу... но – боюсь...

Яковлев. Стой! Он – кто? Сыщик, да? Вор?

Полина. Я – не знаю. Он был кассиром на вокзале.

Яковлев (успокаиваясь). Значит – вор! Ловили? Судили?

Полина. Я не знаю, не знаю!

Яковлев. Конечно – вор! Да... вот как?

Полина. Ты – один у меня, – помоги!

Яковлев. Он к тебе не пойдёт, коли ты его не поманишь! Ах ты, дьявол тихий... обмануть хочешь меня. Дескать, – я говорила, предупреждала, да? Ну, нет, со мной в эту игру не сыграешь, нет! (Яростно.) Ты помнишь – кто ты? Помнишь, откуда я тебя взял? Я тебя со скамьи подсудимых взял, собака!

Полина (почти с ужасом). Что ты? Ты – защитить меня должен! Тебе бог дал меня...

Яковлев. Не тронь бога, свинья! Бог – не дурак, это я дурак – я!

Полина. Что ты делаешь? Я тебе душу хотела открыть, а ты меня в могилу гонишь...

Яковлев. Плюю в душу тебе!

Наташа (входит). Портсигар крёстный не оставил тут? (Ей не отвечают.) Сегодня ты, отец, ругаешь её молча? (Идёт на лестницу. Полина тоже делает шаг в сторону.)

Яковлев. Стой! Куда?

Полина. Я не могу.

Яковлев. Не криви морду! Смотри, чтобы никто ничего не замечал! (Не знает, что сказать.) Ближе большой беды ходишь... Поняла? (Замахнулся на неё.)

Полина (отступив). Прости тебя бог, а я – не сумею... не смогу!

Яковлев (шипит, грозя кулаком). Молчи!

Наташа (идёт с лестницы, играя портсигаром). Шептать начали?

Яковлев. Ты иди, иди!

Наташа. «Вздрогнув от ужаса, девушка исчезла, как тень».

Яковлев (выхватив часы, смотрит на них, говоря угрюмо и зло). Ты меня не перехитришь, ты свой грех на меня не сложишь! Сама носи его, сама! У тебя должна быть своя совесть, свой разум...

Полина. Совесть у меня есть. Разума – нет.

Яковлев. Я ещё поговорю с тобой!

Полина (тихо). Не надо.

Яковлев. Я – знаю, что надо и как надо! (Уходит.)

Полина (идёт к окну, слепо, шаркая ногами, качаясь. Подошла – отскочила). Ох...

Стогов (в окне). Испугал? (Влезает в комнату.)

Полина (отступая от него). Сторговался? Купил меня?

Стогов. Не говоря о том, что муж твой – мерзавец, он ещё и дурак. (Отдувается, нахмурился.) Орёт, шипит, а я – под окном. И тут же этот Лузгин кружится, Ефимов послушать хочет. Почему это к вам присосался Лузгин?

Полина (негромко). Ненавижу я тебя, ненавижу!

Стогов. На здоровье. Рад буду, если от этого тебе легче будет. Полина, хочешь, я мужа твоего в тюрьму спрячу?

(Полина молчит, неподвижно глядя на него.)

Стогов (сел на стул, боком к окну). Предупреждаю: если не я, так другой засадит его. Лузгин, например. Он, кажется, сыщик.

Полина. А ты кто?

(Стогов пожал плечами, закуривает.)

Полина. А ведь ты был хороший человек! Был?

Стогов. Едва ли... Вернее – не был.

Полина. Был! Я – знаю.

Стогов. Тебе, конечно, приятнее думать, что ты любила хорошего человека.

Полина (с робкой надеждой). В тебе ещё и теперь что-то есть.

Стогов. Ничего нет.

Полина. Зачем ты говоришь так? Зачем?

Стогов. Не затем, чтобы покаяться пред тобою. Это – не нужно, ни тебе, ни мне.

Полина. Что тебе нужно? Что? Зачем ты пришёл?

Стогов. По глупости. Ну, слушай, дело вот в чём: я думал, что ты с Яковлевым живёшь хорошо, дружно. Но вот смотрю я на вас вторую неделю и вижу, что ошибся. Мне тебя жалко.

Полина. Не верю.

Стогов. Это – дело твоё, не верь. Но ты можешь снова попасть в тюрьму. Ты знаешь, что Яковлев с ворами в дружбе, краденое скупает? Он и Бобова.

(Полина села, молчит, опустив голову.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Стогов. Замуж он тебя взял не потому, что пожалел, а потому, что надеялся встретить в тебе удобного ему человека. Поняла?

Полина. Ты сказал, что у тебя совесть есть. Помнишь? Вот здесь ты сказал это.

Стогов. Ошибся. (Встал, ходит.)

Полина. Взгляни на меня...

Стогов (не глядя). Так – как же: хочешь, чтоб я посадил мужа в тюрьму?

Полина (усмехаясь). А я – с тобой, да? Этого не будет!

Стогов. Я и не жду этого.

(Пауза.)

Полина (следит за ним, спрашивает тихо). Не ждёшь? Почему? Что ж тебе нужно?

Стогов (присев на ступени лестницы). Да вот... не хочу, чтоб ты снова в тюрьму попала.

Полина (тихо). Всё это – ложь! Всё, всё – неправда, фальшь. Я спрашиваю: что тебе нужно, что?

Стогов. Тише...

Наташа (ведёт Кемского, окутанного пледом). Вы капризничаете, маркиз.

Кемской. Нет, это невозможно! Всегда кто-то есть! Суются под ноги. Этот Ефимов! Какой-то Лузгин... полоумный враль. Кто это на лестнице? Вы, квартирант? На лестницах только кошки сидят...

Наташа (Стогову). Не уходите. Я сейчас приду. Мне вас нужно.

Стогов. Слушаю.

Полина. Я ничего, никого не боюсь. Мне – всё равно. (Пауза.) Слышишь?

Стогов. Слышу.

Ефимов (входит). Почему темно?

Стогов. Должно быть, потому, что огня нет.

Ефимов. Зажечь надо!

Полина. Не надо.

Ефимов (сел у окна, освещён луною). Идиот этот, Иванов, ухаживает за Дуней Поповой. В саду сидят. Он ей патоку за шиворот заливает. Говорит: «Трудно быть красивым мужчиной». Каково? Идиот. (Ему не отвечают.) А может быть, он за Дуней ухаживает для отвода глаз... чьих-нибудь? А? Полина Петровна – для отвода глаз?

Полина (тихо). Да. Может быть. Наверное.

Ефимов (вздыхая). Глинкин Лузгину золотой проиграл. Откуда у него золотой?

Стогов. Пять рублей?

Ефимов. Пять. А что?

Стогов. Пять рублей – не много...

Ефимов. Положим... А всё-таки – откуда? Лузгин – рад.

Наташа (сбегая по лестнице). Агафья, уйди, ты мне мешаешь!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ефимов. Что-о такое? Что за грубость?

Наташа. Пожалуйста – уйди. А то я... (Зажигает лампу.)

Ефимов. Чёрт знает что... (Уходит.)

(Наташа закрывает за ним дверь в кухню, затем окно, затворила дверь в магазин, оглядывается. Стогов следит за нею с усмешкой, с любопытством. Полина встала, хочет уйти.)

Наташа. Нет, мачеха, останься. Сиди. Сядьте и вы, Ипполит... Как? Не помню.

Стогов (стоит). И не надо помнить.

Наташа. Загадочно сказано. Вы, вообще, загадочный человек, а я этого терпеть не могу. И мне нужно знать – кто вы такой?

Стогов (усмехаясь). Замечательно; кроме меня самого – это все хотят знать. Ну, зачем вам? Вам-то зачем?

Наташа. Нет, бросьте эти штучки! Кто вы? Чем занимаетесь?

Стогов. Представьте, что – сыщик, агент полиции.

Полина. Не верь!

Наташа. Не верю. Вы, сударь, лжёте!

Стогов. Разве?

Наташа. Да. Вы занимаетесь сбытом фальшивых денег. Золотых. Так? И вы хотите погубить... отца и всех нас. Да?

Полина. неправда. Нет, Наташа, это неправда! Нет же!

Наташа (резко). Это он – из-за тебя, мачеха? Ведь он – тот, твой? Говори!

Полина. Да. Это – он! Но – он не из-за меня, нет! Я – ничего не понимаю... Не хочу ничего слышать, видеть... я уйду...

Наташа (строго). Нельзя. Сиди.

Стогов. Пусть уйдёт, это лучше.

Наташа. Почему?

Стогов. Увидите. Иди, Полина.

(Полина медленно уходит к себе в комнату. Оба молча смотрят вслед ей, потом – друг на друга.)

Наташа. Почему вы её удалили?

Стогов. Достаточно с неё.

Наташа. Чего достаточно?

Стогов (не ответив, вынул кошелек из кармана, достал пять золотых монет, положил на стол). Вот, смотрите: четыре настоящих, одна фальшивая. Найдите – которая?

Наташа. Не хочу.

Стогов. А вы попробуйте!

Наташа. Все – фальшивые.

Стогов. Совершенно серьёзно говорю – одна!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Наташа (подозрительно разглядывая его). Не понимаю, зачем всё это нужно. Я спросила вас... Вы ещё не ответили. (Рассматривает монеты, хмурится, взвешивая их на ладони. Её боевое настроение постепенно падает, уступая место волнующему любопытству. Она несколько досадует на себя, чувствуя, что уже потеряла взятый ею тон.)

Стогов (потирая лоб). Не найдёте. Я сам сразу не могу найти. Это очень искусная работа. Делают здесь в городе или около.

Наташа (бросила монеты на стол). Все фальшивые или все настоящие. Я не знаю.

Стогов. Вот видите. Иногда думаешь, что настоящих – вовсе нет. То есть – фальшивых нет. Но – эта признана фальшивой. Чтоб отличить её, я поставил знак иглой. Вот...

Наташа (взяв монету). Ну, и что же? К чему всё это?

Стогов. Их было две – таких. Одну я потерял. Она оказалась в руках вашего жениха, а он – проиграл её Лузгину. Это Лузгин сказал вам, что я – фальшивомонетчик? Да?

Наташа (вздыхнув). У вас – лицо честного человека.

Стогов. Ошибочное впечатление. Ложное.

Наташа. Или вы – хороший актёр.

Стогов. Не торопитесь понимать. Если актёр – то плохой. Я сказал вам правду – я сыщик. Ловлю фальшивомонетчиков на фальшивую монету. Могу, разумеется, сделать много неприятностей и невинному человеку. Если захочу. Могу жадного спровоцировать. Вашего... Яковлева легко погубить, он – жаден и глуп. Вы, конечно, знаете, что не он – отец ваш, а – кемской? Об этом все говорят. Так?

Наташа (кивнув головой). Но всё-таки, к чему вы говорите это мне?

Стогов. Вы – умная.

Наташа (смотрит на него с любопытством и страхом, как на воплощённую тень злодея с экрана кинематографа). Ну, хорошо, умная... и что же?

Стогов. Вот, попробуйте-ка, помогите мне... Я несколько... запутался. Яковлев – вполне достоин того, что он заслужил. Но – Полина? Да и вы. Будет скандал. Лузгин, кажется, тоже сыщик... если он не сумасшедший. Сыщик или вор. Это всегда близко одно к другому.

Наташа (тихо). Всегда? Нет!..

Стогов. Не торопитесь жалеть.

Наташа. Его поиски наследников...

Стогов. Средство войти в дом, в душу.

Наташа. Вы ошибаетесь, я думаю! Вы не ошибаетесь?

Стогов. Едва ли. Я достаточно ошибался.

Наташа (возмутилась, стучит кулаком по столу). Я не понимаю... Вы... всё это неестественно! Всё, что вы говорите, кажется неправдой...

Стогов. Верный признак, что я говорю правду. (Указывает на монеты.) Не нашли фальшивую-то. С людьми – так же: настоящего человека отличить от фальшивых можно, только поставив на него свой знак. Но это – портит его.

Наташа. Вы – о Полине? Что вы хотите делать с нею?

Стогов. Ничего. Хотел, но не хочу. (Пауза. Подумал.) Конечно, я не хочу, чтобы она попала в грязную историю с ворами. Тут, видите ли, случилось так... Я людей не

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru люблю, они мне сделали много зла. Встретил я её и... не знаю, так ли это, но вспыхнуло нечто. Может быть, только желание поглумиться, поозорничать. Она – тяжёлый человек. А может быть, совесть. Жалость. Или, как у вас к наследству Лузгина, – любопытство.

Наташа (волнуясь). Всё – не так! Не то говорите вы! Я – не маленькая, я вижу. Вы – вовсе не плохой человек.

Стогов. Повторяю – не торопитесь.

Наташа (встала). Но что же мы будем делать?

Зтогов. Мы? Вы – и я? (Усмехается.)

Наташа. Ну да! Что?

Стогов. За себя скажу – не понимаю, что можно сделать для Полины. Спрятать бы её в какое-то спокойное место на время. Но где такое место? Да и – вообще... (Махнул рукой.) Вот, я оставлю здесь одну монету. Ваш жених придёт?

Наташа. Да. Должен принести бумаги. А что?

Стогов. Хотите знать, что будет с золотым? Следите за ним. А я – ухожу.

Наташа (возмущённо). Куда? Мы ведь ничего ещё не решили! И зачем вам Глинкин? Не понимаю...

Стогов (резко). Больше я не могу говорить... с вами.

Наташа. Почему?

Стогов (уходит). Не могу... не умею...

Наташа. Боже мой... Зачем всё это? Я думала – вы из тех, которые тайно учат... чему-нибудь... что-то знают настоящее...

Стогов. Нет, я не из тех. Я – ничего не знаю. И ненавижу тех, которые всё знают, всё осудили. (Ушёл.)

Наташа. Какая же это жизнь? Какая жизнь?

Занавес

Сцена третья

Через час. Из угла, из своей комнаты, вышла Полина, погасила на столе огонь лампы, комната освещается луною через окно, верхняя часть лестницы – светом из открытой двери Наташиной комнаты. Полина подошла к двери магазина, отступила.

Полина. Кто это? Клавдия – ты?

Наташа (выходит, кутаясь шалью). Это – я.

Полина. Что ты – в темноте?

Наташа. Сижу, смотрю на улицу, там светло, луна. (Положила руки на плечи мачехи, шаль упала на пол.) Слушай, этот... Стогов – кто он всё-таки?

Полина (вздыхнув). Был хороший человек, а теперь – негодяй...

Наташа. Негодяй?

Полина. Сама видишь. Я – не виню его, все – так!

Наташа. Негодяй, потому что разлюбил тебя?

Полина (не сразу). Почему ты говоришь – разлюбил? Ведь вот он нашёл меня,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru явился...

(Молча смотрят друг на друга. Полина снимает со своих плеч руки Наташи – кажется, что она хочет обнять себя её руками, но затем отталкивает их. Идут рядом к окну, не глядя друг на друга.)

Наташа. Завтра – воскресенье...

Полина. Да. А – что?

Наташа. Так. Дни бегут, точно испуганные собаки.

(Стоят у окна.)

Клавдия (осторожно выглянула из двери своей комнаты. Подмышкой – узел, в руке – чемодан. Скрылась. Затем выходит без вещей). Чем любуетесь?

Наташа. Луной.

Клавдия. А я иду к Дуне, ночевать. Она – одна. Тётка её уехала дачу продавать. (Молчание.) Муженьком моим не пахнет? Не видали его?

Наташа. Нет.

Клавдия. Значит – в трактире. Ну, прощайте! Иду. (Ушла в свою комнату.)

Полина. Я тоже уйду, Наташа. Я – спать.

Наташа. Усни. (Нахмурясь, смотрит вслед ей. Идёт к двери магазина, подняла с пола шаль, набросила её на себя, скрылась в магазине.)

Дуня (из двери кухни, осторожно стучит в дверь Клавдии, та – на пороге, шепчутся). Ты мне вещи в окно подай, а я их – через забор.

Клавдия. Он – ждёт?

Дуня. Ну да! Скорее. (Взяла из рук Клавдии узел, ушла. Наташа выглядывает из магазина.)

Кемской (спускается с лестницы, в халате, на голове – шёлковая чёрная шапочка). Наташа! Глинкин! Кто-нибудь есть тут? Никого, когда нужно. Темнота. Экономия. Всегда были люди, но никогда они не были так отвратительны. (Кричит в окно.) Наташа! (Идёт в кухню.)

Бобова (нарядно одетая, из кухни). Не спишь – ходишь? Эх, старость!

Кемской. Никого нет...

Бобова. Ночь всех в сад выманила. Идём, провожу. У меня, батюшка, дельце к тебе. Блудливые языки говорят про меня...

(Ушли. Клавдия вышла из своей двери с вещами, но тотчас бросилась назад. Ефимов и Глинкин с портфелем, выпивший. Ефимов тоже нетрезв.)

Глинкин. Не заметил нас, старый чёрт. Вот – жизнь! За двадцать пять рублей работаю до поздней ночи, а?

Ефимов (мрачно). Все живём плохо. У меня, брат, тоже... кошки в душе. Да. Правильно говорят: любовь – мученье...

Глинкин. Это – когда глупо говорят. Любовь – дело государственное. (Сел к столу. Поднимает кружок под лампой, быстро опустил. Улыбается. Вынул из кармана стекло, вставил в глаз.) Удивительно.

Ефимов. Ничего удивительного нет. Ерунда всё. И – не всякий понимает, что ему надо. Людям надо приказывать: вот чего желайте, а иного – не смейте! Если б я был... (Смотрит на настенные часы.) Где этот чёрт – Лузгин? Хотел придти... (Свистит.)

Ефимов. Теперь моноклей не носят.

Глинкин. Что-с?

Ефимов. Не носят моноклей теперь.

Глинкин. Предоставь мне знать эти вещи, а?

Ефимов. Не носят. И это – не монокль, а стекло от дамских часов, я вижу. Дёшево форсишь.

Глинкин. Ты глуп!

Ефимов (встал). Не очень. Нет, я не очень глуп. (Идёт к себе.) Клавдия!

Глинкин (взял со стола монету. Поцеловал). Милая...

Наташа (подошла к нему сзади). Положи на место.

Глинкин (испугался, вскочил, выхватил стекло из глаза. Смеясь, обнял Наташу за талию). Наталия – и так далее. Это – ты делаешь, да? Это – очень мило. Дай щёчку...

Наташа (оттолкнув его). Положи монету на место.

Глинкин. Но – почему? (Сердится.) Ты всё – капризничаешь, душа моя! Это может надоесть мне.

Наташа. Пошёл прочь!

Глинкин. Позволь – что такое?

Наташа. Пошёл прочь, идиот!

Глинкин (оробел). Но – что ж тут такого? Ты положила – я взял. В чём же дело? Наконец, я не могу допустить, чтобы ты кричала на меня... Моё достоинство... Я скажу Кемскому, что ты невозможна...

Наташа (отходя от него). Ничтожество ты...

Глинкин (идя за нею). Ты забываешь, что я – дворянин, и в наше время, когда мы единственно...

Наташа. Уйди! Я тебя ударю... (Бежит вверх по лестнице.)

Глинкин (растерянно). Послушай... Что ж это? Чего ты хочешь?

(Кемской и Бобова идут.)

Кемской (брезгливо отмахиваясь). Ну, довольно, не надо! Я сказал: заплачу тебе. Не надо это – сплетни и всё...

Бобова. Как – не надо? Надо, милый! И заплатить мне по векселю надо, и знать, что в доме делается, надо тебе. Ты – верь мне. От кого, кроме меня, непорочную ласку увидишь ты? Я тебя знаю, я тебя помню, каков ты сокол был. Двадцать-то годков спустя... Помнишь, как ты со мной на пароходе знакомство свёл. Какова была я...

Кемской (оглядываясь). Ф-фу, какая ты!.. Тут люди везде, а ты...

Бобова. Ну, не буду, не буду... Ну, молчу! А ведь сердечко-то твоё, старенькое, последние дни-ночи доживая, оно ведь не умолкнет, оно не онемееет...

Кемской. Нет, это... чёрт знает что! Это же необходимо кончить... необходимо!

Бобова. То-то вот! Необходимое, брат, не обойдёшь, нет! Бога – не обойдёшь,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
правды – не обойдёшь! Всё, всех людей обойти можно, а правду – обойди-ка? Она – не обходима, да, да, милый! Обойди её, попробуй, и заплутаешься...

Кемской (заметив Глинкина, который зажигает лампу). Ну что? Что стоишь? Стоит и... слушает!

Глинкин (вынимая бумаги из портфеля). Вот, протоколы допроса и ваше заключение по делу Краевых.

Кемской. Ну, что же? Надо подписать! Перо! (Садится к столу. Глинкин даёт ему перо. Подписывая бумаги.) Завтра отнесёшь прокурору. Вероятно, ошибки, ошибки у тебя. Ты, брат, небрежен, да! Найди Наташу...

(Бобова ушла в комнату Ефимовых.)

Глинкин. Она – у себя...

Кемской. Позови.

Глинкин. Я с ней поссорился. Я хочу сказать вам, что она...

Кемской (с досадой). Знаю, знаю! С такими девушками – не ссорятся, если ведут себя умно... Иди... Поссорился... Ты, братец, не глупи...

(Полина в белом платье выходит из своей комнаты, оглядывается.)

Кемской. Это – вы? Куда это вы?

Полина. В гости.

Кемской. Так поздно? Гм... Я нахожу, что ваше... Ваш пример вреден для Наташи. Все эти постояльцы... этот бритый... Бобова говорит, знаете, что он и вы...

Полина. Прощайте.

Яковлев (в двери кухни). Куда?

Полина. К знакомой.

Яковлев (оглядывая её). Какая – знакомая? У тебя нет знакомых.

Полина. Есть. Одна.

Яковлев. Врёшь! И – нарядилась? Ты... (Схватил её за плечи, она его отталкивает.)

Кемской (подошёл). Послушай, Яковлев, это – невозможно. Ты сам виноват, ты стар, она – молода. Ты поселил тут... разных... Наташа тоже молода и неопытна...

Яковлев. Позвольте...

Кемской. Нет, подожди, я говорю, я! Я хотел семейно и тихо всё это... Это – мой дом. Я стар, мне нужен покой. Ты должен считаться с этим, а ты... Тут Наташа...

Яковлев. Наташа – кто?

Кемской. То есть – как это – кто?

Яковлев. Она – дочь моя? Моя дочь?

Кемской. И... и что же?

Яковлев. А – вот это самое! Моя?

(Полина стоит у окна, смотрит на них.)

Кемской. Ты, кажется, выпил?

Яковлев. Выпил? Да! Яду выпил!

Кемской. Послушай, что же это? Ты – добрый человек, и я – добрый. И вот, у нас нехорошо.

Яковлев. Что – нехорошо?

Кемской. Ты не можешь прилично устроить семью. И всем с тобой скучно, тяжело...

Яковлев. А если я вас, барин, к чертям пошлю, к самым отдалённым, а?

Кемской (выпрямился, смотрит грозно, – а беспомощен и жалок). Свинья ты, братец...

(Наташа на лестнице, Глинкин – сзади её, ступеней на пять выше, очень растерянный.)

Яковлев (яростно). Свинья, а вам – братец? Как же это, а? Хэ-хэ! Как же-с?

Кемской (падая на стул). Ты... я не знаю что!..

Наташа (Яковлеву). Вы не смеете так грубо говорить с моим отцом...

Яковлев (отшатнулся). Что? С кем?..

Наташа. Вы знаете, что он – мой отец...

Кемской (вскочил, кричит). Наташа – зачем? О, боже мой! Это я должен был сказать – я! Я ждал момента... Это надо было сказать торжественно. Я готовился ко дню твоего рождения. А не в такую минуту, когда скандал, чужие люди кругом... и – вообще. Нужно шампанское! И подарок тебе...

Яковлев (презрительно). Старый дурак.

Наташа. Не смейте, вы!..

Кемской. Ты слышишь, Ната? Вот что ты сделала!

(Яковлев стоит у буфета и смеётся рыдающим звуком. Полина тихо подвигается к нему. Бобова, Ефимов, Клавдия – смотрят из двери. Глинкин у лестницы, взбивает волосы: у него вид человека, готового совершить подвиг.)

Наташа (глядя голову отца). Как это грустно всё, как нехорошо...

Кемской (с отчаянием). Но ты сама виновата, что нехорошо! Я так обдумал всё... так внушительно... Сказать должен был я! Тогда всё было бы иначе. Был бы праздник.

Наташа. Молчите, отец.

Кемской. Я двадцать лет думал о том, как это будет.

Наташа. Вы слишком долго думали.

Кемской. И вот ты, дочь моя, отняла у меня лучший день жизни! Это – ужасно! Это... совершенно непоправимо...

Наташа. Весь город знает о том, что я – ваша дочь.

Яковлев (орёт). Да! весь! И я знал! знал! Всегда! Ха-ха-ха!

(Неожиданный крик его испугал всех. Молчание, слышен шёпот.)

Бобова (шепчет громко). О, господи... Жалость какая...

Наташа (ей). Ты – иди вон! И чтобы носа твоего не видела я здесь...

Бобова. За что?

Яковлев. Позвольте! я здесь – кто?

Бобова. Ладно. Иду. (Кемскому.) О векселе-то не забудьте, барин. А вы, Наталья, – уж не знаю, как вас величать по батюшке... Вы моих уток ели, да! Это не папаша стрелял, а я покупала, на мои бедные деньги, да-с! Не из лесу утки, а – с базара. (Идёт в кухню.) Прощай, Полина Петровна! Сожрут они тебя, как уток моих сожрали...

Кемской (держа дочь за руку). Какой ужас... Ты не знаешь, как всё это больно мне. Вычеркнут лучший день моей жизни...

Наташа (поднимая его). Идёмте.

Полина (дотрагиваясь до плеча Яковлева). Послушай...

Яковлев (отскочив от неё). Ты! Прочь! Змея! Кто ты мне? Все – прочь! Теперь – я сам...

Полина (кланяясь). Прощайте, добрые, люди... хорошие люди... (Идёт.)

Яковлев. Куда?

(Полина остановилась, смотрит на него.)

Яковлев. К любовнику? Уйди... Ползи, змея!

(Полина идёт, остановилась у окна. Все ушли. Глинкин – в комнату Ефимовых. Полина идёт назад, тихо и как-то неумело смеётся.)

Яковлев (изумлён, отступает за стол). Это – что ещё?

Полина (горестно, с иронией). Спаситель мой... Ведь ты – мой спаситель, да?

Яковлев (смотрит на неё опасно, бормочет). Ну? А – что же?

Полина. Ты спас меня от гибели?

Яковлев. И – спас! Куда бы ты без меня? На улицу? В проститутки?

Полина. Да, конечно! А ты, добрый, пожалел меня, взял к себе, всё забыл, всё простил мне и меня заставил забыть всё, любил меня, нежил...

Яковлев (не понимает её, готов растрогаться). Да, я к тебе – всей душой, а ты...

Полина (очень спокойно). Будь ты проклят, гадина! – вот моё прощальное слово! Будь проклят! (Идёт.)

Яковлев (поражённо смотрит вслед ей, задыхаясь от злобы, от испуга, подошёл к буфету, налил из графина рюмку водки, выпил, налил ещё, тоже выпил. Закрыв глаза, откручивает пуговицу пиджака. Сел. Бормочет). Мне никого не надо... Освободил меня господь от вас, дьяволы. (Морщится. Снимает с глаз слёзы пальцем, рассматривает их, отирает палец о колено.) Никого у меня нет. И не признаёт меня господь за своего человека... не признаёт! (Поднёс палец к огню лампы, рассматривает слезу на конце пальца. Вытер слезу о волосы. Встал, подошёл к окну, кричит.) Палашка! Пелагея! Полина!.. (Высунулся в окно, опрокинул горшок с цветком, напутствует его.) К чёрту! Всё – к чёрту! (Подошёл к шкафу. Пьёт водку. Идёт к себе в угол. Клавдия из своей комнаты, за нею Глинкин. Клавдия взволнована, не находит себе места.)

Глинкин (озабоченно). Всё-таки я хочу объясниться.

Клавдия (нетерпеливо). Оставь! Наталья – не жена тебе. Заносчива, капризна, театром бредит, а театр из моды вышел. Да и какое приданое даёт за нею Кемской? Дом этот? Дом этот – дешевле гроба...

Глинкин (раздумчиво). Конечно, – Дуня Попова, это – идея.

Клавдия. Дело – а не идея! Дуня – богатая. Глупая. (Стоит у двери в свою

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru комнату, прислушивается.) А эти – всё о наследстве болтают, Лузгин – тёмный мужчина, хитрый... (Ломая руки, смотрит на стенные часы.)

Глинкин. Я знаю, почему ты хочешь женить меня на Поповой, – за ней ухаживает Иванов, а у тебя с ним роман.

Клавдия (презрительно). Догадался! Роман кружить и с женатым можно. Ещё – интереснее.

Глинкин (охорашиваясь перед зеркалом). Я женюсь, а Иванов рога будет наставлять мне.

Клавдия. Он – тебе, а ты – ему. Не всё равно, кто рога наставит, Иванов или другой...

Глинкин (вздыхнув). Всё-таки ты для себя стараешься...

Клавдия (вынув из кармана деньги, считает). Я – не монахиня. Это монахини не для себя живут, да и то... (Задумалась, закрыла глаза.) Как замечательно в кинематографе было! До слёз хорошо! Какое он сделал изумительное лицо, узнав, что жена изменяет ему! Какая страшная печаль была в его глазах! И губы – дрожат, дрожат... ах!.. (Глубоко вздохнула, стоит, заломив руки за шею, мечтательно улыбаясь.) Великий талант нужен для того, чтоб люди поняли без слов, как ты страдаешь...

Глинкин (с досадой). Это – вздор... Страдать – просто...

Клавдия (горячо). Ну, уж нет! Бездарный артист, как бы ни страдал, а плакать не заставит. Удивительно это – кинематограф! До него – настоящего искусства и не было.

Глинкин. А – романы? Забыла?

Клавдия. Роман – неделю сосёшь, а тут – полтора часа, и – готово, сыта по горло. (Пауза.) Где это – женщины наши? Разогнали всех старики...

Глинкин. Женщины должны быть дома, это – домашние животные.

Клавдия (презрительно). Пошутил! Эх ты... (Подошла к двери, прислушивается.)

Наташа (сбегая один марш лестницы). Клавдия, принеси льду с погреба, – скорей... (Исчезает.)

Клавдия. Что ещё там? (Уходит в кухню.)

(Глинкин подошёл к столу, приподнял лампу – смотрит нахмурясь, щупает скатерть рукою. Ефимов, сияющий, полупьяный, ведёт за руку Лузгина, тот, прижимая ко груди толстый портфель, тоже улыбается, подпрыгивает.)

Ефимов (восторженно). Уговорил! Сейчас он объявит наследников... всё скажет!

Лузгин (возбуждённо). Всё, всё скажу!

Глинкин (скептически). По-моему – у вас обоих неладно тут. (Указывает на свою голову.)

Ефимов. Это – и у тебя. Этим не хвастаются.

Лузгин. Где она?

Глинкин. Кто?

(Лузгин, подмигнув ему, смеётся.)

Глинкин (тревожно). Наталья, да? Разве – она? Слушайте, вы, чёрт...

Клавдия (с тарелкой в руках). Вы бы не шумели, кажется, кемской захворал.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ефимов (с любопытством). Умирает?

Глинкин (суетится, взволнован). Клавдия, зови Наташу, должно быть, это она – наследница!

Ефимов (потирая руки). Н-неизвестно!

(Клавдия заинтригованно смотрит на Лузгина, который, сидя у стола, вынимает из портфеля пачки газетных объявлений, афиши и бормочет что-то.)

Клавдия (бежит вверх). Ой, интересно как!

(Стогов вошёл из кухни, встал у окна за буфетом, нахмурясь наблюдает за Лузгиным.)

Глинкин (Лузгину). Это – зачем вам?

Лузгин. Мне? Мне не нужно.

Глинкин. Это объявления?

Ефимов (оттолкнув его). Не мешай!

(Клавдия сбегает с верха, за нею медленно идёт Наташа. Стогов, выступив из-за буфета, подходит к ней, отводит её к окну.)

Стогов (озабоченно). Будьте осторожны! Он или с ума сошёл, или разыгрывает какую-то скверную комедию.

Наташа (сухо). Сейчас узнаем.. (Идёт к Лузгину.) Ну, что ж, нашли наследников?

Лузгин (вскочив). Да! Да! Нашёл! (Судорожно шарит в карманах.)

Наташа. Кто ж это? Кто они?

Лузгин (бормочет). Вы! Все! Сейчас...

Ефимов. Как же – все?

Лузгин (нашёл в кармане золотую монету, высоко поднял руку, показывает её всем, кричит). Вот – оно! Наследство... Видите? Вот!

Глинкин (привстав на носки, смотрит на монету, потом на всех, испуган). Позвольте... это что же? Это – он выиграл у меня! То есть, это, может быть, другая...

Стогов. Вы её... нашли, да?

Наташа (отвернулась от Глинкина, Стогову). Я не понимаю...

Стогов. Это... странная игра!

Лузгин (ухмыляясь, смотрит на ладонь свою, бормочет). Тут – на всё хватит... на всех! (Сжал руку в кулак, трясёт им, кричит.) Сына родного можно... как Авраам Исаака... убить можно... Христа продали на серебро, а это – золото... Зо-ло-то! Вот вам! (Наташе.) Тебе – первой! Бери! (Поёт.) «И будешь ты царицей мир-ра»...

(Наташа отступает от него.)

Лузгин (кричит). Сына родного – ради тебя...

Стогов (подошёл к Лузгину). Дайте взглянуть...

Лузгин. Нет, не тебе...

Стогов (легко разжал его кулак, взглянул на монету, – Наташе, усмехаясь). Фальшивая. Он хорошо сошёл с ума.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лузгин (бьёт его кулаком по плечу). Отдай! Я не сошёл с ума...

Стогов (отдал монету). Слушайте, – вам нездоровится?

Лузгин. Ты сам, – вы все сошли с ума!

Стогов. Это – наследство, да? Всё – тут?

Лузгин. Не тебе! Пошёл прочь! Выгнать его!

Яковлев (полуодетый, растрёпанный, пьян). Что же – будет мне покой, а?

Наташа (Лузгину). Послушайте... Вам нужно...

Лузгин. Мне ничего не нужно! Всё – ваше! Где мой сын? Муж твой – где? Где – совесть? (Хочет броситься на Наташу, Стогов схватил его.)

Стогов. Пошлите за доктором...

Яковлев (кричит). Вон – все!

Лузгин (борется со Стоговым, вырвался, бежит, увидел себя в зеркале, остановился, громко шепчет, указывая на своё отражение). Вот, вот он... Держите его... ловите... он меня всю жизнь... держите...

Стогов (снова схватил его, несёт на диван). Доктора надо... Дайте полотенцев... Надо связать его...

(Наташа бросилась к буфету, выкидывает полотенца. Клавдия подбирает их, бросает Стогову. Ефимов тихо объясняет происшедшее Яковлеву. Глинкин старается помочь Стогову вязать Лузгина, но тот уже лежит спокойно.)

Яковлев (подошёл к дивану, бессмысленно смотрит, спрашивает). Кто здесь распоряжается? Чёрт распоряжается, а? Чёрт?

Иванов (вошёл очень возбуждённый, идёт солдатским шагом к Яковлеву). Послушайте... я пришёл... должен сказать вам... (Смотрит в бессмысленное одноглазое лицо, махнул рукой.)

Яковлев (смеётся). Ещё – погоди! Ещё – кто – кого!

Наташа (подбежала к Иванову). Что случилось?.. Ну, скорей... Полина?

Иванов (развёл руками). Бросилась под товарный поезд.

Наташа. Нет!

Стогов. На... насмерть?

(Клавдия плачет. Глинкин сидит на диване в ногах Лузгина, открыв рот.)

Яковлев (подходя к Иванову, указывая на Стогова). Ар-рестуй его... Я отвечаю!

Наташа. Господи! Что ж это?

(Иванов шёпотом говорит что-то Клавдии. Ефимов, сидя у стола, смотрит на всех непонимающим взглядом. Все молчат несколько секунд. Стогов идёт к двери в кухню.)

Наташа (схватила его за руку). Стойте! Куда – вы?

(Стогов остановился. Лузгин приподнялся, сел. Глинкин отскочил от него.)

Лузгин (глядя на свои связанные полотенцем руки, потом на всех, спрашивает). А того – мерзавца, поймали? Врага моего – поймали? Зачем вы мне связали руки, мне?

Иванов (Наташе). Он сошёл с ума?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Наташа развязывает руки Лузгина. Стогов – рядом с нею, напряжённо следит за Лузгиным.)

Лузгин (размахивая руками, посмеиваясь). Ага, поняли? Вот... (Роется в кармане, вынул медную монету, протягивает Наташе.) Извольте – тут всё!

Глинкин (Ефимову). Кажется – пяточок?

Лузгин. Весь мир – да! Весь мирище, – звёзды, ордена, моря и пароходы, и весь базар! (Поёт.) «И будешь ты царицей ми-ра-а»...

(Наташа вопросительно смотрит на Стогова.)

Стогов (не веря, саркастически). Вы, Лузгин, слишком умно сошли с ума, вы плохо притворяетесь...

Лузгин (смотрит на него очень пристально, несколько секунд молчит. И все ожидающе молчат. Лузгин легонько оттолкнул Стогова). Нет, это не ты... не тот! Уйди! (Снова сует монету Наташе.) Что же, бери, ну? Съела сына моего? На... Тут всё! (Зажав монету в кулак, высоко взмахивает руку.) Весь мирище – тебе! Я – не Лермонтов, не Демон, не шучу – нет... (Кричит всё громче.) Нет! Нет!

Ефимов. А ведь, пожалуй, это я его свёл с ума...

Лузгин (указывая на зеркало). Тут был человек... он давно ходит за мной, он изуродовал всю мою жизнь. (Повышая голос.) Сына оторвал от меня... Женщину. Был фальшив, как бес. Притворялся, что знает несокрушимые законы. Он – правду оболгал... Он оболгал всю правду!

Занавес

Зыковы

Сцены

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Зыков, Антипа Иванов, лесопромышленник.

Софья, сестра его, вдова.

Михаил, сын.

Целованьева, Анна Марковна, мещанка.

Павла, дочь её.

Муратов, лесничий.

Хеверн, компаньон Зыкова.

Шохин.

Тараканов.

Стёпка, девчонка-подросток.

Палагея.

Действие первое

У Целованьевых. В скучной комнате небогатого мещанского дома посредине приготовлен стол для чая, у стены между дверью в кухню и в комнату Анны Марковны другой стол с вином и закусками. Направо у стены маленькая фисгармония, на ней рамки с фотографиями, засушенные цветы в двух вазах; на стене много открыток и акварель: Павла в костюме монастырской клирошанки. Два окна на улицу, в палисадник. Целованьева, чистенькая, гладкая женщина за сорок, – у чайного стола; она заметно взволнована, часто смотрит в окна, прислушивается, ненужно передвигает чашки. Софья задумчиво ходит по комнате, в зубах – погасшая папироса.

Целованьева (вздыхая). Загулялись...

Софья (взглянув на часы в браслете). Да...

Целованьева. А что же это вы, Софья Ивановна, замуж не выходите?

Софья. Человека нет по душе. Найдётся – выйду.

Целованьева. В глухом нашем месте – мало интересных мужчин...

Софья. Интересные–то нашлись бы! Серьёзного человека трудно встретить...

Целованьева. У вас у самой, извините, характер серьёзный, вроде бы – мужской; вам бы взять мужчину тихого...

Софья (нехотя). А на что он, тихий? Мышей ловить?

(Целованьева смущённо улыбается, видно, что ей неловко с этой женщиной, она не знает, о чём беседовать с нею.)

Софья (хмурясь, спрятав руки за спину, исподлобья смотрит на неё). Кто это, скажите, пустил про Пашу слух... что она – блаженненькая?

Целованьева (торопливо, негромко, оглядываясь). А это всё покойник муж... ну, и я тоже поддерживала, чтобы не очень интересовались люди. Пашенька всегда была прямая такая, что думает, то и говорит, – кому это может нравиться? Ну, вот... а он, муж-то, подозрение имел, что Паша не его дочь...

Софья. Разве?

Целованьева. Как же! Это ведь всем известно; он, бывало, выпимши, везде кричит... Ревновал он меня к одному... сектант был тут...

Софья. Отец Шохина?

Целованьева. Вот и вы знаете.

Софья. Без связи с вашим именем. Просто знаю – был сектант, человек гонимый.

Целованьева (вздыхая). Ну, уж где, чать, без связи! (Тихонько.) Гонимый... (Быстро взглянув на Софью.) Он, покойник...

Софья. Шохин?

Целованьева. Муженёк мой... Он, бывало, глядит-глядит на неё, да вдруг и зарычит: «Не моя дочь! Я – человек подлый, ты – это я – баба глупая, – не моя это дочь!»

Софья. Кривлялся немножко?

Целованьева. Бог его знает...

Софья. Бил вас?

Целованьева. Уж конечно! Да я – что? А за Пашу очень боязно было. Ведь это я кое-как обошла его, в монастырь–то спрятала её, Пашу... Ведь у меня, кроме её, никаких надежд...

Палагея (в двери из кухни). Идут!

Целованьева. Ой, что ты, бес, пугаешь! Недруги, что ли, идут? Чего тебе?

Палагея. Нести самовар?

Целованьева. Скажут, когда надо. Ступай!

Михаил (чуть-чуть выпивши, разморён жарой, на безбородом лице усталая улыбка).

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ты что, баба, заткнула дверь? Убери свои окрестности.

(Ущипнул её – Палагея ахнула. Михаил смеётся всхлипывающим смехом; Целованьева обиженно поджала губы; Софья около фисгармонии, нахмурясь, смотрит на племянника.)

Михаил (идя к столу). Жарко, наречённая мамаша!

Целованьева (бормочет). Ну – где же ещё.. какая же мамаша? (Громко.) Палагея у нас придурковата...

Михаил. Кто?

Целованьева. Женщина эта.

Михаил. Ага! Только она, одна? Это я запомню.

(Идёт к столу с закусками. Софья пробует фисгармонию в басах.)

Целованьева (беспокойно). Зачем же запоминать?

Софья. Он шутит, Анна Марковна.

Целованьева. Ох, плохо я понимаю эти шутки...

Палагея (из кухни). Мужик верхом приехал...

Софья. Это – Шохин. Анна Марковна – это ко мне...

Шохин (в двери). Шохин пришёл.

Софья (строго). Я бы вышла к тебе, Яков!

Шохин (кланяясь). Ничего! Доброго здоровья.

Целованьева (отходит к окну). Вы не стесняйтесь...

Софья (Шохину). Ну, что?

Шохин. Велел сказать, что напишет письмо.

Софья. Больше ничего?

Шохин. Ничего.

Софья. Спасибо.

(Записывает что-то в книжечку на поясе. Михаил, подмигивая на Анну Марковну, наливает Шохину стакан водки; тот, украдкой, выпивает, морщится.)

Михаил. Отчего ты, Яков, всегда такой угрюмый?

Шохин. Жалованья мало получаю. Софья Ивановна, у меня к тебе слово есть.

Софья. Что такое?

Шохин (подходя). Лесничий этот вчера говорил машинисту нашему, что-де всех нас, за наше хозяйство, под суд сажать надо, дескать, от нас реки мелеют и вся земля портится...

Софья. Ну, – иди...

Михаил. Иди, раб!

Целованьева. Это он про лесничего говорил?

Софья. Да.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Целованьева. Строгий господин. Со всеми – ссорится, со всеми – судится, а сам всегда выпимши и, кроме карт, никаких удовольствий не признаёт. Холостой, должность хорошая – женился бы! Не любят теперь семейной жизни.

Михаил. Как – не любят? А – я? Вот я женюсь...

Целованьева. Вы – конечно... Вам – папаша велел.

(Невольно вырвавшееся слово смутило её, она невнятно бормочет что-то и быстро идёт в кухню.)

Софья (Михаилу). Ты ведёшь себя совершенно неприлично.

Михаил. Ну? Не буду больше. Тебе нравится невеста?

Софья. Девушка красивая, простая... доверчивая. А тебе?

Михаил. Мне даже немножко жалко её, – какой я ей муж?

Софья. Это ты – серьёзно?

Михаил. Не знаю. Кажется – серьёзно.

Софья. Вот и хорошо! Может быть, она заставит тебя подумать о себе самом, – пора!

Михаил. Да я ни о чём кроме и не думаю...

Софья. Дуришь ты много, играешь...

Михаил. Это свойственно человеку. Вон и невеста моя играет на простоту, доброту...

Софья (пристально смотрит на него). Что ты говоришь? Она действительно доверчива...

Михаил. И кошка будто бы доверчива, а попробуй, обмани кошку!

Софья. При чём здесь – обманы?

Михаил. Знаешь что? Пусть бы лучше отец женился на ней, а меня в отставку!

Софья. Какая чушь!

Михаил (с усмешкой). Всё равно – сейчас не женится – после отобьёт. Она – доверчива...

Софья. Перестань! Что за гадости лезут в голову тебе!

(Взволнованно отходит прочь.)

Михаил (тихонько смеётся, наливая вина в рюмку, и декламирует).

Я хотел поймать в воде

Отражение цветка, –

Но зелёный ил один

Подняла моя рука...

Софья. Это – что значит?

Михаил. Ничего не значит. Шутка.

Софья. Ой, Миша, смотри, жизнь серьёзна!

(Из прихожей входит Антипа Зыков, мужчина лет под пятьдесят, в бороде с проседью, кудрявый, чёрные брови, с висков – лысоват; Павла – в голубом платье, очень простом, без талии, как ряса, на голове и плечах – голубой газовый шарф.)

Павла. Я всегда говорю правду...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Антипа. Ну? Поглядим.

Павла. Увидите. А где же мама?

Целованьева (из кухни). Иду, иду...

(Антипа идёт к столу с закусками; Павла, улыбаясь, к Софье.)

Софья. Устали?

Павла. Жарко! Пить хочу...

Софья. Вы сами платье шили?

Павла. Сама. А что?

Софья. Идёт к вам.

Павла. Я люблю, чтоб всё было свободно...

Антипа (сыну). Гляди, лишнее пьешь, сконфузишься...

Михаил (дурашливо). Жених должен показать себя со всех сторон...

(Антипа, взяв его за плечо, что-то строго говорит ему, Михаил усмехается.)

Софья (Павле, вдруг, негромко). Который красивее?

Павла. Старший...

Антипа (резко). Цыц!

Софья (тихо). Антипа, что с тобою?

(Павла жмётся к ней.)

Антипа (смущённо). Ты извини, Павла Николаевна, это для тебя же лучше...

Павла. Что?

Антипа. А – вот... этот сударь... (Мычит.)

Целованьева (с блюдом в руках, на блюде – кулебяка). Пожалуйста закусить, прошу вас...

Павла (Антипе). Надо быть добрым, а то я буду бояться вас...

Антипа (ласково усмехаясь). Ты всё про своё, про добро... Эх, дитё ты моё...
(Говорит ей что-то, понизив голос.)

Михаил (хот и выпивший, чувствует себя лишним, бродит по комнате, усмехаясь, на ходу говорит тётке). Тесно, как в курятнике...

Целованьева (волнуясь, следит за всеми, подходит к Софье). Пожалуйста к столу-то! Зовите, а то меня не слушает никто...

Софья (задумчиво). Нравится мне ваша дочь...

Целованьева. О? Дай-то господи! Посмотрели бы вы за ней, поучили её...

Софья. Да, конечно. Наше, бабье дело везде – общее...

Павла (удивлённо). А как же люди?

Антипа. Что – люди?

Павла. Что ж они подумают?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Антипа (с жаром). Да мне – пёс с ними! Пускай, что хотят, то и думают. Люди! Чем я обязан им? Горем да обидами. Вот она, рука, которой я жизнь свою возводил, – это моя рука! Что мне люди? (Выпил водки, вытер рот салфеткой.) Вот ты моя будущая... дочь, скажем; ты всё говоришь – ласково надо, добром надо! Четвёртый раз я тебя вижу, а речи твои всё одинаковы. Это – оттого, что жила ты в монастыре, в чистоте... А поживи-ка на людях – другое заговоришь, душа! Иной раз так бывает – взглянешь на город, и до смерти хочется запалить его со всех концов...

Павла. Тогда и я сгорю...

Антипа. Ну, тебя я... ты не сгоришь!

Целованьева. Вы что, Михаил Антипович, не выпьете, не закусите?

Михаил. Папаша не велит...

Антипа. Что-о?

Михаил. И невеста не угощает.

Павла (краснея, кланяется). Пожалуйте, я налью...

Михаил. И себе...

Павла. Не люблю я...

Михаил. А я – очень люблю водку...

Павла. Говорят – вредно это...

Михаил. Врут! Не верьте. Ваше здоровье!

Антипа. Слабоваты здоровьем люди становятся, Анна Марковна, а?

Целованьева. Отчего же? Пашенька у меня...

Антипа. Я – не про неё, конечно. А вот, хоша бы мой: много ли выпил, а и глаза мутные, и рожа оглупела.

Софья. Ты бы вслушался в то, что говоришь.

Целованьева (смятённо). Сынок ваш молодой...

Антипа (сестре). Я – правду говорю! Анна Марковна знает, как раньше пили, у неё благоверный неделями качал... (Целованьевой.) А что молодой – это ещё не велико дело, это – проходящее мимо, молодость...

(Настроение – напряжённое, все ждут чего-то, присматриваются друг к другу. Софья настороженно следит за братом и Павлой; Михаил курит, тупо, пьяными глазами глядя на отца; Павла пугливо оглядывается. Антипа – у стола с закусками, Павла сняла чайник с самовара, мать её суетится около стола.)

Целованьева (шепчет). Ой, Пашенька, жутко мне...

Софья (брату). Не много ли пьёшь?

Антипа (угрюмо). Ну, не знаком я тебе...

Софья. Всё-таки – следи за собой...

Антипа. Не мешай! Знаю, что делаю.

Софья. Знаешь ли? (Смотрят в лицо друг друга.) Ты что затеял?

Антипа. Разве он ей пара? Его – не исправим, а её – погубим зря...

Софья (отступая). Послушай, неужели ты решишься?..

Антипа. Стой, не подсказывай! Хуже будет...

Михаил (усмехаясь). Сговор, а – не весело! Все шепчутся...

Антипа (встрепенулся). Это всё твоя тётка серьёзничает... Эх, жаль, народу мало!

Павла. Вот и сказалась нужда в людях...

Антипа. Поддела! Упряма ты в мыслях твоих, Павла Николаевна... Что ж! Это так и надо женщине: держись за одно супротив всего...

Павла. А мужчине...

Антипа. Мужчина? Он – сам по себе. Он дико'й. Его схватит за сердце – так он тут, как медведь, – прямо на рогатину... куда хочешь, да! Ему жизнь дешевле, видно...

Целованьева. Пожалуйте чайку-то...

Антипа. Теперь бы холодненького чего...

Михаил. Шампанского советую...

Антипа. Первый совет слышу твой умный! Иди, найди...

Михаил. Могу... (Идёт в кухню покачиваясь, зовёт.) Женщина! Красавица...

Антипа (подмигивая Павле). Видишь? А я – втрое боле его выпил. И таков я во всём – больше людей.

Павла. А чего вы боитесь?

Антипа (удивлён). Я – боюсь? Как это – боюсь?

(Софья оживлённо, тихонько говорит с Целованьевой, но вслушивается в слова брата.)

Павла (заметив это, весело говорит). Вы зачем же конфузите моего жениха?..

Антипа. Чем я его конфужу? Он мне – сын... я помню...

Павла (тише). Что вы на меня так смотрите?

Антипа. Под одной крышей будем жить, – узнать хочу – с кем? Вот, ты говорила – в монастыре хорошо, тихо... У нас тоже будто монастырь... Разве иной раз Софья буянит...

Павла. А ведь вы – добрый...

Антипа (хмурясь). Ну... не знаю! Со стороны, конечно, виднее. Ты всё о своём... занимает это меня! Нет, я, пожалуй, добротой не похваюсь. (Вспыхнул.) Может, и было, и есть в душе доброе, хорошее, да куда ж его девать? Его надо к месту, а нет в жизни места для добра. Некуда тебе сунуть хороший твой кусок души, понимаешь ты – некуда! Нищему что хошь дай – всё пропьёт! Нет, Павла, не люблю я людей... У меня дома один хороший человек – Тараканов, бывший помощник исправника...

Софья. Спасибо!

Антипа. Ты? Ты – молчи! Ты – чужая... ты – другая... Бог тебя знает, кто ты, сестра! Разве ты – добрая? Мы ведь про доброту говорим, а ты не добрая, не злая...

Софья. Хорошо ты меня рекомендуешь!..

Антипа. Не плохо, Софья! Вот, Анна Марковна, – она меня моложе почти на два десятка, а в тяжёлый час я к ней, как к матери, хожу.

Софья. Что это ты... разговорился? Странно...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Антипа. Стало быть – так надо! Да. Тараканов... его за доброту со службы прогнали – это верно! Он умный, знающий, а – неспособный ни к чему. На него только смотреть хорошо... как на забавную вещь. Встарину его бы шутком домашним сделали...

Софья (улыбаясь). Выдумал! Почему – шутком?

Антипа. Так мне видится. А ты – ты уж не нашего, Зыковых, гнезда, ты шесть лет за дворянином замужем была, в тебе барская кровинка есть...

Софья. Перестал бы ты, Антипа...

Антипа. Нет, погоди! Ты – умница и всякому делу хозяйка: так ведь ты – женщина, птица вольная, снялась да и полетела. А я – остался один! И мужчина не всегда знает, чем он завтра будет, а женщина твоего характера и подавно – это уж так!

Целованьева. А Михайло Антипыч?

Антипа (угрюмо). Сын? Что ж... Хорошего про него я мало знаю, коли правду говорить, а мы – честное дело затеваем, – тут – вся правда нужна. Мало Михаил хорошего накопил... вот – стишки складывает, на гитаре играет... Училище реальное – не окончил, не хватило уменья... А уменье – это терпенье... Положим – терпением и я не похвастаюсь...

Павла (взволнованно). Что же вы про меня думаете, говоря так о сыне вашем, моём женихе?

Антипа (негромко, как бы про себя). Правильно спросила...

Целованьева (беспокойно). Милые мои, послушайте меня, мать...

Софья (строго). Ты обдумал то, что делаешь?

Антипа (встал на ноги, внушитель). Размышлять – не умею! Пускай кто хочет размышляет, а я – знаю, чего хочу... Павла Николаевна, встань, выдь со мною на минуточку...

(Встали все три женщины; Павла, как во сне, улыбаясь, идёт в комнату рядом с кухней, Антипа, тяжело и угрюмо, за нею. Дверь не затворили, слышен возглас Антипы: «Садись... погоди, соберусь с мыслями!»)

Целованьева (опускаясь на стул). Господи! Чего он хочет? Софья Ивановна, что же это?

Софья (взволнованно ходит). Ваша дочь – очень умная девушка... если я верно понимаю...

(Закуривает, ищет глазами, куда бросить спичку.)

Целованьева. Ведь это он сам хочет...

Софья. Позвольте...

Антипа (в комнате). Какой он тебе муж? Годами ты ему ровесница, душой – старше. Иди за меня! Он меня старше, он – дряблый! Это я тебя буду молодо любить, я! В ризы одену, в парчу! Трудно я жил, Павла, не так, как надо... Дай мне иначе пожить, порадоваться чему-нибудь хорошему, прислониться душой к доброму – ну?

Софья (волнуясь). Слышите? Хорошо говорит! Зрелые люди любят крепко...

Целованьева. Ничего я не понимаю... Богородица всемилостивая – на тебя вся надежда моя: пожалей дитя моё, пощади от горя; мною всё горе испытано, и за неё, за дочь, испытано!..

Софья. Вы – успокойтесь! Я – тоже поражена... Хотя это в его характере... что же теперь сделаешь? И ваша дочь, видимо, не против...

Целованьева. Не знаю вас, никого! Приехали сватать сына, племянника, – вдруг – что такое стало? (Идёт в комнату, где дочь и Антипа.) Я желаю слушать, я – мать...

Антипа. Ты мне на дороге богом поставлена... Анна Марковна – слушай!

(Закрыли дверь, Софья, кусая губы, ходит по комнате; в окне лицо Муратова – насмешливое, под глазами – отёки, острая борода, лысоватый.)

Софья (сама с собою). Ах, боже мой...

Муратов. Приветствую!

Софья. Ой... что это вы?

Муратов. А что? Мне ваш Личарда, Шохин, сказал, что вы здесь, и я счёл долгом засвидетельствовать...

Софья. Через окно?..

Муратов. Ба! У нас нравы простые, как вы знаете...

Софья. Вы всё опрощаетесь?

Муратов. Ирония? Да, всё опрощаюсь. А вы – сватаете?

Софья. Уже – известно?

Муратов. Конечно! Известно, что и невеста не вполне при своих мозгах...

Софья. Вы, разумеется, слышали о моём якобы романе с вами?

Муратов. Слышал. Люди предупреждают события...

Софья. Вы не опровергали этот слух?

Муратов. Зачем? Я горжусь им...

Софья. А вы не сами пустили его?..

Муратов. Вот что называется – воткнуть вопрос иглой в око... Но, когда со мною говорят в этом тоне, я становлюсь нахалом...

Софья. Я всё-таки попрошу вас уйти из-под окна.

Муратов. Ну, что ж? Ухожу. В воскресенье можно к вам?

Софья. Пожалуйста. Но можно и не приезжать.

Муратов. Я лучше приеду! Почтительно кланяюсь. Всяких удач и успехов... всяких!

Софья. Не забудьте моей просьбы о копиях описи...

Муратов. Я ничего не забываю...

Михаил (входит). Нельзя достать шампанского в этом чортовом углу. Кого вижу!

Муратов. Ты что же путешествуешь одиноко, жених?

Михаил (делает ему рукой прощальный жест). Вечером увидимся.

Муратов. Надеюсь! За тобой – мальчишник!..

Михаил. Конечно... (Муратов исчез.) А где же все?

Софья (пристально смотрит на него). Там, в той комнате...

Михаил. Меня – исключают? Да, что ли? Я ведь слышал отцово красноречие...

Софья (почти с презрением). Ты, кажется, везде будешь лишним...

Михаил. Я тебе говорил, что эдак будет лучше... Но – зачем было тревожить смиренного мальчика? Вот те и мальчишник! Тётя Соня – тебе скучно?

Софья. С вами? О, да! С вами – больше, чем скучно... с вами – ужасно!..

(Входят Павла и Антипа, Анна Марковна в слезах.)

Антипа (торжественно). Вот, сестра Софья... видишь ты... Решили мы, что...

(Схватывается рукой за сердце.)

Павла. Софья Ивановна – поймите меня, простите...

Софья (обнимает её). Не знаю, что сказать вам... Не понимаю вас...

Антипа. Михайло... ты, того... не обижайся! Ты – молод, невест – много...

Михаил. Я очень рад... Честное слово! Павла Николаевна – я сказал, что очень рад, – вы не сердитесь! Я ведь знаю – не пара я вам!

Антипа. Ну, вот, Анна Марковна, видишь, я говорил...

Павла (Михаилу). Мы будем дружно жить...

Михаил (кланяясь). О, конечно...

(Тихонько, пьяно смеётся.)

Антипа. Анна Марковна – будь спокойна! От моей вины – богом тебе клянусь – дочь твоя ни одной слезы не прольёт...

Целованьева (опускаясь перед ним на колени). У тебя мать была, любила тебя... добрый человек – вспомни свою мать! Матери твоей ради – пожалей дочь мою!

(Антипа, Павла – поднимают её; Софья отвернулась к стене, отирает глаза платком; Михаил – взволнован и пьёт рюмку за рюмкой.)

Павла. Mamочка, полно, всё будет хорошо!

Антипа. Ну – я тебе слово дам, какое хочешь... Все зарюки беру на себя, встань! Двадцать пять тысяч кладу в банк на её имя – ну, ладно!

Софья. Довольно, господа! Миша, налей чего-нибудь! Анна Марковна, я с вами в матерях, хоть и молода для такого бородатого сына. (Антипе.) Ты что трясёшься, точно тебя под суд отдали?

Целованьева. Милая моя...

(Обняла дочь и плачет беззвучно.)

Антипа. Мне – сесть да помолчать хочется, как делают перед дальним путём...

Софья. Вот что: здесь душно! Павля, ведите всех в сад...

Павла (Антипе, матери, беря их за руки). Идёмте...

Михаил. А – выпить хотели?

Софья. Потом, оставь! Эх, ты... дитятко! (Обняла его за плечи, гладит голову.) Ну, что?

Михаил. Ничего, тётя Соня... Право же – мне всё равно!..

Софья. Идём в сад...

Михаил. Не пойду...

Михаил. Не хочу...

Софья (заглядывая в глаза ему, тихо). Значит – не всё равно, а?

Михаил (усмехаясь). Неловко как-то – за отца. Такой он красивый мужик, такой – литой, цельный... Ему ли пряники есть?..

Софья (уходя, с улыбкой). Что делать? Человеку всегда хочется немножко счастья... немножко!..

Михаил (подошёл к столу, наливает вина, бормочет). Зачем же – немножко? Немножко – скучно...

Занавес

Действие второе

В саду у Зыковых. Слева – широкая терраса барского дома, против неё, под липой, за столом Павла вышивает что-то, Михаил с гитарой, Тараканов – длиннородый старик, одетый в парусину, очень странный, смешной. В глубине сада, у конца террасы Целованьева варит варенье, около неё девочка-подросток – Стёпка.

Тараканов. Это всё оттого, что образовалось смятение понятий и никто не знает точно – где его место...

Павла (задумчиво повторяет). Смятение понятий.

Тараканов. Именно.

Михаил (перебирая струны). Вы бы, Матвей Ильич, рассказали что-нибудь из жизни и без философии...

Тараканов. Без философии – ничего нет, ибо во всём скрыт свой смысл, и его надобно знать.

Михаил. Зачем?

Тараканов. Как это – зачем?

Михаил. А если я не хочу ничего знать?

Тараканов. Этого нельзя.

Михаил. А я – не хочу...

Тараканов. Каприз юности.

Павла. Вы не спорьте, вы говорите просто...

Тараканов. Тебе скажут – посторонись, а ты не поймёшь...

Михаил. Ну?

Тараканов. Ну, и сшибут с дороги.

Михаил. Посторониться, Матвей Ильич, я всегда сумею, я – брезглив...

Павла (мельком взглянув на него). Не надо сердиться... В сердцах чаще всего ошибаются...

Тараканов. Не понимаю – что значит брезглив?

Целованьева. Перестаньте вы тоску-то сеять! Павля, хочешь пенок?

Павла. Нет, спасибо! Ты лучше вели сделать мне блинчики к ужину...

Михаил. Почему же только вам? Я тоже люблю блинчики, может быть...

Павла (вздыхая). Пьющие – сладкого не любят.

Михаил. Это называется афоризм.

Павла. Что?

Михаил. То, что вы сказали.

Павла. Почему – афоризм?

Михаил. Чорт его знает...

Тараканов. Станный вы человек, Миша...

Михаил. Все люди – странные, и понять ничего в них нельзя. Вы тоже странный, вам надо бы служить, взятки брать, а вы – философствуете.

Тараканов. Мне взятки брать не к чему, я человек одинокий.

Павла. А я слышала – сын у вас есть?

Тараканов. Я от него отрёкся...

Павла. Совсем? За что?

Тараканов. Окончательно. За то, что он Россию не любит...

Павла (вздыхнув). Не понимаю...

Михаил. Матвей Ильич сам ничего не понимает.

Целованьева. Со стариками-то как нынче говорят!..

Михаил. Старики сами сознаются, что живут в смятении понятий. Значит – подождите учить!

Целованьева. Разве я учу? Бог с тобою!..

(Идёт на террасу. Стёпка, оглянувшись, насыпает в карман себе сахар.)

Павла. Да не обижайтесь вы друг на друга! Зачем?

Тараканов. Для развлечения больше.

Михаил. Вот именно...

Павла. Миша, сыграйте вашу песенку про девушку...

Михаил. Не хочется...

Павла. Ну, пожалуйста...

Михаил (взглянув на неё). Родителей надо слушаться.

(Настраивает гитару, Тараканов набивает трубку, раскуривает.)

Михаил (говорит речитативом, аккомпанируя тихонько на гитаре).

Полею девушка тихо идёт.

Я не знаю – кто она?

Не её ли моё сердце ждёт,

Грустью околдовано?

Тараканов. Что же это за девушка?

Павла (с досадой). Не мешайте! Это – мечта.

Тараканов (вздыхая). Вообще, значит, девушка. Понимаю. Но в этом случае – надобно жениться...

Павла. Ах, да не мешайте же!

(Во время чтения на террасе явился Муратов, в костюме для верховой езды, с хлыстом в руках. Слушая Михаила, он иронически морщится.)

Муратов (сходя в сад). Какая поэтическая картина: варенье варят, сладкие стихи читают... Добрый день, Павла Николаевна, вы всё хорошеете! Отставной проповедник правды и добра – приветствую! Здравствуй, Миша...

(Его встречают молча, он садится рядом с Павлой; она жмётся, отодвигаясь от него. Тараканов, молча поздоровавшись, уходит в глубь сада, угрюмо оглядываясь на лесничего.)

Муратов. Прошёл насквозь весь дом – пусто!

Павла. Тётя Соня дома...

Муратов. Потом услышал тихий звон гитары... Чьи это стихи, – твои, Миша?

Михаил. Мои... А – что?

Муратов. Плоховато. Впрочем, для домашнего употребления, вероятно, и это годится.

Павла. Позвать тётю?

Михаил (усмехаясь). Сиди, я позову...

Павла. Лучше я...

Муратов. Почему же – лучше?

Павла. Не знаю. Ну, пускай Миша...

(Михаил идёт, оставив гитару; Муратов взял её, наклонил голову к Павле.)

Муратов. Хорошо быть военным писарем, – это очень смелые люди – они прекрасно ухаживают за барышнями и дамами. Как вы находите?

Павла. Я не знаю, не видала.

Муратов. Писаря – и парикмахеры тоже – очень любят играть на гитарах.

Павла. Да?..

Муратов. Вы – плохая Ева, у вас мало любопытства... Вас не интересует, почему я стал так часто бывать здесь, а?

Павла (смущённо). Нет... Не интересует...

Муратов. Очень сожалею. Хотелось бы, чтобы вы подумали об этом...

Павла. Вы – старый знакомый тёти Сони...

Муратов. Знакомый я старый, но душа у меня молодая, и её влечёт к молодому, как вас, например, к Мише, очень глупому парню...

Павла (волнуясь). Он – вовсе не глупый...

Муратов. Я его знаю лучше, чем вы... Он же постоянно пьянствует со мною...

Павла. И меня вовсе не влечёт...

Муратов (тихо напевает). «Старый муж, грозный муж...»

Павла (встала). Это – неправда!

Муратов. Что – неправда?

Павла. Всё! Всё, что вы говорите! И я не хочу с вами... Вы нарочно меня...

Муратов. Что – нарочно?

Павла. Я не знаю, как сказать. Вы надо мной смеётесь...

(Быстро идёт прочь.)

Муратов (вынимая портсигар, следит за нею, вздыхает). Дурочка...

(Тихонько бьёт кончиком хлыста по струнам гитары. Из-за угла террасы выглянула Целованьева и – спряталась. Из дома выходит Софья, остановилась на верхней ступени, глубоко вздохнула.)

Софья. День-то какой прекрасный...

Муратов (вставая навстречу ей). Жарко и пыльно... Здравствуйте?

Софья. Вы чем Павлу расстроили?

Муратов. Я?

Софья. Ну, ну, не играйте, не поверю ведь...

Муратов. Она меня очень забавляет.

(Анна Марковна у жаровни. Стёпка около неё.)

Муратов. Что – скоро идиллия превратится в драму?

Софья (строго). Не говорите пустяков! Вы привезли, наконец, бумаги?

Муратов. Нет. Мой письмоводитель такой лентяй!

Софья. Ну, и вы тоже трудолюбием не отличаетесь.

Муратов. Я – принципиально ленюсь. С какой стати я буду трудиться для диких людей, которые неспособны оценить значение моего труда?

Софья. Это вы говорили не однажды...

Муратов. Значит – я говорю это серьёзно.

Софья. А не ради оригинальности?

Муратов. Я живу среди людей бесчестных, ленивых, некультурных... и не хочу, нахожу бесполезным делать для них что-либо... Это – понятно, надеюсь?

Софья. Понятно, но – не лестно для вас...

(Анна Марковна, взяв Стёпку за ухо, ведёт её куда-то.)

Муратов. Да? Что ж делать! Кстати, этот ваш Хеверн...

Софья. Не станем говорить о нём...

Муратов. Почему?

Софья. Я не хочу...

Муратов. Чтоб я говорил о нём?

Софья. Да.

Муратов. Вот как? Гм! А я отчасти затем и явился, чтобы сообщить вам об этом господине...

Софья (спокойно). Этого господина зовут Густав Егорович, и я его очень уважаю...

Муратов. А если окажется, что он – жулик?

Софья (встала, твёрдо и гневно). Вам что угодно?

Муратов (немножко испугался). Позвольте...

Софья. Я только что сказала вам, как я отношусь к этому человеку...

Муратов. Но – ведь можете же вы ошибаться!

Софья. За ошибки мои я расплачусь сама. И я чувствую людей не хуже, чем вы...

Муратов. Моего отношения к вам вы, однако, не чувствуете.

Софья. Это – неправда! (Усмехнулась.) Вы, я знаю, не верите мне, не уважаете меня...

Муратов (вздыхнув). О! Как вы ошибаетесь...

Софья. Да не – о!.. И – не ошибаюсь. Я для вас – купчиха, бывшая замужем за помещиком, испорченная и утомлённая им. Женщина богатая, хитрая, в мыслях грешная, но – трусливая. И – глупая; ведь это в расчёте на глупость вы рисуетесь предо мною цинизмом?.. Да?

Муратов. Я не циник, а скептик, как все неглупые люди...

Софья. Я хорошо помню ваши первые атаки, тогда ещё, при жизни мужа... (Вздыхнула.) Знали бы вы, как я тогда нуждалась в участии, в честном отношении ко мне...

Муратов. Я относился к вам честно, как умею...

Софья. Ну, вы плохо умеете! И вы тогда нравились мне: вот, думала я, хороший, умный человек...

Муратов. Я тогда был глупее, чем теперь...

Софья. Я вам не уступила, и на время это зажгло ваше самолюбие, ваше упрямство.

Муратов. Не упрямство, а – страсть!

Софья. Ах, полноте! Вы – и страсть...

Муратов. Мы, кажется, ругаемся?..

Софья. Да, я горячусь, извините...

Муратов (кланяясь). Ничего! Я готов слушать и дальше. Какой-то такой разговор должен был быть между нами...

Софья. Да? И мне тоже кажется.

Муратов (оглянувшись). Так продолжайте.

Софья (смотрит на него). Однажды я едва не поверила в ваше чувство...

Муратов. Когда?

Софья. Это всё равно для вас.

(Встаёт, ходит.)

Муратов (помолчав). А хотел бы я знать, что вы обо мне думаете?

Софья. Нехорошо я о вас думаю.

Муратов. Ну – начистоту! И если попадёте в сердце...

Софья. То – что будет?

Муратов. Как сказать? Что-то будет...

Софья (подумав). Знаете, ведь вы вашим якобы роковым чувством ко мне пользуетесь, чтоб прикрыть вашу лень, оправдать вашу плохонькую жизнь...

Муратов. Для начала – недурно.

Софья. Вы очень нечестный человек...

Муратов (встаёт, усмехаясь). Позвольте однако...

Софья (подходит близко к нему). Нечестный. Честный человек не может всем пользоваться, ничего не платя, ничем не отвечая за то, что берёт...

Муратов. Не помню, что я взял у вас...

Софья. Говорят – вы строгий законник, а я думаю, что вы преследуете людей потому, что не любите их, скучно вам с ними, и вы мелко и злобно мстите им за то, что вам скучно... Властью, данной вам, вы пользуетесь, как пьяница или как мой покойный муж, больной человек... Плохо я говорить умею, всё какие-то не свои слова на языке. Но – я очень чувствую всё и – скажу по душе: жалко мне вас...

Муратов. Не благодарю...

Софья. Ужасно вы живёте...

Муратов. Да?

Софья. Никого и ничего не любя...

Муратов. Да, я не люблю людей...

Софья. И дело ваше вы не любите.

Муратов. И дело не люблю. Охранять леса? Нет, это меня не забавляет. Далее!

Софья. А ведь вы этому учились – охранять леса.

Муратов. Именно этому.

Софья. Как же так?

Муратов. Ошибся. Что ж, это обычная ошибка русского! Русский человек стремится прежде всего уйти из своей родной среды, а – куда, каким путём – это всё равно! С тем нас возьмите. Вы всё сказали, что хотелось?

Софья. Да.

Муратов. Какой же вывод?

Софья. Сделайте вывод сами.

Муратов. Может, вы надеетесь, что я, после сей философической беседы, застрелюсь? Нет, я не застрелюсь. Таких, как я, – тысячи, и жизнь – наше поле, сударыня! Таких, как вы – единицы, десятки; вы совершенно лишние люди в жизни сей. И девать вам себя – некуда. Раньше вы в революцию ходили, но революция никому больше не нужна, и – сделайте-ка отсюда вывод!

Софья (усмехаясь). Я, кажется, попала-таки в сердце вам.

Муратов. В сердце? Нет!

Софья. Но – мы кончили?

Муратов. Вы – умнее, чем я думал. Удивляюсь, как вы можете терпеть всё это... эту пошлость вокруг вас... (Вздыхнув.) Всё-таки есть у меня к вам нечто в душе...

Софья. Совершенно ненужное ни вам, ни мне...

Муратов. Простенько вы смотрите на людей, сударыня; очень уж несложно!

Софья (пылко). Ах, оставьте вы эту сложность, постыдитесь её, наконец! Ведь вы за неё скрываете только ложь и разврат.

Муратов. Вы сердитесь? Ухожу. Я люблю сам сердиться, но когда другой – особенно женщина – отдаёт себя наслаждению злостью, это мне не нравится... (Не торопясь идёт в дом, на ступенях террасы остановился.) А я не считаю, что мы поссорились, – можно?

Софья (негромко). Как хотите...

Муратов. Не считаю. До свидания, более приятного для меня.

(Софья, оставшись одна, ходит, пожимает плечами, усмехаясь.)

Стёпка (выглядывает). Софья Ивановна, меня бабушка за уши оттрепала...

Софья (не глядя на нее). А ты что сделала?..

Стёпка. Сахарку немножко взяла...

Софья. Надо было попросить.

Стёпка. Так ведь не дала бы она...

Софья. А ты у меня спроси.

Стёпка. А тебя не было!

Софья. А ты бы подождала меня...

Стёпка. Разве что так! Дура я...

Софья (глядя её волосы). Конечно – дурочка...

Стёпка. А когда я умной-то буду?

Софья. Подожди, будешь... Ступай, посмотри, кто приехал.

Стёпка (убегая). Гляди – немец твой...

Софья (усмехается, заглядывает за угол террасы). Анна Марковна, вы что прячетесь?

Целованьева. Беседовали вы тут... У меня вон варенье-то прикипело. Девчонку эту напрасно вы ласкаете, она сахар ворует...

Павла (с террасы). Тётя Соня – там приехали!

Софья. Знаю, иду... Ты что грустная?

Павла. Миша рассказывал про училище...

Целованьева. Охо-хо...

Софья. Нужно приготовить холодного чего-нибудь, наверное, спросят.

(Ушла в дом.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Целованьева. Ох, Павленька, напрасно мы домишко свой продали!

Павла. Пустяки, мамочка...

Целованьева. Свой угол – никогда не пустяки!.. (Понизив голос.) Софья-то тут лесничего отшивала, ай, какая смелая женщина! Видно, решила за немца выйти...

Павла (задумчиво). Она – хорошая...

Целованьева. Все хороши, да – не наши!

Павла. И умная она...

Целованьева. Ну, уж это довольно глупо, ежели женщина всегда умна. Ты бы вот не часто с Михаилом-то...

Павла. Мамаша, оставьте это! Как вы можете напоминать?.. Фу, как скучно с вами! Вы стали злая. На кого злитесь? Удивительно, право...

Целованьева. Ну, ну... На себя обернись... Погляди, какая сама-то стала...

(Скрылась за угол.) (Павла раздражённо толкает гитару. С террасы сходит Шохин, в руках пакеты.)

Павла. Вам кого?

Шохин. Никого. Сахар принёс.

Павла. Вы – Шохин?

Шохин. Шохин. Старшой объездчик.

Павла (тихо). Это вы убили человека?..

Шохин (не сразу). Я-с.

Павла. Господи! Ах вы, несчастный...

Шохин (тихо). Меня оправдали.

Павла. Разве это не всё равно? Ведь вы сами-то себя не оправдаете... Как это вы...

Шохин (сердито). Топором... обухом...

Павла. Ой, я не про то...

Шохин. Ну... Куда это положить? (кладёт пакеты на стол и вдруг говорит поспешно, резко.) Они в седьмом году – чего делали? Приедут – лес рубят чужой...

Павла. А вы – били их?

Шохин. На то нанят...

Павла. Ах, боже мой! Разве можно из-за этого убивать!..

Шохин. И за меньше убивали...

Павла (смотрит на него и жалобным, ребячьим голосом зовёт). Мамочка!

Шохин (тихо и обиженно). Вы – напрасно это... И ведь ничего...

(В доме шум, он оглядывается, скрывается быстро. Выходит Антипа, усталый, пыльный.)

Антипа (оглядывая сад). Это кто убежал?

Павла. Шохин...

Павла. Я не знаю.

Антипа. А Михаило где?

Павла. У себя, должно быть...

Антипа (сошёл, обнял её за плечи). Почему грустная, а?

Павла. Шохин этот...

Антипа. Ну?

Павла. Он ведь человека убил...

Антипа (хмуро). Как же... убил, дурак! Я адвоката ему нанимал, отсудили. Теперь он – собачка верная моя... А если хочешь – могу прогнать...

Павла. Ой, не надо! Тогда он меня...

Антипа. А ты – полно-ка!

Павла. Ну, другого кого... Не надо!

Антипа. Эх ты... Гляжу я на тебя... большие слова в душе ворочаются, а сказать – не умею... Кабы ты поняла! Без слов...

Павла (робко). Я – пойму, подождите...

Антипа. Жду. (Вздыхнул.) Только – гляди: времени у меня мало. Я человек короткой жизни. И люблю, чтобы всё сразу открывалось мне...

Павла. Вон, про вас говорят, что переменялись вы...

Антипа (хмуро). Я? Как это – переменялся? Отчего?

Павла. Не знаю отчего...

Антипа. Кто говорит-то?

Павла. Люди.

Антипа. Лю-уди! (Свистнул.)

Павла. Дела забросили...

Антипа (усмехаясь). Мои дела; хочу – брошу, хочу – нет... (Присматривается к ней, обняв за плечи.) Удивительно слышать это от тебя, – ребёнок ты, а туда же – дела!

Павла (негромко, оглянувшись). А ещё говорят, что всё хозяйство забирает в свои руки тётя Соня...

Антипа (вспыхнув, сердито). Ну, если я узнаю, кто это говорит, – башку сверну! Да. И ты этих пакостей не повторяй – это я тебе приказываю! Слышишь? Меня с сестрой никому не поспорить – дудки! (Оттолкнул её тихонько.) Скажи, пожалуйста, – куда метят!..

Павла (обиженно и медленно отходит прочь). Вот уж вы и рассердились... А ещё просите – говори со мной обо всём, что думаешь...

Антипа (порывисто схватил её за плечо). погоди, ты и говори, всё говори! Не обижайся, – это я так, – досадно мне! А ты – говори! Только – своё говори, а не людское... Людское – это от злости больше, от зависти. Несчастливы люди, малосильны, оттого завистливы и слабы...

Павла. Миша и слаб, а – не злой и не завистник.

Антипа (отшатнулся от неё). Что такое? Зачем ты про него?

Павла. Затем, что неверно вы говорите о людях.

Антипа. Неверно? Потому что – сын... да, вот как вышло...

Павла (беспокойно). Вы, пожалуйста, не думайте...

Антипа (пристально смотрит на неё, торопливо). Про что не думать?

Павла (смущённо). Про то, о чём в четверг говорили... Нисколько он мне не интересен...

Антипа (снова обняв её, смотрит в глаза). Я – не про это, ей-богу! Я тебе верю... Сказала – ну, и кончено! Спасибо. Люблю я тебя, Павла... так, что даже задыхаюсь от этого, от силы. Идём к пруду... идём, я те поцелую там...

Павла (тихо). Ну, что это, днём – нехорошо...

Антипа (уводя её). Хорошо будет! Иди, милая... иди, вечера моего заря ясная...

(Ушли. На террасу выходит Хеверн, прищурился и смотрит вслед им. Стёпка приносит серебряное ведёрко со льдом и бутылками в нём.)

Софья (выходит). Ну-с, продолжайте...

Хеверн. Вы сегодня очень весело настроены, и это меня стесняет...

Софья. Да-а? Вам больше нравятся унылые женщины?

Хеверн. О, вы знаете, кто мне нравится...

Софья (с улыбкой). Будь вы богаче, я говорила бы с вами серьёзнее – не обижайтесь!

Хеверн (чуть поморщился). Это очень драгоценная ваша черта – сказать всегда прямо. Но – я буду богаче! Я уже есть богаче! Я хорошо понимаю, что нигде не нужно так быть богату, как в России, где только деньги дают независимость и почтение. И я знаю, что в сорок лет я буду иметь сто тысяч, – мне тридцать четыре года.

Софья. Слишком много арифметики вводите вы в жизнь.

Хеверн. А! Это – необходимость. Нужно уметь считать, хотя бы для того, чтоб в пятьдесят лет не жениться на двадцатилетней девушке. Это никогда не составит семьи и может очень вредить делу.

Софья (холодно). Вы думаете?

Хеверн. О, я уверен! Поздние браки в России всегда неудачное дело. Когда человек торопится домой – дело теряет. От этой торопливости могут пострадать интересы третьих лиц.

Софья. Мои, например...

Хеверн. И ваши. А также – мои...

(Вышел Михаил, молча поздоровался с Хеверном, налил стакан вина, сел на верхней ступени, рассматривает вино на свет. Хеверн смотрит на него сверху вниз, Софья курит и следит за ним.)

Хеверн. Утром ловили окуней, Миша?

Михаил. Ловил.

Хеверн. И – что же?

Хеверн. Много?

Михаил. Одного.

Хеверн. Большой?

Михаил. Около фунта...

Хеверн. Очень плохо! Ничто не берёт так много время, как ловля рыб. (Софье.)
Вчера я разговаривал с вашим предводителем дворян – это очень странное лицо!

Софья. Да? Почему же?

Хеверн. Очень! Бывал в Европе, интересуется искусством, посетил музеи – и ни
однажды не был в рейхстаге! Он не понимает, что социализм – явление
историческое, и смеётся над тем, что нужно изучать. Один голый инстинкт
собственника-индивидуалиста не может победить социализм, – чтоб успешно
бороться, нужно знать врага, – так!

Софья (задумчиво). Я – тоже не интересуюсь социализмом.

Хеверн. О, для женщины это необязательно! Да, странный человек предводитель... Он
так... с яростью говорил о честных заслугах дворян перед Россией – очень красиво!
Но, если ему предложить две с половиной тысячи рублей, – он без усилия покривит
себе душу...

Софья (смеясь). Почему именно две с половиной?

Хеверн. Так, для примера...

Софья. Вы предлагали?

Хеверн (строго). Н-но, зачем! (Михаилу.) Вы живёте дружелюбно с Павлой
Николаевной, да?

Михаил. Она очень хороший человек – честный и добрый...

Хеверн. Да? Это приятно. Но – многие русские, мне кажется, добры только по
слабости характера?

Михаил. Не знаю... Вам – виднее.

(Из сада идут Антипа, Павла, порознь, оба притихшие. Все молчат, видя их.)

Антипа (ворчливо, угрюмо). Когда сердце не горит, а тлеет только – это, брат,
ещё не жизнь... Ты погоди рассуждать...

Павла (устало). То вы говорите, что я глупая, то – не рассуждай...

Антипа (с досадой). Эх, да ты пойми – о разном говорю!.. (Увидел сына,
выпрямился, строго спрашивает.) Ведомость готова?

Михаил. Нет ещё.

Антипа. Отчего? Ведь я сказал...

Михаил. Счета Чернораменской дачи не доставили мне...

Антипа. Как не доставили? Врёшь!

Софья. Счета у меня, не кричи! Их нужно проверить...

Антипа (входя на террасу). Ну, ты всегда заступаешься... где не надо! Проверить...
что ж он сам – не может?

(Софья что-то строго шепчет ему, он мычит.)

Хеверн (Павле). Как поживаете?

Павла. Благодарю вас, хорошо...

Хеверн. Я очень рад.

Павла. Это вы – серьёзно?

Хеверн. Что именно?

Павла. Вас серьёзно радует, когда людям хорошо?

Хеверн (удивлён). О, конечно! Как же иначе? Несомненно. Когда всем хорошо вокруг меня – я выигрываю...

Павла. Как это просто и верно...

Хеверн. О, я очень люблю всё простое, оно именно – верно!

Антипа (Хеверну). Идём план-то посмотреть...

Хеверн. Пожалуйста...

Антипа. Иди-ка ты с нами, Михаил! Софья, купили мы лес-то у предводителя – знаешь?

Софья. Нет, не знаю...

Антипа (Хеверну). Ты что ж, не сказал компаньонке-то?

Хеверн (хмурясь). Я был уверен...

Софья (брату). Сколько?

Антипа. Двадцать три...

Софья. Ты не хотел давать больше восемнадцати?

Антипа. Не хотел, а пришлось дать.

Софья. Почему же?

Антипа. Конкурент явился новый. После расскажу. Идёмте... Михаило – иди!

(Уходят. Хеверн идёт сзади. Софья, задумчиво покуривая, наблюдает за ним. Павла, прислонясь к перилам, стоит, опустя голову.)

Софья. Ты что грустишь?

Павла. Устала.

Софья. О чём беседовали?

Павла. Да... всё о том же... Он всё говорит, как любит меня... Я же знаю ведь это! А он – всё говорит, говорит...

Софья. Поди ко мне. Эх ты... птица!

Павла. Нет, право, ну – люблю, люблю... нельзя же всё об этом только!

Софья (грустно). Дитя моё, это очень худо, если нельзя говорить только об этом...

Павла. Да и все мужчины... Как он странно смотрит на тебя!

Софья. Кто?

Павла. Густав Егорович.

Софья. А! Он на всё так же смотрит. Хозяин.

Павла. Нравится он тебе?

Софья. Ничего, мужчина крепкий. С ним хорошо по железным дорогам ездить – нигде не опоздаешь...

Павла. Не понимаю. Это ты шутишь?

Софья. Многого ты, дружок, не понимаешь...

Павла (грустно). Да. Всё не так, как я думала...

Софья. Скажи ты мне – зачем ты вышла замуж за брата?

Павла. Я думала – иначе будет. Видишь ли – я очень боюсь всего... Всё чего-то жду... До двенадцати лет – отец пугал, потом – пять лет – в монастыре. Там тоже все в страхе живут; сначала боялись, что ограбят, – и тревожный год казаки стояли у нас и каждую ночь свистели все. Пьяные, песни поют. Монахинь – не уважали, и всё было нехорошо как-то. Все грешат против устава, злые все и друг друга боятся. Бога – тоже боятся, а не любят. Я и подумала: нужно мне встать под сильную руку – не проживу я одна как хочется...

Софья (задумчиво). Ты думала – Антипа сильный?

Павла. Он сам сказал. Мише – ничего не нужно, он чужой всем. А прежде сватались всё какие-то жадные...

Софья (лаская её). А я подумала о тебе плохо, Павля... Сначала, помнишь?

Павла. Да. Нет, я плохого не люблю, я боюсь его. Ты очень строго, бывало, смотрела на меня, и я от этого плакала в уголках... Хотелось подойти к тебе, сказать: я – не плохая, не жадная, – а смелости не хватило...

Софья. Ах, девочка, девочка, господь с тобою... Трудно тебе будет...

Павла. Мне уж стало трудно! Тут – Шохин ходит. Убил человека и – ничего, ходит!

Софья. Ты его оставь, не бойся! Он – не злодей, а несчастный...

Павла. А я думала пожить тихо, чтобы все вокруг были добрые, улыбались бы и верили, что ты никому зла не хочешь...

Софья. В это – не поверят, нет...

Павла. Отчего же, отчего?

Софья (встала, ходит). Не поверят... Ты очень хорошо сказала: чтобы все улыбались...

Павла. Как перед праздником: уже всё сделано, убрались, устали и с тихой радостью ждут светлого дня.

Софья. До праздника – далеко, дружок! И сделано для праздника – мало...

Павла. Ах, господи! Тётя Соня – научи меня!

Софья. Чему?

Павла. Как лучше жить с людьми...

Софья. Сама не знаю... не знаю! Жизнь проходит в пустяках, в тумане...

Павла. Чего тебе хочется?

Софья. Мне? (Остановилась, говорит негромко, с большой силой.) Мне хочется нагрешить, набуянить, нарушить все законы, всё спутать, а потом, как взойдешь высоко над людьми, – броситься под ноги им: милые люди, родные мои люди! не

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
владыка я вам, а низкая грешница, ниже всех, и – нет вам владык, и не нужно нам владык...

Павла (испуганно, тихо). Зачем это? Что ты?

Софья. Чтобы освободить людей от страха друг пред другом... Некого бояться! А все – напуганы, подавлены, живут в страхе – ты сама видишь это! Никто не смеет сказать до конца своё слово...

(Антипа стоит в дверях, прислушиваясь.)

Павла. Это... я не понимаю! Ведь так – погубишь себя?..

Софья. Людей ради – бог погиб, говорил отец Шохина.

Антипа. О чём толкуете?

Павла. Ой!

Антипа (подходя к ней, обиженно). Чего же испугалась? Не виновата – не бойся. Про что говорили?..

Павла. Так – разное...

Антипа (сестре, грубовато). Говорить надо меньше...

(Софья ходит, не глядя на него, скрывая волнение.)

Павла (ласково). Кричать меньше надо... вы вот всё кричите, это не нужно...

Антипа (мягко). Я – не со зла, а... просто такой голос грубый. Надо бы чайку попить, а, хозяйка? Поди-ка, снаряди... Здесь накрыть веля. И – закуску... Иди, милая! (Павла уходит; проводив её глазами, он говорит сестре обиженным тоном.) Портишь ты мне её... (Софья молча прошла мимо. Он повторяет настойчиво.) Портишь ты мне жену-то, говорю!

Софья (вдруг, резко). Молчи!

Антипа (отшатнулся). Постой... что ты?

Софья. Ну – хорошо тебе – спокойно, сладко – с молодой?

Антипа (опускается в кресло, тихо). Она – жаловалась?

Софья (успокаиваясь). Нет. Поверь мне – нет! Извини меня, я дурно настроена... тяжело на душе у меня... извини!

Антипа (тихо). Испугался я. Господи помилуй! Я, брат, так люблю её... сказать не могу!

Софья (снова ходит). Счастья это не дает ни тебе, ни ей...

Антипа. Ну... ты погоди ещё! (Молчание.) Соня?

Софья. Что?

Антипа. А... как она с Михаилом – ничего?

Софья (останавливаясь пред ним). Ты это брось – слышишь? Не внушай этой мысли ни себе, ни кому! Хеверн где?

Антипа (махая рукой). Там... в планы залез. Ну его... надоел!

Софья. Ты для него становишься слишком выгодным компаньоном...

Антипа (настораживаясь). Как это?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Софья. Так. Не разевай рта.

Антипа (ухмыляясь). Во-он что! А я думал, у тебя с ним...

Софья. Не о том думаешь...

Антипа (вздыхнув). Трудно тебя понять, Соня!

Софья. При Павле на Мишу орать не надо – понимаешь?

Антипа. Ну, ну... Досаден парень... беда как! Что живёт, чего ради?

Софья. О себе подумай...

Антипа (задумчиво). Павлу я не обижу...

Софья. Над матерью её не смейся...

Антипа. Не люблю бабу эту...

Софья (прислоняясь к перилам). Устала...

Антипа (вскочил, подходит к ней). Что ты? Воды дать?..

Софья (прислоняясь к нему). Нехорошо...

Антипа. Отчего? Ах ты, господи!.. Соня – в чём дело-то?

Софья. Подожди... О, боже мой...

Антипа (обнял её). Эх ты, головушка! Пойдём, ляг, отдохни...

(Уводит её. Из сада выходит Тараканов; на террасе – Михаил, остановился у стола, наливает вина, пьёт.)

Тараканов. Уехал немец-то?

Михаил. Он – швед. Или – грек.

Тараканов. Это всё равно – чужой. Уехал?

Михаил. Останется ужинать...

Тараканов. Гм... Удивительно!

Михаил. Что?

Тараканов. Неужто никто не слышит, что от него жуликом пахнет?

Михаил. Ну-у... У вас все жулики!

Тараканов. Не все, а – девять, десятый – дурак., Где Софья Ивановна? Она всё видит...

Михаил. Не знаю я... не знаю! (Садится на ступени, закуривает. Тараканов, жестикулируя, что-то бормочет, уходит. Из дома выходит Павла, улыбаясь, останавливается сзади Михаила и концом шарфа щекочет ему шею.)

Михаил (не оборачиваясь, грубовато). Смотрите, отец увидит – шум будет...

Павла (с гримасой). Уж и пошутить нельзя... Я молодая, мне скучно...

Михаил. Всем скучно...

Павла. Есть же где-нибудь весёлая жизнь!

Михаил. Поищите...

Михаил. Мне – в контору нужно. Докурю и пойду зарабатывать хлеб мой, в поте лица...

Павла (сходя по ступеням). Ну, я одна... Вот пойду так и буду идти неделю, месяц – прощайте!.. Вам будет жалко меня?

Михаил. Мне давно вас жалко...

Павла. Это – неправда... Не верю я... (Идёт. Обернулась, грозит ему пальцем.)
Неправда!

(Михаил угрюмо смотрит вслед ей, гасит папиросу, встаёт, сзади его – отец.)

Антипа. Куда?

Михаил. В контору...

Антипа. Про какую это неправду говорила она?..

Михаил. Не знаю... не понял я...

Антипа. Не понял? (Смотрит на сына хмуро, видимо, хочет что-то сказать – отмахнулся от него.) Иди! (Опустив голову, медленно идёт за Павлой, из-за угла выглядывает Анна Марковна, грозит ему кулаком.)

Занавес

Действие третье

Просторный кабинет, большой письменный стол, направо – камин, налево – две двери: одна маленькая – в спальню Софьи, другая – во внутренние комнаты. В задней стене два окна и дверь на террасу. Софья с бумагами в руках стоит у стола; Муратов, собравшийся уходить, бьёт себя по ноге измятой шляпой. Осенний серый день смотрит в окна, за стёклами качаются голые сучья.

Софья (задумчиво). Ещё один вопрос...

Муратов (наклоня голову). Хоть десять!

Софья. Скажите мне, просто и прямо, что побудило вас собрать эти бумаги?

Муратов. Моё чувство...

Софья. Оставим чувства в покое...

Муратов. Ну – что же я скажу тогда? (Пожал плечами, усмехается.) Уж очень вы строги со мною – терпенья нет! Я даже и не назвал – какое чувство...

Софья. Ревность, что ли?

Муратов. Представьте – нет!

Софья. Желание причинить мне неприятность, да?

Муратов. Тоже – нет. Боюсь, что не сумею объяснить вам так, чтоб это не рассердило вас и чтоб вы поняли. (Подумав.) Не поймёте, наверное; я сам плохо понимаю, в чём тут дело...

Софья. А всё-таки?

Муратов (вздыхнув). Есть между нами некий спор, – есть, как вы думаете? (Она молча кивает головою, присматриваясь к нему.) Ну так вот эти бумаги – доказательство, что прав – я, а вы ошибаетесь.

Софья (вздыхнув). Уклончиво.

Муратов. Позвольте откланяться...

Софья (оглядывая его). Прощайте. Отчего вы так легко одеты? Ветер, может пойти дождь...

Муратов (тихонько смеётся). О, не беспокойтесь!

Софья. Почему вы смеётесь?

Муратов. Есть причина... есть, уважаемая женщина! Я – ушёл.

Софья. Извините – не провожаю. Вы зайдёте в контору? Пожалуйста, пошлите ко мне Тараканова...

(Бросив бумаги на стол, вытирает руки платком, потом крепко прижала пальцы ко глазам. В дверь из сада входит Антипа, нездоровый, встрепанный, в толстом пиджаке, без жилета, ворот рубахи расстегнут, на ногах валяные туфли.)

Софья (вспльчиво). Надо спрашивать – можно ли войти!

Антипа (равнодушно). Ну, вот ещё... новости!.. Что я – чужой, что ли?

Софья. Что тебе нужно?

Антипа. Ничего. (Осматривает комнату.)

Софья (присматриваясь к нему, мягче). Ты что шляешься растрёпой таким?

Антипа (садясь в кресло у камина). Умру – нарядишь.

Софья. Н-но, здравствуйте!

Антипа. Не люблю я старых этих барских домов. Не дома – гроба! И запах даже особый, свой. Напрасно я к тебе переехал. Чужой стал я всему...

Софья. Перестань, пожалуйста... Не время мне слушать этот вздор. (Входит Тараканов, она протягивает ему толстую папку со стола.) Матвей Ильич, отберите, пожалуйста, все счета и документы по Чернораменской даче и по Усеку. Здесь и сейчас... (Садится к столу, пишет. Тараканов пристроился за столиком у камина, надел очки; Антипа смотрит на него, улыбаясь.)

Антипа. Что в газетах пишут?

Тараканов (мрачно). Китай ополчается...

Антипа. Противу кого?

Тараканов. Против нас. По наущению немца.

Антипа. Не любишь ты немцев!

Тараканов. Нисколько не люблю.

Антипа. За что?

Тараканов. Они нас умнее.

Антипа. Умных надо уважать.

Тараканов. Я уважаю. Только не люблю.

Антипа. Чудак ты, брат...

Тараканов. У нас все, кто поумнее, чудаки...

Антипа. Это, пожалуй, верно! (Подумав.) Хоша – ты вот и не больно умён, а тоже чудак.

Тараканов. Это неверно.

Антипа. Сказывай! А зачем мундир снял, службу бросил?

Тараканов. Объяснял я это.

Антипа. Объяснял, да не объяснил.

Тараканов. Отойди, сказано, ото зла и сотворишь благо...

Антипа (ударив ладонью по ручке кресла). Дудки! Ничего не сотворишь, отойдя ото зла, ничего, таракан! Нет, ты иди в самое во зло, в сердце ему бей, вали его наземь, топчи, уничтожь, а не поддавайся ему, не давай одолеть тебя – вот как надо! Верно говорю, Софья?

Софья. Верно. Не мешай мне...

Тараканов. Это – просто один крик, слова, барабанная дробь. Погоди, навалится на тебя злое – сам побежишь прочь...

Антипа. Я? Нет, я не из таких. Я, брат, знаю: жизнь наша – кулачный бой! Я – не убегу.

Тараканов. Поглядим.

Стёпка (из двери налево). Антип Иванович, мужики пришли.

Антипа. Какие?

Стёпка. Каменские...

Антипа. Вот я им задам, прохвостам!

Софья. Подожди, они не виноваты! Я знаю – это Хеверн приказал им...

Антипа. Ну? Верно?

Софья. Верно, верно...

Антипа (уходя). Бестолковая немчура...

Тараканов. Потолковее нас...

Стёпка. Софья Ивановна, дай мне книжку...

Софья. Спроси у Миши.

Стёпка. Он меня прогнал. Он молодой хозяйке в ухо поёт...

Софья. Это что такое?

Стёпка. Сидят на диване рядышком, а он ей песню поёт.

Софья. Ну – иди, иди! И не болтай пустяков.

Стёпка. Я – только тебе!

(Ушла.)

Тараканов (ворчит). Молодая хозяйка... Какая она хозяйка?

Софья. Вы давно знаете Муратова?

Тараканов. Я? Лет десять.

Софья. А как вы о нём думаете?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Тараканов (глядя на неё через очки). Раньше – давно – думал хорошо. Затева! он тут весьма много полезного по своей части, по лесной, новые насаждения и всё такое. Хворост крестьянам давал, много очистил леса, осушил. Потом – вдруг, словно ударился обо что, – ослеп и озлился. Теперь – очень неприятное лицо. Люди у нас – соломенные; вспыхнет, сгорит, дыму – не мало, а – ни света, ни тепла.

Софья (внимательно слушает, облокотясь на стол). А что в нём неприятно вам?

Тараканов. Мне? Да то же, что и всем... не любит он никого, злит всех, ссорит... Сплетник... ну, и по женской части нечистоплотен... А – умный ведь...

Павла (входит). Можно к тебе?

Софья. Конечно!

Павла. Холодно везде...

Софья. Вели затопить камин.

Тараканов (подавая пачку бумаг). Извольте-ка... Могу идти?

Софья. Благодарю вас. Пошлите, по дороге, Стёпу. И – Мишу...

Павла. Почему ты такая нарядная?

Софья. Гостя жду.

Павла. А Миша опять стихи сочинил.

Софья. Хорошо?

Павла. Да. Про сосны.

Софья. Он выпивши?

Павла (вздыхнув). С утра.

Целованьева (в двери). Конечно – мальчик должен пить мёртвую.

Софья. Почему же должен?

Целованьева. А – обидели!

Софья. Мало ли обиженных!

Целованьева. Все и пьют. А вы думаете – отчего пьют? И отец твой от обиды пил: он был умный, а никто за ним этого не признавал. Он и стал ум свой озорством доказывать, вот – как лесничий! Его, конечно, судить, а он того пуце озорует. Много ли человеку надо? Душа человека – детская, душа недотрога... Зачем, бишь, я пришла? Да, Софья Ивановна, вы Стёпке жёлтую ленту подарили?

Софья. Подарила, а что?

Целованьева. Ну, тогда – ничего. А то она запутала в мочало своё ленту и пялится на кухне перед зеркалом...

Павла. Бросьте это, мамочка!

Целованьева. Да мне что? Своё добро береги, а чужое – вдвое...

(Степка входит.)

Целованьева. Вот она, красавица...

Стёпка. Звали меня?

Целованьева (уходя). Конечно, звали. Какая без тебя жизнь!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Софья. Затопи камин, Стёпа...

Стёпка (убегая). Ух, не любит меня бабушка... страсть сердитая!..

Софья. Славная девчоночка...

Павла. Одна она в доме весёлая. Только дерзкая очень.

Софья (подходя к ней). Скажи-ка ты Антипе, чтоб он тебя в Москву свозил...

Павла. Зачем?

Софья. Посмотришь, как живёт столичный город.

Павла (равнодушно). Хорошо, я скажу.

Софья (положив руку на голову ей). Тебе этого не хочется?

(Из внутренних комнат вошёл Михаил, посмотрел на них и опустил тихо в кресло. Почти не видный за портьерой, сидит и дремлет.)

Павла. Ехать? Нет. Мне – уснуть хочется на год, на три... а проснусь – и чтобы всё было другое...

Софья. Это – ребячество, Павла! Надо учиться самой строить свою жизнь. Нельзя ждать, что другие сделают необходимое тебе.

Павла. Не сердись на меня, пожалуйста!

Софья. Ты – молодой человек, сердце у тебя доброе, людей тебе жалко, – да?

Павла. Я знаю, что ты хочешь сказать. Право же, Миша мне вовсе не нравится, просто я люблю, когда он говорит.

Софья (удивлённо отклонилась). Я не про это! Но, уж если ты сама начала, так я скажу – ты плохо ведёшь себя с ним! Он – не ребенок, и это может кончиться худо для тебя.

Павла. Ах, мне так скучно! Что же мне делать? Он такой занятный...

Софья. Уезжай с Антипой, а я без вас устрою Михаила.

Павла. А может, лучше с мамашей?

Софья. Тебе тяжело с мужем?

(Павла молча жметя к ней.)

Софья (поднимая голову её, смотрит в глаза). Милая, я это понимаю... Я говорила тебе, что у меня муж тоже был...

Стёпка (вбегает). Софья Ивановна – немец приехал, нарядный – ужаси!

Софья. Вот... (Провела рукой по лицу.) Ну, Павля, ты оставь меня...

Павла (вскакивая). Ах, господи... как я желаю тебе...

Софья. Спасибо, милая!.. Скажи, Стёпа, что я прошу его... (Оставшись одна, прикрыла книгой бумаги на столе, оправляет волосы перед зеркалом, увидала в кресле Михаила.) Миша! Ты – давно здесь?

Михаил. Давно...

Софья. Слышал, что мы говорили?..

Михаил. Слышал что-то... Немец приехал. Монашка что-то сочиняла...

Софья. Сочиняла?

Михаил. Ну, конечно. Она же всегда сочиняет... Она всё ещё живёт в куклы играя. И я для неё – кукла, и отец, и ты... Она на всю жизнь такой будет.

Софья. Знаешь – это, пожалуй, верно!

Михаил. Зачем ты меня звала?

Софья. Теперь не нужно уже. Иди, пожалуйста... Я потом позову тебя.

Михаил (вставая). Пошёл. Выходи-ка ты замуж за этого немца и гони всех нас к чертям в болото... всех, вместе с романическим папашей и его второй молодостью...

Софья. Ах, да иди же!

Михаил. Ш-ш! Тебе нужно быть в полном обладании всеми чувствами... Здравствуйте, цивилизация и культура!

Хеверн (одетый очень парадно, бриллиант в галстук и на пальце левой руки. Молча здоровается с Михаилом, целует руку Софьи, идёт за нею к столу). Вы, вероятно, догадываетесь, почему я просил вас принять меня сегодня...

Софья (садясь). Кажется – догадываюсь...

Хеверн. Это очень приятно мне...

Софья. Да?

Хеверн. Это устраняет лишние объяснения. Можно курить?

Софья. Как всегда. (Пододвинула ему пепельницу, спички.)

Хеверн. Я несколько волнуюсь...

Софья. Дать воды?

Хеверн. О, нет! Это волнение естественно...

Софья. У вас очень внушительный вид сегодня...

Хеверн. Если б и мысли мои внушили вам доверие ко мне...

Софья. А вот – познакомьте меня с ними.

Хеверн. Такова и есть цель моего визита! (Раскуривает сигару.) Вы знаете, что я очень уважаю ваши идеи, они вполне отвечают моим задачам.

Софья. Весьма лестно слышать это.

Хеверн (кланяясь). Да. Я говорю искренно. Вы, конечно, не откажете мне в знании России и русских людей – я умею видеть много и хорошо! Я восемнадцать лет среди русских, я изучил их, и мой вывод есть такой: Россия страдает прежде всего недостатком здоровых людей, умеющих ставить себе ясные цели. Вы – согласны?

Софья. Далее.

Хеверн. Да. У вас очень редки люди, уверенные в себе, в своих силах. У вас очень много метафизики – мало математики...

Софья. Вы говорили это не раз...

Хеверн. Я так думаю! Теперь – вы: вы женщина с умом и характером.

Софья. Благодарю вас...

Хеверн. Это – правда! Я даже думаю о вас аллегорически: Софья Ивановна – это новая, здоровая душой Россия, которая, в условиях, достойных её, может делать всякое дело, может делать очень много культурной работы.

Софья. Вы меня захвалите...

Хеверн. Это всё совершенно серьёзно! И потому союз со мной, который я вам предлагаю, имеет очень глубокий смысл. Это – более, чем просто брак, да! Моя энергия и ваша – о! – это будет колоссально! Когда два сильных лица понимают свои задачи, это очень... важно, особенно для России, в те дни, когда она должна, наконец, бросив всякие эти... мечтания, взяться за простое дело жизни, поставить себя на крепкую ногу... Ваш брат увлечён семейной жизнью, он стал плохо работать, как я имел честь не однажды указать вам, заботясь о ваших интересах...

Софья. Вы впервые объясняетесь в любви?

Хеверн (несколько смущён). Позвольте – теперь вопрос не этот! О чувствах я говорил вам – четыре раза.

Софья. Четыре? Так ли?

Хеверн. Так. Я – помню! Первый раз – в саду предводителя дворян, на именинах его, когда был дождь и вы промочили ноги. Второй – здесь, на берегу пруда, на скамье. Вы тогда смутили меня, сказав шутливо о лягушках, что они тоже квакают – про любовь...

Софья. Третий и четвёртый я помню.

Хеверн. Это, конечно, верно, о лягушках, но – извините – это была несвоевременная шутка! Когда сердце человека жадно хочет...

Софья. Давайте прекратим эту беседу, Густав Егорович...

Хеверн (удивлён). Почему?

Софья. Нужно ли объяснять?

Хеверн (встал, обиженно). О, конечно, нужно объяснить, когда кто-нибудь не понимает... Я сочту себя оскорблённым, если вы откажете...

Софья. Вот как? Хорошо! (Встала, ходит.) Вы предлагаете мне спасти Россию вместе с вами...

Хеверн. Это – утрировано!

Софья. Ну, вы предлагаете что-то в этом роде. Я – не считаю себя способной к делу столь трудному. Это – первое. Второе: вас я тоже не могу признать достойным этой роли...

Хеверн. Позвольте – какой роли?

Софья. Ну, скажем, роли культурного работника.

Хеверн (с улыбкой). О! Почему?

Софья. Потому что вы мелкий хищник.

Хеверн (изумлён больше, чем обижен). Позвольте! Это уже... это я не ожидал! И это – я не понимаю...

Софья. Я говорю обдуманно. На столе у меня лежат документы, уличающие вас в целом ряде поступков нечестных...

Хеверн (сел, грубо). Таких документов не может быть!

Софья (стоит за столом; спокойно, веско). У меня копия вашего договора с буяновскими мужиками. Мне известна ваша сделка с предводителем...

Хеверн (пожимая плечами). Это – коммерция...

Софья (тише, с усилием). Вы убеждали Тараканова составить фальшивую опись...

Хеверн. Тараканов – психически больной...

Софья. А Шохин, которого вы пытались подкупить, – тоже больной?

Хеверн. Всё это искажено...

Софья. Вы всё бесцеремонней и глубже залезаете в карман моего брата – по-вашему, эта деятельность необходима в России?

Хеверн (отирая лицо платком). Вы можете выслушать мои объяснения?

Софья (ходит, усмехаясь). Ну, сударь мой, какие же тут объяснения могут быть? Все ясно!

Хеверн (аккуратно гасит сигару). Значит, вы меня считаете человеком нечестным и недостойным вашей руки?

Софья (остановилась удивлённая, потом смеётся). Ну, знаете, вы очень наивный человек!

Хеверн (улыбаясь, разводит руками). Если я и допустил... что-нибудь излишнее, то это потому, что я был уверен в вашем доброжелательном отношении ко мне...

Софья. Не понимаю...

Хеверн. Мне казалось, что вы считаете меня своим другом, моё дело – вашим!

Софья. Ах, вот что! Ну, вы ошиблись...

Хеверн. Ошибки нужно извинять. Я думал, что, видя, как ваш брат ведёт дела, вы меня не только не осудите, но моя предусмотрительность...

Софья (подходит к нему; тихо, но твёрдо). Ступайте вон!

(Хеверн, вспыхнув, делает движение к ней, она схватила что-то со стола; несколько секунд они стоят друг против друга молча.)

Хеверн (отступая). Вы – очень грубая женщина! Вы – смешная, да!

(Быстро идёт к двери, надев шляпу ещё в комнате. Софья, присев на край стола, одной рукой прикрыла глаза, другой – крепко трёт колено.)

Стёпка (в двери, смотрит на неё, вздыхает). Печку-то затопить?..

Софья (глухо). Не нужно... Впрочем – затопи...

Стёпка. Шохин к тебе просится...

Софья. Ах, пусть подождёт...

Стёпка. Ему в лес ехать надо...

Софья. Отстань! Ну, зови... Скорее!

(Стёпка убежала, в двери столкнулась с Антипой.)

Антипа. Эк тебя беси носят!.. Соня – что такое? Немец в зале наскочил, зелёный весь, шипит, не попрощался...

Софья (грубовато). Он тебя за этот год обобрал тысяч на десять...

Антипа. Ну-у? Молодец, не зевает... Эхма, люди!.. А Павла говорит – надо быть добрым; люди, говорит, соскучились по сердечному доверию к ним. Павла-то где – не знаешь?

Софья. Ты бы поехал куда-нибудь...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Антипа. Вот ещё... зачем?

Софья (прячет в стол бумаги). Обленился ты, Антипа... Смотреть на тебя неприятно...
Оставь-ка ты меня... что ты целый день бродишь?

Антипа (уходя, грубо). Место себе ищу...

(Софья ходит по комнате, оправляя волосы. Стёпка с пучком лучины, в двери –
Шохин; Софья смотрит на него и молчит.)

Шохин. Шохин пришёл.

Софья. Да. Ну, что, Яков? Скорее!

Шохин. Рассчитай меня. Отпусти...

Софья. Хорошо... Пстой – почему это?

Шохин. Так. Есть причина.

Софья. Ну, что ж... Очень жаль...

Шохин. И мне жаль.

Софья. Обидел кто-нибудь?

Шохин. Нет...

Стёпка. Врёт он, его святенькая обижает, монахинька эта, святоша...

Шохин. Прогони Стёпку...

Стёпка. Сама уйду...

(Убежала.)

Шохин. Причина та, что не могу я при молодой хозяйке, боюсь её...

Софья. Что такое?

Шохин. Жмёт она меня... всё глядит эдак жалостно... ну, – я не хочу! Конечно,
человек я виноватый... однако – не каждый день судить меня, это уж не суд, а мука
будет!.. Вошла она в дом и вроде как песку насыпала в машину нашу... Нехорошо с
ней. Вон и ты извелась...

Софья (смотрит на него, не слушая, тихо говорит). А глаза такие славные, мягкие...

Шохин. У неё? Ты глазам не верь – делу верь! А дела от неё не будет хорошего...

Софья. Это я не про неё сказала...

Шохин. Эти, которые тихие, они близко подползают – метко жалят. Змея – тиха.

Софья. Ну, ладно, оставь...

Шохин. Немцу – тоже не верь. Чужой человек и бесстыдный... А насчёт этого...
усопшего, насчёт жены, детей... его...

Софья. Ладно, не беспокойся... Куда же ты пойдёшь?..

Шохин. В город. А там – не знаю...

Софья. Жалко мне тебя...

Шохин. И мне тебя. Одна ты тут... Хозяин-то без вина пьян. Дай тебе бог во всём
удачи!.. Прощай, Софья Ивановна!

Софья. Прощай... (Подает ему руку, он взял и держит, глядя на неё исподлобья.)

Шохин. Нет. Я лучше вернусь, когда она помрёт.

Софья. Кто-о? Зачем ей умирать?

Шохин. А жить зачем? И жить ей тоже незачем... Прощай... (Уходит, пятясь задом.)

Софья (смотрит вслед ему, трёт глаза руками и бормочет). Кошмар какой-то! (Видит в зеркале, что Павла, проходя с Михаилом мимо двери, играючи прижалась к его плечу; тихо, испуганно зовёт: «Павла!» Они входят рядом, Михаил смущённо улыбается.)

Михаил. А, огонь! Это – славно!

Павла. Ты что какая хмурая?.. (Обнимает её.) Ты послушай-ка, что Миша сочинил...

Софья (заглядывая в лицо ей). Дитя моё, ещё недавно, сегодня я говорила тебе...

Михаил. Ой, серьёзный разговор!..

Софья. Я тебя попрошу уйти...

Михаил (садясь на пол к огню). Нет, не уйду...

Софья (устало). Вы, кажется, с ума свести меня хотите... право!

Целованьева (входит). А я вас ищу везде... Вы бы не прятались, а то хозяин сегодня совсем не в уме... орёт на всех...

Софья. Анна Марковна, мне нужно поговорить с ними один на один.

Целованьева (обиженно). Хорошо, матушка, я уйду... Хотя и мать...

Михаил. Тётя Соня, право же, не о чём говорить... ничего нового нет! Ты, в самом деле, послушай-ка вот, что я сочинил...

Павла (смотрит на Софью, прищурив глаза, покачиваясь на ногах). Я тоже не хочу говорить ни о чём...

Софья (осматривает всех, идёт к столу). Ну, хорошо... Давайте посидим молча, успокоимся...

Павла. Миша, да читай же...

Михаил. Готов, маменька...

Павла. Опять? Я же просила не называть меня так!

Михаил. Это – законный титул.

Софья (нетерпеливо). Читай, Михаил...

Михаил (усмехаясь). Сейчас... дай припомнить...

Павла. А я – помню...

Целованьева (из двери громко шепчет). Отец идёт – перестаньте!

Софья. Анна Марковна, зачем вы...

Целованьева. Опять не угодила...

(Павла жмётся к Софье; Михаил, сидя на полу, хмурится, отодвигаясь в тень.)

Антипа (входит, угрюмо смотрит на всех, опустив руки, шевеля пальцами). Отчего же перестать надобно? Ну – собрались все в одну комнату... стихи, разговор... что ж такое? Ничего ведь нет такого... (Внезапно, с тоской.) Да не бойтесь вы меня, чорт

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
вас возьми, ведь такой же я человек, как все!..

Софья. Тише, Антипа...

Антипа. Молчи! Что ты всё останавливаешь меня? Что все бегут меня? Зверь я, что ли? Ну? Это когда человек один оставлен – он звереет, конечно...

Михаил. Папаша!

Антипа. Ну?

Михаил. Прибавьте жалованья Шохину, Якову!

Антипа (медленно). Это – что такое? Насмешка?

Михаил. Ей-богу – нет! Просто – он веселее будет!

Антипа. Это что, Софья?

Софья. Так, дурит Миша! Шохин уходит от нас.

Антипа. Уходит? Куда?

Софья. Не знаю...

Павла. Вот – хорошо... Боюсь я его...

Антипа. Ты – всего боишься... И – напрасно... (Задумался.) Так – уходит Яков? Дела...
Что это он?

Михаил. Я не знал этого...

Антипа. А что ты знаешь? Отец – лесом торгует, а сын – стишки стряпает. Довольно смешно...

Михаил. Начинается...

(Все молчат. Павла что-то шепчет Софье.)

Антипа. При людях будто не шепчутся...

Софья (с тоской). Делали бы вы что-нибудь! Ели бы хоть, пили!.. Анна Марковна – устройте вы чай, что ли...

Целованьева. Чай пить рано ещё...

Софья. Миша, нужно проверить счёт Хеверна...

Михаил. Сейчас?..

Софья. Да!

Михаил. Это ты выдумала, чтобы разогнать всех. Заняла самую лучшую комнату в доме и не любишь, когда у тебя сидят...

Софья. Фу, какой вздор...

Михаил. Не вздор...

Антипа (Павле). Ты что молчишь?..

Целованьева. Вот извольте! Пошепталась – нельзя, молчит – нельзя...

Антипа. Баба – цыц!

Целованьева. Ой, батюшки... Пашенька!

Антипа. Что ты всё мутишь тут, а?

Софья. Антипа, опомнись!

Антипа. Молчи, сестра! Я всё вижу, ты слепая...

Павла (негромко, очень твёрдо). Антипа Иванович, я прошу вас не кричать на мамашу!..

Антипа. Не рассыплется она от моего крика.

Павла (пододвигаясь к нему). Вы – нехороший, злой человек! Я вас не люблю.. Я – боюсь вас!

Антипа. Павла, Павла, господь с тобой...

Софья. Подожди! Слушай, Павла...

Павла. Нет, вы меня послушайте.. Я люблю Мишу...

Михаил. Н-ну!.. (Прячется ещё дальше в тень.) Не верь ей, отец, это она выдумала от скуки...

(Антипа сел в кресло, молча смотрит на жену, страшен.)

Павла (вздрагивая). Ну, да.. ну, господи же!.. Убейте меня за это.. всё равно! Я знаю, – Миша меня не любит.. я знаю.. что же? А я – люблю его.. он лучше всех.. Ну – убейте меня!

Целованьева. Пашенька – зачем ты говоришь?..

Софья. Анна Марковна, я прошу вас уйти!..

Антипа. Эх, Павла.. уйди! Уйди скорее.. Сестра.. уведи её.. Скорее!..

(Софья молча обнимает Павлу, ведёт её вон; за ними, тенью, бесшумно, Целованьева. Михаил прижался за камином, на полу.)

Антипа (сидит окаменевший, быком смотрит в пол, бормочет). Вот как.. Вот, брат, как.. старик.. да..

(Возится в кресле, расстегнул ворот рубахи, взял линейку со стола, сломал её, швырнул в камин. Книгу взял, взглянул на неё, бросил на пол. Нашёл маленький револьвер, усмехнулся и, прищурив глаз, смотрит в дуло. Лицо его становится спокойнее, серьёзней, положил руку с револьвером на колено и, схватившись другой рукой за бороду, замер, закрыл глаза. Михаил испуганно, тихонько идёт к нему, схватил револьвер, но не успел вырвать.)

Антипа (вскочив на ноги). Ты?

Михаил. Слушай, отец..

Антипа. Уйди.. прочь!

Михаил (отошёл к двери). Я не виноват. Мне ничего не надо. Ты – слышал, она сама сказала.. Не верь ей..

Антипа. Всё едино.. всё едино..

Михаил. Я эти мысли знаю..

Антипа. Какие?

Михаил (указывая на оружие). Вот эти..

Антипа (швырнул револьвер на пол, к двери). Дурак.. Ты думаешь, я из-за тебя решусь.. Эх, пьяница!.. Иди вон!

Михаил. Не думай обо мне плохо. Я знаю – я человек бесполезный, больной, мне

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
стыдно пред тобою, пред всеми... Честно говорю тебе – ничего я не ишу у мачехи...

Антипа (ревёт, рычит). Отойди, убью ведь! Забуду, что ты сын мне... (Вдруг бросился, схватил сына за горло, встряхивает.) Вот какие мысли в башке твоей поганой...

Михаил. Это – не мои, твои мысли...

Антипа. Что-о?

Михаил. Я тебя старше душою... Я не повинен ни в чём...

Антипа. Ты у меня сердце вынул...

Софья (вбегает). Пусти! Ну? Миша – беги!

(Михаил выбежал, поднял револьвер.)

Антипа (слепо ткнулся к сестре, обнял). Софья... скорее, матушка! Гони всех... Её – спрячь... Мишка – пусть едет, уезжает! Софья – около меня великий грех ходит... Делай что-нибудь!.. Сердце моё... не дышит...

(Софья, усадив его в кресло, запирает двери.)

Антипа. Убило меня...

(Выстрел в доме. Антипа вскочил, смотрит на пол, не может ничего сказать.)

Софья (взглянув на стол, бросается к дверям, на ходу). Он взял со стола револьвер!..

Антипа (шатаясь). Это – Михайло... сын...

Занавес

Действие четвертое

Та же комната. В кресле, у камина, Антипа, точно пьяный. Сзади его тихо шагает Муратов, курит, задумчив.

Антипа. Что доктор-то говорит?

Муратов. Я же не знаю, – ведь мы сейчас только приехали...

Антипа. Сейчас? Да...

Муратов (опасливо взглянув на него). Он, вероятно, ещё не успел осмотреть...

Антипа. Меня Софья вытурила оттуда. (Помолчав.) А ты зачем приехал?

Муратов. Я же говорю: доктор у меня сидел, прискакал Шохин...

Антипа. Шохин? Он тоже вот человека убил.

Муратов. Я и поехал с доктором... Может быть, окажусь полезен...

Антипа. Ты?

Муратов. Ну да...

Антипа. А – Шохин где?

Муратов. В город послали, за лекарствами...

Антипа. Так. Всё можно объяснить...

Муратов. Тут и объяснять нечего...

Антипа. Ну – нечего! (Усмехнулся.) А что, барин, не любишь ты меня?

Муратов (на секунду остановясь). Пожалуй, теперь не время о любви говорить...

Антипа (повторяет медленно). О любви говорить не время... Слова-то какие... А я вот не боюсь сказать, что никого не люблю. Софью только... очень уважаю... (Помолчал.) А сказать – люблю... это очень опасно... Доктор-то пьяный?

Муратов. Не сильно... Как всегда...

Антипа. А не повредит он Михаиле?

Муратов. Н-но... вы же знаете, что он хороший доктор...

Антипа. Да. Он и человек хороший. Только вот, спойл ты его... Всех ты тут повредил... Михаила тоже... вредное ты лицо... Стой!

(Испуганно приподнимается с кресла.)

Софья (входит торопливо, рукава засучены). Ну, рана не опасна... слышишь, Антипа?

Антипа. Верно? Не опасна?

Софья. Конечно – верно...

Антипа (опускаясь в кресло). Спасибо тебе...

Софья (прошла в свою комнату, на ходу сказав Муратову). Не пускайте его никуда...

Муратов (кивнув головой, обращается к Антипе). Вот, видите...

Антипа. Она тебе что шепнула?

Софья (выходит со свёртком в руках). Я сказала, чтоб ты не выходил пока отсюда...

Антипа. Чего ж ты ему говоришь, а не мне?..

Софья (уходя). А, пустяки...

Муратов. Выздоровеет Миша...

Антипа. А я – до смерти заболел.

Муратов. Э, всё пройдёт...

Антипа. Когда помрём. Ты мне ничего не говори, не надо. Утешенья мне не добыть... (Молчит. Муратов остановился, искоса смотрит на него.) Ты вот учился, законы знаешь... Скажи, отчего это: я человек здоровый, до дела – жадный... от большого здоровья, может, и плохо мне... а вот сын у меня – слабый, ни к чему не привязан – это отчего, ну? Какой тут закон?

Муратов (неохотно, неуверенно). Что ж... одно поколение работает... а другое устаёт... то есть рождается уставшим...

Антипа. Не понимаю...

Муратов. Должно быть, на детях сказывается усталость отцов, в соках переданная...

Антипа. Поколение... слова всё какие-то... намекающие...

Муратов. Какие же тут намёки...

Антипа. Да, вот – одни работают, другие от безделья поколевают... Нехорошо выходит...

Муратов. Вы, смолоду-то, много пили?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Антипа. Я? Нет. Отец – пил. Жена выпивала... она из пьяной семьи... Скушно ей было со мной... я ведь дома-то почти и не жил... От неё всегда мятой, а то сухим чаем пахло... это она винный дух заедала... Михайлу – Софья испортила, он у неё жил... приучила его книги читать... стишки сочинять... Маятник, говорит, как медная секира, срубает головы минут – смешно: минуты с головами. Вроде муравьёв, что ли? А может, и нет тут ничего смешного...

(Закрыв глаза, будто задремал. Софья, в двери, делает знаки Муратову; он, взглянув на Антипу, подходит к ней.)

Софья. Миша хочет видеть его; я увела оттуда Павлу, но она может придти, идите к ней, задержите её; не нужно, чтоб она встретилась сейчас с Антипой, – понимаете?

Муратов. Конечно! Но на какие пустяки тратите вы себя – это ужас!

Софья. Ну, идите...

Муратов. Подумайте однако, вам ли...

Софья (сухо). Вы – идёте?

(Муратов, поклонясь, ушёл. Софья следит за ним, глядя в зеркало.)

Антипа (чуть подняв голову). Зачем он тебе?

Софья. Он мне не нужен.

Антипа. То-то! Лучше нищими жить али в разбой пойти, чем с эдакими вот...

Софья (подходя к нему). Слушай-ка...

Антипа. Соня? Как же так? Отец работал, я работал, накопил добра на тысячу человек, а девать его некуда. Для чего всё? Михайло – мёртвая душа... Ты бездетна...

Софья. Время ли теперь говорить об этом!..

Антипа. На-ко вот! А лесничий сказал: время ли про любовь говорить...

Софья. Нашёл с кем о любви беседовать, чудак!

(Положила руку на плечо его, он взял и рассматривает её пальцы.)

Антипа. Рука-то маленькая, а – твёрдая... Тебе бы не сестрой, женой моей быть, эх...

Софья (отняв руку). Вот что – Миша хочет видеть тебя...

Антипа (отшатнулся, привстал). Это – сам он захотел, али ты внушила?

Софья. Сам...

Антипа. Ей-богу?

Софья. Ну, вот ещё, божиться я буду...

Антипа (встал). Тяжело мне будет видеть его.

Софья. Идём!

Антипа. Мне всегда было тяжело смотреть на него. А в чём я виноват перед ним, а? Он – устал, а я – не устал. Эта – там?

Софья. Нет. Она ни в чём не виновата.

Антипа. Знаю. Они все, эдакие-то, ни в чём не виноваты. Это мы виноваты во всём, такие вот. Соня, что она... кто она, Павла эта?

Софья. Поздно спрашиваешь... Просто она – молодая девушка... живёт во сне своей юности...

Антипа. Нашёл я счастье... отдых...

Софья. Счастье стоит не дёшево...

Антипа. Маленькое-то!

Софья. Оно всегда маленьким кажется, пока его в руках держишь, выпусти – узнаешь, как велико и дорого... (Торопливо.) Это не про твой случай...

Антипа. Ладно уж... Я думал – дети будут...

Софья. Это ты теперь выдумал...

Антипа. Нет, думал, ждал... Женщина без детей – какая это радость?..

(Софья хотела что-то сказать, но, махнув рукою, отвернулась.)

Антипа. Ты что?

Софья. Я – жду. Идёшь?

Антипа. Иду. Соня, отчего бабам всегда тошно со мной было, скушно? и любит будто, а души не открывает, – отчего?

Софья. Перестань ныть!

Антипа. Разве я – ною? Я был красивый...

Софья. Ты был для женщин всегда половинкой человека.

Антипа. Врёшь...

Софья. Подумай, увидишь, что правда...

Антипа (смотрит на стенные часы). А что я буду говорить Михаилу-то?

Софья. Найди...

Антипа. Маятник, как секира... Мне ведь не жалко его. Мне только за себя стыдно... себя жалко – зря изломался.

(Софья задумалась, молчит.)

Антипа. Ну, что ж? Идём...

Софья (решительно). Нет, не ходи, не надо!

Антипа. А как же?..

Софья. Я скажу, что нездоров ты... задремал...

Антипа. А то – я пойду...

Софья (строго). Я сказала – не надо!

Антипа. Тогда я – через часок зайду... пусть уляжется в душе... У меня, Соня, все мысли – пьяные, все – одичали... Игра у меня в душе – страшная...

Софья. Говоришь ты много!

(Уходит спешно.)

Антипа (прошёлся по комнате, подошёл к столу, перебирает на нём бумаги, бормочет, протянув руку к двери). Ты, брат, тоже не всё понимаешь... нет! (Читает какой-то лист, бросил его, нахмурился, снова взял и читает ворча.) Так... постой? (Усмехается.) Э-э... ах, Соня! Вот оно что...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Шохин осторожно входит с пакетами в руках, видя хозяина – делает движение назад.)

Антипа. Это кто?

Шохин. Шохин пришёл. С лекарством.

(Оба несколько секунд молча смотрят друг на друга.)

Антипа. Вот, Яков, и я человека убил...

Шохин. Тут – того и гляди...

Антипа. Да ещё сына... а?

Шохин (угрюмо). Теснота. Не видать – кто чей...

Антипа. Ты, слышь, уходишь?..

Шохин. Я – не из обиды...

Антипа. Вот – идём вместе...

Шохин. Куда?

Антипа. А ты куда собрался?

Шохин. Не знаю ещё.

Антипа. Ну, и я с тобой...

Шохин. Коли вправду, так я подожду. Дела-то – на Софью Ивановну?

Антипа. А что? Она – справится...

Шохин. Конечно.

Антипа. По богомольям пойдём...

Шохин. Молельщик я плохой...

Антипа. За тебя – отец старался...

Шохин. Видно – так. Куда это девать?

Антипа. Лекарство? Неси туда...

Шохин. Боюсь, будто...

Антипа. А бывало, ничего не боялся.

Шохин. Всё – до разу.

Антипа. Трудно, Яков, с людьми жить...

Шохин. Людей-то и не видно, всё – судьи да подсудимые.

Антипа. Значит – решили, идём?

Шохин. Что же? Коли вы взаправду – я ничем не связан...

Стёпка (вбегает). Ты чего тут? Лошадь, – давай скорей лекарства-то...

(Увидела хозяина – охнула и исчезла.)

Антипа. Видал? Вот какой я страшный.

Шохин. Глупая она. Однако – хорошая...

Антипа. А хороших пугать – надо ли?

Шохин (уходя). На что их пугать!

(Оставшись один, Антипа несколько секунд смотрит на портрет над столом Софьи, потом прикручивает огонь лампы и снова прибавляет.)

Павла (вбежала). Софья Ивановна...

(Увидав Антипу, подалась назад, стоит, наклоня голову.)

Антипа (медленно подошёл к ней, коснувшись ладонью лба, откинул голову её, смотрит в глаза). Ну? Что?

Павла (тихо). Бейте...

Антипа. Ах ты, змея кроткая...

Павла. Не мучьте вы меня, бейте...

Антипа. За что бить? (Поднимает кулак.)

Павла. Скорее – господи!

Антипа. За что бить?

Павла. Не знаю я... За то, что молода... за то, что ошиблась, – думала – вы не такой... за то, что не люблю вас... (Закрывает лицо руками.)

Антипа (схватил кисти рук её, открыл лицо и, не выпуская её, хрипит). Уйди... иди прочь!.. Что ты со мной сделала? Что?

Павла (опускаясь на пол). Ничего я не сделала...

Антипа (выпустил руки её, она упала, он медленно приподнимает ногу, как будто собираясь ударить Павлу, но – присел на пол и, положив голову её на колени себе, гладит голову Павлы, шепчет). Дитё моё – не бойся... Я – не трону – очнись! дитё моё милое...

Софья (за дверью). Перестаньте говорить вздор...

Муратов. Но – что же будет с вами?!

Софья (вошла, бросается к брату). Что ты сделал?

Муратов (испуганно попятился). Чорт возьми...

Антипа. Тише...

Софья (ощупывая Павлу). Обморок?

Антипа. Не знаю...

Муратов. Сейчас я доктора позову...

Софья. Скорее, он во флигеле у Тараканова...

Павла (очнулась, оглядывается, Антипе). Уйдите... Соня – уведи меня...

Антипа. Ладно.

(Отошёл в тень к двери на террасу, стоит спиной ко всем.)

Софья. Что такое случилось?..

Павла. Он меня хотел прибить...

Антипа. Не хочу!

Павла (стоит, держась за Софью). Антипа Иванович, вы знаете, я хотела любить вас...

Антипа. Не говори про это...

Павла. Я хотела, чтоб вы были добрее...

Антипа. Н-да...

Павла. Но вам никого не жалко, вы никого не любите. За что вы не любите сына? Зачем вы ревнуете его ко мне и гоните его? Он – больной, несчастливый – виноват он в этом?

Антипа. А я – виноват, что здоровее его? Виноват, что никудашных людей – не жалко мне? Я – дело люблю, я люблю работу! На чьих костях жизнь строена, чьим потом-кровью земля полита? Не такие люди этому служили, как он да ты! Может он мой труд на себя принять?

Софья. Довольно...

Антипа. От моей да отцовой работы сотни людей сыты живут, в гору пошли. А он – что? Я – грех сделал, так ведь я же и дело делаю, я! Вас, добрых, послушать – всякое дело перед кем-то грех... Неверно это! Отец мой говаривал: коли бедность не убить – греха не избыть, вот это – верно!

Павла. Про вас везде нехорошо говорят...

Антипа. Ну, так что? Говори! Из зависти говорят, богатый я! И все должны быть богаты, все должны в силе быть – чтобы друг другу не служить, не кланяться... Будут люди жить независимо, без зависти – хороши будут; не достигнут до этого – пропадут в низости своей... Это – Софьины слова, верные слова!

(Софья внимательно смотрит на брата.)

Павла. А – Миша?

Антипа. Что ж я тут сделаю? Ничего не могу я... Не вижу вины моей пред ним! (Тише.) Может, вот перед тобой виновен... ну, увидел, понравилась... захотелось порадоваться с тобой, отдохнуть... али я отдыха не заслужил?

Павла. Господи! Неужели нельзя жить в тихом мире, друг друга, любя друг друга, всех любя?

(Софья задумчиво отходит от нее.)

Павла. Ведь надо же иначе жить!

Антипа (угрюмо). Начни... начинай...

Павла. Милые мои – ведь нельзя так... нельзя жить не любя никого, никого не жалея... Дорогие мои люди – неужели все – враги друг другу?... (Молчание.) Боже мой, боже!.. Есть же что-нибудь неоспоримое... есть же правда где-нибудь!

Антипа. Не приготовили её для тебя...

Павла. Ведь надо же думать о правде, надо искать её...

Софья (негромко). Правду – не выдумаешь, её надо выработать. Работать нужно, Паша, а не искать... Ничего не найдёшь, – ничего не потеряно...

Антипа (угрюмо). Покой души потерян...

Софья. Покой – не правда...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Павла (тоскливо). Не понимаю я вас... ничего не понимаю...

(Целованьева вводит Михаила, он идёт довольно бодро, держась одною рукой за плечо Анны Марковны, улыбается, примирительно протянув другую руку вперед.)

Софья (тревожно подхватывая его). Зачем ты встал? Как вы позволили?

Целованьева. Просится он...

Павла. Ах, господи! Что вы делаете, мамаша?

Целованьева. Ведите, говорит, меня, хочу отца видеть...

Михаил. Ничего, тётя Соня...

Целованьева. Он, говорит, сам-то не придёт.

Павла. Но разве вы не понимаете...

Целованьева. Ты много поняла! Кричи больше на мать-то...

Михаил. Постойте... не шумите... Это все я виноват...

(Софья усадила его в кресло.)

Антипа (подходит, быком глядя на сына, глухо говорит). Это напрасно ты... я бы пришёл, погодя... Я и хотел идти... да вот тут... говорили мы...

Михаил. Слушай, отец...

Софья. Тебе вредно говорить...

Михаил. Молчать – вреднее...

Антипа. Больно поранился?

Михаил. Ты меня прости...

Антипа. Эх, брат... Ладно! Чего там? Неизвестно, кто виноват...

Михаил. Я знаю кто...

Павла. Кто же? Кто?

Целованьева. Уж, конечно, люди беззащитные...

Софья. Вы, Анна Марковна, напрасно...

Целованьева. Нет уж, матушка, вы меня не троньте!..

Антипа. Стряпуха божья! Помолчи, Христа ради, а то я те...

Софья. Антипа – перестань!

Антипа (отдуваясь). Ф-фу... Вот ржавчина!

Михаил. Подожди, отец, не волнуйся... ведь всё это – не страшно, больше – смешно...

Антипа. Ты – скажешь! Смешно... Эх, Михайло... Нехорошо всё... нехорошо!..

Михаил. Не тронь себя...

(В дверях – Муратов делает знаки Софье, она подходит к нему, нервно разговаривают.)

Софья. Неужели?

Муратов. Да. Всё, говорит, вздор и пустяки, это они с жиру бесятся. И – уехал!

Софья. Как же быть? Пожалуйста, пошлите вслед за ним Шохина, верхом...

(Муратов, сморщив лицо, уходит.)

Антипа (сыну). Ну, что смеёшься?..

Михаил. Хочется сказать тебе, отец, что-то хорошее, от души...

Антипа (смущён). Вот ещё... Зачем? Ты – помалкивай...

Михаил. Видишь ли – ведь я понимаю тебя... я даже тихонько, издали как-то – нередко любовался тобою... любоваться – это уж значит любить...

Антипа (удивлён, не верит). Софья, – чу? Вон, что говорит...

Павла (Софье). Ведь ему вредно говорить!

(Софья останавливает её жестом.)

Михаил. Ты – топор в руке божьей... в чьей-то великой, строящей руке... И ты, и тетя Соня. Она еще тебя острее... А я вот и все такие, как я, – ржавчина... Я хочу сказать, отец, – я много думал над этим – бесполезных людей нет, есть только люди вредные... Ты – не казни себя...

Антипа (тронут, наклонился, поцеловал сына в лоб; выпрямился). Ну, господь с тобой... Спасибо, брат! Это мне – хорошо... Помоги тебе бог за то, что сказал так... Отец... отец, брат Михайло, это тоже ведь не просто – мясо, это – живой человек с душою, он тоже – любит! Ведь нельзя не любить-то! Нельзя – все радости в любви...

Павла (тихонько плачет). Господи... не понимаю я...

Антипа (ей, торжествуя). Видишь? (Сыну.) Ведь я тебя – как знаю? Когда ты ещё языком не владал – я уж боялся за тебя, сын... я думал про тебя: вот будет человек – самый близкий мне, вот это он и возьмёт на себя и труды и грехи мои, возьмёт, оправдает всю мою жизнь...

Михаил (очень взволнован). Нечем взять... Мне нужно – тетя Соня...

(С ним – обморок. Софья бросается к нему, Павла испуганно отскочила, Антипа опустился на колени, Целованьева около дочери, в дверях – Муратов.)

Павла (громким шопотом). Скончался!

Софья. Перестань.

Целованьева. Доконали...

Антипа. Что с ним, а? Софья? Где доктор-то?

Софья. Доктор уехал... Дайте воды...

Павла (мечется). Вот... ну разве нельзя было придти к нему? Ах, жестокие!..

Муратов (негромко). Вы бы не шумели!

Павла (сердито). Ах, оставьте... Что вам нужно? Не люблю я вас...

Муратов (кланяясь). Это меня почти не огорчает...

Михаил (очнулся). Положите меня...

Софья (брату, Муратову). Берите его!

Михаил. Ничего, я могу...

(Отец и Муратов ведут его.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Михаил (усмехаясь). Вот в каком я почете...

Павла (останавливая Софью). Что мне делать, что? Скажи...

Софья. Подожди, нужно к Мише...

Павла. Я тоже, кажется, умру, – скажи, что же, куда же я?

Софья. Подумай сама... Антипе ты – не жена, Михаилу – не сестра...

Целованьева. Говорила я тебе – не надобно продавать свой-то угол!..

Павла. Оставь, мама!..

Целованьева. Куда теперь спрячешься?..

Софья. Ты, Павла, много говоришь о любви, но – любить не умеешь ещё. Когда любят – всё ясно: куда и, что делать... всё делается само собою, и никого, ни о чём не надо спрашивать...

Целованьева. Вот, вот!.. Без спроса живи... да! Очень хорошо учат тебя...

Софья. В солнечный день не спрашивают – отчего светло? А в твоей душе, видно, не взошло ещё солнце-то...

Целованьева. Не слушай, Павла, речи эти, ой, не слушай!

Софья. А вы, Анна Марковна, много вреда приносите дочери вашей...

Целованьева. Ещё бы те! Кто больше матери вреден? Нет, матушка, уж вы позвольте...

Софья (уходя). Я знаю, что с вами бесполезно говорить к об этом, – простите, сорвалось...

Целованьева. Иди, беги к любовнику-то скорее!..

Павла. Это – неправда! У неё нет любовника.

Целованьева (спокойно). Нет, так будет...

Павла (ходит по комнате). Не взошло солнце...

Целованьева. А ты – верь ей! Не про солнце надо думать, а про себя – как самой прожить тихо и с удовольствием... Все хотят жить с удовольствиями. Разбойника этого надобно тебе оставить, и барыня эта не подруга тебе – она тоже воровой породы. А мы – люди тихие. Деньги у тебя есть свои – двадцать пять тысяч... И ещё я... Со своими деньгами можно жить как хочешь: свой целковый – родного брата дороже... Мне в этом доме – тоже не привольно, а мне пора отдохнуть – сорок три года мне!.. Кто я тут?

Павла. Не про то вы говорите, не то! Зачем я вышла из монастыря?

Целованьева. Со своим капиталцем и в монастыре барыней проживёшь. И я бы с тобой... Нет подружки верней родной матери... она всё понимает, всё прикроет...

Павла. Стойте... идёт кто-то...

Целованьева. Уйти бы нам, а? Гляди, полиция скоро приедет.

Павла. Зачем?

Целованьева. А как же? Я послала...

(Муратов входит.)

Павла. Ну, что он?

Муратов. Устал, дремлет...

Павла. Он ведь не умрёт?..

Муратов. Со временем непременно умрёт...

Павла. Когда? Не сейчас?

Муратов. Точно не знаю когда...

Целованьева. Вы бы, батюшка, не издевались над простодушием нашим...

Павла. Оставьте, мама! Ведь рана не опасная?

Муратов. Револьверишко – слабый, пуля маленькая, скользнула по ребру и вышла в бок – это безопасно...

Павла. Ах, слава богу, слава богу!.. Василий Павлович, кажется, я сказала вам давеча дерзко...

Муратов. О, не беспокойтесь! Я знаю христианские ваши чувства...

Павла. Я даже и не помню, что сказала...

Муратов. Пустяки... уверяю вас...

Целованьева. Встрёпана ты очень, Паша...

Павла (взглянув в зеркало). Ой, ужас! Что ж вы раньше-то не сказали?

Целованьева. Время не было...

Павла. Вы – извините, я уйду...

Муратов. О, пожалуйста...

Павла. Так что – Миша скоро встанет?..

Муратов. Не знаю... Доктор сказал, что организм его очень истощён пьянством и распутством...

Павла. Ой, как вы...

Целованьева. А ты иди-ка, иди! Не тебя это касается...

(Муратов садится в кресло у стола, согнулся, схватил голову руками, имеет вид человека, которому очень тяжело. Входит Софья, при виде Муратова её усталое лицо становится суровым. Он поднял голову, медленно выпрямился.)

Софья. Вы, вероятно, устали?..

Муратов. А вы?

Софья. Да, немножко...

Муратов. Нужно отдохнуть. Я сейчас уйду. Но – прежде позвольте мне поставить один вопрос?

Софья (не сразу). Ставьте.

Муратов. Я хочу подать прошение о переводе во Владыкинское лесничество – вы знаете, там лесничий застрелился...

Софья. Да, знаю...

Муратов. Но если б я остался здесь – мог ли бы я рассчитывать...

Софья (ударив чем-то по столу, решительно). Нет!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Муратов. Позвольте, вы не дослушали! Я хотел спросить – могу ли я рассчитывать, что ваше отношение ко мне изменится...

Софья. Я поняла вопрос.

Муратов (встал, усмехаясь). Шохин убил человека, но, право, вы относитесь к нему милостивее, чем ко мне.

Софья (не сразу). Может быть... вероятно... Что такое – Шохин? Он – честный зверь, он думал, что это его долг – убивать людей, которые крадут добро его хозяина. Но – он понял, что сделал, и всю жизнь не простит себе этого, теперь он относится к людям иначе...

Муратов. Вы – ошибаетесь... как всегда...

Софья. В вашем лесничестве за семь лет ваши Шохины убили и изувечили несколько десятков человек...

Муратов. Ну, не так много...

Софья. А сколько посажено в тюрьмы, сколько разорено семей из-за вязанки хвороста! Вы это считали?

Муратов. Нет, конечно. И какое вам дело до этой статистики? Сударыня – всё это романтизм! Как бы вы приказали поступать с ворами?

Софья. Не знаю, но – не так! Ведь вот у нас – не воруют...

Муратов. Н-но! Это – не факт, а только видимость, как говорит доктор, тоже романтик.

Софья. Нам нужно кончить этот разговор, – он возникает с каждой встречей...

Муратов. Вы совершенно напрасно спорите со мною...

Софья (встала). Послушайте, Василий Павлович: да, вы для меня хуже Шохина, хуже любого пьяного мужика – мужика можно сделать человеком, – вы – что-то безнадежное... Мне не очень легко сказать вам это...

Муратов. Не идёт к вам романтизм, хозяйка!..

Софья. Нелегко видеть вас таким, каков вы есть. Умный, образованный человек без любви к людям, без желания работать, – это меня отталкивает. Я видела, как вы гасли, как вы быстро теряли себя, развращали других.

Муратов. Пять минут назад я слышал, как Анна Марковна мудро сказала: все хотят жить с удовольствиями! Это очень верно. Что стоят все эти якобы развращённые мною люди вместе с нашим племянником? Я раздавлю их, кто-то другой, или они сами медленно передавят друг друга – не всё ли равно?

Софья. Быть Мефистофелем в уездном городе – это очень легко, вы бы попробовали быть честным человеком!

Муратов. Недурно сказано! Но что значит – честный человек?

Софья. Нам не о чём говорить.

Муратов. То есть – вы не можете ответить. Ужасно одиноки вы... одиноки и бессильны!

Софья. Это неправда! Есть где-то люди, которые чувствуют жизнь так же, как я. Ведь ничего нельзя выдумать, можно только принять в душу свою то, что есть в жизни. В моей душе есть светлое – значит, оно есть и вне моей души; в моей душе есть вера в возможность иной жизни – значит, она есть в людях, эта благая вера! Я многого не понимаю, я плохо образованна, но я чувствую: жизнь – благо, и люди – хороши... А вы всегда лжёте на людей... и даже – на себя...

Муратов. Я всегда говорю правду...

Софья. Это правда ленивых, самолюбивых, обиженных, что-то злое, гнилое. Это – издыхающая правда!

Муратов. До сего дня она считалась бессмертной.

Софья. Нет, – живёт и растёт другая.. Есть другая Русь, не та, от лица которой вы говорите! Мы – чужие люди.. Не попутчица я вам, и – мы кончили, надеюсь?

Муратов (взял с камина шляпу). Увы, но я уверен, что по пути к этой другой правде вы сломите себе шею, – pardon! Бросьте-ка вы все эти фантазии и примите мою руку – руку человека интересного – э?

(Софья молчит, смотрит на него.)

Муратов (отступая к двери). Подумайте! Мы поехали бы в Европу, в Париж – это гораздо забавнее города Мямлина. Вы – молодая, красивая, в Европе очень умеют ценить красивых женщин – сколько наслаждений ждёт вас! Я же – не ревнив, ваши маленькие шалости будут даже приятны мне.. Мы бы прекрасно сожгли жизнь, э?

Софья (вздвигнув, тихо, с отвращением). Ступайте..

Муратов. Это меня огорчает..

Антипа (сзади его, в дверях). Ну-ка, посторонись..

Муратов. Н-ну-с? Прощайте..

Антипа. Прощай! (Сестре.) Уснул Михайло-то.. Хорошо мы с ним поговорили.. (Присматривается к ней, обернулся к двери.) Опять этот, бес зелёный, наплёл чего-нибудь? На что ты его привечаешь?..

Софья. Давно.. лет шесть тому назад, человек этот нравился мне..

Антипа. Молода была.. Уйти мне, что ли?

Софья. Подожди.. Как хочешь..

Антипа (помолчав). Может, Михайло-то теперь меньше пить будет.. а, Соня?

Софья. Что?

Антипа. Ну, ладно! Думай своё, я пойду..

Софья. Что ты спросил?

Антипа. Миша-то, мол, может, меньше пить станет..

Софья. Не думаю. Едва ли. Ты – не трогай его, оставь его мне..

Антипа. Я готов всё тебе оставить.. А как же.. с этой?

Софья. Отпусти её..

Антипа (тихо). Куда это?

Софья. Куда хочет..

(Антипа сел, молчит.)

Софья (подошла к нему). Что ты придумаешь иначе?

Антипа (угрюмо). Не в нашем это быту – с женами разводиться!

Софья. Какая она жена тебе? Ведь только мучиться будешь с ней..

Антипа. Нет, это не годится.. Лучше я сам уйду. Брошу всё на тебя и уйду куда глаза глядят.. Не для чего теперь жить мне.. Эх, горько, что ты бездетна!

Софья (отошла, сурово). Кто меня за умирающего замуж выдал?

Антипа. Ну – я! Ладно уж. Зато – богатая ты, первая в уезде. Сильнее всех дворянишек... А дети... они не только от мужей бывают...

Софья. Милостив ты, да – поздно!

Антипа. Эх, Соня, Соня...

Софья. Что – эх? Никуда ты не уйдёшь, вздор это!

Антипа (задумчиво). стыдно стало мне. Не так всё... не то! Греха – не боюсь; печаль – не люблю я... А меня – печаль одолевает, с ней – не жить, не работать...

Софья. Мне – не легче твоего, и печаль моя горше твоей, а я – не прячусь... Знал бы ты, как мучительно потерять уважение к человеку, как от этого сердце болит... Знал бы ты, как я искала хороших людей, как верила – найду! Не нашла... Поищу ещё... да...

Антипа. Несчастливы мы с тобой, Софья. Враги всё около нас.

Софья. Кабы – умные! Умный враг – всегда хороший учитель...

Антипа. Чему – учитель?

Софья. Сопротивлению. Вот – муж мой враг был мне, – а я его уважаю... многому он научил меня!.. (Подошла к брату, положила руку на голову его.) Ну, довольно! Остались мы с тобой одни, и будем жить – одни. А может, придут хорошие люди, поучат, помогут! Ведь есть же хорошие люди?..

Антипа (задумчиво). Коли себя хорошим не покажешь – не найдёшь хорошего. Это – твои же слова...

Софья. Вот и покажи! Ты – встряхнись. Вспомни: когда ты уступал, кому? Надо ли горю уступать? Не надо уступать!

Антипа (встал, расправил плечи, смотрит на сестру, усмехаясь). Просто всё у тебя, Софья, откуда это у тебя, господь с тобой? Давай-ка, обнимемся, единая ты моя... спасибо тебе!

(Обнялись, Антипа смахивает слёзы.)

Антипа. Ну, давай жить, давай спорить! Эх, начну теперь делами ворочать – земля поколеблется...

Софья. Вот это – больше на тебя похоже! Теперь ты – уйди... Мне надобно побыть одной... иди, милый! Мы с тобой – друзья, это хорошо!

Антипа. Не говори – зареву...

Шохин (в двери). Исправник приехал с понятиями.

Антипа (сердито). Что? Зачем?

Софья. Кто звал?

Шохин. Анна Марковна Василья посылала...

Антипа. Ну, я ж её...

Софья. Стой, я сама устрою всё! Не вмешивайся в это – не ходи туда...

Антипа (порываясь). Нет, я её – в окошко выкину, с дочкой вместе...

(Шохин широко улыбается.)

Софья. Шохин, не пускайте его. Слышишь? Сиди спокойно...

Антипа (мечется по комнате). Полицию позвали... на-ко вот, а? Ты чего рожу растянул?

Шохин. Ничего...

Антипа. То-то! Думаешь, я и вправду пойду с тобой? Нет, уж пускай другие отступят, а я останусь на своём месте... Полицией пугают!.. (Остановился против Шохина.) И тебе идти некуда – брось это! За тобой грех пред людьми, на людях и оправдай его...

Шохин. Да ведь теперь я тоже останусь... Теперь, чай, не мне уходить...

Антипа. Ну, вот... Шататься – стыдно! Вон – хозяйка-то наша, Софья-то Ивановна, как себя держит... а ведь – женщина!

Павла (вбегает). Антипа Иванович, там пришли...

Антипа (жестом останавливая её). Знаю! Полиция там... Ты – иди, с богом! Тебе бояться нечего, это твоя же мать позвала полицию. Ты – иди себе!.. Уходи...

Павла (с тревогой). Куда?

Антипа (отвернулся). Это – твоё дело... Прощай...

Павла. Куда же?..

Антипа. Мать – укажет... Прощай...

(Павла медленно уходит, Шохин уступает ей дорогу, наклонив голову, Антипа идёт к двери на террасу, остановился там, прислонясь лбом к стеклу. Шохин тяжело вздохнул.)

Антипа (не оборачиваясь, глухо). Прощай!

Занавес

Старик
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мастаков, Иван Васильевич.

Павел, его пасынок.

Татьяна, его падчерица.

Захаровна.

Степаныч.

Софья Марковна.

Харитонов.

Яков, его племянник.

Каменщик.

Старик.

Девица.

Действие первое

Кирпичная стена трёхэтажного дома, окружённая лесами, перед нею – группа деревьев с поломанными ветвями, брёвна, доски, бочки, как всегда на постройке. Под деревьями скамья со спинкой. Налево – забор сада, в нём калитка, дальше – сторожка, у двери тоже скамья. Направо – деревья, кустарник. Воскресенье, летний

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
полдень. Около постройки толпятся каменщики, перед ними стоит Мастаков, крепкий
мужчина, тёмноволосый, с проседью в бороде и усах. У калитки – Харитонов, рыжий,
суетливый человек. Яков, его племянник, – щёголь. Павел, неуклюжий парень,
угрюмый. Татьяна, одетая очень модно и крикливо. Захаровна. Степаныч.

Харитонов (кричит каменщикам). Тише, стадо!

Мастаков (укоризненно взглянув на него). Погоди, кум! Ну, вот, ребята, одно дело
вы, слава богу, кончили, с понедельника другое начнём. Работали вы споро,
честно; надо, чтобы я вам спасибо сказал; вот я и говорю: спасибо, братцы!

Харитонов (Павлу). Вяло говорит, невесело! Эх, я бы сказал!

Мастаков. Обиды не было вам от меня?

Каменщики. Нету... И мы благодарствуем... Не было...

Мастаков. Так. Ещё скажу вам, что трудились вы не только для меня – для себя
тоже. В училище этом будут учиться ваши дети, ваши внуки. Все дела наши для
будущих людей...

Харитонов (Якову). Это его полковница настроила, её мысли!..

Яков. Понимаю...

Таня. Не мешайте!..

Мастаков. Ежели справедливо говорить – работа всегда дороже денег. Я сам из
простых вышел, знаю цену всякой работе. (Он говорит всё более неуверенно,
подыскивая слова, останавливаясь.)

Харитонов. Кончил бы – разве они поймут?

Мастаков. Вот – построили мы техническое училище... дай бог, чтобы наши дети жили
умнее, счастливее нас! Что там ни говори, а счастливый человек больше
несчастливого достоин помощи божией.

Харитонов. Это всё полковница!

Таня. Не мешайте, пожалуйста.

Захаровна. О, господи, батюшко!

Мастаков. А теперь, ребята, идите обедать, выпейте за успех дела, и – поздравляю
вас с благополучным окончанием.

Каменщики (хором, оживлённо). Покорно благодарим, Иван Васильевич! Тебе спасибо!
Айда, ребята! Стой, погоди... Спасибо, хозяин!

Мастаков. Кроме того, полагается вам по трёшнице на брата, в благодарность.

Каменщики (ещё более весело). Эх ты... Благодарим!.. Ну, айда! Да – погоди!
Спасибо!

Старый каменщик. Стойте, тише! И я тебе слово скажу, Иван Васильев. Хорошо ты
придумал это – обед. Другой бы дал на чайшко по целковому, да и – ступай стадо,
куда надо. А ты всё иначе делаешь, по-новому, однако – хорошо. Обыкновенно
по-новому-то неважно выходит, а у тебя – ничего! На такого хозяина и работать
приятно. Кабы все эдак-то поступали – меньше бы досады было. А народ праздники
любит. Ну, стало быть, мы тоже очень довольны и благодарим, кланяемся. Кланяйся,
ребята.

(Низко кланяется, каменщики бормочут: «Спасибо! дай тебе господи удачу! Очень
благодарны!» Какой-то молодой чахоточный парень встал – явно в насмешку – на
колени и поклонился в землю.)

Таня (улыбаясь). Вот глупый!

Харитонов. Экой подлец!

Мастаков. Нехорошо шутишь, паренёк! Ну, идите с богом. Никита Семёнов, коли чего не хватит – у Захаровны спроси.

Каменщик. Ладно, не беспокойся!

(Рабочие идут на постройку. За ними – Харитонов, Павел, Яков, Захаровна. Таня, поставив ногу на скамью, завязывает туфлю.)

Харитонов (молодёжи). Идём, поглядим, как они жрать будут.

Мастаков (каменщику). Тебя я особо поблагодарю.

Каменщик. Ну-ну, ладно...

Мастаков. Ты что ухмыляешься?

Каменщик. Приятно глядеть на тебя. Множество людей видел я, а на тебя глядеть приятно...

Мастаков. Ну, будь здоров!

Каменщик. Всё ты строишься, стараешься... Талан у тебя есть... Только – спешишь ты очень, гляди – устанешь скоро.

Мастаков. Однако наказано, чтобы таланта в землю не зарывать...

Каменщик. Кем наказано?

Мастаков. В евангелии, Христом.

Каменщик. Ну, тогда конечно! А всё-таки, кто не спешит, тот меньше грешит, а кто торопится, за тем бес охотится. До свиданья. Значит – с понедельника начинаем?

Мастаков. Да.

Каменщик. Час добрый!

(Идёт к постройке. Мастаков устало оглядывается.)

Таня (подходя к нему). Идём пирог есть!

Мастаков. Ты что ж тут одна?

Таня. Они пошли посмотреть, как мужики есть будут, – это неинтересно.

Мастаков (тихо). Всё ты у меня одна да одна! Нехорошо.

Таня. Славно ты сказал им! И старик этот славный.

Мастаков. Болтун несколько, а – умный. Знающий...

Таня. Я не люблю мужиков, но некоторые нравятся мне.

Мастаков. За что их не любить? Я – тоже мужик.

(За деревьями – Павел.)

Таня. Ты – купец. Какой же ты мужик?

Мастаков. У нас – все одинаковы, все мужики, только разно одеты, да речь разная. Людей надо не по словам, не по одежде различать, а по работе. Кто умеет работать, тому и честь... А вот ты у меня лентяйка – это почему?

Таня. Не знаю. Разве я лентяйка?

Таня. Почему я лентяйка?

Мастаков. Себя спроси. Тебе Яков – нравится?

Таня. Иногда – нравится, иногда – нет.

Мастаков. Гмм... Надо бы, чтобы всегда нравился... Вот он тебя замуж просит – как ты ответишь?

Таня. Я уже ответила – пусть подождёт.

Мастаков. Чего?

Таня. Так... Не знаю. Может быть... Почему Софья Марковна не приехала?

Мастаков. Она сказала, что запоздает к молебну. Тебе на что её?

Таня. Она ужасно хорошая.

(Павел исчез. Идёт Захаровна.)

Мастаков. Подруг у тебя мало, Танёк.

Таня. Почему ты грустный сегодня?

Мастаков. Грустный? Нет, я ничего.

Захаровна. Обедать пора!

Мастаков. Пора, так зови. На-ко вот денег, это чаевые каменщикам, Никите отдай. Идём, Таня.

Степаныч (около сторожки с ружьём в руках, напевает).

Сидит Ваня – между прочим –
В распроклятой растюрьме...

Захаровна. Ты что это среди бела дня с ружьём?

Степаныч. Боюсь – украдут. Тут всё тёмный какой-то шляется, про хозяина
выспрашивает, кто он, откуда... *

Захаровна. А чего ему надо?

Степаныч. Не сказывает. Наверно – сыщик воровской, ворами подослан.

Захаровна. Ты с им зря-то не болтай!

Степаныч. Зачем? Я уж хозяину доложил про него.

Захаровна. Зови Харитоновых обедать.

Степаныч. Сами идут – вот они...

Харитонов (Павлу и Якову). Учитесь, как надо дела крутить.

Захаровна. Обедать пожалуйста, Яким Лукич!

Харитонов. Жалую. Вокруг его дела хороводом ходят, а у меня – то забастовка, то кредит на дыбы...

Яков. Ему полковница помогает!

Харитонов. Глупости! В делах баба – не помощница.

Павел. Обирает она его. Он ей на пасху серебра подарил на семь сот да на именины браслет с яхонтом.

Харитонов. А ты всё считаешь?.. Ишь ты!

Степаныч (подмигивая вслед им). Вынянчила ты волчонка.

Захаровна. И у родной матери не всегда дитя свято...

Степаныч. Бойкая ты у нас старушка, весёлая.

Захаровна. Я свои печали давно оплакала. Где ни поселюсь – веселюсь.

Павел (из калитки). Стёпка, вотчим где-то там счета оставил, ступай – найди!

Захаровна. Экой ты грубый! Какой он тебе Стёпка?

Павел. Убирайся к чорту, нянька!

Захаровна. У, дурачок. (Ушла в сад. Павел присел на скамью, закурил, прислушивается, глядя в кусты. Голос Софьи Марковны.)

Софья Марковна (за сценой). Не распрягай, я скоро. (Выходит из кустов, раздвигая их зонтиком. Ей за тридцать, одета просто, но кокетливо.) Вы мне, кажется, кулак показывали, да? Или – нос?

Павел (смущён). Вовсе я ничего не показывал!

Софья Марковна. Серьёзно?

Павел. Я глядел из-под руки – кто едет?

Софья Марковна. Честное слово?

Павел. Я же говорю!

Софья Марковна. Неужели вы не понимаете, что я шучу?

(Павел молчит.)

Софья Марковна. Много у вас гостей?

Павел. Только Харитоновы.

Софья Марковна. А вы что делаете здесь?

Павел. Ничего.

Софья Марковна (берет его под руку). Мало...

Павел. Вы со мной, точно с собачкой играете.

Софья Марковна. Неужели? Ах, бедный... Ну, идите!

Степаныч (с бумагами). Вот, нашёл! Здравствуйте, барыня.

Софья Марковна. Здравствуйте, барин!

(Уходит, уводя Павла. Степаныч садится на скамью, улыбаясь смотрит вслед ей. Из-за сторожки выходит Каменщик.)

Степаныч. Ты куда?

Каменщик. Шумят ребята...

Степаныч. Такое дело!

Каменщик. А мне – нездоровится. Старость грызёт.

Степаныч. Гмм...

Каменщик. Хороший купец Иван Васильев. Хорош. Деятель! Он откуда родом?

Степаныч (усмехаясь). Чудное дело! Да что – земля, что ли, такая тайная есть, откуда хорошие люди приезжают? А своих хороших – нет у нас? Право, ей-богу...

Каменщик. Земли такой нет.

Степаныч. То-то и оно. Тут один, какой-то, тоже всё выпрашивает – откуда хозяин, да как разбогател.

Каменщик. Богатеют от ума. Дурак богат не будет. Зачем он спрашивает?

Степаныч. А ты – зачем?

Каменщик. Я? Из любопытства.

Степаныч. Вот и он тоже.

Каменщик. Ага!.. Это – тоже глупость наша, любопытство-то.

Степаныч. Тебе лучше знать.

Каменщик. Глупость... Это кто идёт?

Степаныч. Хозяин с полковницей.

Каменщик. Я пойду в сторожку к тебе, а то – хороши гости – из дому, а воевода – издали!

(Ушёл, Степаныч за ним. Из калитки сада идут Мастаков и Софья Марковна, Мастаков взволнован.)

Софья Марковна. А не напрасно вы ушли из-за стола?

Мастаков. Ничего, Яким – свой человек. А вы сказали, что торопитесь. Присядемте на минутку!

Софья Марковна (улыбаясь). Работа у вас медленно идёт.

Мастаков. Яким кирпич задержал, описали у него кирпич. Софья Марковна!..

Софья Марковна. Что скажете? Вы сегодня – не нравитесь мне... И говорите как-то невразумительно, и вообще...

Мастаков. Есть причина... Такое дело, что не знаю, как сказать...

Софья Марковна. Сразу говорите. Ну-с?

(Присели на скамью, Мастаков стоит, всё более волнуясь.)

Мастаков. Вот уж больше десяти лет я живу вашим разумом – и денежно вы мне помогли, и душевно много сделали для меня...

Софья Марковна. Вы – сядьте! (Смотрит, улыбаясь, на часы, потом на него.) И – ближе к делу. Итак?

Мастаков. Видите ли... Не могу сказать! Трудно...

Софья Марковна (оглядывая его, серьёзно). Вы меня удивляете! Вы – такой спокойный, уверенный в себе человек.

Мастаков. Это – видимость. Я человек несчастный... (Возмущённо.) Даже – смешно! Почему я – несчастлив, я? Я – честный человек, люблю работать, я не жаден...

Софья Марковна. Послушайте, что такое? Что с вами? О чём вы?

Мастаков. Я так... предан вам, привык к вам, что ежели... Годы я жил бирюком, в

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
страхе пред людьми, вы отличили меня, сделали значительным человеком...

Софья Марковна. Всё это лишнее говорите вы.

Мастаков. Я вас так уважаю...

Софья Марковна. Прекрасно, спасибо! Но – что же вы хотите от меня?

Мастаков (бросился на колени перед нею). Милости вашей прошу... помощи прошу...

Софья Марковна (вскочила, оглядывается). Да вы с ума сошли! Встаньте, живо! Вы бы ещё на базарной площади вздумали объясняться в любви! Юноша какой...

Мастаков (вставая). Послушайте... Я знаю – вы не судья людям, вы – добрая к ним...

Софья Марковна. Довольно! Я ведь не девушка. Я понимаю, что нравлюсь вам. Человек я прямой и даже, пожалуй, грубоватый. Вы тоже нравитесь мне, – довольно с вас?... Больше об этом я не могу говорить сегодня, вы очень плохо выбрали время для такой беседы.

Мастаков (робко, глухо). Софья Марковна, я хотел...

Софья Марковна. Сегодня в семь я еду в деревню, а когда вернусь – мы поговорим. Я вернусь дня через три...

Мастаков. Не уезжайте, пожалуйста! Я вас прошу! У меня вся жизнь... всё качается!

Софья Марковна. Ну, это, извините меня, глупости!

Мастаков (почти с отчаянием). Послушайте же...

Софья Марковна. Тише! Кто-то идёт. Стряхните пыль с колен!

Мастаков (бормочет). О, господи!

Харитонов (выпивший). Полковница – лапочку!

Софья Марковна. Да ведь вы только что здоровались со мной!

Харитонов. Это ничего не значит! Вас всегда приятно видеть, как кредитный билет. Кум, ты чего угрюм?

Мастаков (кивая на стройку). Запоздываем.

Харитонов. Брось! У тебя, брат, всегда хорошо будет, ты – счастливый!
Полковница, помогите мне, между прочим, уломать его! Иван Васильев – отдавай падчерицу за Якова, а? И себе развяжешь руки несколько, и мне бы польза была.

Мастаков. Не время об этом...

Харитонов. Девицу замуж выдать – всегда время. Кроме постов, разумею.
Полковница, дело дешёвое – расходимся на двадцати тысячах – срам!

Софья Марковна. Торгуйтесь...

Харитонов. Я – готов, а он ни бэ, ни мэ, ни кукареку... Что значат двадцать тысяч в наши распутные дни? Горшок сметаны, не более того. А между прочим, Яков у меня действительный жених. Литой. Как племенной бычок. Тигр, а не жених!

Мастаков (угрюмо). Ограбишь ты его.

Харитонов. Это – дело будущее... В экономическом вопросе – ни родства, ни дружбы.

Мастаков (сердась). Велика больно ярость твоя на деньги.

Харитонов. Ярость? Ну, понял же ты меня, ай-яй!

Софья Марковна. Да вы сами-то себя – понимаете?

Харитонов. Насквозь! Ярость, а?

Софья Марковна. Мы пойдём посмотреть постройку?

Мастаков. Да.

Харитонов. И я с вами. Ярость! Я на пасхе девять тысяч проиграл в железку – глазом не моргнул, а вы, а – ты...

Мастаков. Выпил ты, Яким...

Харитонов. Выпил! Потому что жизнь моя – юрунда. Человек я неказистый, женщины меня иначе как за деньги – не любят, жить мне скушно, вот я и пью, играю...

Мастаков. Доиграешься.

Харитонов. Торной дорогой всяк пройдёт, а я люблю – по жёрдочке, над омутом, чтобы подо мнойгнулось да качалось, чтобы каждую минуту думать: устоишь, Яким, али сверзишься? Вот оно в чём удовольствие жизни!

Софья Марковна. Вы сегодня в ударе, хорошо говорите.

Харитонов. Я бы лучше заговорил, ежели бы меня хорошая женщина любила. Эх, полковница, красоты вам отпущено – на все двенадцать лихорадок, ей-богу! Вот бы вам полюбить меня, эх, как бы я...

Мастаков (вдруг грубо). Да перестань ты, паяц!

Софья Марковна. Что с вами? Опомнитесь!

Харитонов (испугался). Что такое?..

Мастаков. А зачем он поганым языком...

(Софья Марковна берёт его за руку.)

Мастаков. Прости, Яким... Я – думал, а ты тут...

Харитонов. Думал? Ну, думай... Чорт, как фыркнул! Полковница, вы не боитесь его? А я иной раз боюсь, между прочим...

(Ушли на стройку. Из калитки вслед им смотрит Павел; в саду – голос Захаровны. Таня идёт.)

Таня (Павлу). Пусти!

Павел. Не толкай, невежа...

Таня. За кем подглядывал?

Павел. Не твоё дело.

Таня. Фу, какой злой! Почему ты всегда злишься?

Павел. Потому.

Таня. Сам не знаешь почему!

Захаровна (ворчит). Жалуешься – голова болит, а сама ходишь по жаре.

Таня. Отстань! Софья Марковна уехала, Павел?

Павел. Не знаю.

Таня. Я забыла сказать ей...

Захаровна. Не забывала бы! Куда пошла? Там – мусор, ногу свихнёшь. Баловница!

Таня. Я тебе сказала – нет у меня жениха!

Захаровна. Ну, и врешь!

Таня. Нет!

Захаровна. Да ты что кричишь? Жених – не бородавка, коли нет его – хвастать нечем.

Таня. Ты зачем меня дразнишь?

Захаровна. Сегодня праздник. А ты меня – зачем?

Павел. Вот дурёхи!

Таня. Молчи, умник! Захаровна, сходи, посмотри – уехала она...

Захаровна. Так и сказала бы! Самой-то лень идти...

Таня. Ах, господи! Да ведь ты же не велела!

Захаровна. А ты меня не слушай, из уважения к старости моей...

Таня. Ты – ужасная!

Степаныч (идёт, крича). Захаровна – чаевые давай!

Захаровна. На, на, не ори! Танюша, ты бы вот сама и раздала на чай каменщикам – им приятно будет из твоих ручек.

Таня (уходя). Вот ещё выдумала!

Захаровна (идёт за ней). Эх ты, непонятливая...

Яков (из сада). Куда они?

Павел. Деньги на чай раздавать.

Яков. Много?

Павел. Не знаю. Больше ста.

Яков. Вот бы мне кто-нибудь сотняжку на чай дал!

Павел. Иди в лакеи – дадут!

Яков (закуривая). Ляпнул! У меня знакомый есть студент – в смешных журналах стихи пишет, так он сказал:

Служи народу – ты не барин!
Служи ему и – примечай:
Народ особо благодарен,
Когда ему дают на чай...
Вот как шутят! А ты – точно палкой по голове!

Павел. Кому он это сказал?

Яков. Вообще, всем. Кури!

Павел. Не хочу. Не люблю я шуток.

Яков. Я шуток не любишь, а – машуток любишь?

Павел (смеётся). Экий ты... чорт!

Яков. То-то. Едем сегодня к нашим барышням?

Павел. Неохота. (Вдруг нахмурясь.) Как же ты – собираешься жениться на моей сестре, а сам зовёшь меня к девушкам?

Яков (удивлён). Чего? Да что я – первый раз зову тебя к ним? А в то воскресенье ты где был?..

Павел (угрюмо). Вотчим хочет сплавить меня в коммерческое училище.

Яков. И хорошо! Будешь жить один, сам себе хозяин...

Павел. А он без меня женится на этой...

Яков. Он и при тебе женится... Чем ты можешь помешать ему? Ты – брось это, черт с ним! Пускай женится на ком хочет. Только бы выделил тебя...

Павел. Да-а... как же, выделит он!

Яков. Идём в поле, погуляем. Таню захватим...

Павел. Пойдём... что же! (Идут к постройке.) Ты бы с ней почаще говорил о полковнице-то...

Яков. Я говорю, не беспокойся.

Павел. Поссорить бы их...

Яков. Уж очень Татьяна Петровна доверчива к ней...

Павел. Глупа ещё. Мякиш...

Захаровна (встречу им). Поплыли селезни! А дядю твоего, Яков Савёлыч, так развезло на жаре-то – лыка не вяжет, а слова такие говорит, что кирпичам стыдно. Вы бы Таню-то увели от него.

(Ушла в сад. Павел и Яков скрылись за деревьями. Через минуту в кустах является Мастаков, смотрит на постройку, отирая лоб платком. Угрюм и подавлен. Остановился, бормочет громко.)

Мастаков. Не догадалась... не поняла! (Постояв, решительно подходит к скамье и, вынув из кармана бумажник, пишет на колене записку. Кричит.) Степаныч, эй!

Степаныч (из-за сторожки). Здесь...

Мастаков. Запряги Красотку и поезжай в город, к Софье Марковне. Если догонишь её в дороге...

Степаныч. Не догнать...

Мастаков. Домой поезжай к ней, а дома нет – на вокзал, она с семичасовым в деревню едет. Обязательно найди! Живее собирайся!

Степаныч. А кто же тут...

Мастаков. Иди! Никита поглядит за ребятами, я скажу...

Степаныч. Не подождли бы...

Мастаков. Иди, говорю!

(Степаныч спешно уходит.)

Мастаков (бормочет). Господи! Помогите... Ведь не виноват я, ты знаешь, господи... Знаешь...

(Сидит, схватив голову руками, покачиваясь.)

Действие второе

Там же, в тот же день. Часов пять вечера. За постройкой, в поле, гармоника наигрывает: «Последний нонешний денёчек». Каменщик Никита сидит на скамье у сторожки, подрёмывает. Из кустов идут Павел, Яков, Таня с букетом полевых цветов в руках.

Яков (подмигивая на Никиту). Хотите, я его испугаю?

Павел. Он не спит.

Таня. Не надо!

Яков. Смешно будет! (Идёт к Никите, пристально и строго разглядывая его.)

Каменщик (встаёт). Ты что, сударь?

Яков. А ведь я тебя знаю!

Каменщик (улыбаясь). Меня тут все знают.

Яков. Я тебя да-авно знаю!..

Каменщик. И я тебя.

Яков. Ты – кто такой?

Каменщик (всё улыбаясь). Как же это – знаешь, а спрашиваешь?

Яков (строго). Я с тобой не шучу! Я, брат, про тебя такое знаю..

Каменщик (серьёзно). Чего про меня знать? Про меня нечего знать.

Яков (понижая голос). Ты в третьем году, в марте, что делал? Помнишь?

Каменщик (напряжённо). В марте? Третьего года?

Яков. Ага! Вспоминаешь?

Каменщик. Погоди..

Яков. Ты где тогда был, ну-ка, скажи?

Каменщик (смущённо). Стой.. Дай бог памяти!.. В больнице я лежал будто.

Яков. Будто? Ну, а – по совести скажи?

Каменщик (испуганно). Постой-ка, ты – что, брат? А?

Яков. Нет, ты вспомни! Ты что тогда сделал?

Каменщик. Да что ты, господь с тобой! (Снял картуз.) Мне вспоминать нечего.. Что такое?

(Таня смотрит на старика, улыбаясь, Павел смеётся. Взглянув на них, Никита надел картуз и сердито отмахивается.)

Каменщик. Поди ты к богу! Я думал – взаправду что-нибудь. Экой безобразник! Я втрое старше тебя..

(Гневно ушёл в сторожку.)

Яков (торжествуя). Видали?

Павел. Ловко!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Таня. Странно! Чего он испугался?

Яков (с гордостью, оживлённо). Я могу испугать кого хотите! Любому человеку уставляюсь в глаза и начну: «А что я про вас знаю, что слышал!» Конечно, я ни черта не знаю, но человек обязательно испугается – ведь у каждого есть что-нибудь, что он скрывает, ну, а я веду себя так, будто мне все тайны известны! Понимаете?

Павел. И дураки же люди...

Яков. Особенно с барышнями удаётся это. Я любую барышню в полчаса могу до слёз довести.

Таня. Это – гадость! Вам не стыдно?

Яков. Да ведь я шучу! Чего же стыдиться?

Таня. Это очень стыдно – издеваться над девушками.

Яков. А вы как издеваетесь над нами? Ага! И вообще – ведь вам понравилось, когда старик испугался?

Таня. Вовсе нет!

Яков. А зачем улыбались?

Таня. Я не улыбалась.

Павел. Не спорь – понравилось. Это он ловко сделал. Вы здесь будете? Я пойду рубашку сменить, вспотел.

Яков. Сядемте, а?

Таня. Не хочу.

Яков. Не сердитесь на меня! Послушайте: лягушку, животное болотное, склизкое, тиская – получаем ощущение отвращения!

Таня (удивлённо). Что такое, как?

Яков (повторив). Это называется – бонмо!

Таня (смеясь). Фи, какая гадость! И ещё – бонмо! Это вы сами выдумали?

Яков. Сам.

Таня. Неправда!

Яков. Честное слово! Смешно ведь?

Таня. Нисколько.

Яков. А вы смеялись! Какая вы капризная – ужас!

(Несколько секунд сидят молча.)

Яков (уныло). А один актёр сказал: «Лучше иметь небольшой ум, чем большой чирей». Нравится вам?

Таня (улыбаясь). Вы удивительно глупый!

Яков (весело). Лишь бы удивить вас, а чем – всё равно! Нет, какая вы капризница! Вот уж, наверное, приказчики в магазинах не любят вас!

Таня (обиженно). Я вовсе не желаю, чтобы меня любили приказчики.

Яков. Почему же? Среди них такие красавцы есть...

Яков. Ф-фу... Замучили вы меня!

Таня (вставая). Идёмте чай пить... мученик!

Яков. Идите... Я сейчас приду.

(Показывает кулак вслед ей, потом высунул язык.)

Таня (обернувшись). Я устала очень...

Яков (вскочив). Эх, жаль! (Бормочет.) Погоди, милая, ладно!

(В саду голос Мастакова: «Лёг бы ты, уснул!»)

Харитонов (в калитке). Спать не хочу, я говорить хочу.

Мастаков. Ну, о чём говорить?

Харитонов. А вот сядем на любимое твоё место... Не жаль было тебе рощу вырубать?

Мастаков. Жаль.

Харитонов. То-то! Вон сколько от неё осталось – в зубах поковырять нечем. Садись? Слушай – что ты сегодня какой – нехороший, неласковый, а?

Мастаков. Ну, полно...

Харитонов. Думаешь – если я выпил, так ослеп? Выпивши, я всё насквозь вижу, между прочим. Всё ты суёшься из угла в угол, оглядываешься, а?

Мастаков. Ну, что там? Так это. Думается о разном. Я вот строиться люблю – строение украшает землю. Земля у нас – бедная...

Харитонов. Неправда! Ба-агатая земля! Грабят её, грабят, а ограбить никто не может!

Мастаков. И люди непрочные...

Харитонов. И купец грабит, и чиновник, и всяк живой человек, а – Россия живёт, слава те, господи! И будет жива во веки веков. Нет, почему ты октябрём ходишь, хоть шубу при тебе надевай, а? Полковница требуется? Что ж, дама она такая, что каждому желанна... Венчаешься?

Мастаков (угрюмо). Не пара мы. Не знаю...

Харитонов. Отчего? Ведь она – по мужу важна, а сама, говорят, из простых... Певица, что ли, какая-то... И вообще, – хороша Анненька, а прошлое – дрянненько!

Мастаков (строго). Прошое не должно касаться нас.

Харитонов. Ну, ежели оно в костях...

Мастаков. Как это – в костях?

Харитонов. Ну, в душе, что ли. Наше прошое – не дёготь на воротах, его не выскоблишь... нет, брат!

Мастаков (вставая). Ты извини, кум, я пойду... мне надо подумать об одном деле.

Харитонов (вслед ему). О падчерице подумай! Довольно уж канители, пора за дело...

(Никита выглядывает из сторожки.)

Харитонов. Это кто там?

Каменщик. Я... (Выходит.) Я пожаловаться тебе, Яким Лукич...

Харитонов. Жалуйся. Ну?

Каменщик. Племяш твой – озорник...

Харитонов. В молодости и курица озорует. Ну?

Каменщик. Давеча начал он мне угрожать...

Харитонов. А ты – не бойся! Он угрожает, а ты – не бойся, только и всего. Понял?

(Из-за сторожки выходит странник – Старик, с котомкой на спине, с котелком и чайником у пояса. За ним – Девица, тоже с котомкой; у неё неподвижное лицо, большие мёртвые глаза. Девица кланяется. Старик стоит неподвижно.)

Харитонов. Здорово. Давно ждали...

Каменщик. Откуда?

Старик. От Стефания.

Харитонов. Дочь?

Старик. Сестра по духу.

Харитонов. Молода будто сестрёнка-то!

Старик. Не все в один год родились.

Харитонов. Верно.

Девица (Каменщику). Чего это строят?

Каменщик. Училище.

Харитонов. Девица?

Старик. Девица.

Девица. А не завод это?

Каменщик. Завод – дальше, версты за три.

Харитонов. А детей сколько имела?

Старик. Был один, да тоже дурак.

Каменщик. А то – другой скоро начнём строить...

Харитонов. Дурак? (Встаёт, идёт в сад, остановился.) Ты что же подаяния не просишь?

Старик. В свой час – попрошу.

Харитонов. Гмм... Пойду чайку попью...

Девица. А кто строит?

Каменщик. Мастаков, Иван Васильев.

Старик. Здешний?

Каменщик. Само собой.

Старик. И родился здесь?

Каменщик. А тебе на что знать?

Каменщик. Всякие есть.

Старик. Давно он здесь живёт?

Каменщик. Лет с двадцать. (Спохватился, подозрительно оглядывает Старика.) Да разве я тебе сказал, что он не здешний? Я этого не говорил!

Девушка. Добрый человек, слышно...

Каменщик. Когда добёр, а когда и нет. Пустых людей не любит.

Старик. Это каких – пустых?

Каменщик. А вот которых ветер по дорогам гоняет, туда-сюда.

Девушка. Идёмте, братец!

Старик. Куда? Погоди, отдохнём. Торопиться мне некуда, меня никто не ждёт.

Каменщик. А не похож ты на странника божьего.

Старик. Не похож? На кого же я похож?

Каменщик. Не знаю. Для странника – речь у тебя не та.

Старик. Всякая птица по-своему поёт...

Каменщик. Не та речь... Коли вы за подаянием, идите во двор, вот сюда, кругом.

Старик. Дай отдохнуть! Али я тебе мешаю?

Каменщик. Не мешаешь, а торчать тут не к чему. Закуришь, спичку бросишь...

Старик. Не курю.

(Никита ушёл в сторожку.)

Старик (оглянувшись, Девушке, негромко). Ты – гляди, Марина, примечай всё, слушай! А ежели почувешь что плохое для меня, сейчас беги в город, к Ильё...

Девушка. Знаю.

Старик. А он бы тотчас объявил полиции – так и так, мол! Поняла?

Девушка. Ну-ну!

Старик (оглядываясь). Ишь, как застроились, псы! И небушка не видать. Всё от бога отгораживаются, собаки! В кирпич да в камень душевную гнусь свою прячут, беззаконники...

Девушка (негромко). Гляди – идут!

(Идут Яков и Таня.)

Яков. Ну, расскажите, пожалуйста...

Таня. Постойте! Где же он? (Кричит.) Папаша!

Яков. Успеем, найдём! Расскажите!

Таня. Когда я рассказываю, мне делается скучно.

Яков. А слушать любите?

Таня. Интересное – люблю. Папаша!

Таня. Да.

Яков. Иной раз так расскажут про человека, точно наизнанку вывернут его.

(Девушка кланяется им.)

Таня. Вот странники много знают...

Яков. Смотрите – какая деревянная! Сейчас я его испугаю.

Таня. Не стоит!

Яков. Увидите, как забавно будет. (Присматриваясь к Старикам.) Ба, кого я вижу!

(Старик смотрит на него молча и спокойно.)

Яков. Давно ли здесь?

Старик. Недавно.

Яков. А назад – в острог – скоро?

Старик. Вместе с тобой.

Яков. Как это – со мной?

Старик. Так. Ты когда в острог собираешься?

Яков. Мне там делать нечего!

Старик. Там дело найдут для тебя.

Яков (смущён). Позволь – как ты смеешь...

Таня (удерживая его за плечо). Оставьте его, он мерзкий.

Яков (отходя от него). Небоязлив, бродяга.

Девушка. Барышня, подайте странникам людям Христа ради! Накормите, напоите бездомных, несчастных...

Таня. В кухню идите, вон туда... Где же папаша?

Яков. Придёт!

Таня. Удивительно скучный день сегодня, хоть бы что-нибудь случилось.

Яков. Вы любите пожары?

Таня. Нет, я боюсь. Мне иногда так скучно бывает, что даже несчастья хочется.

Яков. Выходите замуж за меня!

Таня. Я серьёзно говорю. Софья Марковна сказала: «Я не знаю, что такое скука». Как можно не знать этого? Даже собаки скучают. Вам нравится урюк?

Яков. Мне нравитесь вы!

Таня. Ах, перестаньте!

Яков. Ей-богу, я вас люблю! В самом деле – выходите за меня замуж, будет очень весело. Автомобиль купим.

Таня. Я ведь сказала – дайте подумать!

Яков. Уж очень вы долго думаете. Замуж выйти – не в винт играть, тут особенно

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru долго думать незачем. Я человек свободомысленный, не стесняющийся и весёлый. Притом же бедный. Значит, я буду вам верный друг. Честное слово! И будет вам всякая свобода от меня.

Таня. А на что мне свобода? Я и так без призора живу.

Яков. Теперь вы девица и стеснены в симпатиях ваших, потому что наш брат – жулик и девичья неопытность для нас – конфета! А будете дамой – оцените свою свободу, – вон, как Софья Марковна живёт! У неё роман за романом.

Таня (грустно). Зато какие гадости рассказывают про неё!

Яков. Не всякий разговор на аппетит действует. Кроме того – Павел! Он – жадный, грубый, никого не любит...

Таня (улыбаясь). Ошибаетесь, он в Софью Марковну влюблён...

Яков. Да что вы? Павел?

Таня. Да, да! Я сама видела, как он перчатки её целовал...

Яков. Ах, чорт возьми!

Таня. Она забыла у нас перчатки...

Яков. А он – целовать их? Вот дурачина! А – знаете – она обязательно пройдёт в мачехи вам!

Таня. Это – хорошо!

Яков (уныло). Ну, разве можно так рассуждать?

Таня (задумчиво). Была бы около меня умная женщина, с ней можно и о костюмах посоветоваться, и обо всём. При ней и дом перестроили бы, а то у нас тесно.

Харитонов (идёт). Эй, голуби! А где Иван Васильев?

Яков. Не нашли мы его.

Харитонов. Там архитектор приехал.

Таня. Ах, надо идти... Он такой интересный!..

(Поспешно уходит.)

Харитонов. Ну, что, балбес?

Яков (уныло). Ничего. Она такой мякиш.

Харитонов. Ты сам мякиш! Другой бы на твоём месте...

Яков (с досадой). Да что ж, насильно, что ли...

Харитонов. А хотя бы насильно? Девицы смелость любят. Болван! У меня бы давно уж Исаяя ликовал...

Яков. Попробуйте – женитесь на ней сами!

Харитонов. Цыц! С кем говоришь? Вот, как я вылечу в трубу да останешься ты нищим...

Яков. Тише, вы... Тут кто-то ходит, наверно – Иван Васильич...

Харитонов (оглянувшись, вынул из кармана серебряный рубль, громко). Видал – кружочек маленький, а на нём – вся жизнь! Это надо понять! Какой цветок краше, какой порох сильнее? К деньгам надо уважение иметь, а не швырять их зря... (Прежним тоном.) Ты что прёшь, шарлатан? Никого нет...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Яков. Я шаги слышал за сторожкой.

Харитонов. Шаги слышал! Ты мне сегодня это дело кончай... Иди, ходи за ней неотвязно!

Яков (идёт). Да если она глупа...

Харитонов. Для тебя же легче, дубина!..

(Ушли. От постройки медленно идёт Мастаков, подавлен, глядит в землю. Из-за сторожки – Старик, он усмехается, остановился, опираясь на палку обеими руками.)

Старик (негромко). Здорово, Гусев.

Мастаков (так же). Здравствуй, Антон.

Старик. Я теперь не Антон, а – Питирим. Переделался, как и ты. Ну, только я могу и Антоном жить, по-старому. Ты что на меня не взглянешь?

Мастаков. Видел я тебя.

Старик. Где видел? Когда?

Мастаков. В соборе, на паперти... а сейчас – со стройки... ты по дороге шёл с женщиной...

Старик. Значит – ждал ты меня?

Мастаков (молчит).

Старик. Коли признал, значит – ждал!..

Мастаков (угрюмо). Там, на паперти, по глазам я узнал.

Старик. Так... Ну, что же, – зови меня в гости!..

Мастаков (устало). Вот что, Антон... ты – умный, ты понимаешь – что значит для меня... приход твой... Так ты говори сразу – чего тебе надо?

Старик (усмехаясь, тряхнул головой). Разве эдак можно? Я в гости пришёл к тебе, старому дружку... мы с тобой страдали вместе, а ты – чего мне надо!

Мастаков. Я могу дать немало, ежели...

Старик. Денег? А куда мне деньги? Я – старенький, помру скоро.

Мастаков. Женщина эта с тобой...

Старик. Девушка. Она – умная. Она мной крепко взнуздана...

Мастаков. Знает про меня?

Старик. А как ты думаешь?

Мастаков (хватая его за плечо). Не шути, чорт!..

Старик (ловко присел и вывернулся из-под руки). Эй, эй! Ты не груби!..

(Из-за деревьев вышла Девушка.)

Старик. Ты меня не пугай, я все страхи видел уж...

Мастаков. Чего тебе надо?

Старик. Поговорить с тобой желаю...

Мастаков. О чём?

Мастаков (помолчав). Разошлись наши пути, Антон...

Старик. Так ведь вот – опять сошлись!

Мастаков. Сказал бы прямо – чего хочешь?

Старик. Я немало хочу, гляди!

Мастаков. Ну?

Старик. Мне за все года страданья моего жалованьишко получить надо...

Мастаков. Сколько?

Старик. Не сосчитал ещё...

(Мастаков, спрятав руки за спину, смотрит на него с ненавистью.)

Старик. Что глядишь?

Мастаков. Помню я твой характер.

Старик. Помнишь? Спасибо.

Мастаков (с тоской). Чего тебе надо, Антон?

Старик. Испугал я тебя? Жизнь-то наша, Гусев, – какова? Ты тут строишься, топыришься во все стороны, а я тихонечко иду, иду...

Мастаков. Что худого я сделал тебе? Не помню.

Старик. И я не помню этого.

Мастаков. Я тебя жалел тогда...

Старик (усмехаясь). И жалеть надо с умом. Очень умеючи жалеть надо!.. А ты как думал?

Мастаков. Что же... Ты мне зла желаешь?

Старик (прислушиваясь). Я те после скажу, чего желаю. Будто идёт кто-то и по дороге едут – чу? Слышишь? Я пройду на кухню, а вечерком ты меня прими – ладно?

(Мастаков кивает головой, из сада Захаровна.)

Захаровна. Иван Васильич, батюшка, где же ты? Тебя ищут, ищут...

Мастаков (угрюмо). Проводи его на кухню, накорми...

Захаровна. Время ли сегодня...

Мастаков. Ну! Делай, как велят!

Захаровна. Там ждут тебя... (Старику.) Иди!

Старик. Строговат, хозяин-то...

Захаровна. А ты знай – помалкивай...

Старик. Ой, да и ты сердита! Давно не бита?

Захаровна (обернувшись к нему). Да ты что?..

Мастаков (грозит ей. Оставшись один, в ужасе бормочет). Да не может быть, не может быть... господи! (Идёт к постройке, встречу ему Софья Марковна. Взволнована.)

Софья Марковна. Что за чепуху вы мне написали? Это – невероятно! Это же сказка!.. Вы в своём уме? Вы – были на каторге? (Хватает его за руку.) Да говорите же!

Мастаков (глядя в сторону). Был. На четыре года осудили.

Софья Марковна. За что?

Мастаков. Два года пять месяцев был... потом – ушёл... бежал...

Софья Марковна. Не смейте говорить так! Смотрите мне в глаза. За что вас судили? Фальшивые деньги, да?

Мастаков. Убийство.

Софья Марковна (отталкивая его руку). Вы – убийца? Невероятно... Как это случилось?

Мастаков. Не знаю,

Софья Марковна. Да придите же вы в себя! Когда так страшно – нельзя теряться, нельзя! Как это случилось, ну? Скорей...

Мастаков. Не знаю. Так я и на суде говорил – не знаю! Мне двадцать лет было тогда. Гулял я, рекрут был. Кто-то зарезал прасола... я был пьяный и не видел его, не помню, какой он. Никого не убивал. Сложилось так, что судить некого было – ну, осудили меня. Кровь нашли на мне...

Софья Марковна. Чью?

Мастаков. Не знаю. Рекрута дрались, и я тоже...

Софья Марковна. Ведь это правда? Да? О, боже мой, конечно – правда! Вы не могли... нет! Но – почему именно сегодня... почему вы раньше не сказали мне?

Мастаков (убито). Явился человек, с которым я на каторгу шёл и жил там. Он давно тут искал меня, подсылал кого-то. Я его в четверг на соборной паперти видел, узнал...

Софья Марковна. Ах, надо было тогда же сказать мне! Ведь я же, я... верю вам!

Мастаков. Я сегодня утром пытался, да вы не догадались...

Софья Марковна. Сегодня? Так, значит... Как я глупо вела себя!.. Ведь я думала... Как глупо! О, милый, простите...

Мастаков. Я давно собирался рассказать вам всё... духа не хватало! Боязно. Нет у меня никого, кроме вас... а вы мне – и сестра и всё...

Софья Марковна. Чего хочет этот человек?

Мастаков. Не пойму. Погубит он меня.

Софья Марковна. Нельзя говорить так! Где он?

Мастаков. На кухне. Он – злой! Софья Марковна – помогите мне, на всю жизнь рабом буду вашим! Я – жить хочу!

Софья Марковна. Нет, я не допущу гибели вашей.

Мастаков. Я думал – сделаю всё, как она хочет, а потом скажу: «Вот я кто! На душе моей – нет греха. Вы научили меня доброму... до вас я смысла в жизни не видел...»

Софья Марковна. Перестаньте! Всё это не нужно сейчас.

Мастаков. Верите вы мне?

Софья Марковна. Глупо спрашивать. Вы когда будете говорить с ним?

Мастаков. Вечером.

Софья Марковна. Сделайте так, чтобы я слышала вашу беседу, я останусь здесь... И чтобы дети не знали ничего – понимаете?

Мастаков (усмехаясь). Павел узнает – обрадуется.

Софья Марковна. И главное – говорите с ним спокойно.

Мастаков. А вдруг он и вас запутает? Что тогда будет?

Софья Марковна. Меня? Глупости! Идёмте в дом!

Мастаков. Софья Марковна...

Софья Марковна. Ну, что? Возьмите же себя в руки!

Мастаков. Боюсь я...

Софья Марковна. Это вам не поможет!

Мастаков. Вашего суда боюсь.

Софья Марковна. Но ведь вы не виноваты? Да? Ведь это – несчастье?

Мастаков. Да! Клянусь...

(Ушли. В кустах появилась Девица и тупо смотрит вслед им, почёсывая подбородок.)

Занавес

Действие третье

Большая комната, посреди неё письменный стол, три кресла. На столе горит лампа, затенённая синим абажуром. В углу, за ширмами, видно изголовье кровати. В другом углу – изразцовая печь, около неё кушетка и дверь, прикрытая тяжёлой драпировкой. Около двери – большой шкаф. Другая дверь – перед зрителем. Мастаков на кушетке, полулежит. В среднюю дверь стучат.

Мастаков (вставая). Ну?

Захаровна. Проснулся.

Мастаков. Зови.

Захаровна. Чаю просит.

Мастаков. Пусть напьётся, тогда приведёшь.

Захаровна. Иван Васильич – ты его не привечай, недобрый это старик...

Мастаков. Ладно. Иди.

Захаровна. Всё он выпрашивает про тебя – как долотом долбит.

Мастаков. Выпрашивает?

Захаровна. И как ты живёшь, и какие дела твои, и про Софью Марковну...

Мастаков. И про неё?

Захаровна. Да, да, и про неё! Как будто он всё знает, а выпрашивает только для виду... Так вот и долбит, как судья всё равно.

Захаровна. Совсем как судья!

Мастаков. Он знал меня, когда... я беден был. Вместе жили...

Захаровна. Мало ли кого в жизни знавали мы.

Мастаков (ходит). Софья Марковна у Тани?

Захаровна. У неё.

Мастаков. Позови поди... Вежливо. Скажи – прошу на минуту. (В дверь стучат, Захаровна хочет открыть, Мастаков, хватая за руку её.) Стой – кто это?

Захаровна. Ну, что ты, батюшка, кто, кроме своих!

Мастаков (негромко, гневно). Я тебе говорю. Дура...

Софья Марковна. Вам бы на себя надо крикнуть хорошенько...

Мастаков. Иди, Захаровна.

Захаровна. Сама знаю, что надо уйти...

(Выходит из комнаты.)

Софья Марковна. Ну, что? Как вы?

Мастаков. Плохо. Тошно мне.

Софья Марковна. Какой же вы мужчина, если так трусите?

Мастаков. Велика беда.

Софья Марковна. Беда ещё не ясна...

Мастаков. Я знаю его.

Софья Марковна. Вот посмотрим, поговорим с ним, дадим ему что спросит, а потом я начну осторожно хлопотать о помиловании. Наймём лучшего адвоката. За деньги всего можно добиться! Говорят – плохо это, но – если нет другой силы?

Мастаков. Не знаю, как я буду говорить с ним.

Софья Марковна. Ведь вы не чувствуете себя преступником? Чего же бояться?

Мастаков. Мало вы знаете людей.

Софья Марковна. А вот увидим. Где я буду?

Мастаков. Не надо бы этого!

Софья Марковна. Я сяду вот здесь, за шкафом... и прикроюсь драпировкой. (Улыбается.) Думала ли я, что буду принимать участие в такой удивительной истории?

Захаровна (входит, угрюмо). Не хочет он чаю. Звать?

Мастаков. Зови.

Софья Марковна. Видите – она меня не заметила... Вы смотрите же, не горячитесь!

Мастаков. А вдруг и вы попадёте со мной в капкан этот? Что тогда будет?

Софья Марковна. Молчите!

(Спряталась. Мастаков, вздохнув, смотрит в её сторону. Она выглядывает из-за
Страница 261

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru драпировки, улыбаясь.)

Мастаков (с усмешкой). Забавно?

Софья Марковна. О, да... и жутко чуть-чуть! Шш... Идут!

(Стучат в дверь. Захаровна, пропуская Старика и Девицу, глухо ворчит. Старик крестится, глядя в угол, где кровать, потягивает воздух носом.)

Мастаков (кивая на Девицу). А эту зачем привёл?

Старик. Она везде со мной, как глупость моя.

Мастаков. Пусть уйдёт, я при ней не стану говорить с тобой.

Старик (усаживаясь в кресло у стола, спокойно). Как это – не станешь? Станешь. Ты её не опасайся, она, подобно земле, – немая; хоть бей её, хоть топчи – не закричит. А ежели меня начнут бить – закричит!

Мастаков (исподлобья смотрит на Девицу; она, любопытствуя, оглядывает комнату, щупает спинку кресла). Сядь!

Старик. Садись, Марина, ничего. (Подпрыгивает в кресле.) Стулья-то какие мягкие у тебя, как перина. А – темно, темновато. Больше нет свету?

Мастаков. Нет.

Старик. Темно живёшь. Хорошо, сыто, мягко, а – темно!

Девица. Дух хороший какой, будто ребячьим потом пахнет...

Старик. Сними колпак с лампы!

Мастаков. Зачем?

Старик. Светлей будет. Это глупость – свет прикрывать. Ну, вот... А чем угостишь?

Мастаков. Водки хочешь?

Старик (смеясь). Э, нет! Водочку я не стану пить, нет! Хитрый ты, Гусев...

Мастаков (ударив ладонью по столу). Ну, давай говорить!

Старик (вздрагнув). Ты не стучи зря-то! Ишь, словно из пистолета выпалил... Эти окошки куда выходят? Марина, – взгляни!

Мастаков. Ну, чего же тебе надо, Антон?

Старик (следя за Девицей). На двор, что ли?

Девица. На двор. Чёрное крыльцо сбоку...

Мастаков. Чего ты хочешь?

Старик. А чего бы мне, старичку, хотеть?.. Не знаю.

Мастаков. Говори сразу. Не издевайся, Антон, не серди меня...

Старик. А то – что будет?

Мастаков (вставая). А то я...

Старик (откачнулся в кресле). Ну, ну...

Девица. Вы не кричите, купец, тут – люди везде у вас, это вам нехорошо. Вы отодвиньтесь.

Мастаков. Молчи, девка!

Старик. Молчи, Марина, ничего! Я его знаю, он хоть горяч, да отходчив... Он добрый.

Мастаков. Что тебе надо, Антон?

Старик. А я ещё не надумал. Ты – потерпи, я исподволь придумаю...

Мастаков. Злой ты человек!

Старик. Мы все одного завода кони, только разной масти.

(Пауза.)

Старик (начинает говорить негромко и жалобно, но – быстро переходит в тон насмешливый и властный). Вот, Митрий, сидим мы с тобой друг против друга, оба – грешники, только я – отстрадал за грехи мои смиренно, но закону, а ты – бежал страдания-наказания. Я – высох до костей, а ты – распух в богатстве, на мягких стульях сидя. И вот – встретились мы. Я тебя семь годов искал – была у меня вера, что ты жив-здоров и в добром порядке. Да...

Мастаков. Говори скорее.

Старик. Не торопись, обожжёшься!.. Знаешь – как детишкам за столом говорят, когда щи горячие поданы? Не торопись – обожжёшься! Так вот – искал я тебя. Любопытно мне было поглядеть на смелого человека, который через закон перешёл. Христос за чужие грехи отстрадал, а ты за свой – невосхотел. Ты – смелый!

Мастаков. Я тому греху не причастен, я ошибкой осужден...

Старик. Все мы так говорим пред земным судом, друг пред другом, это я знаю! Я сам так говорил, в своё время...

Мастаков. Я жил доброй жизнью в эти годы...

Старик. Ишь ты что! Нет, Гусев, это не годится! Эдак-то всякий бы наделал мерзостей земных да в добрую жизнь и спрятался. Это – не закон! А кто страдать будет, а? Сам Исус Христос страдал, древний закон нарушив. Закон был – око за око, а Христос повелел платить добром за зло.

Мастаков. Я добра людям не мало сделал...

Старик. Не видать этого. Люди живут, как жили, в нужде да бездолье, во тьме греховной... И всё, будто, хуже живут люди-то, – замечаешь, Гусев?

Мастаков. Ну, что же тебе надо от меня? Что?

Девушка. Вы не перебивайте его, не мешайте, он этого не любит...

Мастаков. Антон!

Старик. Зовут меня – Питирим. А чего мне надо – сам догадайся. Ведь я одинаковых костей с тобою, однако я двенадцать лет муки мученской честно-смирненно отстрадал, а ты – отрёкся закона...

Мастаков. Что же ты, донести хочешь на меня?. Чтобы схватили меня?..

Старик. Я тебе не сказал, чего хочу.

Мастаков. Ну, предашь ты меня суду, разоришь мою жизнь, – какая в этом польза тебе?

Старик. Моё дело.

Мастаков. Жить тебе – недолго.

Старик. Зато хорошо поживу.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Мастаков. Работать ты не можешь.

Старик. Ты для меня заработал, мне хватит.

Мастаков. Оставь меня, Антон, какой ты мне судья?

Старик. Тебе всякий человек – судья. Зачем бежал? Зачем страдания не принял?

Мастаков. Жить хотел я, работать.

Старик. Стрдание святее работы.

Мастаков (гневно). Зачем оно? Какая от него польза? Кому? Кому? Ну, говори, дьявол!

Старик. Не лайся, я смолоду облаян! Ты у меня в горсти, как воробей пойман. Мне ведь не страшно, что ты хорошей жизни достиг, любовницу себе завёл барыню..

Мастаков (яростно). Цыц! Не смей! (Бросается на него.)

Девушка (бежит к окну). Батюшки!..

Старик (падая на пол, за стол). Бей стёкла!

Софья Марковна (выскочив из угла, отталкивает Девушку к столу, хватая Мастакова за руку). Уйдите! Вы, девушка, тоже – вон отсюда!

Старик (встал, испуганно озирается). Ишь ты, как подстроено... а?

Девушка (прижимаясь к нему). Что это, господи... а ещё хорошие люди считаются...

Мастаков (мечется по комнате). Эх, Софья Марковна, не входите вы в это дело, бога ради!

Софья Марковна. Идите отсюда! Девушка – вы тоже...

Старик. Она не пойдёт!

Девушка. Я не пойду-с!

Софья Марковна. Иван Васильевич, выведите её! А вы, старичок, сядьте, я хочу поговорить с вами.

Старик (угрюмо). Не желаю. Вы – кто такая? Не знаю я вас.

Софья Марковна. Познакомимся.

Старик. Я тоже уйду.

Софья Марковна. Ну-ну, без глупостей! Иван Васильевич, я вам сказала – уходите! Скажите вашей спутнице, чтобы она ушла...

Старик (помолчав). Выдь, Марина, за дверь... Недалеко, смотри! Только, госпожа, меня испугать нельзя.

Софья Марковна. О, я знаю! Я не хочу пугать вас. (Заперев дверь за Мастаковым и Девушкой, села в кресло против Старика.) Ну, в два слова: вам чего надо?

Старик (оправляясь). А – как вы думаете, барыня, чего?

Софья Марковна. Вы хотели помучить человека, да? Вас мучили, и вы хотите помучить – так?

(Старик молчит, разглядывая её.)

Софья Марковна. Вам обидно, что бывший товарищ ваш нашёл для себя на земле место и дело, а у вас – нет этого?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Старик (усмехаясь). Ты всё время подслушивала?

Софья Марковна. Ну, вы достаточно жестоко помучили его – довольно!

Старик (насмешливо). Довольно? Так. Очень просто.

Софья Марковна. Теперь вспомните все обиды, всё горе, испытанное вами, всю вашу тяжёлую жизнь и – спросите себя: не пора ли отдохнуть, пожить спокойно, приятно?

Старик. Вот что-о! Ну, на это ты меня не поймашь, барынька, нет!

Софья Марковна. Послушайте, я понимаю, как глубока обида ваша, как вам хочется отомстить.

Старик. А я думал, у тебя другие слова есть – поумнее, потяжелее... Бойка ты, барынька, а не великого ума...

Софья Марковна. Ведь вы мстите не тому, кто виноват пред вами...

Старик. А если я так понимаю, что все виноваты друг пред другом? Тогда – как?

Софья Марковна. Это неверно, несправедливо!

Старик. А по-моему – справедливо.

Софья Марковна. Но ведь вы несправедливо страдали, вы?

Старик (не сразу). Ну?

Софья Марковна. Зачем же, чувствуя и зная неправду страдания, увеличивать его для других?

Старик. Та-ак! Гусев твой согрешил, а хочет в рай? Это не для него, рай! Это для меня, для таких, как я, несчастных. Так полагается. Закон. А насчёт Гусева: коли я – в горе, так ему – вдвое!

Софья Марковна. За что? Какой вы злой!

Старик. Ты, барынька, видно, замуж собираешься за него? За любовника не стала бы стараться эдак. Любовник – прохожий человек, сегодня – рыжий, завтра – чёрный. Эх, вы, бабье! Утопить бы вас всех надо, да поганого болота нет.

(Софья Марковна молча ходит по комнате.)

Старик (глядя на неё с усмешкой). Что же ещё скажешь?

Софья Марковна. Иван Васильевич – хороший человек, он делает много полезного...

Старик. Училище строит? Так... Строить надо не училища, а странноприёмные дома. Народ странствует – приткнуться ему негде.

Софья Марковна. Неужели вам будет приятно разбить чужую жизнь, чужое счастье?

Старик. Вот ты и выдохлась вся! А ведь какой птицей, орлом влетела, подумаешь! Счастливых я не люблю, счастливый – он гладкий, за него не ухватишься, выскользнет, как мыло. Нет, барынька, не одолеешь ты меня!

Софья Марковна (задумчиво, с тоской). Что же надо сделать, чтобы смягчилась ваша душа, что?

Старик (усмехаясь). А вот – выходи за меня замуж, целуй меня, ласкай...

Софья Марковна. Вы – мерзавец!

Старик. Может, я мягче стану после того. А что я мерзавец – говорили мне это. И это для меня хорош чин, я с ним доживу.

Софья Марковна. Какой ужас... Какая злоба...

Старик. Не согласна? Брось всё это, барыня: волка сахаром не накормишь. Давно обрыдли, опротивели мне люди, а такие вот, чистенькие, – особо противны.

Софья Марковна (почти кричит, задыхаясь). Послушайте – ведь есть же в душе у вас что-нибудь человеческое?

Старик. Обязательно есть. Ищи! Нет, не можешь ты найти, не найдёшь. Чем тебе утихомирить меня? Никаких сил у тебя! Жить мне осталось немного, да и то стариком, без радостей. Молодое моё время я потратил в наказании, там осталась вся сила моя. Ты думаешь, для меня женщина не сладка была? А я – двенадцать лет не касался груди женской, всё на тебя работал да на голубчика твоего. Что мечешься, а? Жгётся правда?

Софья Марковна. Вы не тому мстите, кто искажил вашу жизнь, не тому! О, господи!

Старик. Мне виноватых искать некогда... А Гусев – он вот где у меня, как воробей зажат. Он своего сроку-страдания не дотерпел – почему? Я – дотерпел до конца. Судья ли я для него? Законный, непощадный судья. Вы меня замучили, а хотите мириться? Нет мира вам, и не будет! За каждую слезу мою я с вас по пуду золота не возьму... Выпусти меня отсюда... слышь? Будет... поговорили!

Софья Марковна. И ничего – ничего доброго не осталось в сердце у вас?

Старик. Будет, говорю, довольно! Ничего ты не добьёшься. Для меня жизнь безжалостна была. (Идёт к двери, остановился.) Нет, как ты влетела, а? Я думал – ну, кончено! Эта сомнёт меня... (Смеётся. В двери Мастаков и Девица.) Устал я, Гусев, отдохнуть надо мне, иди, укажи где! В кухне у вас старушка больно зла – мешает мне...

Девица. Идите, братец, спаньё приготовлено.

Старик. Хороша у тебя защита, Гусев, редко хороша! На суде не поможет, а – хороша! Что ж, барынька, когда он снова в Сибирь пойдёт, и ты с ним, поселенкой? Не пойдёт она за тобой, Гусев! В трудный час баба не друг... Эх вы, узники божий... глядеть на вас жаль!

(Ушёл.)

Мастаков (негромко). Уезжайте домой, Софья Марковна, а то...

Софья Марковна. Молчите! Какой ужасный человек... до чего довели! Я поеду в город, посоветуюсь... прокурор – мой хороший знакомый... Я завтра же вернусь. Нет, лучше вы приезжайте... прямо ко мне. Вы слышите? Вам надо уйти отсюда. Это – дьявол! Боже мой, боже мой, как он смотрит, какие глаза! Вы говорили с его девицей?

Мастаков. Да. Она – как машина.

Софья Марковна. Глупая?

Мастаков. Мёртвая какая-то... Ничего не будет, Софья Марковна, ничем не поможешь. Человеческий суд... злобно судит человек ближнего! Бывало – читаешь жития святых – приятнейшие книги – умиляешься: сколько было грешников во святых! Утешало это, думалось: вот и я как-нибудь покрою грех... прощён буду...

Софья Марковна. В чём – грех? Ведь вы же говорите...

Мастаков (усмехаясь). Да уж я теперь сам не знаю... Неповинен я, не убивал, не грабил... А вот он, этот... Может, я в чём другом грешен? Не знаю...

Софья Марковна. За что его судили?

Мастаков. За насилие над несовершеннолетней...

Софья Марковна (вздрагнув). Вот как... Приведите ко мне эту девицу!

Мастаков. Не надо бы...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Софья Марковна. Приведите! Необходимо удержать его язык дня на два...

Мастаков. В случае чего вы, пожалуйста, Таню к себе возьмите...

Софья Марковна. Ах, перестаньте вы...

Мастаков. Она беспомощная...

Софья Марковна. Идите за девицей.

Мастаков (идёт). Лишнее... Противен я себе...

(Софья Марковна, оставшись одна, ходит по комнате, взволнована. Дверь около печи тихо отворяется, выглядывает Захаровна и шепчет.)

Захаровна. Софья Марковна! (Её шопот не слышен Софье Марковне.) Барыня, матушка...

Софья Марковна (изумлённо). Как? Вы были там? Вы слышали?

Захаровна (со слезами в голосе). Я сразу, как пришёл он, почуяла недоброе, на Ивана Васильича глядя. А вскоре слышу – говорит он девице своей: «Мы, говорит, с тобой большими кораблями поплывём отсюда».

Софья Марковна (с недоверием). Он сказал это, да, сказал?

Захаровна. Сказал. «Гляди, говорит, дура, здесь счастье твоё!»

Софья Марковна (волнуясь). Вы не ошиблись – вы слышали это?

Захаровна. Ну, да... Господи! Я боюсь его, тенью ползаю за ним, всё слышу...

Софья Марковна (обрадовалась). А-а, вот как! Значит, это он только цену набивал? О, какой мерзавец!

Захаровна. Софья Марковна...

Софья Марковна. Приведите ко мне девицу эту!

Захаровна (тихо). Лучше бы старичка-то как-нибудь своим средством...

Софья Марковна. Что? Каким средством?

Захаровна. Я бы достала... У меня есть...

Софья Марковна (с досадой). Что такое? Какое средство?

Захаровна. От мышей...

Софья Марковна (изумлённо). Мышьяк, да?... Мышьяком?

(Захаровна, утирая глаза, утвердительно кивает головой.)

Софья Марковна (в страхе, тихо). Но – послушайте! Это невозможно... это...

Захаровна. Уж я сама сделаю...

Софья Марковна. Но это же преступление, убийство, грех!

Захаровна (вздыхнув). Грех!

Софья Марковна. И вы, такая милая, решаетесь?... Это – безумие!

Захаровна. А как иначе с ним? ведь ограбит он, разорит всё гнездо... Не уступит он – знаю я таких! Они, праведники, богу ябедники...

Софья Марковна. И вы думаете, что я соглашусь на такое? Или вы испытать меня хотели?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Захаровна. Полноте, матушка, как я могу пытать вас, что вы?

Софья Марковна. Но тогда... Неужели вы думаете, что Иван Васильевич способен отравить?

Захаровна. Я бы сама уж...

Софья Марковна (испуганно). Господи, боже мой!.. Не понимаю ничего!

Захаровна. Вы – умница, учёная... неужто вы допустите, чтоб червяк этот...

Софья Марковна (почти плачет). Но поймите – это убийство!

Захаровна. А куда денутся дети, если это случится? Срам-то какой будет для Тани! И Павел – ведь он пропадёт! Ведь им – жить надо! А вы – как?

Софья Марковна. Непостижимо! Слушайте... я вам запрещаю даже думать об этом. Поняли? А мышьяк – дайте мне сейчас же...

Захаровна. Не сумеете вы...

Софья Марковна (возмущена). Идите вон! Вы сумасшедшая... Вы не смеете подозревать меня в этом!.. Вы из ума выжили, старуха!

(Захаровна стоит молча.)

Софья Марковна (спокойнее). Вы всех погубите... вашими фантазиями... Позовите девицу! Слышите?

(В дверь стучат. Мастаков вводит Девицу.)

Софья Марковна (ему). Идите сюда! (Отводит его в сторону, шопотом.) Смотрите за этой глупой старухой – она предлагает отравить старика, у неё есть мышьяк – вы поняли?

Мастаков. Час от часу не легче!

Софья Марковна. Уходите! Уведите её...

Мастаков (уходя). Идём, Захаровна...

Софья Марковна (Девице). Садитесь.

Девица. Ничего.

Софья Марковна. Садитесь, я вас прошу.

(Девица, улыбаясь, садится в кресло, ощупывает его.)

Софья Марковна. Послушайте! Ваш... покровитель...

Девица. Братец. Старец.

Софья Марковна. Он хочет погубить хозяина этого дома. Вы знаете это?

Девица. Знаю. Как же...

Софья Марковна. А вы – тоже хотите этого?

Девица. Мне – что? Мне здешний хозяин чужой человек...

Софья Марковна. Вам не жалко его?

Девица. Родных не жалеют, не то что...

Софья Марковна. Вы – женщина?

Девица. Девица я. А что?

Софья Марковна. Вы – молодая, вам долго жить...

Деввица. Как бог даст.

Софья Марковна (вскочив, ходит по комнате, в отчаянии шепчет). Не умею... не могу! О, боже мой... Не могу!

Деввица (с улыбкой). Платьице–то на вас какое... И сапожки тоже...

Софья Марковна (подошла к ней). Я хочу просить вас – уговорите вы старика не делать зла человеку!

Деввица. Несговорчив он...

Софья Марковна. Какая вам польза разрушать жизнь? Разве вы судья людям? Разве мы судьи друг другу?

Деввица. А – как же? Судим. Меня судили...

Софья Марковна (упавшим голосом). Да? За что?

Деввица. За ребёночка. Я в коровнике родила, а холода были в ту пору, он и задохся на морозе... Сказали – я сама удушила... засудили.

(Софья Марковна снова ходит по комнате.)

Деввица. Вы скорее говорите, что надо, а то старец не любит, когда я отхожу...

Софья Марковна (подходя к ней, разбитая, жалобно). Я всё сказала вам, – мне нечего говорить. Я – не умею! Я прошу у вас помощи – уговорите старика не делать зла здесь! Я дам за это денег сколько хотите!

Деввица (недоверчиво). Мне?

Софья Марковна. Да, да, – вам!

Деввица. Отнимет он.

Софья Марковна. Уйдите от него!

Деввица. Куда? Он найдёт. Он – упрямый. Нет, уж коли вы мне дадите деньги–то, тогда надо иначе что–нибудь делать...

Софья Марковна. Вы – женщина...

Деввица. Деввица я.

Софья Марковна. Вы должны пожалеть человека!.. Будьте же доброй...

Деввица. Ой, барыня, больно дорого нашей сестре доброта обходится! Была я разок добра – девятый год клянусь себя за это, дуру...

Софья Марковна. Мы все несчастны...

Деввица (оглядывая её). Ну, не все... Где же все? (думает вслух.) Конечно, если секрет ваш в моих руках, вы меня не обидите... Хоша... (пристально, с улыбкой смотрит на неё.) Окормить можно...

Софья Марковна (нетерпеливо). Кого?

Деввица. Всякого. Хоша – с деньгами можно далеко уйти... Я бы ушла. А он – пожил на свой пай, старец–то...

Софья Марковна. Он плохо обходится с вами?..

Деввица. Ну... разно!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Софья Марковна. Вы ему – чужая?

Девушка (вздыхнув). Собака я ему. Пристала по дороге собака, идёт. Нужна – ласкают, надоела – бьют. Все добры по нужде, а по своей воле – звери. Хозяин-то – любезный ваш?

Софья Марковна. Он – хороший человек.

Девушка. Все хороши, когда просят. Ну, что ж, надо мне идти!

Софья Марковна. Вы мне поможете, да?

Девушка. Видно, надо помочь.

Софья Марковна. Я была уверена, что у вас доброе сердце!

Девушка. Баба, ну, и сердце бабье. Пойду... Надо со старушкой вашей потолковать...

Софья Марковна (беспокойно). Вы с ней... осторожно! Она – не совсем в своём уме.

Девушка. В старости все так. Она – хорошая старушка однако... Барыня, что я попрошу вас!

Софья Марковна. Что такое? Пожалуйста!

Девушка (нищенски). Нет ли у вас платьишка, обносочка какого? И сапожки бы! Платьишко-то особо хорошо бы мне – вроде бы того, что на вас. Очень уж ловконькое...

Софья Марковна (изумлённо). Да ведь вы... ведь вам... Хорошо, я найду для вас платье, не одно... И ботинки...

Девушка. Во-от! Уж я так-то благодарна буду...

Таня (входит). Эта зачем здесь?

Софья Марковна. Подожди, Таня!

Девушка. Дочь его?

Софья Марковна. Да.

Девушка. А кудрявый – сын?

Таня. Что ей надо?

Софья Марковна. Молчи, Таня, прошу тебя!

Девушка. Вот как – сын да дочь! Ой, барыня, не легко, чай, тебе! Видно, бабье сердце и у тебя плохо свою выгоду понимает.

(Ушла.)

Таня (удивлённо). Что такое? Что такое она говорит? Она гадала вам?

Софья Марковна (торопливо). Да, да, гадала! Что с тобой? Ты взволнована?

Таня (растерянно). Я не знаю что, я боюсь! Захаровна бормочет о каком-то несчастье...

Софья Марковна (испуганно). О несчастье? Каком?

Таня. Ах, я не знаю... Она всегда дразнит меня, пугает... Здесь жить нельзя... Павел влюбился в вас...

Софья Марковна. Не говори чепухи!

Таня. Конечно! Оттого он и злится. Влюблённые всегда злятся. Он целует ваши

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru перчатки... Вы бы надрали уши ему.

Софья Марковна. Подожди... Какая путаница!

Таня. Нет... Я ничего не понимаю, сегодня такой день – ужасно! Это удивительно – я училась в гимназии и ничего не понимаю, а Захаровна – неграмотная, а всё понимает! О каком несчастье говорит она?

Софья Марковна (гневно). Она глупая старуха! Я сейчас скажу ей это!

(Идёт к двери.)

Таня. Не уходите! Я хочу спросить... Убежала... Так не солидно. (Перебирает вещи на столе, напевая.)

Он прискачет на белом коне,
Стукнет шпагой в окно ко мне...
Павел. Где вотчим?

Таня. Не знаю. Паша, отчего у нас сегодня так беспокойно?

Павел. Дремать тебе мешают? ведь ты не живёшь, а дремлешь.

Таня. А что значит – жить? Целовать дамские перчатки?

Павел. Это кто целует перчатки?

Таня. Ты.

Павел. Дура!

Таня. Не смей ругаться!

Павел. Тебя бить надо!

Таня. Ступай вон!

Павел. Сама убирайся к чорту!

Таня (сквозь слёзы). И уйду... Дрянь!

Павел. Клякса! Мякиш!

(Оставшись один, сердито ходит по комнате, закуривает. Вдруг – остановился, вслушиваясь, осторожно подвигается к окну.)

Старик (за окном). Ласкам ихним не верь. Всяк милостив будет, коли его за горло взять.

(Павел, оглядываясь, растерянно улыбается, ерошит волосы, снова слушает.)

Старик. Я его знаю, он и молодой таков был...

Мастаков (входит, смотрит на Павла, идёт к нему, тот не слышит шагов. Кладёт Павлу руку на плечо). Ты что?

Павел (отскочив). Ничего...

(Смотрит на отчима со страхом и идёт к двери. Мастаков выглянул в окно, быстро оборачивается к нему, протягивая руку.)

Мастаков. Павел... Паша...

(Павел ушёл, громко хлопнув дверью.)

Мастаков. Знает!.. Ну что ж...

Действие четвертое

Лунная ночь, очень светло. Задний фасад старого дома. На ступенях чёрного крыльца сидят Захаровна и Таня, выше – в двери – Девица, она что-то жуёт. Налево решётка сада, с калиткой в ней. Слева от крыльца освещённое окно кухни, справа – окна комнаты Мастакова, под ними широкая скамья.

Таня. Ну?

Захаровна. Ась?

Таня. Рассказывай!

Захаровна. Задумалась я чегой-то... Вот, значит, любила я трёх...

Таня. Троих.

Захаровна. Ну, ладно, троёх. И так можно сказать, от этого не прибудет, не убавится. Мужа я тоже любила, очень жалела! Омману его с кем, и так-то ли жалко станет мужика, – беда! Даже – плакала. Бывало – думаешь: «Ах ты, милый мой, ты мне веришь, ты меня любишь, а я тебя омманула, с другим поиграла...» и так-то ли залюбишь, заласкаешь его...

Таня. Разве это хорошо?

Захаровна. Погоди, сама узнаешь.

Таня. Все так делают?

Захаровна. Поди – все, которые побойчее. Я бойкая была.

Таня. А кто у тебя первый был?

Захаровна. Землемер, межевщик. Гладенький такой, как мышь. А у меня двое братьев было, строгие. Как он меня, девушку, испортил, повезли они его рыбу лучить да и утопили...

Таня (задумчиво). Как ты говоришь... не страшно...

Захаровна. Чего?

Таня. О страшном говоришь, а – не страшно.

Захаровна. Я не о страшном, а про любовь.

Таня. Жалко тебе было его?

Захаровна. Кого?

Таня. Ах! Землемера, конечно.

Захаровна. Ревела. Молода ещё была, жалостлива. Наше бабье дело жалостливое – назначено нам мужиков любить, ну, и любим. Иной раз – не любовь, а казнь, ну – иначе нельзя! Одного – жалко, другого – боязно, третий – хорош удался, всех и любишь.

Павел (в двери, сзади Девицы). Опять ты, старая ведьма, разговоры эти завела? А тебе, Татьяна, не стыдно? Ну – погодите!

(Исчезает.)

Захаровна (шутит). Ой, напугал! Во всех углах он, как нечистый дух. Опять про это! А – про что мне? Я – неучёная, кроме своей жизни, ничего не знаю...

Таня. Меня стыдит, а у самого любовница в городе.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Девушка. Сами стыд творят, а нас судят за это.

Захаровна. Спит бродяжка твой?

Девушка. Лежит.

Таня (Девушке). Ты гадаешь?

Девушка. Это как? На картах?

Таня. Я не знаю – на картах, по руке...

Девушка. Что ты, барышня, это грех! Я ведь не цыганка.

Таня. А как же давеча Софье Марковне гадала?

Девушка. И не думала!

Захаровна (тревожно). Это они так – беседовали...

Таня. Неправда! Мне сама Софья Марковна сказала. Вы что-то скрываете от меня...

Захаровна. Ну, полно-ка, господь с тобой! Что от тебя, умненькой, скроешь? Ты сама обо всём догадаешься.

Старик (вышел на крыльцо). О чём беседа?

Захаровна. Бабы погудки, курицы да утки, как коров доить, как парней любить...

Старик. Стара ты будто для шуток этих.

Захаровна. Я смолоду шутиливо живу.

Таня. Что он тут распоряжается? Удивительно!

Старик. И девушку не хитро учишь, слышал я речи твои поганые...

Захаровна. Девушка не цыган, зачем ей хитрость? Ей не лошадьми торговать...

Таня. Ты что тут распоряжаешься, скажи, пожалуйста?

Захаровна. Ты бы, строгий, рассказал нам чего-нибудь...

Старик. Я до сказок не охоч.

Захаровна. А ты – правду!

Старик. Правда – не забава.

(Сходит с крыльца, остановился, поглядел в небо, идёт вдоль решётки сада.)

Таня. Противный какой! Распоряжается, как дома...

Захаровна. Танюша, поди, милая, спать, а? Пора уж!

Таня. Не хочу!

Захаровна. Ну... принеси мне шаль, а то – холодно старухе! Сходи, Таня, пожалуй!

Таня. Ладно... лиса!

(Ушла.)

Захаровна (тихо Девушке). Ну – как же?

Девушка. Уж больно много сулите вы...

Захаровна. Кто это – мы? Кроме меня, и знать ни душа не будет.

Девушка. А – барыня? Она тоже просила об этом.

Захаровна (испуганно). Просила? Полно-ка!

Девушка. Да уж так!

Захаровна (беспокойно). Ах, ты, господи... Послушай, ведь в этом счастье твоё... Ты слушай меня, старуху...

Павел (выходит из кухни). Не слушай её, молодых слушай!

Девушка. Молодым верить погодим.

Павел. Пойдём в сад со мной?

Девушка. Боюсь я тебя.

Павел. Чем я страшней других?

Девушка. Кудряв больно.

Павел. Идём, ну?

Девушка. Что ж, можно...

Захаровна. О, господи... И ничего не можешь, ничем не помешаешь...

Старик (идёт, заглядывая в сад). С кем это она?

Захаровна. С хозяйским сыном.

Старик. Мм... Лошадь! Чего не спишь?

Захаровна (вставая). А ты?

(Старик, не ответив, присел на лавку под окнами. Захаровна, сердито посмотрев на него, ушла в кухню.)

Мастаков (в окне). Антон!

Старик (вздрагнул, но не встал, не обернулся). Чего?

Мастаков. Что же будет?

Старик (не глядя на него). Сотряс я твою жизнь, Гусев, во прах сотряс, а?

Мастаков. Чему радуешься, подумай!

Старик. Ты – года гнездо каменное строил себе, а я – в один день всё твоё строение нарушил!.. Кто сильнее – ты, богач, аль я – бездомный бродяга, кто?

Мастаков. Чего тебе надо, чего? Неужели только казнить меня?

Старик. А ты вот тресни меня по голове, сверху-то тебе ловко это...

Мастаков. Подумай – около меня до трёх тысяч человек кормится...

Старик. И тебя не будет – прокормятся! Народ хозяина найдёт!

Мастаков. Я – значительный человек...

Старик. Это – в людях. А перед богом – значителен?

Мастаков. О том богу судить, а не тебе.

Старик. И не тебе тоже.

Старик. Даи подумаю... потом скажу. Вон – приятель твой идёт, пьяница этот...

Харитонов (заспанный, измятый, идёт из сада, увидав издали Мастакова в окне). А я прилёг вздремнуть в беседке, да и – того. Вдруг слышу голоса... м-да... Открыл глаза, гляжу на часы, а уж около полуночи! Стало быть, я здесь ночую...

(Мастаков исчез.)

Харитонов. Вежливо! (Присел на крыльцо, позёвывая.) Ну, что же, старче, ходишь, бога хвалишь, кур воруешь?..

Старик. В похвале нашей бог не нуждается, ему покаяние нужно.

Харитонов. Покаяние? Гмм... А ежели мне не в чем каяться?

Старик. Врёшь!

Харитонов (рассердился). Ты что как говоришь, старый пес? я с тобой вежливо, а ты...

Старик (встал и идёт на крыльцо). Пусти... Ну!

Харитонов (невольнo отодвигаясь). Постой, да ты чего это...

(Старик прошёл мимо него, задев его полой.)

Харитонов (встряхиваясь). Ах ты, негодяй, а?

(Павел идёт из сада оживлённый, за ним – девица.)

Харитонов. Что это за старичишка дерзкий явился тут у вас?

Павел. Он вотчима давно знает...

Харитонов. Ну, так что? И я его давно знаю!

Павел. Ещё в молодости...

Харитонов. В молодости? Ну?

Павел. Приятелями были...

Харитонов (задумчиво). Так... Мм... Это он сам сказал?

Павел. Она вот...

Харитонов (присматриваясь к девице). Она? А отчего это не спят все?

Павел. Яков спит.

Харитонов. Где?

Павел. У меня.

Харитонов (помолчав). Квасу бы выпить или чаю...

Павел. В столовой самовар кипит.

Харитонов. В полночь-то? Гм...

(Встал, идёт в кухню, манит Павла за собою, Павел неохотно следует за ним. Девица стоит у крыльца, мечтательно улыбаясь. Из кухни выглянула Захаровна.)

Девица. Поди-ка сюда!

Захаровна. Что?

Девушка. Посиди со мной...

Захаровна. Спать пора.

Девушка. Ничего, посиди! (Помолчав.) Паренёк-то этот...

Захаровна (тревожно). А что?

Девушка. Хорош. Ласковый.

Захаровна. Он что тебе говорил?

Девушка. Так, разное...

Захаровна. А всё-таки?

Девушка. Ну, сама знаешь, что девушкам говорят.

Захаровна. О, господи Иисусе... Да ты... (Сдержалась.) Ты с ним много не болтай про вотчима-то...

Девушка. Больно мне нужно.

Захаровна. То-то!.. Он ещё глуп...

Девушка (вздыхнув). Молоденький...

Павел (кричит из дома). Захаровна!

Захаровна. Иду... Эх, досадушка моя...

Старик (из окна). Марина!

Девушка. Чего?

Старик. Ты тут?

Девушка. Ну да.

Старик (вышел на крыльцо, оглядывается). О чём с парнем говорила?

Девушка. Имя спрашивал, сколько лет мне, откуда я... Слушай-ко...

Старик. Ну, что?

Девушка. Брось-ка всё это...

Старик (настораживаясь). Бросить? Зачем?

Девушка. Возьми с них денег побольше да и ладно! А то запутают они нас.

Старик (помолчав). Тебе жалко их, что ли?

Девушка. И жалко. Они – смирные. Живут – хорошо, всё есть... Три коровы, лошади, до полуста кур, гуси... Свины тоже...

Старик (спокойно). Дура!

Девушка (помолчав). Слушай-ко...

Старик. Ещё что?

Девушка. У тебя сила на них, вот ты бы велел хозяйскому-то сыну замуж меня взять... Я бы с ним жила, а ты – при нас. Я тебя не обижу...

Старик. И опять дура!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiutaxim.ru
Девушка. Что ты заладил – дура да дура? Гляди – сам не дурак ли. Вот они дадут тебе порошок выпить, ты и кончишься.

Старик (оживлённо). А хотят дать?

Девушка. Это я к примеру сказала. Я не знаю, кто чего хочет. А извести человека – трудно ли?

Старик (ухмыляясь). Больше ничего нет у них против меня. Нечем отбиться им, нечем! Тут – цепь, на цепи они! Звено за звеном! Грех – плодит... Ага-а?

Девушка. Бросить бы всё, да взять с них рублей тыщу... А то – десять тысяч, а? Слушай-ко...

Старик (весело). Значит – извести меня хотят они? Решили?

Девушка. Разве я это говорю? Я этого не сказала.

Старик. И не говори, не надо! Это – барынькина затея! Ишь ты, змея! Ох, вредная она... (Строго.) Ты у меня – гляди! Слова ихнего не забывай! Перемигнутся – и то запомни!

Девушка. Запутают они... Их – много. Старушка тут... старушка тоже догадливая... Она – умная...

Старик. Молчи, идут! Подь-ка сюда...

(Уводит её за угол дома. На крыльцо выходят озабоченный Харитонов и Захаровна, растерянная.)

Харитонов. И здесь нет его... Куда ж это он скрылся, жулябия, а?

Захаровна. Не надо эдак... Бог даст, обойдётся...

Харитонов. Что – обойдётся?

Захаровна. А старичок этот...

Харитонов. Старичок? А – кому надо, чтоб он обошёлся?

Захаровна. Всем надо, Яким Лукич.

Харитонов. Постой, постой! Мне, например, не надо, мне – чорт его дери!..

Захаровна. Ну, как же не надо? Ходит злой человек...

Харитонов. Злой? Слушай, старуха, что такое, происходит у вас, а?

Захаровна. Не знаю я...

Харитонов. Врёшь!

Захаровна. Не обижай меня, Яким Лукич, я – старая, глупая...

Харитонов. В старости и врут больше всего.

Захаровна. Поговорил бы ты с Иваном-то Васильичем по душам. Ты – мужчина...

Харитонов. Нет, ты мне скажи...

(Из-за угла идут Мастаков и Софья Марковна, одетая в дорогу.)

Харитонов. Это вы куда собрались, на ночь глядя?

Софья Марковна. Я еду домой, а Иван Васильевич провожает меня.

Мастаков. До экипажа только. Не убегу.

Мастаков. Что?

Софья Марковна. Идёмте. До свиданья, Аким Лукич.

Харитонов (загораживая ей дорогу). Погодите, полковница! Вам известно, что я Ивану многим обязан и вообще – благодарен... Что случилось, а? Ведь я вижу...

Мастаков (глухо, с усмешкой). А случилось, Яким...

Софья Марковна (с досадой). Ах, боже мой! После скажете...

Мастаков. После чего? Был у меня в молодости...

Софья Марковна. Несчастный случай...

Мастаков. Был я в молодости осуждён и сослан... на поселение, а оттуда – бежал...

Харитонов (изумлён). Ты? Шутишь! Шутит он?

Мастаков. Настоящая фамилия моя Гусев, а зовут меня – Митрий...

Харитонов. Да не может быть!.. Ну, брат, это... уж я не знаю что...

Мастаков. Старик этот знал меня в то время...

Харитонов. Вот оно что! Ч-чорт! Что же... Много просит старик, а?

Мастаков. Ничего не просит. Донести он хочет на меня.

Харитонов. Донести? Ого...

Софья Марковна. Аким Лукич, я убедительно прошу вас молчать об этом...

Харитонов (подавлен). Господи – я же не дурак...

Софья Марковна. Ведь вы не захотите поссориться со мной – да?

Харитонов. Эх, полковница...

Софья Марковна (значительно). Итак – вы молчите? А я завтра же начну хлопотать по этому делу...

Мастаков. О чём тут хлопотать?

Харитонов. Н-ну, история...

Мастаков. Скажи, Яким, – можно меня простить?

Харитонов. Да ведь я... что же я...

Мастаков. Веришь ты в невиновность мою?

Харитонов. Если бы я решал... Простить... я же ничего не знаю, не понимаю! И, главное, не я тут решаю, а множество людей! Газеты, знаешь... Ежели одному простить – все взвоят: а мы? Вот в чём дело!

Софья Марковна. Ну, довольно, Аким Лукич. (Мастакову.) Идёмте!

Мастаков. Сейчас...

Харитонов. Вы не сердитесь, полковница. Разве я что-нибудь разрешаю? Я просто хочу сообразить. Все заорут: и нас простите... Тогда такая юрунда начнётся... Вы меня в город не возьмёте?

Мастаков. Ты хотел остаться ночевать?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru Харитонов. Могу и ночевать... что же? Где это Яков?.. Яша!

(Поспешно идёт в кухню.)

Софья Марковна. Зачем вы сказали ему, зачем? Ведь я убеждала вас!

Мастаков. Хочу в мыслях моих утвердиться. Вот – видели? Кум, приятель, а – как испугался, а? Да ещё я ему про каторгу не сказал...

Софья Марковна. Пустой человек. Если он... он не может сделать ничего дурного вам!

Мастаков. Потому, что у вас его векселя? Захочет – сделает. Бывший друг – злейший враг.

Софья Марковна. Ну, довольно! Завтра утром вы приедете в город, завтра же сделаем заявление прокурору...

Мастаков. Что мне прокурор? Мне – перед вами стыдно.

Софья Марковна. Оставьте это! Вы должны помнить, что я люблю вас, люблю и буду защищать...

(Мастаков молча целует руки ей.)

Софья Марковна. У меня есть связи, есть деньги, и главное – с вами моё сердце. Я не отдам вас этому старику на истязание. Он считает себя мстителем, он – страдал! Ненавижу страдание. В нём нет правды, нет! Дорогой мой, – больше спокойствия, и верьте в меня. Не отдам вас... Вы слышите?

Мастаков. Вышло так, что я обманывал вас, самого близкого человека...

Софья Марковна (сердито). Довольно же! Надо больше верить в людей...

Мастаков. Я знаю их лучше вас.

Софья Марковна. Они добрее, чем вы думаете...

Мастаков. Все меряют жизнь своим горем, все к чужому глухи. Все живут обидами, и каждый ищет – кому отомстить за обиду свою... Нет, я пропал! Я спокойно говорю – я пропал!

Софья Марковна. Дайте руку... На счастье! Милый, мы победим...

Мастаков. Софья Марковна – поцелуйте меня, Христа ради!

Софья Марковна. Что за глупости? При чём тут – Христа ради?

Мастаков. Господи... как бы любил я вас... Как бы жили мы...

(Обнялись крепко. Из кухонной двери на них смотрят Харитонов и Яков, очень испуганный.)

Софья Марковна. Ну – я еду! Держите себя в руках, милый! Завтра – увидимся. Помните о Захаровне, не спускайте глаз с неё – понимаете? Это – удивительный человек... Ну, проводите меня до лошадей. Милый мой – я понимаю, как вам трудно, но – надо уметь защищаться. Помните: вас ждёт счастье. Я это знаю, это в моих руках, клянусь вам! Ведь вы любите меня, да? Да?

Мастаков. Сердце вы моё милое...

Софья Марковна. Старик – замучен, он больной, болен от злобы, неизлечимо болен. Он может только страдать, он ни на что не способен, кроме этого; страдание для него профессия, мастерство. О, таких людей много! Они любят страдание, потому что оно даёт им право мстить, право портить людям жизнь. Нет людей самолюбивых более, чем несчастные...

Мастаков. Так ли? Не знаю. Вот я – несчастен. А разве я люблю себя? Не умею. Нет, бросьте всё это, не говорите. Прощайте! Какой радостью были вы для меня!

Софья Марковна. Была? Почему же была? Разве вы...

(Уходят. Харитонов с Яковом тихо спускаются с крыльца.)

Яков. Значит – теперь Павел хозяин?

Харитонов. Иди, ищи лошадь! Надо скорей уехать...

Яков. А может, с Павлом я скорей сойдуся насчёт Татьяны...

Харитонов (задумчиво). Н-нда?.. Попробуй! Теперь, по случаю срама, приданого можно взять гораздо больше – понял? Нет – каков случай? Ф-фу! И вдруг меня коснется что-нибудь, а? Ну, чего торчишь? Иди, ищи лошадь...

(Ходит по двору, закуривает, что-то говорит про себя. В окне кухни – Павел, осматривает двор.)

Павел. Яким Лукич...

Харитонов (негромко). Ну, что?

Павел. Странника нет на дворе?

Харитонов. Нет.

Павел. И здесь нет. Куда же он пропал?

Харитонов. Черти утащили. Подь-ка сюда...

Павел (выходя на крыльцо). А полковница уехала?

Харитонов. Слушай, Пашук... Гмм... Конечно, пасынок вотчиму, как и сын отцу, – не воевода... но однако, ежели дело касается экономического вопроса, тут – уж ни родства, ни дружбы не соблюдается. Это вроде игры в стуколку... Гмм... да, так вот – ты понимаешь, что в доме у вас неблагополучно?..

Павел (насторожился). А что?

Харитонов. Вообще – чувствуешь?

Павел (подозрительно). Вы о чём?

Харитонов. Например – о старике этом, о страннике...

Павел. Ну, так что?

Харитонов. А вот что: ты на моих глазах рос... и такое прочее... Значит – я имею к тебе чувства... заботит меня твоя судьба...

Павел (усмехаясь). Первый раз слышу.

Харитонов. Первый? Н-да... Ну, когда-нибудь надо же начало положить!.. Я старше тебя, лет эдак на двадцать пять... я могу тебя поучить...

Павел. Поучите... что же...

Харитонов. Ты не усмехайся... погоди! Я, может, такое скажу тебе, что у тебя ноги подогнутся...

Павел. Про вотчима?

Харитонов. Видишь ли – все мы одного плетня колья... и, значит, должны друг друга поддерживать – так?

Павел. Ну, так!

Харитонов (прислушиваясь). Стой... Татьяна идёт... Ей эти дела не надо знать!

(Из кухни идут Таня и Захаровна. Харитонов оглядывается на них.)

Харитонов. Запоздал я, заспался, а у меня завтра в городе рано утром дела...

(Ушёл.)

Захаровна. Ну, куда ты? Спать пора!

Таня. Никто не спит – видишь? Нянька, скажи мне – что такое делается у нас?

Захаровна. Ничего не делается,

Таня. Неправда!

Захаровна. Ночь светлая, вот и не спит никто.

Таня. Неправда!

Захаровна. Как это – неправда? Сама видишь – никто не спит, и ты не спишь...

Таня. Ты думаешь – ты хитрая?

(Выстрел за садом.)

Таня. Ой, что это? Ты слышишь!.. Вот – я чувствовала...

Захаровна (с досадой). Да что ты чувствовала? Степаныч воров пугает, а ты...

Таня. Воров? А чему Павел радуется? Это нехорошо, если Павел весёлый, – уж я знаю!

(Из-за угла дома поспешно идёт Старик.)

Старик. Кто это стреляет?

Захаровна. Сторож.

Старик. Стрелять – нельзя!

Захаровна. У нас – можно, мы за городом живём...

Таня (строго, но всё-таки тревожно) и – это не твоё дело, кто стреляет!

Старик. Ты, девушка, моих дел не знаешь. А узнаешь – восплачешь...

Захаровна (торопливо, примирительно). В постройке ночуют босяки, жулики разные – вот он и стреляет, чтоб они знали...

Таня. Ты как смеешь, старичишко...

Степаныч (бежит, задыхаясь). Эй, идите... Захаровна – скорее... Иван Васильич убился!

Таня (кричит). Вот! Вот – видишь?..

(Бежит в дом.)

Захаровна (за ней). Стой!.. Господи...

Степаныч. Захаровна – воды надо, полотенцев...

Старик (бегая по двору). Марина – где ты?.. Ма-рина-а!

Павел (бежит из сада). Нянька, скорее! Степаныч, в город, за доктором...

Старик (убежал в кухню). Марина...

Харитонов (из сада). Как это он?

Степаныч. Нечаянно. Взял у меня ружьё – что ты, говорит, не почистишь его, ржавое всё? Отошёл несколько, а оно и выстрелило, да прямо в рот ему...

Харитонов. В рот? Ох...

Степаныч. Так всю голову и снесло, одна шея осталась, ей-богу...

Павел. Запрягай...

Степаныч (бессильно опускаясь на крыльцо). Да чего же тут – какой тут доктор!

Харитонов. Павел – идём! Где Яков?

Павел. Я боюсь... Идём, Степаныч...

Степаныч. Да чего же... куда же уж... Вот те и хозяин! А какой ведь был человек...

Павел. Попадёт тебе за ружьё...

Степаныч. Ну... чего уж... пускай!

(Ушли. Из кухни выбегает Старик с палкой и котомкой в руках, за ним Девица, тоже с котомкой.)

Старик (бормочет). Ах ты, глупый, ах, хитрый...

Девица. Я тебе говорила...

Старик (трясётся). Надень котомку мне... Ах, еретик!

Девица. Что теперь будет с нами?

Старик. Уходить надо, избыют! В город надо. Там – не найдут. Живее, ты! Всё ли взяла?

Девица. Чего брать-то? Говорила я – запутают они!

Старик. Молчи! Струсил... испугался он...

Девица. Не так надо было...

Старик. Молчи, говорю...

(Захаровна и Таня с полотенцами и ведром воды.)

Захаровна (кричит). Ну, что, старый пёс, казнил человека?

Таня. Его задержать надо!

Захаровна. На что? Полно-ка!

(Убежали.)

Девица (со слезами). Да возись ты скорее! Какая выгода нам? А взять бы с них...

Старик. Идём, Маринушка, идём!

Девица. Зря вышло... Перемучил ты его, перемучил, вот...

Старик. Господь лучше нас знает, что вышло! (Крестясь, идёт в сад.) Там дыра есть в заборе, мы с тобой в дыру...

Девица. Догонят они нас...

Старик. Не до того им! Ну, идём с богом, скоренько... Ах, еретик, а? Покарал

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
господь, ага! (Грозит палкой дому.) Насорил вас господь на земле, окаянных,
насорил червей... Сметёт он вас в геенну рукою моею, сорьё... хлам червивый!

Девушка (толкая его). Иди-и уж! Тоже – праведник! Обманул меня...

Старик. Ты – погоди!.. Ты...

Девушка. Прежде чем божьи-то дела устраивать, свои бы устроил, старый пёс...

Старик. Маринушка...

Девушка. Обманул ты меня... «Большими кораблями поплывём отсюда»... Вот – поплыли!
Эх, ты-и...

Старик (бешено). Молчи, девка!

Девушка. Чего орёшь? Не боюсь я тебя!

Старик. Гляди!

Девушка. Чем ты меня удержишь теперь? Иди уж, пёс! Дура я... послушать бы мне
добрых людей... Эх, дура!

Старик (бормочет). Господи! Господи!

Занавес

[Яков Богомолов]
[ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА]

Яков Сергеич Богомолов.

Ольга Борисовна, его жена.

Никон Букеев, землевладелец, похож на актёра, бритый, ленивый.

Нина Аркадьевна, вдова инженера.

Онкль[24] Жан.

Борис Ладыгин, молодой человек со средствами.

Верочка Трефилова, родственница Букеева.

Дуняша, горничная.

Стукачёв, лакей.

[I действие]

Хутор Букеева. Большая комната – часть задней стены её вся из стёкол, выходит на террасу, тоже застеклённую. В правой стене две двери в комнаты Якова и Ольги, в левой – комнаты Букеева. В правом углу – фонарь, он, обрезав террасу, выходит в сад. В нём стоят широкие тахты, низенькие столики для кофе и табака, – небрежная претензия на восточный стиль. На стенах большой комнаты много картин, этюдов, разные полочки, на них статуэтки, вазы, фарфор и тут [же] образцы различных горных пород. Всего много, но всё размещено безвкусно, неумело. Мебель разнообразна, немало дачной, плетёной. Комната служит столовой, – посреди неё большой овальный стол. В левом углу письменный стол.

Утро, только что взошло солнце. Сквозь стёкла террасы видны рыжие холмы на горизонте, тополя и кипарисы в саду. На террасе сидит в плетёном кресле Верочка Трефилова, закутана в серую шаль. Она встаёт, смотрит сквозь стёкла, приложив к ним лицо и ладони, уходит влево по террасе. Затем в двери террасы является Богомолов, отпирает дверь, торкается в дверь столовой. Он одет элегантно, легко и красиво движется, у него остренькая бородка, большие глаза задумчивы и насмешливы. Разговаривая, он всегда смотрит прямо в лицо собеседника. Но на всём, что он делает, есть налёт какого-то комизма или чего-то детского. Из

Богомолов. Спасибо. Уже встали или ещё не ложились?

Верочка. Не ложилась.

Богомолов. Бессонница? (Снимая перчатки.)

Верочка. Жалко было спать в такую ночь. А Ольга Борисовна осталась в городе?

Богомолов. Да, она с Букеевым и компанией.

Верочка. А вы – верхом, один?

Богомолов. Один.

Верочка. Я видела вас в степи.

Богомолов. Да?

Верочка. Я всю ночь сидела на террасе.

Богомолов. Не холодно? После полуночи дул ветер. А что – нельзя сварить кофе?

Верочка. Я сейчас сварю. (Быстро уходит.)

Богомолов. Позвольте, зачем же вы? Вероятно, Дуняша уже встала?

Верочка (невидимая). Ничего.

Богомолов (смотрит вслед ей, насвистывая, озабоченно думает вслух). Очень милая девушка... Утром очень хорошо встретить такую... сама – точно утро. (Ходит, разглядывая картины, напевает.)

Стукачёв (входит, кланяясь). Доброе утро.

Богомолов. Стукачёв? Что вы?

Стукачёв. Намерен комнаты убирать.

Богомолов. Намерение, вполне достойное своей цели. Желаю успеха. Вы – женаты?

Стукачёв. Не имею счастья, но вскорости хочу.

Богомолов. Все, не имеющие счастья, жаждут такового. Я вам мешаю?

Стукачёв. Помилуйте.

Богомолов. Милую. (Уходит на террасу.) Вы стихов не пишете?

Стукачёв (ухмыляясь). Зачем же-с?

Богомолов. Ясно, что не пишете, – те, которые пишут, не спрашивают – зачем.

Стукачёв. У нас повар был – он писал. Смеялись над ним.

Богомолов. Смеялись?

Стукачёв. Весьма. Даже до свирепости доводили его. А Никон Васильич однажды ударили его по затылку палкой...

Верочка (вносит кофе). Вы слышите – едут!

Богомолов. Благодарю вас, милый человек... Но – глаза у вас покраснели от бессонной ночи и лицо бледное...

Верочка. Умоюсь – пройдёт. (Уходит поспешно, по пути заг[лядывая] в зеркало.)

Стукачёв (осторожно). Они плакали, вот отчего глаза у них... Я иду через кухню, а они стоят у окна и – плачут.

Богомоллов. Девушки часто плачут беспричинно.

Стукачёв. Скука, главная вещь. Пойду встречу...

Богомоллов (помешивая кофе, напевает).

Сегодня и завтра...
(На террасу шумно входят Ольга, Нина, Букеев, Ладыгин, дядя Жан.)

Ладыгин (Нине). Мы, спортсмены, на всё смотрим с чисто физической точки зрения...

Букеев. Седьмой час, а уже начинается жара.

Ольга. Это вы воображаете.

Букеев. Не люблю юг...

Нина. А кого вы любите?

Дядя Жан. Не скажет. Но я знаю кого.

Букеев. Ты всё знаешь, кроме того, что должен знать.

Дядя Жан. Не сердись, Юпитер.

Ольга (мужу). Давно дома?

Богомоллов. Несколько приятных минут.

Ольга. Что ты делал?

Богомоллов. Здесь? Беседовал со Стукачёвым – решительно умный человек. А теперь пью кофе. Хочешь?

Ольга. Молока. Никон Васильевич, скажите, чтоб дали холодного молока.

(Букеев уходит в дверь направо.)

Ладыгин. Холодное молоко – вчерашнее. Выпейте парного.

Ольга. Это противно. Стукачёв, позовите Дуняшу ко мне. (Идёт в свою комнату.)

Нина (Богомоллову). Почему вы сбежали от нас, учёный?

Богомоллов. Камо бегу от лица твоего?

Нина. Борис Петрович, учёный перешёл со мной на ты!

Ладыгин. Поздравляю вас!

Дядя Жан. Это он по рассеянности, не больше.

Ладыгин (Ж а ну). Вы – купаться? Я тоже...

Нина. Мы утомляем вас своим легкомыслием? да?

Богомоллов. Внимание дамы не может утомлять.

Ладыгин. Ого! А если ей – за сорок?

Нина. Бухнул! Идите в море и не мешайте нам. Я страшно люблю беседовать с Яковом Сергеичем, ни за что не поймёшь, шутит он или серьёзно говорит.

Дядя Жан. Вот жизнь, она тоже...

Ладыгин. Идёмте, философия не удаётся вам.

Нина. Знаете, – ваша супруга зверски кокетничает с Букеевым.

Богомолов. Да? Зверски?

Нина. О! Страшно!

Богомолов. Это кому – Букееву страшно?

Ольга (входя). Я очень извиняюсь, но мне лень переодеваться, – ничего? Я напьюсь молока и лягу спать... А ты?

Богомолов. Пойду купаться.

Ольга. Ну, а что ж твоя вода?

Богомолов. Вода будет, найду.

Ольга. Вот – смотрите: он только что убил три года жизни на то, чтоб бороться с сыростью, – осушал болота в Рязанской губернии, а теперь лет пять будет разводить сырость здесь.

Богомолов. Подожди, когда Букеев построит курорт...

Ольга. Мне вовсе не интересно, что и где намерен строить Букеев...

Нина. Однако вы с ним так кокетничаете, что у него даже уши становятся синими.

Ольга. Уши у него – как у пуделя, без хрящей... точно блинчики. Но – кокетничать я люблю.

Нина. Яков Сергеич, это плохо – кокетничать?

Богомолов. Это – хорошо или дурно глядя по тому, насколько умело кокетничает женщина. Если она проявляет своё обаяние в формах изящных, если каждое слово, движение, взгляд даёт мне, мужчине, ощущение таинственной силы её пола – это прекрасно. В такие минуты весь напрягаешься, точно солдат на параде пред любимым вождём, чувствуешь себя готовым на подвиг...

Нина. Господи! Целая лекция...

Ольга. Вы думаете, он действительно может чувствовать что-нибудь подобное? О нет, он обо всём интересно говорит, но чувствовать – это не его специальность.

Богомолов. Хорошо она рекомендует меня?

Нина. Не верю! Слова рождаются чувствами. Продолжайте, Яков Сергеич, она может идти спать.

Ольга. Ты что же, водопроводчик, не предлагаешь мне кофе? Сам – пьёт, а...

Богомолов. Но ведь ты хочешь молока.

Ольга. Эгоист...

Букеев (вх[одя]). Прислуга ещё дрыхнет. Я там всех распёк и Анну Васильевну тоже. Хозяин давно на ногах, мало того – ночь не спал...

Нина. В трудах великих...

Букеев. А вы думаете, легко сделать жизнь приятной?

Нина. Ой, как печально сказано.

(Дуняша вносит молоко.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Богомолов. Никон Васильевич, мне сегодня нужно бы побеседовать с вами...

Букеев. О делах? Успеем, время есть, мы с вами, батенька, много наделаем разного...

Богомолов. Есть один сложный вопрос.

Букеев (махая рукою). Их – сотни, сложных вопросов. Вы лучше с дядей Жагом поговорите – если дело идёт о земле и воде.

Богомолов. Хорошо.

Нина (Букееву). Вы устали?

Букеев. Да. Лет пятнадцать назад тому.

Нина. Что с вами?

Букеев. Да вот – устал...

Нина. Отчего?

Букеев (идя на террасу, всматривается в даль). Не знаю.

Ольга (мужу). О чём мечтаешь?

Богомолов. Так, ни о чём...

Ольга. Почему ты ушёл от нас?..

Богомолов. А меня этот заинтересовал... студент, – удивительный пессимист.

Ольга. Расскажи мне о нём.

Богомолов. А спать когда будешь?

Ольга. Я не хочу спать.

Богомолов (барабаня пальцами). О студенте немного скажешь. Меня заинтересовало его невежество и удивительная самонадеянность.

Ольга. Ты найдёшь здесь воду?

Богомолов. Конечно.

Ольга. Скоро?

Богомолов. Думаю – да!

Ольга. И всё здесь оживёт, да?

Богомолов. Разумеется. В этом цель моих работ.

Ольга. Будут парки, сады...

Богомолов. Бесплодной почвы – нет, и Сахару можно сделать плодородной, если работать упорно, с любовью. Земля – как человек, требует внимания, любви. И чем бескорыстнее любовь, тем богаче дары её. Ты посмотри: когда человек чувствует, что его любят, – как расцветает его душа в свете любви! Влюблённые и любящие всегда талантливы, ярки. Если ты полюбишь даже бездарного человека, и он сумеет почувствовать твою любовь...

Ольга (усмех[аясь]). Не попробовать ли мне полюбить бездарного, а?

Богомолов (глядя её плечо). Ты уже однажды сделала это, полюбив меня.

Ольга (вздыхнув). Ох, ты, к сожалению, не бездарен.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Богомолов (смеясь). Как ты сказала это...

Ольга (вздыхнув). Ты наивен, как дитя, – но ты даровитый человек.

Богомолов. И это тебя огорчает...

Ольга (серьёзно). Может быть.

Богомолов. Не понимаю...

Ольга. Очень жаль. Послушай, – ты видишь, что этот Букеев относится к тебе снисходительно?

Богомолов. Вижу.

Ольга. Тебя это не шокирует?

Богомолов. Да ко мне почти все так относятся... и ты и даже этот Ладыгин.

Ольга. Он бездарен, не правда ли? (Улыбаясь, смотрит на мужа.)

Богомолов (убежд[ённо]). О да! Чрезмерно!

Верочка (входит). Здравствуйте!

Ольга. Здравствуйте, Верочка. Почему бледная такая?

Верочка. Пришёл машинист с артезианского колодца, просит вас.

Богомолов. Иду. Вероятно, бурильщики отказались работать, – ужасно кормят их! (Вере.) Вы не знаете, где дядя Ж а н?

Верочка. Пошёл в оранжерею. (Хочет идти.)

Ольга. Почему вы такая усталая, бледная, Верочка?

Верочка. Не знаю.

Ольга. Посидите со мной, мне скучно.

Верочка. На террасе Никон Васильевич с Ниной Аркадьевной.

Ольга (хмурясь). Вам не хочется посидеть со мной?

Верочка. Нет, почему же? (Присела.)

Ольга. У вас такой вид, как будто вы влюбились в Ладыгина.

Верочка (натянута усмехаясь). Именно в Ладыгина?

Ольга. А в кого же ещё можно влюбиться здесь?

Букеев (идёт с террасы). Ольга Борисовна, как мы проведём сей день, его же сотвори господь? Возрадуемся и возвеселимся снова, да?

Ольга. Откуда вы знаете столько церковных слов?

Букеев. А у меня служил в сторожах расстриженный дьякон, пьяница и лентяй, я очень любил беседовать с ним.

Нина. Около вас всегда удивительно забавные люди.

(Верочка встаёт, уходит. Ольга задумчиво смотрит вслед ей.)

Букеев. Н-ну, где же они?

Нина. А дядя Ж а н?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Букеев. Да, – он, конечно... (Ольге.) Вы знаете, – он был моим репетитором, готовил меня в политехнику. Мне тогда было двадцать два года. О чём вы задумались?

Ольга. Я слушаю.

Букеев. Но мы гораздо усерднее изучали кафешантаны, чем науки. Потом он поехал со мной за границу, и вот уже двадцать четыре года мы надоедаем друг другу. Он тоже лентяй.

Нина. Разве вы – лентяй?

Букеев. Конечно. Я человек ленивый, жирный и лирический.

Нина. Вы клеветаете на себя.

Букеев. Я люблю печаль. Но и печаль у меня тоже масляная какая-то, жирная.

Ольга (оглядываясь). Какие у вас неинтересные картины.

Букеев. Я ничего не понимаю в живописи.

Ольга. Зачем же покупаете это?

Букеев. Пристают. Ж а н говорит: «Богатый человек должен поощрять искусство». Я и поощряю.

Нина. Расскажите ещё что-нибудь про себя.

Букеев. Да я же про себя и говорю. Больше ни о чём не умею.

(Жан на террасе с букетом цветов. Увидев Нину, прячет букет за спиной, исчезает и входит уже без букета.)

Нина. Нет, вы что-нибудь интимное...

Жан. Для интимных бесед природой предназначены вечера и ночи, утром же свободные люди наслаждаются природой, а трудолюбивые трудом. Почему вы сидите здесь, а не на берегу, не в саду? Шли бы на воздух, там земля пахнет пряником, море шёлковое, жаворонки поют «Коль славен».

Нина. А где Ладыгин?

Жан. Лежит голый на песке и дремлет. Выкупался, проделал гимнастику...

Букеев. Он просто живёт.

Нина. Как и следует.

Жан. Совершенно верно.

Ольга. А кто вам мешает просто жить?

Букеев. Не знаю. Вероятно – лень.

Ольга. Мне кажется, вы немножко кокетничаете.

Букеев. В моём возрасте этим не занимаются.

Нина. Уж будто бы!

Жан. А где наш высокоучёный?

Ольга. К нему там кто-то пришёл жаловаться, что рабочих плохо кормят, они не хотят работать.

Букеев (сконфужен). Не может быть. Жан, как же это, а? Второй раз...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Жан. Сию минуту распорядюсь, чтоб им нажарили котлет де-воляй и прочего, соответственно.

Букеев (Ольге). Вы так сказали... вас интересуют рабочие?

Ольга. Нисколько.

Нина. Но вы говорили так сердито.

Ольга. Разве? Извиняюсь. Мне спать хочется. (Встала, идёт к двери в свою комнату, остановилась и проходит в фонарь.)

Нина (тихо). Капризная женщина. И не очень воспитана.

(Букеев молчит, исподлобья наблюдая за Ольгой.)

Нина. Вы замечаете, что Ладыгин волнует её?

Букеев. Это неправда. (Встал.)

Нина. Она пошла посмотреть на него...

Букеев. Пойдёмте, погуляем.

Нина. О, с удовольствием.

(Уходят через террасу. Ольга в фонаре[25], курит и тихонько напевает. Входят Жан и Богомолов.)

Жан. Дорогой мой, я тоже – идеалист, уверяю вас! Я понимаю всё это: рабочий вопрос, социальная справедливость и прочее... Конечно же, о господи! Мы наделали законов для наших знакомых, а сами обходим законы стороной, – чтобы не задевать их, знаете.

Богомолов. Тем более, уж если вы понимаете это.

Жан. Да – понимаю же! Но – всё-таки необходимо иногда приказывать людям. Или – так, или – до свидания!

Богомолов. Приказывать я не умею, могу только советовать или убеждать.

Жан. Всего убедительнее – страхи. Государство держится страхами, – это факт! Вы рассуждаете как социалист, как человек преждевременный. Жизнь – поверьте мне – очень запутанная штука, кто в этом виноват – неизвестно. В поисках виноватого хватают богатого, но – ведь это только потому, что он виднее.

Богомолов. Забавно вы говорите.

Жан. А, боже мой! Я знаю жизнь, и она меня знает!

Богомолов. И многое у вас очень метко...

Жан. Так вот, дорогой мой, вы не беспокойтесь, – всё устроится, всё будет по-хорошему... Мы, идеалисты, понимаем друг друга с двух слов. Сейчас я распорядюсь насчёт улучшения харчей.

Богомолов. К завтраму я составлю смету.

Жан. Да вы не торопитесь... [(Уходит.)]

(Богомолов, допивая остывший кофе, хмурится, бормочет что-то.)

Ольга. Ты что говоришь?

Богомолов (заг[лядывая] в фонарь). Я думал, здесь никого нет.

Ольга. Твоя привычка разговаривать с самим собой когда-нибудь поставит тебя в неловкое положение.

Богомоллов. Ты думаешь? Впрочем – возможно. Ты что не спишь?

Ольга. Мечтаю.

Богомоллов. О чём?

Ольга. О тебе.

Богомоллов. О? Разве?

Ольга. Удивительный у меня муж, чёрт возьми, думаю я... с восторгом. Я целую ночь где-то кутила и вообще веду себя весёлой вдовой, а он – спокоен. Он так уверен в моей любви... Спасибо ему.

(Богомоллов, опер[шись] на угол стола, задумчиво слушает, покручивая бородку.)

Ольга. Он упивался мечтами, она шампанским, и всё шло благополучно, – так начала бы я рассказ, если б умела писать.

Богомоллов. Попробуй.

Ольга (вых[одит] из фонаря, подход[ит] к нему, кладёт руку на плечо). А что бы ты сказал, если б я полюбила другого?

Богомоллов (серьёзно, вдумчиво). Что бы я сказал? Не знаю. Никогда не думал об этом.

Ольга. Подумай.

Богомоллов. Зачем же? Разве...

Ольга. Всё может быть.

Богомоллов. Ты шутишь, Оля.

Ольга. Да.

Богомоллов. Шутишь, я уверен. Хотя...

Ольга. Что – хотя?

Богомоллов. Не умею сказать.

Ольга. Если сказано – хотя, так значит, ты не очень уверен... Не очень! Ну... это хорошо. Спасибо. Поцелуй меня.

Богомоллов. За что же спасибо?

Ольга. Пойми. (Уходит, смеясь.)

Богомоллов (вслед ей). Желаю тебе хорошенько отдохнуть, а то у тебя, кажется, нервы не в порядке.

Ольга. О, конечно, нервы... (Уходит.)

(Дуняша и Верочка.)

Верочка. Ольга Борисовна легла спать? Вот ей цветы от Никона Васильевича. Подайте, Дуняша.

Богомоллов (трёт лоб). Мне нужно о чём-то спросить вас... забыл!

Верочка. Жалею. (Идёт в угол к письменному столу.)

Богомоллов (за ней). Да! О чём вы плакали утром?

Верочка. Я? Как вы знаете?

Богомолов. Мне Стукачёв сказал.

Верочка. Не всё ли вам равно?

Богомолов. О, боже мой. Вот не ожидал, что вы так ответите.

Верочка. А чего вы ожидали?

Богомолов. Не знаю. Меня это поразило. Такое прекрасное утро, всё так ярко, празднично, вы такая юная, красивая, так ласково встретили меня, и вдруг является лакей и говорит с улыбкой дурака: «А она плачет!» Ужасно нелепо.

Верочка (ус[мехаясь]). Никто, кроме вас, не заметил бы этой нелепости.

Богомолов. А меня, представьте, целое утро угнетают эти ненужные слёзы.

Верочка (тронута). Какой вы добрый, милый.

Богомолов. Добрый? Нет, не думаю. Просто мне всегда хочется видеть людей спокойными, весело деятельными.

Верочка (села, смотрит на него, облокотись о стол). Да, это я понимаю..

Богомолов. Мне всегда хочется видеть всех счастливыми, а главное – уверенными в себе. Это органическая потребность у меня. О чём же вы плакали?

Верочка. Глупые девичьи слёзы.

Богомолов. Вам полюбить хочется, да?

Верочка (вспыхнув, шутливо). Какой вопрос!

Богомолов. послушайте – любите! Не ждите с этим, это самое лучшее в жизни, поверьте мне. Только любя, мы живём. Вот – полюбите Ладыгина.

Верочка (почти истер[ически] смеётся). О, господи... вы... удивительный! Вы такой чудак...

Богомолов. Нет, серьёзно! Вы не смущайтесь предрассудками, не думайте о последствиях, последствия любви всегда одни и те же – новый человек! Я говорю не о ребёнке, а о людях, которые любят, ведь это чувство обновляет душу, делает людей иными, лучше, красивее... Вы понимаете...

Верочка (вставая). Уйдите от меня! Оставьте Ладыгина для...

Богомолов (испуган). Почему?

Верочка (быстро уходя на террасу). Извините... я не могу...

Богомолов (недоумеая). Почему?

Ладыгин (входит с террасы). Что это – завтрак ещё не готов? А мне зверски есть хочется. Вы чего такой?

(Богомолов, не отвечая, уходит.)

Ладыгин (ворчит). Невежа...

III действие

Лунная ночь. В саду, под группой деревьев, стол, на нём большая чаша для крющона, бокалы. Плетёная мебель. В нишах кустарника удобные скамьи. У стола Букеев и Жан. Оба выпивши. Букеев возбуждён, Жан настроен лирически.

Жан. Да-а, Ольга Борисовна – женщина, достойная героических усилий. Ты прекрасно выбрал, Никон!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Букеев. Я – выбрал? Это чёрт выбирает для нас. Если б ты знал, как я хочу её...
эх!

Жан. Это, брат, видимо, последняя твоя женщина. Последняя женщина, как сороковой медведь для охотника, – опаснейшее приключение! Держись твёрдо!

Букеев. Это не приключение, а – быть или не быть?

Жан. Я понимаю. Хотя я и скептик, но сердце у меня есть, и я, брат, умею чувствовать и дружбу и любовь.

Букеев. Что же делать с этим дураком?

Жан. Не торопись. Придумаем.

Букеев. Иногда мне убить хочется его.

Жан. Ну-ну, зачем так грубо? Можно найти другой приём. Ты вот что пойми: красивая женщина или распутна или глупа, таков закон природы. Ольга Борисовна не глупа, значит, она должна быть...

Букеев. Заврался ты...

Жан. Друг мой, я – скептик, я не могу иначе. Для скептиков, как известно, нет ничего святого.

(Стукачёв несёт кофе.)

Жан. Давай выпьем кофейку. Стукачёв, притащи-ка ещё финьшампань[26] – живо. И земляники. Это, знаешь, специально для дам. (Смеясь.) Мы подольём сюда бутылочку, и – дамам будет весело, а когда дама весела...

Букеев (ухмыляется). Ты – жулик.

Жан. Таковыми же создал господь и всех прочих людей. Я, брат, скептик, я знаю: все мы притворяшки. Один притворяется умным, другой честным и т. д. По натуре своей и тот не честен и этот не умён, но – привыкли играть роль и – ничего! – иногда играют довольно удачно. Да. Добро, честь и прочие марципаны – всё это, брат, – литература и хуже литературы, – это так называемые навязчивые представления.

Букеев. Чёрт знает что ты говоришь, – ерунду какую-то.

Жан. Нисколько... Есть даже книга такая «О навязчивых представлениях», учёный психиатр написал. Ты, брат, прочитай. Это, знаешь, вроде сумасшествия.

Букеев. Не едут.

Жан. Приедут. Неминуемо.

Букеев. Замечал ты в глазах у неё тревожное такое?

Жан. Как же! Я всё замечаю.

Букеев. Тревога и печаль. Я люблю печаль, это самое человеческое настроение.

Жан. Ну, знаешь, быки и собаки тоже иногда очень печально смотрят в небеса...

Букеев. Перестань. Отчего она печальна?

Жан. С таким болваном, как её супруг... Тсс! Он и ещё кто-то.

Букеев. Вера.

Жан. Вера? Гм... Уйдём!

Букеев. Зачем это?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Жан. Иди сюда... Послушаем, что он говорит... Ну, скорее...

Букеев. Глупо...

Жан. напоить бы его до чёртиков, а? (Скр[ываются] в кустах.)

(Богомолов и Верочка.)

Богомолов. Нигде я не видал таких бездельников, как здесь, и сам никогда не чувствовал себя таким бездельником. Здесь никого нет? Огонь, вино... Сядемте? А где же люди?

Верочка. Ваша жена с Ладыгиным и Ниной Аркадьевной катаются на лодке.

Богомолов. Знаете – я впервые на юге, и мне кажется, что люди здесь, точно ленивые, сытые пчёлы, висят в воздухе, тихо кружатся над каким-то невидимым цветком.

Верочка. Невидимый цветок? Как хорошо сказали вы это!

Богомолов. И сам я тоже повис в воздухе над ним.

Верочка. Но – что же это? Какой цветок?

Богомолов. Может быть – любовь или мечта о чём-то недостижимом.

Верочка. Как странно, что вы романтик.

Богомолов. Почему странно? Все люди романтики. У меня есть приятель, он называет себя реальным политиком и убеждён, что через двадцать пять лет – в России будет нечто вроде земного рая. Это тоже романтизм.

Верочка. Вы так много работаете – целые дни!

Богомолов. Я люблю работать, работа повышает уважение к себе самому, и – знаете: земля должна быть огранена трудом людей, как драгоценный камень. Я думаю, что те, кто говорит о муках творчества, – неправы, надо говорить о радостях творчества.

Верочка. Ольга Борисовна так же думает?

Богомолов. Ольга? (Помолчав.) Она из тех людей, для которых то, что они поняли, становится неинтересным.

Верочка. А – вы...

Богомолов. Что?

Верочка. Нет, я не то хотела спросить.

Богомолов (смеясь). Вы хотели спросить – поняла ли она меня?

Верочка (сму[щённо]). Я не имею права... так не спрашивают...

Богомолов. Почему же? Обо всём можно и должно спрашивать... (Очень сердечно и просто.) Послушайте, – вы к ней относитесь несправедливо, и это потому, что вы немножко увлекаетесь мной. Правда?

(Верочка смущена, молчит.)

Богомолов. Правда?

Верочка. Не знаю... может быть...

Богомолов. Милая девушка, – мной нельзя увлекаться, я совершенно не гожусь для романа – уверяю вас.

Верочка. Не говорите так... грубо...

Богомолов. Это не грубо.

Верочка. Неловко так...

Богомолов. Жена говорит про меня, что я хладнокровный болтун, – это верно, вы знаете? У меня в мозгу неустанно во все стороны двигаются какие-то колёсики. (Показывает руками.) И так, и так, и эдак. Я люблю думать обо всех людях, о судьбе каждого, мне хочется для всех чего-то хорошего... каждому по желанию его и – больше желания. Вероятно, я мог бы изменить жене, если б это понадобилось для кого-то другого, – если б я почувствовал, что могу дать счастье человеку.

Верочка. Вы сами – счастливы?

Богомолов. Да. (Подумав, решительно кивает головой.) Да. Я очень люблю всё – всю жизнь. И людей, конечно. Люди кажутся мне детьми, даже когда у них седые бороды. В сущности, все они удивительно интересны. Неинтересных людей нет.

Верочка (негромко, грубовато). Вы знаете, что здесь вас считают каким-то блаженным?

Богомолов. Это – везде! Везде. Вы посмотрите, как относятся ко мне рабочие: я, очевидно, кажусь им ребёнком. «Сергеич, говорят они, ты не беспокойся, мы тебя не обидим, – всё будет хорошо!» Они положительно боятся обидеть меня. Это – трогательно.

Верочка. Я знаю людей, которые не боятся этого.

Богомолов. О, конечно, есть и такие. Мы все очень небрежно относимся друг к другу. Мы совершенно не умеем любоваться человеком, а – что на земле значительнее его, прекраснее, что более сложно и загадочно, чем он?

Верочка. Боже мой, боже!

Богомолов. Что с вами?

Верочка. Ничего... Не обращайтесь внимания. (Вдруг с неожиданной силой, страстно.) Послушайте, вы – я не понимаю вас... Я восхищаюсь вашими словами, но – мне жалко вас до тоски, до отчаяния. Как можете вы – такой ясный, добрый и мягкий, – как вы можете быть слепым? Вы говорите, что человеком надо любоваться, – вы не смеете не видеть, как унижают вас...

Богомолов (усмехаясь). Меня? Кто?

Верочка. Все! Жан – издевается над вами, мой дядя – ах господи! – он же хочет отбить у вас Ольгу Борисовну, – неужели вы не видите этого?

Богомолов. Чудак!

Верочка. Ольга Борисовна, – я нехорошо делаю, говоря это, – но ведь все видят её отношения с Ладыгиным.

Богомолов (ласково). Довольно, Верочка. Есть вещи, которые не надо видеть, – вы понимаете? То, чего вы не видите, – не существует. Нас мучает то, что мы слишком пристально рассматриваем.

Верочка. Но – поймите! – вы не смеете, не имеете права позволять, чтобы вас унижали.

Богомолов. А если я не чувствую унижения...

Верочка. Тогда вы действительно...

Богомолов. Дурак?

Верочка. О, господи... нет, это невозможно... это – кошмар... (Вскочила, быстро идёт прочь.)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Богомолов (пожим[ает] плечами, бормочет). Психологическая девушка... (Пьёт крошон,
морщится.) Яд... азотная кислота какая-то... (Вытирает рот платком.) Да.

Жан (из кустов, рожа сияет, едва удерживается от смеха). Яков Сергеич, дорогой...
(Смеётся)...с кем вы беседуете?

Богомолов. Сейчас здесь Вера Павловна была.

Жан. Слышал её голос...

Богомолов. Философствует девица, знаете.

Жан (смеясь). Это она... философствует?

Богомолов. И я тоже, конечно...

Жан. Ах вы... дорогой мой! Давайте глотнём за идеализм...

Богомолов. Я уже глотнул и, кажется, сжёг себе пищевод...

Жан. Ну, я один! Сейчас наши приедут, лодка уже у берега.

Богомолов. На море, вероятно, сыро.

Жан. Даже реки обладают этим недостатком, не говоря о болотах.

Богомолов (смеётся). Остроумны вы...

Жан. А Ладыгин неутомим, демонстрируя дамам свои мускулы.

Богомолов. Человеку свойственно хвастаться лучшим, что есть у него.

Жан. Браво!

Букеев (медленно идёт). Жан, – ужинать надо здесь, распорядись.

Жан. Могу.

Букеев (садясь). Жарко.

Богомолов. Да? А по-моему – прохладно.

Букеев. Нет, жарко. Я замечаю – вы не очень любите общество дам?

Богомолов. Да их здесь только две.

Букеев (тяжело смотрит). А вам сколько надо?..

Богомолов (смеясь). Самое большее – одну.

Букеев. Нет, серьёзно, – вас не интересуют женщины?

Богомолов. Я – женат, как видите...

Букеев. Да. А я вот часто думаю: что такое женщина?

Богомолов (неохотно). Поскольку можно исчерпать понятие словами... (Сразу увлекается)...это стержень нашей жизни, ось бытия, вокруг женщины вращаются все солнца и звёзды нашей поэзии, всё лучшее наше – для неё, от неё – все племена и народы, для неё посеяны на земле все цветы, её ради созданы искусства, и ради её пребудет вовеки всё прекрасное. Она несёт с собой невидимый цветок, над которым кружится весь мир, жаждущий счастья.

Букеев (вздыхнув). Хорошо вы говорите, великий вы краснойбай... Вот бы мне немножко этого дара.

Богомолов. Для женщин?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Букеев (кив[нув] головой). Конечно.

Богомолов. Почему вы не женились?

Букеев (мах[нув] рукой). Пробовал. На третий год – развёлся.

Богомолов. Она ушла?

Букеев. Выгнал. Хотите выпить?

Богомолов. Нет. Спасибо.

Букеев (вор[чливо]). Благочестивый вы человек: не пьёте, не курите. И в карты, наверное, не играете?

Богомолов. Не играю.

Букеев. Скучно?

Богомолов. Нет, ничего, живу.

Букеев. А я вот пью, курю, играю и вообще – развлекаюсь всячески, но – скучно мне.

Богомолов. Попробуйте работать.

Букеев. Непривычен.

Богомолов. Положение безвыходное.

Букеев (в упор смотрит на Богомолова). Посмотрим. Может, и нет ещё.

(Смех и голоса. Ладыгин, Ольга, Нина.)

Богомолов. Приехали. (Идет встречу.)

(Букеев, тяжело подняв руку, показ[ывает] ему кулак. Стукачёв и Дуняша накрывают на стол.)

Букеев. Шампанское похолоднее.

Стукачёв. Слушаю.

Букеев (вставая). Болван ты, Стукачёв.

Стукачёв. Почему же-с?

Букеев. Не твоё дело.

Стукачёв. Обидно-с, ежели без дела ругаете!

Букеев. Мне нужно кого-нибудь обругать...

Стукачёв. Дуняшу бы, она моложе меня...

Букеев. Ну, молчи... (Уходит.)

Стукачёв. Пьян.

Дуняша. За что это меня ругать надо?

Стукачёв. А меня за что?

Дуняша. Вы дольше моего служите здесь.

Стукачёв. Тс...

[(Жан и Ольга входят.)]

Дядя Жан. Ну, вы, живее! Марш отсюда... Устали, благодатная? Присядьте, прошу.

[(Стукачѐв и Дуняша уходят.)]

Ольга. Мне надо переодеться...

Жан. Минуточку! Позвольте сказать десяток слов от души...

Ольга (разгляд[ывая] его). Да? Что такое?

Жан. Послушайте, божественная! Я – романтик.

Ольга. Серьёзно?

Жан. Вполне! Я... мне тягостно видеть страдания людей, а если мучается близкий человек – я совершенно впадаю в отчаяние. И вот, будучи душевно предан Никону, я умоляю вас: обратите на него внимание, приласкайте ребёнка! Он страдает с Тамбова...

Ольга. Откуда?

Жан. С Тамбова, с первого дня знакомства с вами...

Ольга. Вы много выпили?..

Жан. Обыкновенно... Позвольте – вы, кажется, это иронически спросили?

Ольга. Нет, серьёзно...

Жан. Несравненная, будьте великодушны...

Богомолов [(входит)]. Вот она где.

Ольга. Ты меня искал?

Богомолов. Я не видел, как ты сошла на берег.

Жан (уныло). Как богиня!

Ольга. Слышал – как?

Богомолов. Устала?

Ольга. Нет. Ты что делал?

Богомолов. Закончил схему водонос[ного] горизонта, потом гулял с Верочкой, беседовал.

Жан (смеётся). Извините, – смешное вспомнил!

(Ладыгин, Нина; Жан идёт встречу им.)

Ладыгин. Скоро ужинать? Я голоден.

Нина. Это у вас хроническое.

Ладыгин. Я человек здоровый...

(Подошёл Букеев, угрюмый.)

Ольга. О чём же вы беседовали?

Богомолов. Знаешь, – она милая девушка.

Ольга. Да?

Богомолов. Очень. Только – она нетактична, на мой взгляд... Например, она сказала,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
что надо мной здесь немножко издеваются, считают меня чужаком...

Ольга. Вот как?

Богомолов. Да.

Ладыгин. Позвольте, – мой брат, офицер гвардии, дрался на дуэли трижды...

Богомолов. Я ей советовал влюбиться в Ладыгина, а она сказала, что он очень ухаживает за тобой.

Ольга. Вы и обо мне беседуете?

Богомолов. Она обо всём говорит довольно решительно.

Ольга. А ты, по обыкновению, очень откровенно, да?

Богомолов. Ты сердишься?

Ольга. Полно, – какие у меня причины сердиться! Ну, а ещё о ком сплетничала она?

Ладыгин (Ольге). Посмотрите, до чего Букеев мрачен сегодня. Это даже нелюбезно. Ах, извиняюсь, я помешал вам?

Богомолов. Нет, ничего...

Ладыгин. Сейчас будем ужинать. Букеев пробирал за что-то Верочку – гудел, гудел над ней! В сущности, он очень скучный человек... Вы знаете – Нина Аркадьевна думает, что я трус. Я – оскорблён. Спортсмен не может быть трусом. У меня брат, гвардейский офицер... (Заметив, что его не слушают.) Я, кажется, лишний?

Ольга. Вы уже спрашивали об этом.

Ладыгин. Да? Забыл. А хорошо здесь! Море, холмы, за холмами степь. Нужно бы ещё лес – это идеально... Ужасно утомляет ожидание.

Богомолов. А вы чего ждёте?

Ладыгин. Ужина. Я часа два работал веслами...

(Букеев подходит.)

Богомолов (жене). Между прочим, я сказал ей, что здесь люди, точно пчёлы, кружатся над каким-то цветком, невидимым для них.

Ольга. Ты умеешь сказать...

Ладыгин. А что это за цветок?

Букеев (угрюмо). Я слышал краем уха вашу беседу; мне показалось, что вы объясняетесь Вере в любви...

(Богомолов смеётся.)

Букеев. У вас странная манера говорить со всеми обо всём.

Ольга. Это выговор тебе, – ты понимаешь?

Букеев. Что вы, Ольга Борисовна. Просто я так... сказал... Ведь в самом деле для Якова Сергеича как будто нет зап[ретных] вопросов. Он... удивительный. Веру этот разговор расстроил, ну... вот я и говорю. Она ведь очень нервная...

Ладыгин. Заставьте её делать гимнастику, плавать, и – всё пройдёт!

Жан. Господа! Посмотрите, как красиво рыбаки развели костёр на берегу, и – посмотрите! Великолепие.

(Все нехотя идут.)

Жан (удерживает Букеева). Ника, я перекинулся с ней парочкой слов насчёт тебя. Конечно, она и так и эдак и – ничего особенного не сказала, но – поверь моему опыту! Терпение, дружище!

Букеев (уходя, махая рукой). Ты пьян, брат!

Жан (пожимая плечами). Я двадцать лет пьян... Странно!

Нина. Куда они пошли?

Жан. На берег.

Нина. Опять? Я так устала. Почему Никон Васильевич не в духе?

(Вера осматривает стол, накрытый для ужина.)

Жан. Всё ваша сестра виновата.

Нина (оглядываясь). Неужели он серьёзно увлекается ею? Это было бы ужасно.

Жан. Да, не очень весело. А вот вы рискуете проворонить кусок.

Нина. Фу, как грубо! Что с вами?

Жан. Я, Нина Аркадьевна, – циник! Уверяю вас. И я – огорчён! Чёрт бы взял водопроводчика и супругу его, – вот что я говорю! Если случится...

Нина (тревожно). Вы думаете, что у него серьёзно, да?

Жан. Последняя женщина, – вот что я думаю! А вы...

Нина. Пожалуйста, оставьте меня в покое! Что за тон у вас?

Жан. Я сказал – я циник, и – кончено!

Нина. Но – как же Ладыгин?

Жан. Уж не знаю как. Это меня не интересует... Нисколько!

Нина. Так откройте ему глаза.

Жан. Не угодно ли вам взять на себя это приятное дельце?

Нина. И возьму!

Жан. И возьмите!

Нина. Жанчик, вы знаете, как я отношусь к вам, – вы не должны допускать...

Жан. Эх, что там! Если б моя воля, я завтра же подстроил бы ей такую пакость, что – слоны ахнут!

Нина. Я говорю вам – вы не должны.

Жан. Оставьте. Знаю я, что должен и чего не должен. Воспитывать человека чуть не тридцать лет, а тут вдруг является герцогиня из Чухломы... и – пожалуйста!

Верочка (глядя к морю). Дядя Жан, ужин готов.

Жан. Прекрасно. Идёмте, позовём их.

(Верочка садится на скамью за кустами. Идут Ольга и Ладыгин.)

Ладыгин. Я не понимаю этого.

Ольга. Чего вы не понимаете?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ладыгин. Я вас люблю, я страстно желаю вас, а вы капризничаете.

Ольга (смеясь). Вы называете это – каприз, и только.

Ладыгин. Ну да, а – как же? Уверяю вас, что я вообще очень нравлюсь женщинам, – они меня любят, а тут вдруг...

Ольга. А вы умеете любить, да?

Ладыгин. Господи, – какой странный вопрос. Я не мальчишка, не старик.

Ольга (смеётся). Вы очень просто понимаете любовь, удивительно просто!

Ладыгин. Я же не... этот, не... как это?

Ольга. Не – кто?

Ладыгин. Ну, вы знаете! Я забыл слово... имя.

Ольга. Робинзон Крузо?

Ладыгин. Нет, – при чём тут Робинзон Крузо, если дело идёт о женщине. Другое.

Ольга. Вильгельм Телль?

Ладыгин. Это – сказка. Ну – всё равно.

Ольга. Гамлет? Ловелас?

Ладыгин. Я – честный человек, а Ловелас, кажется, был негодяй.

Ольга. Кто же?

Ладыгин. Вы смеётесь надо мной – за что? За то, что я вас искренно люблю. Поверьте, я люблю вас не как других любил, – честное слово.

Ольга. Бросьте это. Ваша любовь – на две недели скучных будних дней – не более. В вашей любви не будет праздника...

Ладыгин. Ну, уж извините! Вы не можете знать...

Ольга. Вы – почти дитя, хотя и красивый мужчина. Вы очень – извините! – сильное животное, но мало человек, очень мало!

Ладыгин. Человек – прежде всего – физика... (Дел[ает] поп[ытку] об[нять] её.)

Ольга. Ну, это грубо, и я больше не стану говорить с вами. (Почти с тоской.) Как скучно здесь! Хоть бы кто-нибудь пел, хотя бы немножко музыки... Все живут, точно во сне...

Ладыгин. Вот – идут все эти! Ольга Борисовна, дайте мне возможность поговорить с вами после ужина... Умоляю вас!

Ольга. Я подумаю.

Ладыгин. Умоляю.

Ольга. Тише!

Букеев (пристально смотр[ит] на Ольгу). Хорошо сейчас один рыбак сказал: «Ежели, говорит, всё от ума делать, так это тоже глупость будет!» Вы согласны?

Ольга. Не знаю, право.

Ладыгин. Я – совершенно согласен. Не люблю умных людей.

Букеев. Вам не холодно?

Ладыгин. У меня дядя математикой занимается и всё о теории вероятностей говорит, – нестерпимо скучно.

Букеев. Даме холодно – скажите, чтоб ей принесли плед или шаль.

Ольга. Платок у меня в комнате, Дуняша знает. (Ладыгин, недов[ольный], уходит, насвистывая.)

Букеев. Надоел он вам?

Ольга. Почему?

(Букеев молча целует ей руку.)

Ольга. Что это значит?

Букеев. Так. Это не обижает вас, надеюсь.

Ольга. Нет. Но – удивляет.

Букеев. Не удивляйтесь. У меня душа наполнена чувством благодарности к вам.

Ольга. За что?

Букеев. За то, что вы есть, вот такая неотразимо властная, такая красавица, за то, что я имею счастье знать вас. (Торопливо и тяжело бормочет.) Благодарю вас...

(Ольга смотрит на него.)

Букеев (усмехаясь). Там, на берегу, вы стояли, задумчивая такая, в сторонке от всех, и уж не знаю почему – но очень тронуло меня это.

Ольга. Что именно?

Букеев. Да вот – что в стороне от людей... вы стоите.

Ольга. Вы ошибаетесь, если думаете, что я избегаю людей. Особенно я люблю весёлых людей.

Букеев. Жаль, что я не умею быть весёлым!

Ольга. Что же вам мешает?

Букеев. Да так... не знаю что...

Ольга. Вы богатый, независимый человек.

Букеев. Независ[имых] людей нет, я думаю.

Ольга. Вот как? Почему?

Букеев. Ну... например: если чего-нибудь хочешь, так уж зависишь от предмета своих желаний.

Ольга. Желайте возможного.

Букеев. Всё кажется возможным, а полное счастье недостижимо.

Ольга. Удовлетворитесь неполным.

Букеев. Обидно. Человек жаден.

(Ладыгин нес[ёт] шаль, за ним Жан.)

Жан. Давно пора ужинать.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ладыгин. Да! Пора. Извольте.

Ольга. Спасибо.

Жан. Но все разбрелись, а Яков Сергеич на ступ[еньках] террасы рассказывает Верочке, Нине Аркадьевне о каких-то чудесах науки, – не рассказ, а мёд и перец! Удивительный муж у вас, Ольга Борисовна! Его даже камни могут слушать.

Ладыгин. Был такой проповедник, который тоже... «Аминь, – ему грянули камни в ответ».

Жан. Это было в хрестоматии.

Ладыгин. Не знаю, может быть. Позвольте, хрестоматия – это сборник стихов, книга?

Жан. То – книга, а то – остров в Тихом океане.

Ладыгин. Никогда не слышал. Будемте ужинать, а?

Букеев. Жан – зови! (Пред[лагая] Ольге руку.) Позволите?

Ольга. Спасибо.

Ладыгин. «Аминь! – ему грянули камни в ответ». Это очень хорошо сказано. А вообще я не люблю стихов, – ужасно трудно читать их! Запятые не на месте, и слова переставлены нелепо. А вам, Ольга Борисовна, нравятся стихи?

Ольга. Хорошие – да. (Вз[дохнув].) Как хочется музыки послушать!

Букеев. Можно послать в город, там есть старичок один.

Ольга. Нет, не беспокойте старичка. Ваша племянница – не играет?

Букеев. Верочка? Не знаю... Она у меня недавно живёт, ещё года нет...

Ольга. Сирота?

Букеев. Да. Сестра моя умерла, Вера осталась с вотчимом, а он такой авантюрист, гуляка...

Ладыгин. Вот авантюристов я люблю, интересные люди!

Жан. Прошу за стол!

(Идут нина, Верочка, Богомолв.)

Богомолв. Каждый из нас чувствует себя творцом или рабом некой «истины», и каждый стремится укрепить её в жизни, – вбить свой гвоздь в мозг ближнего. Это глубоко отвратит[ельное] стремление...

Букеев. Ваш супруг неутомим.

Ладыгин. Какая-то думающая машина.

Ольга (оглядываясь на него). Вы очень откровенны.

Букеев. Н-да...

Ладыгин. Виноват! Это я нечаянно сказал...

Ольга. Яков!

Богомолв. Да?

Ольга. Сядь рядом со мной.

Богомолв. Прекрасно!

Жан. Усаживайтесь, синьоры!

III действие

Комната первого действия. Пасмурный вечер. Сквозь стёкла террасы видно, как под ветром качаются тополя. В углу налево Богомолов и Верочка играют в шахматы. За большим столом Ладыгин раскладывает пасьянс. В фонаре на тахте полулежит Ольга с книгой.

Верочка. Так я возьму у вас коня.

Богомолов. А я – так!

Верочка. И так возьму.

Богомолов. Да? Гм... Что же мне делать?

Верочка. Вы сегодня играете очень рассеянно...

Ладыгин. Рассеянность – признак влюбленности.

(Ольга смотрит на него через книгу.)

Верочка. Шах королеве.

Богомолов. Уже? Что такое? Действительно, я играю, как телёнок.

Ладыгин. Сравненьице не лестное, но...

Ольга. О чём вы гадаете?

Ладыгин. Конечно, о том, любит ли она меня.

Ольга. Она – купчиха?

Ладыгин. Почему?

Ольга. Мне так кажется.

Ладыгин. Вы сегодня злая. (Смотрит на часы.)

Ольга. Я не бываю доброй.

Верочка. Вы проиграли. Шах королю... Видите.

Богомолов. Вижу. Странно.

Ладыгин. Ужасно медленно тянется этот день...

Богомолов (встал). Вот надпись для часов:

Мы временем владеть не можем,
Минуты счастья не умножим,
Но если день наполнен горем,
Работой ход часов ускорим.
Верочка. Это чьё?

Богомолов. Моё. Сам сочинил.

Ольга. Когда?

Богомолов. Не помню.

Ольга. Я впервые слышу.

Верочка. Вы пишете стихи?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Богомолов. Писал. И всё почему-то грустные. Потом – стало стыдно – бросил.

Верочка. Чего же стыдно?

Богомолов. Не умею сказать. Так как-то, знаете... взрослый человек, с бородой, гидротехник и вдруг – пишет стихи! Да ещё лирические.

Ладыгин. Да, это – нелепо! Борода и стихи...

Верочка. Очень многие поэты носили бороды...

Ольга (ир[онически]). Да – что вы?

Ладыгин. Вообще борода – нелепость... (Мешает карты.) Когда дяди Жана нет дома – здесь скучно, как в монастыре.

(Верочка, собрав шахматы, уходит на террасу.)

Ольга. Вы очень любезны.

Ладыгин. Я – откровенен. Не умею кривить душой.

Богомолов (Ольге). Он – прав. Здесь скучно. По-моему, источником скуки является владыка здешних мест, – в нём неиссякаемый запас эдакой каменной скуки.

Ольга. Ты сплетничаешь.

Богомолов. Что это за книга?

Ольга (смотрит на титул). Поль Адан.

Богомолов (целует руку её). Пойду, схожу на работы.

Ольга. Скоро вернешься?

Богомолов. Скоро... Утром эти звери опять сломали бур... И кто-то украл ремни.
[(Уходит.)]

Ладыгин (оглянувшись, не видит Верочку, прошёл в фонарь, садится на тахту, обнимает Ольгу). Пойдём к тебе.

Ольга. Нельзя.

Ладыгин. Почему? Пойдём!

Ольга. Перестаньте! Я не хочу...

Ладыгин. Как ты меня мучаешь, это ужас, ты невероятно капризна. Ну, поцелуй меня крепко...

Ольга. Здесь не место.

Ладыгин. Тогда – пойдём к тебе.

Ольга. Я же сказала...

Ладыгин. Но, чёрт возьми... Вы издеваетесь надо мной, что ли?... Я не могу так... Если я люблю, то – надо меня любить. Ты так ласкова с мужем, – это неприятно волнует меня.

Ольга. Неужели?

Ладыгин. Конечно! Надо, моя милая, ясно знать, на какую лошадь ставишь, как говорят англичане.

Ольга. Это они в подобных случаях так говорят?

(Верочка идёт с террасы.)

Ольга (усмех[аясь]). Вы – удивительный! Не думала я, что существуют такие упрощённые люди.

Ладыгин (обнимает её). Во всех случаях!

(Верочка, садясь у стола, двиг[ает] стул, открыв[ает] ящик.)

Ладыгин (вскочил на ноги, выглянул и, смущённо улыбаясь, идёт на террасу, говоря). Ах, вы здесь?..

(Ольга встаёт, выходит в комнату, молча смотрит на Веру, та встала и тоже смотрит в лицо Ольге. Немая сцена.)

Ольга. Вы хотите сказать мне что-то?

Верочка. Нет.

Ольга (после паузы). Но, может быть, скажете?

Верочка. Нет. (Идёт к двери налево.)

Ольга. Желаете остаться немым судьёй?

Верочка (горячо). Я ничего не желаю.. я никого не хочу осуждать...

Ольга (иронически). Благодарю вас!

Верочка. Но – разве это любовь?

Ольга. Ага, всё-таки вы заговорили...

(Верочка быстро уходит.)

Ольга (постояв несколько секунд, закрывает лицо руками, потом бормочет). Боже мой – что я делаю?.. Боже мой...

Жан [(входит).] Вот мы и приехали! Вы одна здесь, божественная? (Садится.) Устал! Никон зол, точно голодный волк. Ветер. В городе пылица. Что с вами, богиня? А? Вы бледненькая и опрокинутая – что такое?

Ольга. Ничего. Нервы. Пойду, отдохну.

Жан (прот[ягивает] руку). Минуточку, минутку. Позвольте мне ещё раз побеседовать с вами.

Ольга. Бесполезно.

Жан. Милости прошу, а не жертвы! Присядьте.

Ольга. Благодарю вас. (Ходит.)

Жан. Ольга Борисовна! Я – циник!

Ольга. Кажется, вы недавно называли себя романтиком?

Жан. Обмолвился. Нет, я – циник! Я смотрю на вещи просто: вы – красавица и заслуживаете божеских почестей. Вам необходимо вставить себя в раму, достойную вашей красоты. Жить с водолеем...

Ольга. Я прошу вас...

Жан. Нисколько не хочу обижать Якова Сергеича. Но я вижу, что вы ему не нужны, – ему вообще ничего и никого не нужно. Это человек преждевременный, отвлечённейший мечтатель, поэт и тому подобное. Да здравствует! Но – при чём здесь вы? Не понимаю!

Ольга. И что же дальше?

Жан. Дальше – Никон.

Ольга. Вы знаете, как называется ваша профессия?

Жан. Знаю – приживал, паразит.

Ольга. Нет, хуже.

Жан. Знаю – сводник.

Ольга. И – всё-таки?

Жан. И всё-таки! Я циник, но я по-своему люблю Никона и желаю ему счастья. Счастье – это вы. Всё – вам, всё – для вас. Жизнь – ну, жизнь пустяки, но – состояние – это уже не пустяки, а около шести миллионов! Ольга Борисовна, – дело стоит так: лично мне невыгодно, чтоб эта комбинация осуществилась, ибо я знаю, войдя в дом Никона, вы меня – фюить.

Ольга. Извините, но мне кажется, что вы или пьяны, или с ума сходите!

Жан. Да – почему? Речь идёт о деле, и повторяю вам – невыгодном для меня. Но в дружбе я – рыцарь, да-с, рыцарь, не менее того... Ольга Борисовна, пред вами – всё, сзади вас – одни словесные бубенчики и пустота!

Ольга. Не смейте говорить так.

Жан (струхнул). Не буду. Не стану. Фу... Ведь экая вы... женщина! Понять нельзя какая. Но – клянусь! – действительная женщина.

Ольга. Послушайте... это Букеев просил вас говорить со мной?

Жан. Ни-ни! Ничего похожего! Я – сам, за свой страх из чувства рыцарской дружбы, ей-богу! Знаю, что есть риск получить пощёчину, но – иду на вы!

Ольга. Что вы за люди все? Вы, Букеев, Ладыгин? Не понимаю.

Жан. И не надо, не понимайте! Мы сами ни черта не понимаем, ей-богу. Живём вплоть до смерти, а для чего? Необъяснимо. (Серьёзно.) Послушайте, Никон несчастный парень. Он только однажды искренно любил, но возлюбленная оказалась с премией – у неё был туберкулёз, и она умерла в Давосе. Он – хороший парень... А что касается Нины Аркадьевны, то это не более как шутка, знаете, от скуки... Ну, например, один купец московский, говорят, слонёнка у себя в комнате держал. Ах, да что там! Ольга Борисовна, подумайте... Я ухожу, – топают на лестнице... Ольга Борисовна, – прошу вас! Это очень серьёзно!

(Входит с террасы Нина.)

Нина. Какой прот[ивный] ветер! (Огляд[ывает] их.) Вы – ссорились?

Жан. Мы?

Нина. У вас такой взъерошенный вид.

Жан. Это – вдохновение посетило меня. Я расск[азал] Ольге Борисовне историю, дrrrr-аму, которую видел в синематографе.

(Ольга уходит к себе.)

Нина. В чём дело?

Жан. А что?

Нина. Отчего она такая?

Жан. Mamочка, я ей сейчас наговорил столько, что – знаете – удивительно, как она на ногах, устояла! Разоблачил, так сказать! И о Ладыгине и – вообще! Говорю – лучше вы, сударыня, того – цюрюк, цюрюк! То есть – пожалуйста назад.

Нина. Врёте!

Жан. Я? Когда это?

Нина. Всегда! Вы меня надуть хотите, сударь!

Жан. Господи! Я – вас?

Нина. Смотрите, друг мой! Я вашу дипломатию понимаю...

Жан. Ах, как вы несправедливы ко мне!

Нина. Я насквозь вижу вас.

Жан. Гм!

Нина. Да, да! Вы из тех, кто всегда идёт за победителем...

Жан. Таковы все люди...

Нина. Но – ещё неизвестно, кто здесь победит...

(Верочка входит с ключами.)

Жан. Там покупки из города привезены, будьте любезны принять. Никон просит к ужину оленью ногу...

Верочка. Хорошо.

Нина. А где Никон Васильевич?

Верочка. У себя.

Жан (уходя). Какой сегодня нервный день!

Нина. Верочка!

Верочка. Да?

Нина. Присядьте на минуту. Я хочу спросить вас – вы ничего не замечаете?

(Верочка молчит, играя ключами.)

Нина (нак[лонясь] к ней). Не правда ли, эта Ольга Борисовна охотится за Никоном Васильевичем?

Верочка (удивлённо). Нет!

Нина (взволнованно]). Однако – это так. Вы – девушка, человек неопытный, вам непонятны наши женские хитрости.

Верочка. Да... я ничего не понимаю...

Нина. Но вы должны понять, что эта авантюристка угрожает вашим интересам...

Верочка. Мне? Моим интересам?

Нина. Да, конечно! Ведь если она вотрётся в доверие Никона Васильевича, заберёт его в руки... тогда ваше будущее...

Верочка. Какое мне дело до этого?

Нина. Но – как же? Вы девушка, вам нужно выйти замуж, для этого необходимо приданое...

Верочка. Нина Аркадьевна, мне ничего не нужно. Мне нужно уйти отсюда... Вы

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
говорите, кто-то за кем-то охотится. Здесь все охотятся друг за другом, а –
жизни нет.

Нина. Вы, конечно, понимаете, что я говорю вполне бескорыстно...

Верочка. Только Яков Сергеич – один он...

Нина. Ах, он глуп.

Верочка. Нет, неправда! Он – слепой, потому что честный.

Нина. Поверьте мне, это – дурак и болтун.

Верочка (возмущённо). Это прекр[асный] человек.

Нина. Вы увлекаетесь им, – да?

Верочка. Да!

Нина. О, боже мой! Но, милая моя, это смешно!

Верочка. Пусть будет смешно...

Букеев (входит). Что – смешно?

(Верочка поспешно уходит.)

Букеев. Что такое? Чего она убежала?

(Жан на террасе прячется за дверь.)

Нина. Я с ней беседовала о Якове Сергеиче.

Букеев. Да. Ну, так что же?

Нина. Мне кажется, она увлекается немножко...

Букеев (кивая на дверь Богомолова). Им?

Нина. Да.

Букеев. Гм... (Задумался.) А – он?

Нина. Что?

Букеев. Он тоже увлекается Верой?

Нина. Вам это интересно?

Букеев. Нет... но...

Нина. Но?

Букеев. Всё-таки – племянница, родственница...

Нина. Это ли интересуется вас?

Букеев. А что ж ещё?

Нина. Может быть, нечто другое? Или – некто другой?

Букеев. Ну... кто – другой?

Жан (с террасы, озабоченно). Вы не видели учёного, а?

Букеев. Нет.

Жан. В какую щель земли провалился он?

Нина (подозр[ительно]). Зачем вам его?

Жан. Там пришли с работ.

Нина. Вы где были сейчас?

Жан. Я? Везде! Ника, надо бы, дорогой мой, решить вопрос о плотине для пруда и о барражах в овраг, а? Наш водопроводчик очень беспокоится...

Нина. Вы будете говорить о делах?

Жан. Немножко.

Нина. Тогда я уйду...

Букеев. Чего же тут решать? Пусть строит.

Жан (дождавшись ухода Нины). Вовремя я пришёл?

Букеев. Что?

Жан. Она, кажется, начинала кислый разговор?

Букеев. Похоже. Скучная женщина. Да, так пускай строит... что ж...

Жан. Ничего не нужно строить, – к чему тебе вся эта канитель с водой, если ты решил продать имение? Ведь у тебя цель – удержать здесь его жену, и только для этого затеял ты орошение и всю чепуху?

Букеев. Ну, не совсем для этого. С водой за имение дороже дадут.

Жан. На кой тебе чёрт – деньги!

Букеев. Денег мне не нужно, это верно.

Жан. Вот видишь! Уговаривайся с нею и махай за границу...

Букеев (расхаживая). С ней так нельзя... нельзя, брат!

Жан. Отчего? Почему?

Букеев. Ты не понимаешь. Я, брат, серьёзно влюбился... кажется...

Жан. Когда ж ты влюблялся несерьёзно?

Букеев. Ты сам говорил, что последняя женщина – как сороковой медведь...

Жан. Мало ли что я говорю! А ты – не верь. Я, брат, не хуже водопроводчика могу говорить на все темы, потому что я человек вдохновенный и фантастический. Водопроводчик говорит, что жизнь есть непрерывное движение и все мы несчастны, потому что не чувствуем этого, а всё стараемся остановить движение, уцепившись за что-нибудь, укрепив себя...

Букеев (задумчиво). Опоздал я укрепиться.

Жан (не слушая его). Это он верно говорит. Пускай всё движется, дело и мысли. Я не знаю, что сделаю завтра, но сегодня я хочу хорошо пожить...

(Ладыгин и Богомоллов с террасы.)

Ладыгин. Ну и ветер!

Жан. Стремление, движение...

Богомоллов (с досадой). Дядя Жан, когда же привезут бетонные трубы?

Жан. Едут трубы!

Богомолов. Послушайте, – это не годится! Мы тратим бесполезно такую массу времени и денег... Никон Васильевич, – вы бы распорядились поостроже.

Букеев (кивая на Жана). Это вот всё он...

Богомолов. За два месяца с лишком мы ничего не сделали... Если на днях не будет труб, я должен буду прекр[атить] бурение...

Жан. Беспок[ойный] вы человек, Яков Сергеич!

Богомолов. Да вы поймите – скоро пойдёт вода.

Жан. И прекрасно.

Богомолов. Вы шутите?

Букеев. Ты бы, Жан, того... в самом деле...

Ладыгин. Хорошо бы чаю выпить!

Жан. Сейчас распоряджусь...

Богомолов (смеясь – Букееву). Если смотреть со стороны, так вся эта затея – чужое дело для вас...

Букеев. Н-да... Чужое дело? Вот вы, батенька, обо всём думаете... и говорите... А вот – скажите мне: что значит – моя жизнь? То есть не моя, Букеева, жизнь, а вообще когда человек, – вы, например, – говорите: моя жизнь!

Богомолов. Позвольте – не понимаю.

Букеев (слегка раздражаясь). Ну – как не понять? Я говорю: моя жизнь, а – что в ней моё? Вот у меня имущество, о нём заботиться надо, а мне – лень. Или – племянница – о ней тоже надо заботиться, а я не умею... (Раздр[ажённо].) Вообще – что в моей жизни – моё? Ничего нет, кроме забот!

Ладыгин (смеётся). Курьёз! Да вы раздайте имение нищим...

Букеев. Я говорю серьёзно!

Ладыгин. И я тоже.

Букеев (Богомолову). Ну-с? Как же?

Богомолов. Вы сегодня дурно настроены. А вот когда эта огромная ваша земля будет орошена, когда везде вокруг насадят сады, парки, возникнет образцовый курорт, первый в России, и когда весной всё зацветёт, заиграет на солнце, появятся в аллеях и около куртин цветов женщины, дети, – тогда вы скажете: это мною сделано...

Букеев. И – только? Ну-у... Это будет через двадцать пять лет. А я хочу сейчас чего-нибудь... для себя, для одного себя, вот этого, такого вот.

Ладыгин. Очень верно! Что вы скажете, философ?

Богомолов. Ничего не скажу. Но – если вы серьёзно говорите, – это несчастье.

Букеев. То-то вот и есть, что серьёзно.

Богомолов (убежд[ённо]). Тогда – вы несчастный человек. Для счастья необходимо чувствовать радость труда, творчества...

Букеев. Мужик трудится всю жизнь, а радости – не видать в нём.

Богомолов. Потому что его труд изнурителен, подневолен и ничтожен по результатам. Он съедает всю свою работу, и это не даёт ему возможности чувствовать себя исторической личностью, человеком, украшающим землю для

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru радостей будущего.

Букеев. Радости будущего! Какое мне дело до них?

Ладыгин. Совершенно верно! Мы люди сегодняшнего дня, и – только!

Букеев (упрямо встр[яхивает] головой). Нет, батенька, ваша философия – не для всех. Вот бог – для всех. Но в бога мы не верим... то есть не то что не верим, а забываем о нём. И получается у нас не жизнь, а так себе что-то... И лучше не философствовать...

Ладыгин. Да. Это никого не приводит к добру. У меня был роман с курсисткой, она тоже занималась спортом, но – такая странная! – ужасно любила рассуждать.

Богомолов (смеясь). Как вы рассказываете!

Ладыгин. Это – правда, уверяю вас! Бывало, в самые неподходящие моменты она вдруг спрашивает: «А почему ты меня любишь?» Я говорю ей: «Потому что ты женщина...»

Букеев. Да. Конечно. (Усмех[ается].)

Ладыгин. Но ей этого мало: «Есть, говорит, много женщин и мужчин, но почему ты любишь меня, а я – тебя?» и так далее! Ужас! Я потерпел эту философию месяца три и написал ей: «Прощай, Ирочка! В любви не философствуют, а кто занимается этим, тот – глуп!» Страшно обиделась!

Богомолов (хохочет]). Да – неужели?

Ладыгин. Уверяю вас! Книжки ужасно портят их...

Букеев (усмех[аясь]). Простой ты человек, Борис, очень я люблю тебя за это. В Харькове был жеребец – Гамилькар, кажется, – двести тысяч за него заплатили. Издох. Он, я думаю, был похож на тебя...

Ладыгин. Ну, брат, – сравнил!

(Богомолов смеётся.)

Ладыгин (вдруг). Я считаю ваш смех неуместным.

Богомолов. Почему же?

Ладыгин. Так. Мне он не нравится.

Богомолов. Очень жаль, но иначе смеяться я не могу.

Ладыгин. Я прошу вас не смеяться.

Богомолов. Никогда?

Ладыгин. Прошу...

Букеев. Полно, Борис! Ты с ума сошёл...

Ладыгин. Нет, позволь...

Ольга (являясь в двери комнаты). Что за крик?

Букеев. Спорят.

Ольга. Яков! Ты споришь?

Богомолов. Нет.

Ольга (Букееву). Вы?

Букеев. Вот он...

Ольга. С кем же?

Богомолов. Сам с собой, очевидно.

Ольга. Не понимаю.

Ладыгин. Видите ли, я...

Ольга. Да?

Ладыгин. Я не допускаю, когда надо мной издеваются. (Вст[аёт], ух[одит].)

Ольга (нахм[урилась], удив[лённо]). Что такое?

Богомолов. Никон Васильевич сравнил его с жеребцом.

Букеев. Ну... не стоит говорить об этом. Я его сейчас успокою... Чудак тоже... [(Уходит.)]

Ольга. Что было здесь?

Богомолов. Да – ничего! Я говорю: Букеев уподобил его жеребцу, это было так неожиданно, я засмеялся, а он рассердился на меня и заговорил со мной эдаким, знаешь, дуэльным тоном...

Ольга (под[авляя] тревогу). И – только?

Богомолов. И только!

Ольга. Он такой спокойный.

Богомолов. Как бык.

Ольга (после паузы). Яков, мне нужно поговорить с тобой сегодня.

Богомолов. Чудесно. Поговорим.

Ольга (глад[ит] его волосы). Ты свободен вечером?

Богомолов. Да я весь день свободен. Здесь не работают. Вообще, здесь... странно! Я думаю, и ты тоже чувствуешь это. Тебе неудобно здесь?

Ольга. Нет, ничего. Хотя... я, может быть, уеду...

Богомолов. Что стесняет тебя, скажи?

Ольга. А как ты думаешь?

Богомолов. Букеев?

Ольга. Почему?

Богомолов. Он смотрит на тебя, как жаждущий на источник свежей воды... Какой неуклюжий человек, какой ненужный. Богат, богатство – сила, а в его руках оно – ничто! Ничего не делает, ничего не любит. И даже, кажется, себя не умеет любить.

Дуняша [(входит)]. Пожалуйте к чаю...

Ольга. Мне не хочется идти туда...

Богомолов. Попроси, чтобы тебе принесли.

Ольга. А ты идёшь?

Богомолов. Хочешь – останусь с тобой...

Ольга. Дуняша, – принесите нам сюда.

Дуняша. Слушаю...

Богомолов. Вот и поговорим, – да? Давно я не беседовал с тобой...

Ольга. Да. Ты не очень ищешь этого.

Богомолов. Здесь не хочется серьёзно говорить, – честное слово. Это – шуточная жизнь, её делает дядя Жан, шутник. (Остановился.) Знаешь, что нужно, Ольга? Нужно, чтоб люди поняли, как они одиноки во вселенной, – только тогда их воля устремится к познанию друг друга и свяжет их единым чувством близости. Только сознавая трагизм бытия, глубоко чувствуя его тайны, мы все обернёмся друг к другу, ибо тогда нам станет понятно, что для человека нет и не может быть ничего ближе и дороже человека. Человек делает бессмертными мёртвые вещи, может быть, он со временем...

Ольга. Господи! Как ты прав, когда сказал, что здесь, в этом доме, не место серьёзной мысли.

Богомолов. Мы поставлены в мире так оскорбительно, так иронично, что нам надо отвернуться от этой иронии.

Ольга. Кто понимает её?

(Дуняша вносит поднос с чаем.)

Ольга. Люди – неразумны.

Богомолов. О, это неправда!

Ольга. Ты слеп, люди – неразумны.

Богомолов. Это так кажется, потому что разум каждого обращён на самого себя и мелкое, а не – в мир и на великое его...

Ольга. Во мне живёт неразумная сила. Я хочу бунтовать. Мне трудно. Мне всегда чего-то не хватает. Я не могу, не умею жить...

Богомолов. Странно ты говоришь, Ольга, это ново для меня.

Ольга. Разве ты меня знаешь? Ты – тоже непонятен мне. Ты вызываешь у меня желание спорить с тобой, не соглашаться. Я хочу стащить тебя на землю, чтоб ты был ближе ко мне... ах, я не знаю, чего хочу!

Богомолов (смотрит на неё). Может быть, ты...

Ольга. Влюбилась, да? Это ты хотел спросить, да? Нет, я не влюблена, но... слушай, Яков, я изменила тебе.

Богомолов. Нет. Не верю...

Ольга. Да.

Богомолов. Здесь?

Ольга. Это всё равно...

Богомолов. Наверное – не здесь...

Ольга. Почему?

Богомолов. Ну – с кем же здесь? (Ходит, опускает голову.)

Ольга. Что ты молчишь?

(Богомолов взглянул на неё молча.)

Ольга. Говори же...

Богомоллов (тихо). Что же я скажу тебе, друг мой, что? Я не знаю, что сказать.

Ольга. Разве тебе не больно?

Богомоллов (пож[имая] плеч[ами]). Ты хочешь, чтоб я кричал? (Трёт лоб.) Как, должно быть, это неудобно и противно – отдаваться двоим... наверное, один из них возбуждает брезгливость...

Ольга (почти кричит). Что ты говоришь?

Богомоллов. Тебе неприятно? Извини... с тобой я привык говорить обо всём, что думаю. И вот, неожиданно, я вспомнил жалобы проституток.

Ольга (вскочив). Противный головастик, у тебя нет души, у тебя только мозг, бессердечное насекомое...

Богомоллов. Что ты? Друг мой, – что ты...

Ольга. Уйди прочь!

Богомоллов. Неужели ты думаешь, что я хотел оскорбить тебя? Пойми, что это невозможно. Я столько пережил с тобой хорошего, я так благодарен тебе за это, и – ведь я тебя люблю! За что ты сердишься? (С улыбкой.) Это я должен сердиться, – ведь ты изменила мне, если это не выдумка!

Ольга. Нет! Это правда! (В отчаянии.) Боже мой, я ничего не понимаю!

Богомоллов. Ну, хорошо, это правда, ты изменила мне, коварная женщина.

Ольга. Как ты можешь шутить, как ты смеешь?

Богомоллов. Успокойся, Ольга, не кричи... В чём дело?

Ольга. Но – разве это не оскорбляет тебя?

Богомоллов. Не будем говорить обо мне... (Под[ошёл], положил руку на плечо ей.)

Ольга, – ведь это не серьёзно, да? Ведь если бы ты полюбила кого-то... ты вела бы себя иначе? не так ли? Забудем же об этом, Ольга, если это ошибка...

Ольга. А если это моя месть тебе?

Богомоллов. За что?

Ольга. За то, что ты далеко от меня...

Богомоллов. И ты решила уйти ещё дальше? Нет, – я думаю – это не так. Я ведь знаю – ты меня любишь, я это чувствую.

Ольга. Как трудно с тобой! Ты точно издеваешься.

Богомоллов. Ольга, я понимаю, что быть красивой женщиной – это иногда большое несчастье. Она – сокровище, отовсюду к ней тянутся завистливые, жадные и часто грязные руки, все хотят обладать ею... я понимаю, как легко потерять себя в этой ядовитой атмосфере вождлений.

Ольга (в тоске). Кто говорит со мной? Человек, имеющий право любить меня, умная книга или какая-то непонятная мне идея? Я с ума сойду!

Богомоллов. Послушай же, дитя моё! Ведь я не виню тебя ни в чём...

Ольга. Обвини! Оскорби!

Богомоллов. Не будем говорить глупостей... Ты ошибаешься, думая, что я не страдаю. Нет, по-своему – я оскорблён, – не тобой, а – пошлостью события, прости меня – случилось пошлое. Это не страшно, но мучительно, именно потому, что пошло...

Ольга. О, боже мой...

Богомолов. Ты знаешь – я люблю любить, люблю самое чувство любви и умею любоваться им, – ты это знаешь. Помнишь?

Ольга. Да. Это было...

Богомолов. Это всегда со мной. На всю жизнь женщина – ты – останешься для меня владычицей мира, существом, от которого все племена и народы, силой, побеждающей смерть и уничтожение. Тебя ради возникло на земле всё прекрасное, от тебя вся поэзия жизни, всё для тебя – преступления и подвиги, – всё! Любовью к тебе насыщена жизнь, и пусть теперь формы любви несовершенны, грубы, но – настанет время, когда это лучшее чувство наше насытится религиозным сознанием и мы будем любить, обожая друг друга...

Ольга (сквозь зубы). Проклятый сказочник...

Богомолов. Если на земле возможно счастье, оно настанет тогда, когда мы поймём величие женщины.

Ольга. Живёт в тебе какой-то тихий дьявол... Я не знаю – можно верить твоим словам?

Богомолов. Надо верить, Ольга! Из всех иллюзий жизни вера самая лучшая.

Ольга. Всегда, за всем, что ты говоришь, я чувствую глубоко скрытую иронию. Во что ты веришь?

Богомолов. В тебя. Верь и ты в своё назначение – одарять мир любовью, лаской, счастьем... Что есть лучше этого? Что?

Ольга. Я не знаю.

Богомолов. Мы все очень бедные люди, друг мой, и нам необходимо делиться друг с другом всем, что мы имеем... (Обнимает её.) Ну, ты успокоилась немножко?

Ольга. Да. Ты заговорил меня... Ты точно с ребёнком говоришь со мной.

Богомолов. Я тебя люблю...

Ольга. Я чувствую, что тебе жалко меня... О, господи! Где же любовь?

Богомолов. Перестань!

Ольга. Почему, почему ты не спросишь, зачем я сделала это?

Богомолов. Если хочешь – скажи.

Ольга. А тебе – безразлично?

Богомолов. Не могу же я просить тебя – покайся!

Ольга. Если б ты любил...

Богомолов. Ну, хорошо, – я сам стану рассказывать о тебе. Ты хотела попробовать, не разбудит ли любовник страсть мужа, да?

Ольга. Если бы так?

Богомолов. Ну, – тогда это поступок отчаяния, который вызван моей небрежностью к тебе.

Ольга. Знаешь – ты... тебя все считают наивным человеком...

Богомолов. Проще говоря – дураком. Милая, давай прекратим это... Ведь ты не Верочка, которая так любит психологические разговоры...

Ольга. И с которой ты кокетничаешь... Она тебе нравится?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Богомолов. Мне все люди интересны, но я люблю только одного человека – тебя. Может быть, я непонятно люблю, но – лучше не умею... Вот я с наслаждением смотрю, как ты внутренне растёшь, и не хочу мешать росту самого прек[расного] на земле, что я знаю. Мы помирились?

(Ольга молча смотрит на него.)

Богомолов. Да?

Ольга (обнимая). Ты умеешь успокоить душу... да, ты умеешь это... Но – твоя любовь? Нет, я не чувствую её... не чувствую!

Богомолов. Что же мне делать? Побить тебя, как бьют мужики баб... хочешь? (Крепко об[нимает] её.)

[IV действие]

Та же комната. Поздний вечер. В фонаре горит лампа, над столом – люстра. Верочка в углу за столом пишет. Нина в кресле, Ладыгин ходит, хмурый.

Нина. Я вхожу, а у них нежная сцена. Ах, извините!

Ладыгин. Целов[аться] в проходной комнате, это – пошлость!

Нина. Он нисколько не смутился, представьте!

Ладыгин. Дурак... А она?

Нина. Что?

Ладыгин. Она – смутилась?

Нина. У неё было счастливое лицо.

Ладыгин. Не понимаю.

Нина. Чего же не понимать? Когда женщину ласкает любимый человек, она счастлива.

Ладыгин. Гм... Предоставьте мне судить об этом...

Нина. То есть? Что вы хотите сказать?

Ладыгин. Ничего.

Нина (Верочке). Ах, Веруня, я забыла, что вы здесь... Вы так тихо скрипите, точно мышка. Вам неприятен этот разговор?

Верочка. Почему? Мне безразлично.

Нина. Вы ведь немножко увлекаетесь Богомоловым.

Верочка. Вы уверены в этом?

Нина. Ах, деточка, это так заметно.

Ладыгин. Я, например, ничего не замечал.

Нина. То – вы, а то мы, женщины. Мы искреннее мужчин и всегда сразу выдаём себя...

(Ладыгин вынул револьвер из кармана, играет им.)

Нина. Ай, что это у вас! Спрячьте, спрячьте, – видеть не могу...

Ладыгин. В нём один патрон...

Нина. Всё равно! Я вас прошу...

Ладыгин. Извольте! Но это очень смешно...

Нина. Пускай будет смешно! Я не вы[но]шу этих глупых вещей. Вот так на моих глазах один кадет, дальний родственник мой, играл револьвером, да в ладонь себе – бац!

Ладыгин. В ладонь? Это надо уметь!

Нина. В ладонь левой руки! У него потом пальцы не сгибались от этого. Вы знаете, Борис, сегодня утром я имела курьёзную беседу с Богомоловым. Я сказала ему, что он очень интересный и я скоро, кажется, влюблюсь в него.

Ладыгин. Есть во что!

Нина. Вы слушайте! Он почти испугался, во всяком случае был очень смущён и вдруг говорит м[не], что совершенно не способен на роль любовника.

Ладыгин (усм[ехаясь]). Так и сказал?

Нина. Ну да.

Ладыгин. Вот болван.

Нина. И вслед за тем начал хвалить вас.

Ладыгин. Меня? Он?

Нина. И как ещё! Вы и простой, несложный человек, у вас честное лицо...

Ладыгин (хохочет). Нет – серьёзно? Честное лицо – а?

Нина. Как странно вы смеетесь.

Ладыгин. Нет... знаете... это – трюк! Я – несложный... чёрт его возьми!

Жан (вход[ит]). Как приятно – здесь смеются! Вера Павловна, – вас просит Никон.

[(Верочка уходит.)]

Жан. Вы знаете – сегодня у нас будет музыка, приедет из города этот... ну, известный, как его?

Нина. Затея Ольги Борисовны, конечно?

Жан. Не могу знать...

Нина. Ну, вы-то знаете...

Ладыгин. Дядя Жан, – я сегодня стрелял по бутылкам на пятьдесят шагов и попал из семнадцати тринадцать раз.

Жан. Поздравляю. Хоть в цирк! (Садится.)

(Дуняша входит, что-то говорит Нине.)

Нина. Хорошо, идите, я сейчас. Господа, Никон Васильевич просит валериановых капель.

Ладыгин (хохочет). Он?

Жан. Вероятно, для Веры.

Нина (уходя). Ну, конечно, для неё.

Жан. Н-да-а. Начинаем плакать.

Ладыгин. Глупости. Надо переменить мысли, как говорят французы.

Жан. Это водопроводчик вызывает слёзы.

Ладыгин. Удивляюсь, как его терпит Букеев.

Жан. На то есть своя причина.

Ладыгин. Ольга?

Жан. Что это вы так фамильярно?

Ладыгин. Моё дело.

Жан. Неужели можно поздравить, а?

(Ладыгин молча усмехается.)

Жан. Вот как. Значит, иногда и спорт полезен.

Ладыгин. Спорт, батенька, всегда полезен, этим вы не шутите.

(Никон вх[одит] хмурый, молча оглядывается.)

Жан. Кого ищешь?

Букеев. Никого не ищу. (Кивая на дверь Богомолова.) Он дома?

Жан. Гулять ушёл.

Ладыгин. С женой?

Жан. Да. В саду сидят, вероятно.

(Ладыгин идёт на террасу, смотрит в сад.)

Букеев (глядя вслед Ладыгину). Вера нервничает.

Жан. Что с ней?

Букеев. Замуж пора.

Жан. Н и н а Аркадьевна говорит...

Букеев. Знаю, что она говорит... Я, брат, тоже, кажется, уеду куда-нибудь...

Жан. А как же Ольга Борисовна?

Букеев. Так же. С ней ничего не выйдет.

Жан. Да ты сначала попробуй. Вот Ладыгин – он не дремлет! Сейчас похвастался мне успехом у неё...

Комментарии

Последние

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества «Знание» за 1908 год», книга двадцать вторая, СПб. 1908, и одновременно отдельной книгой в издательстве И.П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания).

Выход «Последних» отметил летом 1908 года В.И. Ленин в письме к М.А. Ульяновой (см. В.И. Ленин, Письма к родным, Партиздат, 1934, стр. 318).

Над пьесой «Последние» М. Горький работал в 1907–1908 годах. Первоначально пьеса называлась «ОТЕЦ». В сентябре 1907 года в письме к И.П. Ладыжникову М. Горький, извещая его о том, что послал ему пьесу, просил узнать, возможна ли её постановка в берлинских театрах, так как в России она не может быть представлена на сцене из-за цензурных препятствий. Но уже в октябре 1907 года М. Горький писал И.П. Ладыжникову: «Неудача с «Отцом» меня не огорчает, ибо сам знаю, попытка неважная. Оставьте эту вещь под спудом, едва ли я когда-либо возвращусь к ней» (Архив А.М. Горького).

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Однако к работе над пьесой М. Горький вернулся в ноябре 1907 года. Тогда же из Рима он писал И.П. Ладыжникову, что, возможно, вышлет ему пьесу «Отец» после того, как исправит её (Архив А.М. Горького).

М. Горький закончил работу над пьесой, получившей в окончательной редакции название «Последние», весной 1908 года. В апреле 1908 года М. Горький сообщил К.П. Пятницкому, что посылает ему пьесу «Последние» (Архив А.М. Горького).

В «Сборнике товарищества «Знание» пьеса появилась с цензурными изъятиями. Было изъято следующее место:

«Соколова. Он, конечно, революционер, как все честные люди в России...

Софья (повторяет, ударяя на слове «честные»). Как все честные люди?

Соколова. Да. Вам это кажется неправдой?

Софья (не сразу). Я не знаю».

К представлению на сцене пьеса была запрещена Главным управлением по делам печати. В Архиве А.М. Горького хранится цензорский экземпляр с резолюцией: «К представлению признано неудобным. СПб. 10 июня 1908 г.».

Начиная с 1923 года, пьеса включалась во все собрания сочинений.

После 1933 года М. Горький заново отредактировал пьесу по печатному тексту десятого тома собрания сочинений (ГИХЛ, М.–Л. 1933). До настоящего издания эта правка М. Горького ни в одной публикации не была учтена.

Печатается по тексту десятого тома собрания сочинений 1933 года, отредактированному автором (Архив А.М. Горького).

Чудаки

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества «Знание» за 1910 год», книга тридцать вторая, СПб. 1910, и одновременно отдельной книгой в издательстве И.П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания) с подзаголовками: «Комедия» (на обложке) «Сцены» (на титульном листе).

Пьеса создавалась М. Горьким весной–летом 1910 года и была закончена не позднее августа: дата цензурного разрешения к представлению на сцене – 2 сентября 1910 года.

После 1933 года М. Горький внёс несколько исправлений в печатный текст десятого тома собрания сочинений (ГИХЛ, М.–Л. 1933).

Начиная с 1923 года, пьеса «Чудаки» включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту десятого тома собрания сочинений 1933 года, отредактированному автором и сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Дети

Впервые напечатано в журнале «Современный мир», 1910, номер 9, сентябрь, под заглавием «Встреча», с подзаголовком «Пьеса», и одновременно отдельной книгой под названием «Дети», с подзаголовком «Комедия в одном действии», в издательстве И.П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания).

Пьеса написана М. Горьким не позднее лета 1910 года.

В ноябре 1910 года М. Горький писал М.М. Коцюбинскому: «Посылаю Вам на память «Встречу» – может, читая, улыбнётесь разок» (Архив А.М. Горького).

Начиная с 1923 года, пьеса включалась во все собрания сочинений.

Печатается по машинописному тексту, подготовленному автором в 1910 году для издательства И.П. Ладыжникова (Архив А.М. Горького).

Васса Железнова (Мать)

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Впервые напечатано в «Сборнике товарищества «Знание» за 1910 год», книга тридцать третья, СПб. 1910, с подзаголовком «Сцены», и одновременно отдельной книгой с подзаголовками «Мать», «Сцены» в издательстве И.П. Ладъжникова, Берлин (без обозначения года издания).

Пьеса написана М. Горьким не позднее осени 1910 года: в конце августа – начале сентября 1910 года М. Горький писал одному из редакторов журнала «Современник»: «Написал пьесу о матери» (Архив А.М. Горького).

После 1933 года М. Горький вновь отредактировал пьесу по печатному тексту десятого тома собрания сочинений (ГИХЛ, М.–Л. 1933), а в 1935 году написал новый, так называемый «второй» вариант её.

Первый вариант пьесы «Васса Железнова» включался во все собрания сочинений.

Печатается по тексту десятого тома собрания сочинения 1933 года, отредактированному автором (Архив А.М. Горького).

Фальшивая монета

Впервые напечатано отдельной книгой в издательстве «Книга», 1927, с указанием на шмуцтителе: «Написана в 1913 году».

Первая редакция пьесы относится к середине 1913 года. Сохранившиеся в архиве писателя многочисленные рукописи свидетельствуют о длительной и упорной работе М. Горького над пьесой.

В 1926 году, перед посылкой пьесы И.П.Ладъжникову в Берлин для издания, М. Горький вновь отредактировал её. Экземпляр пьесы был передан также представителю берлинских театральных предприятий, который попросил М. Горького написать к пьесе пролог, раскрывающий её «символическое» значение. Кроме того, он просил автора разъяснить некоторые места пьесы и ответить, в связи с этим, на несколько вопросов. М. Горький, не считавший пьесу символической, отказался написать пролог, но дал следующие ответы на поставленные вопросы:

«Стогов – агент уголовной полиции, он явился в город искать фальшивомонетчиков. Вполне естественно, что он находит Бобову, приёмщицу краденого, известную полиции. Стогов – порядочный человек, но в прошлом у него что-то тёмное, скорее – ошибка, чем преступление. Полина говорит о нём: «Был кассиром на вокзале», значит, возможны просчёт или потеря денег, объяснённые как растрата. Он способен к работе более почтенной, но утратил надежду найти такую работу. К себе относится равнодушно, как человек, уже проигравший лучшее своё; своё полицейское дело – не любит. На людей смотрит презрительно, считая себя наказанным ими выше его вины. При случае не прочь отомстить за это. Ознакомясь через Бобову с трудной жизнью Полины, он её жалеет, готов помочь ей, но Наташа своей живостью и душевным здоровьем быстро изменяет его отношение к Полине. С Наташей он говорит искренно, однако не питая никаких надежд, что она ему поможет жить.

Лузгин – душевнобольной, этим всё сказано. Однако это не делает его фигурой драматической в первых двух актах: он – комичен, но без шаржа, разумеется. Себя, в зеркале, он видит врагом своим, существом, которое испортило ему жизнь. Была в его прошлом драма, в которой потерпел его сын. И, очевидно, сыграла губительную роль женщина. В его крик: «Где сын?» вставьте «мой». «Ты съела сына моего? Это ты оторвала его от меня? Ты или нет? И будешь ты царицей мир-ра». Эта фраза из оперы «Демон» – из арии Демона Тамаре – лейтмотив его болезни. Он – частный поверенный по делам, действительно ищет наследников к выморочному имуществу, – имущество это воплощается для него в фальшивой монете. Но можно думать, что имущество, которое некому унаследовать, это: честь, совесть и т. д.

Клавдии – 25–28 лет. Её замечание о фальшивой монете вполне понятно: фальшивую монету делают в этом городе.

Зеркала нет в первом акте. Лузгин видит его во втором. Но, конечно, можно повесить его и в первом. Предложите режиссёру найти место для сценки, которую я прилагаю.

Почему повивальная бабка, т. е. акушерка, – «проклятая»? Да просто Стогову захотелось обругать её.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Кемской не впервые приносит Наташе уток. Он их покупает, но говорит, что сам застрелил. В третьем акте Бобова говорит об этом.

Конец первого акта должен оставить впечатление комическое.

«Наша жизнь полна чудес» – фраза из глупейших кафешантанных куплетов: «Наша жизнь полна чудес, Всё то, что красиво, Всё то, что фальшиво, Нам дарит весёлый бес, Да, да – весёлый бес – Верный друг всех повес» и т. д.

Из слов Клавдии о кинематографе выкиньте «вчера».

Смысл пьесы можно найти в словах Стогова, Вами подчёркнутых.

Отношение Полины к Стогову вначале – отношение женщины, оскорблённой им и не верящей ему, затем – у неё является надежда, что, может быть, Стогов серьёзно хочет помочь ей. Но он уже не видит её из-за Наташи, чувствует, что Наташа искренно заинтересована им, и – боится этого.

Очень важна сцена между Полиной и Наташей в начале третьего акта, тут Полина ясно видит, что ей надеяться не на что.

Кемской искренно, почти до слёз, огорчён тем, что Наташа не дала ему торжественно объявить себя её отцом.

В огорчении Ефимова своим безличием допустимы даже нотки драматизма. Это, на мой взгляд, роль для очень серьёзного комика.

Яковлев, мне кажется, достаточно ясен. В 3-м акте, когда он плачет, он может тронуть сердце.

Также, я думаю, понятны Глинкин, Бобова, Дуня.

Полагаю, что темп игры не должен быть медленным и что в пьесе следует подчеркнуть элементы комедийные»

(Архив А.М. Горького).

Пьеса включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту издания «Книга», с исправлениями по рукописи (Архив А.М. Горького)

Зыковы. Сцены

Впервые напечатано в 1913 или 1914 году отдельной книгой в издательстве И.П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания); в России до Октябрьской революции было опубликовано только первое действие пьесы в журнале «Современник», 1915, № 1, январь.

Пьеса написана, как явствует из переписки М. Горького с И.П. Ладыжниковым, не позднее лета 1913 года. Дата цензурного разрешения пьесы к представлению на сцене – 30 октября 1913 года.

Начиная с 1923 года, пьеса включалась во все собрания сочинений; печаталась по тексту издания И.П. Ладыжникова.

После опубликования «Зыковых» издательством И.П. Ладыжникова М. Горький вновь отредактировал текст пьесы.

Печатается по тексту машинописной копии, заново отредактированному автором и сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

Старик

Впервые напечатано отдельной книгой в издательстве И.П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания; повидимому, не позднее 1921 года).

Пьеса «Старик», как указывал М. Горький, написана в 1915 году. Впервые поставлена 1 января 1919 года на сцене Государственного Академического Малого театра.

Как показывают машинописные копии с авторской правкой (Архив А.М. Горького) и режиссёрский экземпляр пьесы, хранящийся в музее Малого театра и датированный 23 октября 1918 года, первопечатный текст «Старика» в издании И.П. Ладыжникова воспроизводит первоначальную редакцию пьесы. По этому тексту пьеса печаталась позднее в собраниях сочинений М. Горького. Однако этот текст не является последним авторизованным текстом пьесы «Старик». В 1922 году «Старик» был опубликован в новой редакции в «Петербургском альманахе», Петербург-Берлин, 1922, книга первая. Но и эта редакция не была последней. В Архиве А.М. Горького хранится экземпляр отдельного издания пьесы в издании И.П. Ладыжникова, содержащий очень существенную авторскую правку и три авторских рукописных дополнения (одно – к третьему и два – к четвёртому действиям). В этой последней редакции пьеса была напечатана одним из нью-йоркских издательств на английском языке в 1924 году под названием «Судья».

Пьеса «Старик» тесно связана с опубликованными в 1913 году публицистическими статьями М. Горького «О карамазовщине» и «Еще о «карамазовщине». В предисловии к указанному американскому изданию пьесы М. Горький писал: «В пьесе «Старик» я старался указать, как отвратителен человек, влюблённый в своё страдание, считающий, что оно даёт ему право мести за всё то, что ему пришлось перенести. Но если человек убеждён в том, что страдание даёт ему право считать себя исключительной личностью и мстить другим за свои несчастья, – такой человек, по моему мнению, не принадлежит к людям, заслуживающим уважения других. Вам это будет понятно, если вы представите себе человека, поджигающего дома и города только по той причине, что ему холодно!» (Архив А.М. Горького.)

Сохранилась следующая авторская характеристика действующих лиц пьесы:

«Мастаков – лет 40–45; светловолосый, бородатый, типичное лицо хорошего русского мужика. Непокорная совесть вызывает у него неуверенность речи, осторожность движений. Но когда возбуждается – в сцене со Стариком – страшен. Однако – ненадолго. В общем – добрый, мягкий человек.

Павел – лет 20–22. Лицо туповатое. Самолюбив, зол, глуп. Двигается тяжело, неловко.

Татьяна – 17–19 лет. Милое, наивное лицо, одета просто и красиво. Избалована, капризна.

Захарова – лет 60. Бодрая старуха, к людям – равнодушна, но любит дом, в котором живёт, хозяйство, этим и объясняется её забота о людях.

Степаныч – лет 50. Тупой, равнодушный человек.

Софья – 30–35 лет. Энергична, насмешлива, самоуверенна. Красива. Любит покровительственно относиться ко всем, как старшая.

Харитонов – лет 45–50. Живой, подвижный человечек с острой бородкой, с наклоном к юмору и клоунаде, эксцентричен, говорит бойко. В общем неудачник и жуликоват.

Яков – лет 25. Слащаво красив, глуповат. Одет, как приказчик модного магазина, – щёголь дурного тона.

Каменщик – старый человек, о чём-то задумавшийся, о важном, может быть – о цели жизни, о боге. Живёт, как во сне.

Старик – лет 60–65. Одет в полумонашеское платье, – и длинный подрясник. Лицо злое, взгляд исподлобья. Движения гибкие, змеиные. Притворяется сутулым, но вдруг – выпрямится и страшен в ненависти к людям. Считает себя пострадавшим невинно и любит заставить людей страдать, любит мучить их. В этом – всё наслаждение его жизни. Мастер, художник страдания. В минуты возбуждения отвратителен и страшен, как всякий садист. В конце пьесы его поражает неудача мести, он чувствует себя проигравшим последнюю игру и боится, как бы полиция не привлекла его к делу о самоубийстве. В сцене с Софьей он сначала испугался, но быстро понял, что Софья не страшна, ибо неспособна отнестись к нему, как к вредному насекомому, не сможет раздавить.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Девица – тупое, животное лицо с неподвижными глазами. Жадна, чувственна, глупа.
Держится почти неподвижно и мёртвыми глазами щупает все вещи, всех людей.»

(Архив А.М. Горького).

Начиная с 1923 года, пьеса «Старик» включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту отдельного издания И.П.Ладыжникова с правкой и рукописными дополнениями автора (Архив А.М. Горького).

[Яков Богомолов]

Впервые напечатано в книге «Архив А.М. Горького», том II, Пьесы и сценарии, Гослитиздат, М. 1941.

Время работы М. Горького над пьесой неизвестно. Пьеса написана по старой орфографии с употреблением твёрдого знака, следовательно, не позднее 1917 года. На основании ряда косвенных данных рукопись предположительно датируется началом 1910-х годов.

Пьеса не была закончена М. Горьким; рукопись её содержит три действия и начало четвёртого.

Название пьесы дано редакцией по имени главного действующего лица, поставленного автором первым в списке действующих лиц.

Сохранившаяся рукопись – черновая. По-видимому, она является первым наброском пьесы: значительное количество слов написано не полностью, имена действующих лиц обозначены, как правило, начальными буквами, иногда первыми слогами фамилии.

В публикуемом тексте слова, написанные в рукописи сокращённо, даны полностью без особых обозначений. В случаях, когда сокращения допускали различное толкование, недописанные М. Горьким части слов взяты в квадратные скобки.

Редакцией исправлены в тексте без оговорок ошибочные наименования действующих лиц, добавлены пропущенные автором обозначения действующих лиц перед репликами, а также несколько ремарок, сообщающих о появлении или уходе действующих лиц; добавленные ремарки взяты в квадратные скобки.

В Архиве А.М. Горького сохранился написанный на отдельном листке набросок к пьесе:

«Жан помногу пил и ел,

Только это и умел.

Он так вкусно ел да пил,

Что до смерти счастлив был.

Есть такая песенка: Борис Иванович, это не про вас поётся?

Ладыгин. Очень рад, если про меня».

Сохранился также вариант перечня действующих лиц, очевидно, более ранний, чем основная рукопись.

Пьеса печатается по рукописи (Архив А. М. Горького).

Примечания

1
мой дорогой дядюшка – Ред.

2
Хорошо... (франц.) – Ред.

3

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
извините, (франц.) – Ред.

4
церемонии, (франц.) – Ред.

5
честное слово (франц.) – Ред.

6
Здравствуй, папа (франц.) – Ред.

7
отец и сын (франц.) – Ред.

8
Le reletier (франц.) – скорняк – Ред.

9
Увы (франц.) – Ред.

10
добрый день (франц.) – Ред.

11
вечер (франц.) – Ред.

12
Да! как это грустно! (искаж. франц.) – Ред.

13
Вы очень любезны. Я очень люблю военных. Я очень довольна (искаж. франц.) – Ред.

14
Я тоже очень устала... извините! (франц.) – Ред.

15
Я... (франц.) – Ред.

16
я очень люблю природу... (франц.) – Ред.

17
и цветы... (франц.) – Ред.

18
с удовольствием, (франц.) – Ред.

19
готово (нем.) – Ред.

20

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы 1908–1915. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Говорите ли вы по-немецки? (нем.) – Ред.

21
Ну конечно! Разумеется! (нем.) – Ред.

22
rigolotto – рогоносец (итал.) – Ред.

23
корчага – большой глиняный горшок или чугунок, чугунок, развалистее горшка. Т. е.
крестили дома, не в церкви, по обычаям староверов – Ред.

24
дядя (франц. oncle) – Ред.

25
здесь фонарь – выступ в здании на весу, башенка с окнами, привешенная к стене –
Ред.

26 сорт российского коньяка из одноимённого сорта винограда, произрастающего в
Грузии – Ред.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!